

Георгий Разумов

Где-то за околицей...

Рассказы. Стихи.

Хабаровск
2017 г.

ББК 84

Л-81

К-88

Разумов Г.Л. Где-то за околицей... Рассказы. Стихи. – Хабаровск: ООО «Хабаровское предприятие «Центр упаковки и печати»», 2017 г. – 504 с.

ISBN 976-4-78758-7

16+ в соответствии с ФЗ 436

© Георгий Разумов, 2017

Георгий Разумов – военный пенсионер. За годы жизни встречался с разными людьми, был участником многих событий. О пережитом, с присущим ему юмором и откровенностью, автор повествует в своих рассказах и стихах.

ISBN 976-4-78758-7

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

В незнакомом лесу, чтобы не потеряться, люди оставляют на деревьях затеси или другие метки. На болоте, через которое в детстве ходили за клюквой, мы связывали в пучок верхушки осоки или багульника, чтобы потом не потерять безопасную тропинку. Эти отметины были своеобразными узелками на память.

Другое дело человек. Он помнит свою жизнь по наиболее ярким событиям и эпизодам – смешным, трагическим, поучительным, обидным. Они, как репей, если вцепились в память, душу – не отдерешь. И странная вещь – память человеческая, стоит только потянуть за ниточку и клубочек сразу начинает разматываться, а события, казалось, напрочь стершиеся, возникают вновь перед глазами столь ясно, как будто это было только вчера.

Вот что значила для меня очередная книга Георгия Разумова «Где-то за околицей». Не скрою, до этого она была очередным белым пятном на карте моего литературного мира. Теперь же с удовольствием закрасил его цветными карандашами.

В сборник включен большой цикл рассказов и стихи разных лет. Чем они примечательны? А тем, что в них нет плохих персонажей и скучных сцен, нет сумеречного настроения. Там главенствует напряженность чувств и чисто человеческая доброта по отношению к людям. Именно поэтому в, частности, обусловлена манера доверительного разговора автора с читателями, родственниками, друзьями, которым есть, что сказать.

В рассказах и стихах автора все дышит любовью и только любовью. Без фарисейства, занудства и морализаторства. Утверждаешься в мысли, у нас в лирической прозе и поэзии появился еще один взволнованный голос.

Нынче многие прозаики и поэты увлеклись написанием детективных повестей и романов. В этом добились неплохих успехов. Особенно женщины – писательницы. Но за всеми этими детективными хитросплетениями обычно остается пустота. Совсем иначе у Георгия Разумова. Творчество у него - многоплановое. За увлекательным сюжетом обычно таятся интересные культурные и философские рассуждения. Прочность этого фундамента тем ощутимее, чем стремительнее развивается сюжет. Так могучий океан удерживает на гребне волны того, кто умело скользит по ней на легкой доске. И тогда любовь вырастает до Любви с большой буквы, преображая героев, раскрывая высоту и глубину их образов. И в это же время боковым зрением ощущаешь выверенный ритм повествования, продуманность формы, органичность эпитетов, характеризующих героев.

По прочтении книги Георгия Разумова «Где-то за околицей» в душе остается не только светлое и возвышенное чувство, но и мысль о том, правильно ли живем?

Уверен, издание придется по душе и тем, кто познает жизнь не по картинкам на телеэкране и газетным публикациям, а любит русскую глубинку, ценит родное слово и образы, созданные писателем. А он напоминает нам, что мир не только черное и белое, а весь спектр красок, наглядно проявляющийся в радуге. Она всегда встает после гроз, которые очищают воздух.

Николай Кабушкин,
член Союза писателей России.

ОТ АВТОРА

В предлагаемой книге читатель найдет незамысловатые рассказы о нашей жизни, о людях, с которыми автора свела судьба. Большинство моих героев уже нет в живых, но уверен, что во многих из них читатель, может быть, узнает тех, с кем его свела жизнь, с кем он сегодня живет рядом, ибо все мы – жители одной большой и любимой страны, все родом из детства, проведенного в этой стране, все дышим одним воздухом, воздухом России.

Стихи. Они у меня разные. Есть лирика, есть стихи авторской позиции, есть философского характера. Четверостишия, которые я назвал Капельками – попытки кратко и емко сказать о том, что нас сегодня волнует. Рубайи – как им и положено, о вечном, о сути вещей, о месте человека в природе и обществе. Хокку – попытки выразить чувства в словах.

Пользуясь случаем, хочу выразить большую благодарность своим друзьям, хабаровчанам – Василию Ивановичу Тарасенко и Владимиру Пантелеевичу Карташову. Их помощь в подготовке и издании этой книги неоценима.

Искренне надеюсь, что книга найдет своего читателя и будет встречена им благосклонно.

Автор.

Р А С К А З Ы .

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Вечереет. Сиж у окна, смотрю во двор. Там хлещет дождь. Окошко открыто, хорошо слышно, как капли дождя смачно шлепают по стенам, лужам, листве, мягко грохочут по крышам. Почти темно, хотя до заката еще далековато. Вижу слева пустую детскую дворовую хоккейную коробку, на которой еще десять минут назад быстроногие пацаны с увлечением гоняли футбольный мяч, и которые мухой сквозанули по подъездам быстрее стрижей при первых раскатах грома и каплях дождя. Справа - опустевшая детская площадка с песочницами, грибами, качельками и лавочками для бабушек и мамаш. Эти самые бабушки-мамаши, недавно еще сидевшие и точившие лясы на скамеечках, с квохтаниями и причитаниями тоже разбежались от дождя, унося с собой своих драгоценных пестунов. Дождь шпарит, во дворе пусто.

Давеча ходил я к нотариусу, хотел было справить кое-какие бумаги, но не тут-то было. Бюрократическая машинка жужжит, депутаты не зря кушают свой белый хлеб, каждодневно штампуют все новые бюрократические законы, призванные облегчать жизнь. Они и облегчают, но не нам, а депутатам и чиновникам. Дело мое, однако не выгорело потребовались еще какие-то бумаги и я отправился домой.

Возвращаясь, я снова прошел мимо него. По привычке открыл, заглянул - пусто!

Вот уже сорок шесть лет я каждый день по несколько раз прохожу мимо него. Автоматически, по многолетней привычке, открываю его, смотрю на пустоту, замыкаю, захожу домой. С невеселым чувством. Много лет

мой почтовый ящик практически пуст. Изредка забросит в него почтальон извещение о какой-нибудь посылке из интернет-магазина, нет-нет, да некий активист-агитатор вбросит рекламные буклеты или полу-бульварного типа газетенки разных организаций, громко именующих себя политическими партиями. Время от времени своим вниманием балуют меня посланцы свидетелей Иеговы и других божественных сект, несущих слово божье в темные массы. Раньше, когда была дача, я всю эту макулатуру добросовестно отвозил туда, и применял для растопки печки. Надо сказать, и божье, и политическое слово горели хорошо, давали и свет и жар, дрова с ними разгорались гораздо веселее. Теперь дачи нет, приходится лишний раз ходить к мусоросборнику.

А раньше, помню, практически каждый день я доставал из него письма, по три, пять, иногда даже шесть штук чуть ли не каждый день. И каждый же день писал по столько же ответов, отправляя их в разные концы нашей необъятной страны. Письма ко мне летели из Средней Азии, из Центральной России, Поволжья, Северо-Запада и Запада. Писали родители, братья и сестры, многочисленные друзья и учителя. Школьные и институтские. Активно и аккуратно я всем отвечал. Тогда это был практически единственный полноценный способ обмениваться мыслями и чувствами.

Потом поток писем начал постепенно редеть. Отпали, замолчали некоторые друзья по институту, дружба которых не выдержала проверку временем. Кое-кому я пытался несколько раз напомнить о себе - безрезультатно. Затем перестали приходить письма от отца - его не стало. Иссяк тоненький поток писем, приходивших из Риги. Их писал мне по-немецки, красивым готическим стилем мой институтский преподаватель. Письма пере-

стали приходить, а затем мне сообщили о его кончине. Постепенно стали пропадать со связи учителя. Наступил час, когда пришло последнее письмо от матери. Время безжалостно и равнодушно забирало всех.

Наконец, пришел черед исчезновению писем от родственников, братьев, друзей. Тех, настоящих, которые были на связи несколько десятилетий. Пришел день, когда я получил последнее письмо от последнего, остававшегося в живых друга. Жил он под Петербургом, на Карельском перешейке. С тех пор писем в мой ящик никто не шлет. И я сам тоже их не шлю - некому и некуда. Если кто-то еще и остался - теперь время интернета, сотовой связи и культура рукописного обмена мнениями канула в лету. Нашему поколению выпало быть свидетелем кончины великой эпохи. Эпохи рукописного письма. Вместе с последним таким письмом навсегда ушло и таинство передачи мыслей и чувств бумаге.

Все время, пока эти письма приходили, я их аккуратно подшивал и складывал. Отдельно, в свою папочку от каждого адресата. Теперь у меня есть архив, целый отсек в моем книжном шкафу. Время от времени, я вынимаю какую-нибудь из них, и перечитываю, с головой окунаясь в атмосферу тех лет, отношений и новостей.

Пока я писал эти строки, дождик постепенно закончился, где-то на западе даже чуточку показалась голубая краска неба. Уже почти темно, но вездесущие детки и их мамы опять выползли из своих квартир и шустрят что-то там на своей детской площадке. Я сижу и не включаю свет, дописываю при тусклом освещении экрана компьютера. Пишу и думаю о своем почтовом ящике: он тоже, как и я, осиротел, никто уже не тревожит его покой многочисленными письмами, и только я по привычке каждый день открываю и закрываю его. Иногда мне кажется,

что он грустно подмигивает мне в ответ, когда я безнадежно пытаюсь найти неожиданное письмо. Полковнику никто не пишет.

SCHICKSAI - СУДЬБА.

Он был моим другом. Да-да, мы дружили, хотя он годился мне в отцы, он даже был старше моего отца. Тем не менее, наша дружба - это факт, о котором знали многие. Познакомились мы в 63 году, как раз в те дни, когда Валентина Терешкова улетела в космос. Мне было 18 лет, а ему 58. Получается, он был старше меня на целых сорок лет. Я звал его, в зависимости от того, на каком языке мы говорили, или дядя Яша, или Onkel Jakob. Он был высок ростом, строен, но как большинство высоких людей, немного сутулился. Лицо продолговатое, с крупными чертами, с большим носом и резко очерченной линией рта. Подбородок слегка выдавался вперед, придавая лицу несколько суровое выражение, которое, впрочем, сглаживалось весёлыми молодыми глазами. Жил он в аккуратном белого цвета домике финского типа, крытым красной черепицей. Во дворе имелся гараж, в котором стояла всегда исправная, но уже выдавшая виды «Победа». Надо сказать, что по тем небогатым временам людей с личным автомобилем в поселке было раз-два и обчелся. По этой причине многие люди, имея нужду в транспортных услугах, часто к нему обращались за помощью, и дядя Яша никогда и никому не отказывал. В поселке его знали все, и относились к нему хорошо, как к уважаемому человеку. Работал он в поселковом клубе в качестве завхоза, плотника, слесаря и так далее, и так далее. Руки у него были золотые, и он умел делать любую работу. Там-то в клубе,

я с ним и познакомился.

Тогда я только что приехал в Караганду со своей родины, с Волги. Многое мне, человеку из российской глубинки, было в диковинку. Удивительно было, например, что здесь очень много немцев. Для меня это был ранее неизвестный факт, что в СССР их так много. Разумеется, я помнил, что до войны возле Саратова была Немецкая автономная республика, которую аннулировали в военные годы, но вот куда из нее делись немцы - этот факт или вопрос как-то прошел мимо моего сознания. Тогда я усиленно занимался немецким языком и очень обрадовался, что тут много людей, с которыми можно поговорить на этом языке. Однако, радость моя была преждевременной: все они говорили на таком немецком, который я практически не понимал.

Впрочем, я отвлекся. Как я уже сказал, что познакомилась мы в клубе. Я туда временно устроился баянистом. Это и стало основной причиной нашего знакомства. Оказалось, что дядя Яша, как его звали все, играет на аккордеоне - вот и повод для разговора. Слово за слово и постепенно мы втянулись в общение. По-русски он говорил с сильным акцентом, «оглушая» практически все звонкие согласные.

- Кеоркий - говорил он, бывало, мне - сыкрай мне, пошалуйста, мусыка тля песня про Степан Расин, мне она отшень нравится.

Тем не менее, запас слов его был нисколько не меньше, чем у любого русского и говорил он совершенно свободно.

Поскольку работали мы в одном учреждении, возможностей пообщаться с дядей Яшей у меня было достаточно, и я старался их использовать максимально. Постепенно мы сблизились, я стал ходить к нему в гости

домой, когда он меня приглашал. У него дома мы музицировали, пели русские и немецкие песни, которых он знал великое множество. Кроме того, мой герой был просто нафарширован, если мне позволят так выразиться, множеством всевозможных историй, шуток, прибауток и поучительных притч.

Короче говоря, все семь лет жизни в Караганде я постоянно общался с моим старшим другом; наше общение с ним продолжилось и после того, как я покинул этот гостеприимный город и поселился на Дальнем Востоке. Практически каждый год я приезжал в Караганду в отпуск и обязательно не раз и не два навещал моего старого доброго друга.

Каждый раз, когда мы встречались, он мне рассказывал обязательно одну из своих историй, которых, как я уже говорил, в его бездонной памяти роилось великое множество.

Постепенно я из этих рассказов уже довольно хорошо изучил его прошлую жизнь. Сама по себе мне она показалась невероятной и удивительной, да так, что, пожалуй, подобного примера в истории нашей страны в известных мне пределах больше и не найти.

Для того, чтобы ее пересказать полностью, мне пришлось бы писать довольно большую повесть, что при моих скромных литературных способностях и возможностях представляется мне весьма проблематичным, поэтому я ограничусь самыми главными вехами в его жизни.

Родился мой герой в 1908 году в одном из немецких фольварков близ Одессы. Там и жил всю жизнь до начала войны. К этой поре он успел жениться, выучиться отменному владению профессией автомеханика, и был в родном поселке уважаемым человеком и работником. Так получилось, что дядя Яша дружил с районным военко-

мом, и когда началась война, уж не знаю, каким образом, но военком сделал так, что моего друга призвали в Красную армию и направили на фронт в качестве специалиста по ремонту автотракторной техники. Это первый удивительный факт: немцев-мужчин в армию практически не призывали, а большинство немецкого населения СССР собрали в так называемую Трудовую армию и сослали кого на Урал, кого в Казахстан, Сибирь, Киргизию, и даже на Дальний восток попала большая группа на Ургальское угольное месторождение. Редкие немцы попали в армию, в их числе был и мой друг.

Кажется, в сорок втором году, в одном из тяжелых боев дядя Яша был сильно контужен, и попал в плен вместе с довольно большой командой военнослужащих. Во временном лагере для военнопленных, когда из них формировали команды на отправку в Германию, дядя Яша сказал, что он по профессии автомеханик. Это решило его судьбу совсем неожиданным образом. Немецкий майор, командир той части, куда попал мой герой, оставил его при части на некоторое время, чтобы использовать на ремонте немецкой автотехники. Сыграли роль два фактора, во-первых - специалист, во-вторых в совершенстве знает язык.

Так дядя Яша стал работать автослесарем на немцев. Время шло, мой герой уже беспокоился, куда, и как, и когда его пошлют в Германию, но никто его никуда не отправлял. Каждый вечер запирали в какую-то каморку для арестантов, каждое утро отправляли на работу. Как все немцы, дядя Яша был аккуратный и хороший работник, что было отмечено его непосредственными начальниками. Кроме того, в свободное время он рассказывал немцам-солдатам веселые истории, анекдоты, играл на аккордеоне и пел песни, короче, стал своим среди немец-

ких воинов, что в принципе было неудивительно: менталитет-то немецкий. Время шло, и однажды моего героя вызвал к себе тот самый майор. Поговорили, майор высказался в том духе, что он доволен Якобом Конрадом, и что если, дескать, Якоб не против, то он походатайствует перед командованием о том, чтобы сделать нашего героя военным служащим Вермахта, так как уже нет возможности так долго держать его в качестве военнопленного при воинской части, и придется отправлять в Германию. Дядя Яша подумав, согласился, так как надеялся, что в качестве свободного военным служащего ему будет легче убежать, и вернуться назад, к нашим. Однако легко сказать, да трудно сделать. Хотя он и стал военным, но ему не особо доверяли, видимо, так как по большей части его отправляли в тыл, в разные воинские части для оказания помощи в ремонте техники.

Время шло, война близилась к концу, а случая убежать ему так и не представилось. Но однажды, когда они уже отступили в Польшу, случилось так, что части Красной армии каким-то образом зашли с тыла, создавалась некоторая неразбериха, и мой герой сообразил, что есть возможность бежать. Якоб Конрад, солдат Вермахта, пользуясь тем, что всегда имел доступ к грузовым и прочим автомобилям, угнал грузовик, и рванул напропалую по дороге через линию фронта. В неразберихе ему некоторое время удавалось как-то не очень броситься в глаза солдатам-немцам, а когда те сообразили, что происходит, он был уже довольно далеко, Высунув из окна предусмотрительно сделанный белый флаг, он, бросая машину из стороны в сторону, все-таки сумел попасть к нашим. Собираясь бежать, он загодя переоделся в фуфайку без погон и в рваные брюки рабочего комбинезона. В таком виде он и предстал перед нашими воинами.

Конечно, как и положено, его долго допрашивали, пытались подловить на путанице в показаниях, но он упорно держался своей линии: он воин Красной армии, был в плену, в плен попал тогда-то, и там-т. Воевал в такой-то части, его командиры и сослуживцы - всех помнил по именам. Проверка показала, что он говорит правду. Однако он утаил, что стал военнослужащим, он так и держался версии, что был простым военнопленным работником.

Кончено, никто его уже в армию назад не взял, а отправили нашего героя, как и всех остальных немцев, в Трудовую армию. Таким образом, он попал в Караганду. Вот второй удивительный факт: его и не расстреляли, его и не отправили в лагеря для бывших военнопленных.

В Караганде он стал таким же работником по ремонту автотракторной техники на крупном предприятии, то бишь, обычным автослесарем.

Самое время вспомнить о его жене и детях. Так сложилось, что его жена не успела эвакуироваться и попала в руки немцев. Весь их поселок, все трудоспособное население немцы отправили в Германию на разного рода работы. Жена дяди Яши попала к немецкому крупному бауэру, то есть крестьянину. У него она и пробыла в батрачках всю войну. Когда пришли русские, она вместе с другими сосланными отправилась в СССР, но на фильтрационных пунктах где-то в Польше ее задержали, отправили в соседний город, где присоединили к команде таких же немцев и немок, как она, и отправили в Трудовую армию. Удивительно, но она попала тоже в Караганду. Вот - третий факт, который выглядит еще удивительнее тем, что она попала на работу на то же предприятие, где работал ее муж. Так они встретились через много лет совсем в чужом тогда для них краю.

Освободили их от повинности в Трудовой армии уже в конце пятидесятых, но так и оставили в ссылке в Караганде, без права выезда куда-либо. Их всех расселили по баракам, прикрепили к комендатурам, где они были обязаны отмечаться каждую неделю. Потом было закрытое постановление правительства, немцев СССР приравнивали в свободным гражданам, им были выданы паспорта и разрешено селиться свободно. Тогда-то мой герой занялся поиском двух своих детей. Писали в разные места, но отыскалась только первая дочь вторая не нашлась, третья родилась уже в Караганде.

Дальнейшая жизнь ничем особо примечательным не характерна. Дядя Яша и его жена трудились, обзавелись собственным домиком, хозяйством. Короче, жизнь налаживалась в нормальном качестве. У кого-то мой герой по случаю прикупил «убитую» в хлам «Победу», долго-долго над ней колдовал и превратил ее во вполне respectable-ную по тем временам машину.

В 90 году я, как обычно, прилетев в отпуск, пошел навестить своего друга, но уже при подходе к его домику почуял что-то неладное: домик дяди Яши выглядел ужасно запущенным, неаккуратным, даже каким-то сиротливым, каким я его никогда прежде не видел. Я подошел, посмотрел - всюду царила печать уныния, заброшенности, запустения, было понятно, что в доме давно никто не живет. В это время мимо проходил какой-то паренёк и я, окликнув его, спросил, не знает ли он дядю Яшу, который здесь жил и что с ним случилось? Тот ответил мне, что мой старый друг уехал в Германию. В те годы на волне перестройки случилось великое переселение немцев на свою историческую родину. Жизнь в стране катастрофически менялась и ухудшалась, обстановка была явно тяжелой и многие немцы стали уезжать, уехал и дядя Яша.

Почти не имея никакой надежды, я все-таки спросил паренька, не знает ли он, где, у кого можно узнать хоть что-нибудь. Он ответил, что я все могу узнать у его внучки, она, дескать, еще не уехала, и любезно показал мне дом, где она жила. Я зашел, представился, но внучка и сама узнала меня, хотя, честно сказать, я ее не помнил.

Внучка Эльза рассказала мне, куда и когда мой друг уехал, рассказала, как он там устроился, показала несколько его писем и фотографий. Оказалось, что мой друг, приехав в Германию, поведал властям, что был военным служащим Вермахта. Отыскались подтверждающие документы. Как участника войны, его очень даже неплохо встретили: поселили в добротный индивидуальный дом, подарив его в собственность, подарили автомобиль Ауди А-4, обеспечили всем необходимым и назначили достойную пенсию. На фотографии дядя Яша стоял в шикарном костюме, на фоне своего дома, рядом с помолодевшей женой и новеньким великолепным автомобилем. Среди всего прочего, что я прочитал в его письмах, которые мне позволила просмотреть его внучка, я запомнил одну фразу. Мне показалось, что я слышу его голос с характерным акцентом: «Та, Эльса, фсе сдесь хорошо и я, наконец-то снаю, што такое шить при коммунизме».

Я попросил Эльзу передать от меня моему другу большой привет, попрощался, посмотрел в последний раз на сиротливый дом, в котором провел много хороших часов своей жизни. Больше уже я ничего о своем удивительном друге не слышал.

А ВОТА ОНА И ТИГРА!

Сижу у окошка и гляжу на белый свет. Впрочем, если быть скрупулезным, он не белый сегодня, а какой-то ватно-серый. Прошло минут двадцать, как закончился дождь, ливший непрерывным мощным потоком подряд четырнадцать часов. Грязно-мутные облака еще ползут над городом, едва не задевая верхушки высоток. В городе август, сезон муссонных дождей.

Окончившийся дождь напомнил мне одну забавную историю из моей жизни, которая приключилась в августе того года, когда незабвенный ЦК КПСС, вдохновленный лучезарными идеями светлого безалкогольного будущего, родившимися в несомненно одаренном мозгу нашего последнего генсека, вовсю проводил решительнейшую борьбу с пьянством: в стране бушевали вселенские страсти в бесконечных водочных очередях, доводившие порой до смертоубийства и других трагических случаев. Кстати, даже библейские мудрецы, осененные божественными озарениями, не сумели додуматься до такого идиотизма, и нет в святом писании ни одной притчи, где бы описывалось нечто подобное. Короче, наши, как всегда, всех переплунули.

Впрочем, что-то я, однако, увлекся деятельностью партии на ниве антиалкогольного «осчастливливания» народа, и отошел от темы. Вернемся к нашим баранам, то- бишь, к воспоминаниям.

Как я уже сказал выше, дело было в августе. В том году жена моя лечилась в санатории, в курортной зоне Владивостока, а я, как всегда, исправно нес службу, стойко преодолевая все тяготы ее и лишения, как написано в Уставе. Однако за неделю до окончания курса ее лечения я все-таки выколол из сурово-непреклонного началь-

ства отпуск за прошедший год, и решил поехать на несколько дней во Владивосток, малость пожарить пузечко не солнышке, и пополоскаться в прозрачных водах Японского моря в изумительно красивой бухте с романтическим названием Шамора.

Десять дней отпуска мне дано, я быстренько покидал подвернувшиеся под руку вещички в багажник автомобиля, завел моторчик и двинулся в южном направлении. По пути заехал в гости к любимой теще, что-то там ей помог сделать, и вечером следующего дня уже выехал во Владивосток. Поскольку теща моя, как все женщины, существо абсолютно неразговорчивое, в деревне только глухие и слепые старики не знали, что я еду на море. Поэтому я не удивился, когда перед самым выездом ко мне подошел тещин сосед, пожилой мужичок, и попросился взять его с собой. Ему, дескать, надо бы проведать матушку, которая живет в том городе, по причине того, что завтра у нее день рождения. Я ровным счетом не имел ничего против этой просьбы: вдвоем ехать малость веселее, чем одному, как ни крути.

Не успели выехать, как начался дождь. Вначале он шел с лентой, вроде, как еще не решил, лить ему или погодить, но постепенно разошелся до весьма приличного, дворники пришлось включить аж на вторую скорость. По такой погоде дорога была пустынной, время ночное (я забыл сказать, что выехали в ночь) поэтому ехал я постоянно со скоростью сто-сто десять километров в час. Километров около четырехсот от Хабаровска есть по трассе одно местечко, которое называется Горные Ключи. Местность там горно-лесистая, дорога бежит серпантинами, и за рулем особо скучать не приходится. Когда мы подъехали к этим местам, дождик немного приутих, была уже глубокая ночь, вокруг мрачно чернела тайга, и

только высвечиваемое фарами полотно дороги радовало глаз. Дождь, как я уже сказал, приутих, и над асфальтом стал клубиться клочковатый туман. Надо еще добавить, что в этих местах водятся уссурийские тигры, хорошо известные всему миру.

Спутник мой, видимо притомившись (а он был значительно старше меня) сидел тихо, слегка клевал носом, встряхивался, и снова пытался всматриваться в дорогу. Желая его немного растормошить, я возьми, да и ляпни: Виктор Палыч, а вот вылетим мы сейчас за следующий поворот, а там посреди дороги тигр сидит, об асфальт греется...

- Иди ты, Георгий, ну тебя к лешему, ляпнешь тоже страсти несусветные, аж мурашки от них. Только он это сказал, машина наша как раз преодолела очередной поворот, и... вот она, тигра - сидит по центру шоссе во всей своей полосатой красе, в тумане купается. Сосед мой благим матом заорал: тормози, тормози, тормози, куда едешь!!!

Честно говоря, и у меня от этой картинки мурашки по спине побежали, да и предательский холодок нырнул куда-то в глубины живота. Однако, в последний миг, объезжая препятствие, я успел разглядеть, что никакая это не тигра, а обыкновенная корова. Разглядел это и мой попутчик, и разразился потоком великой и могучей критики с использованием не менее великих и могучих перлов языка русского в адрес и коровы, и ее нерадивых хозяев.

Оставшиеся три с лишним сотни километров попутчик мой просидел, не сомкнув глаз, поедая глазами дорогу. В город мы въехали в шесть утра, мать его жила где-то в этом районе, я высадил его на ближайшей автобусной остановке, а сам поехал к санаторию, где пребывала моя благоверная.

ЗАЦЕП.

Где-то там, далеко, на северо-западе России, привольно раскинулась Псковская земля. Она изобилует реками и озерами, прекрасными сосновыми борами, старинными русскими городками, поселками, деревеньками. Все там красиво, все там мило русскому оку, но, пожалуй, больше всего радует глаз случайного путника водная гладь бесчисленных озер и рек разного нрава и поведения. На многих реках и озерах довелось мне побывать в тамошних краях: и на зеркальной Сороти, и на темноводной Черехе, и на мутной Судоме, и на красавице Великой. Однако есть там одна, особенная для меня река с удивительно таинственным и звонким названием - Шелонь. Я провел на ее берегах целых два года.

Течет эта река из самых сокровенных глубин знаменитого партизанским прошлым Серболовского леса. Сначала это небольшой ручеек, то весело бегущий по камешкам, то медленно текущий через небольшие омуты, в которых вода темная, и малоподвижная, почти как ртуть... Бежит река все время строго на северо-запад, достигает опушки леса, вырывается на простор, принимает попутно в себя такие же ручейки и речки, становится уже солидным полноводным потоком. Добежав до старинного русского городка с замечательным названием Порхов, Шелонь как-будто спотыкается, немного раздумывает, двигаясь по инерции, затем круто поворачивает на северо-восток и устремляется к знаменитому Ильмень-озеру, по которому плавал былинный купец-гусляр Садко, и на дне которого он веселил водного царя своей игрой на гуслях.

В том месте, где Шелонь пересекает железную дорогу, бегущую из Петербурга в Минск, на ее высоком бере-

гу притулился тихий и очень симпатичный поселок с не менее симпатичным и даже милым названием Дедовичи. Тут-то я и прожил целых два года, тут-то и познакомился с Шелонью на «ты». Был там у меня закадычный дружок, Кимка Ложкин, высокий, широколобый и темноглазый паренек, страстный рыбак, любитель бродить по окрестным лесам, заводила и фантазер, каких по жизни встречается не так уж и много. Вот вдвоем с этим пареньком мы избороздили просторы Шелони на лодке, которую брали у знакомого мужичка, вдоль, как говорится, и поперек. Само собой, главной радостью была рыбалка, а не созерцание красот Шелони, Судомы, старого парка и замка графа Воронцова, или высоченных сосен Серболовского леса. Ловили мы на разные снасти. Были у нас и обычные удочки, и донки, и жерлицы, баловались и ловлей раков в рачильни, но излюбленным методом был лов на дорожку.

Дорожка - это обычная леска, длиной около пятидесяти-шестидесяти метров, подходящей прочности, намотанная на дощечку, запиленную под углом с двух сторон. На конце лески привязывалась блесна, а перед ней крепилось грузило, чтобы блесна не выскакивала на поверхность воды. То есть, сама снасть во всем была похожа на спиннинг, но принцип лова был иной: мы, усевшись в лодку, выгребали на середину реки, направлялись вдоль по течению и, потихоньку разматывая леску, отпускали блесну в свободное плавание. Один из нас сидел на веслах, другой на корме. Дорожек, как правило, за лодкой пускали две, по обеим сторонам кормы. Сидящий на корме, распустив дорожки, держал леску снастей в руках, ощущая игру блесны в речных глубинах. Когда блесну хватала рыба, это хорошо чувствовалось. В этом случае приходилось, особо не мешкая, выбирать леску, снимать пойманную рыбу, и снова распускать снасть. При этом

нужно было не упускать из виду и состояние дел на второй дорожке, приглядывая за ней. Иногда бывало, что блесна по ходу дела цеплялась крючком за какую-нибудь корягу. Тогда, чтобы леска не оборвалась, ибо лодка продолжала по инерции плыть, нужно было выбросить дощечку за борт, выбрать вторую дорожку, затем подплыв к плавающей дощечке, начать ее осторожно выбирать, табаня веслами, находить место, где леска отвесно уходила под воду, после чего нырнуть в речные глубины, держа леску в руке и, подобравшись к блесне, отцепить ее.

В тот день мы поднялись в четыре утра. Солнышко еще не встало, только на востоке блестела Венера, и край неба окрасился в малину. Речка спала, на ее зеркальной глади не было ни движения, ни ряби, ни всплеска. Ближе к противоположному берегу над водой парили разрозненные клочья тумана, цепляясь за прибрежные кусты. Царила тишина, даже птицы не подавали признаков жизни. Я, вставляя весло в уключину, немного стукнул им о борт лодки - звук удара почти ощутимо видимым полетел-полетел куда-то вниз по-над водой, улетел, и снова воцарилась тишина. Мы с Кимом разговаривали шепотом - не хотелось нарушать эту царственную тишину.

Погрузились, тихо оттолкнулись от берега, лодка, бесцеремонно разрушив зеркало воды, направилась на середину. Я сел на весла, Ким неспешно стал распускать дорожки. Сначала поплыли вниз, затем развернулись, пошли вверх в сторону моста. И так начали снова туда-сюда на отрезке километра в два длиной. Когда солнышко поднялось часам к одиннадцати, у нас в лодке уже можно было обнаружить с полдесятка небольших, на килограмм-полтора щучек, и несколько крупных окуней. Притомились, решили посидеть на берегу с удочкой, поймать плотвичек, густеры и иной рыбки помельче, для

ухи - пора было обедать.

После обеда на весла сел Кимка, я же примостился на кормовой банке, распустив обе снасти. Опять направились вниз, туда, где река широко разливается, и становится очень глубокой, подпертая в течении плотиной межколхозной ГЭС. В послеобеденное время в этих местах всегда успешно ловилась довольно крупная щука, частенько попадались экземпляры килограмма на три - три с половиной.

Спустя минут сорок я почувствовал резкий рывок лески в левой руке, приподнялся, стал выбирать снасть в лодку, и в это время услышал, как струной зазвенела леска второй дорожки. Такое бывает, когда она сильно натягивается лодкой, если блесна попала в зацеп. Если прозевать, можно запросто лишиться блесны, ибо леска рвалась, и про блесну можно было только вспоминать, какая она была уловистая, да хорошая, поэтому я, не мешкая, выбросил дощечку на борт, и продолжил выуживать попавшуюся рыбину.

Пойманной рыбой оказался очень крупный для тех мест окунь. Когда мы его взвесили, оказалось, его вес - ровно килограмм. Такой вес для окуня - предмет гордости рыбака. Мы с другом бурно порадовались такой добыче и, развернув лодку, поплыли к плавающей в отдалении выброшенной дощечке второй дорожки. Обычно, если леска была прочная, мы в таких случаях, чтобы быстрее обнаружить место зацепа, выбирали леску таким образом, чтобы лодка следовала за леской, веслами не помогали. В этот раз поступили так же, я потихонечку потянул леску, лодка поплыла за ней, вдруг я почувствовал, что блесна соскочила с зацепа. Такое изредка бывает, и такое всегда радует, потому что не нужно нырять за ней в неизвестную глубину. Чего греха таить, мало приятного

погружаться в темные неизвестные глубины, да еще туда, где на дне какая-то злополучная коряга, покрытая противными скользкими водорослями и тиной, за которую зацепилась блесна. Поэтому, почувствовав свободу хода лески, я обрадованно крикнул Киму, что блесна отцепилась.

Однако через секунду все изменилось: леска снова натянулась, как струна, и я почувствовал, что там, на конце, не коряга, там что-то огромное и живое, и это живое сопротивляется со страшной силой, да так, что потащило лодку против течения на буксире. Мой лоб мгновенно взмок, а горло, наоборот, пересохло: удача! Редкая удача, мы поймали что-то невиданное!!!

Тут уже я, как опытный рыбак, не ослабляя натяжения лески, начал помаленьку стравливать ее, потом наоборот, натягивать, пытаюсь таким образом и рыбу утомить, и не дать ей порвать снасть и уйти в свои глубины, растравив нам души. Несколько минут отчаянной борьбы, и вот уже видно, как метрах в десяти сзади лодки из воды выпрыгивает что-то огромное, и снова уходит в глубину, но каждый раз рывки становятся все слабее, леска помаленечку выбирается в лодку, рыба все ближе и ближе. Наконец она, вывернувшись от усталости сверху брюхом, распласталась у правого борта лодки. Это была огромная щука. Она тихо лежала у борта, жабры ее шевелились, я даже успел разглядеть на ее морде что-то замшелое-зеленое, типа водорослей. Кимка, возбужденно прыгавший, пока я боролся, увидев ее, малость оробел и затих. Честно говоря, было отчего: во-первых, нам никогда не попадалась такая огромная добыча, во-вторых, мы оба отчетливо разглядели, что крючок блесны вот-вот отцепится от рыбы, потому что он разрезал ткани нижней челюсти щуки почти до конца, пока она отчаянно бо-

ролась за свободу, и было понятно, что всякая попытка вытащить рыбу в лодку за блесну - это просто самому добровольно отпустить ее в реку. Подумав, Ким предложил такой план: он стремительно хватает щуку руками за голову, стараясь вцепиться ей в глаза пальцами, а я, перегнувшись через борт лодки, попытаюсь ее намертво ухватить за хвост, и потом совместно выкинуть ее мгновенно в лодку, после чего Ким, как более крупный и сильный, набросит на нее фуфайку, накроет и придавит всем своим телом к днищу лодки.

Сказано - сделано: глубоко вдохнув от волнения воздух, мы проделали все это с почти ювелирной точностью. Все получилось, только мы малость не учли, что у щуки еще есть и хвост. Вот им она начала бешено наводить порядок в лодке, когда мы ее успешно втащили в свою маленькую посудину. Громадина успела несколько раз им взмахнуть, расшвырять другую рыбу, лежащую в лодке, пока я сообразил упасть на нее, и прижать хвост своим телом. При этом мне прилетела от щуки приличная плюха по щеке. Пара минут борьбы, и мы победили окончательно.

Нашему восторгу не было границ. Ни о каком продолжении рыбалки и речи быть не могло. Мы спешно смотали снасти, и направились домой. Когда подошли к поселку, на берегу, к нашему вящему удовольствию, было много пацанов и девчонок, которые, как всегда, купались и загорали. Мы с Кимом важно и неспешно, как бывалые рыбаки, которых ничем не удивишь, собрали пожитки, зацепили на кукан всю пойманную рыбу, я все это взял на себя, а Ким взгромоздил на спину щуку. Голова ее легла ему на плечи, а хвост потащился по земле. Надо было видеть зависть в глазах пацанов и восхищение в глазах девчонок, когда мы гордо и независимо прошествовали

по тропе вверх, направляясь домой. Это был день триумфа и славы для нас, как удачливых рыбаков. Домашние наши тоже были в восторге. Рыбу взвесили, вес ее составил семь килограммов четыреста граммов. Вот такой однажды приключился у нас на рыбалке зацеп. Побольше бы таких зацепов.

ВОРОБЬИНАЯ НОЧЬ.

Как-то летней порой валялись мы с дружкой Вовкой у него дома на сеновале. Болтали, как водится, о всякой всячине, хрумкая ворованными яблочками. Естественно, дело было ночью, мы только что вернулись с очередного набега на чей-то сад с набитыми яблоками рубашками. Само собой разумеется, что почти у каждого в городке был свой сад, но ни один уважающий себя пацан со своего сада яблоки есть не станет, для этого есть чужие сады. Так вот, болтали мы болтали о том о сем, и уж не помню, кому из нас в голову взбрела бредовая гениальная идея съездить в Арзамас на велосипедах. Арзамас - это город, до которого от нас было чуток больше шестидесяти километров езды по мощеному булыжником шоссе.

Идея была с восторгом принята на ура. Дело оставалось за малым, то есть, собраться и поехать. На следующий день мы подготовили велики, собрали кое-какие вещички типа полотенец, мыльно-рыльных принадлежностей, кое-какой провиант, уложили все это в заплечные сидоры и рано-ранёхонько утром уже третьего дня по холодку тронулись в путь.

Ехали не торопясь, весь путь справа нас сопровождала наша родная речка Теша, и мы время от времени сворачивали с дороги, подъезжали к воде и купались.

Где-то к обеду мы уже въезжали в Арзамас. В городе все улицы были покрыты асфальтом и нам, жителям городка, где кроме булыжной мостовой и травяного покрова на улицах со времен царя Гороха ничего не водилось, это обстоятельство сильно понравилось: езда по асфальту на великах разительно отличалась от тряски по округлым камням, которая за весь путь нам изрядно надоела.

Покатались по городу, немного посмотрели достопримечательности, даже в музей Гайдара сходили. Собирались, было, уже возвращаться назад, рассчитывая переночевать где-нибудь по дороге на берегу реки у костра, но нашим планам не суждено было сбыться: спускаясь по одной улочке, мы достаточно быстро разогнались, и я не заметил вовремя торчащую из асфальта какую-то острую железяку, что-то типа арматурины. Переднее колесо моего велика, точнее его шина, приказали долго жить. Вовка ехал слегка в стороне, и его велосипед остался цел, а колесо моего превратилось в жалкое зрелище.

Остановились, посмотрели. Ситуация складывалась весьма печальная: крышка получила по беговой части порез размером около семи-восьми сантиметров, а камера просто порвалась пополам. Ни о каком ремонте речи даже и быть не могло. Стали соображать, что же делать? Магазины, естественно, закрыты, да и купить там камеру было в те годы задачей практически нереальной.

Решили проситься к кому-нибудь ночевать, но все попытки наши на этом поприще оказались тщетными: сердобольные на вид тетушки никак свою сердобольность и радушие на деле не проявляли: нам везде было вежливо по-христиански отказано. Уже темнело, ночь ждать себя не заставляла, как какая-нибудь капризная девушка, которой нравится опаздывать на свиданку...

Кто бывал в Арзамасе, тот знает, что в центре города

стоит знаменитый на всю Россию собор необыкновенной красоты, величественности, и мощи. Это практически копия Исаакия в Питере, только нет колонн вокруг купола. Вот мы и порешили с Вовкой ночевать на паперти этого собора. Тремя сторонами он выходит на оживленную часть города, а западная сторона его обращена к обрывистому берегу упомянутой выше Тешы. Там росли деревья, кустарник, далее шли безлюдные заливные луга. Короче говоря, местечко получилось у нас достаточно укромное.

Уже прилично стемнело, мы забрались прямо с велосипедами на паперть, сместились в самый дальний уголок, и приготовились спокойно и безропотно ждать утра. В голове и у меня и у Вовки, естественно, вертелись мысли вокруг злополучного колеса, мы и так и сяк ломали голову, что придумать. Голова ломалась, а выхода не находилось.

Наконец, сказав сакраментальное утро вечера мудренее, мы улеглись прямо на каменный пол паперти, и решили вздремнуть. Около меня в стенке расположилось некое подобие узкого подвального окна, оттуда нет-нет, да потягивало запахом вековой сырости, ладанной гнили и еще бог знает чего.

Наше благое намерение вздремнуть тоже оказалось под угрозой. Как вы помните, мы расположились на западной стороне собора. На горизонте уже практически догорала закатная полоска, край неба помаленечку голубел, синел, темнел, а с юго-западной стороны из-за горизонта вылезала свинцово-черная туча. Она ползла почти незаметно, почти нехотя, плотно закрывая темно-синее небо. Вот она поглотила уже и весь остаток закатной полоски, край тучи повис над рекой рваными зловеще-черными языками.

Со стороны реки потянуло ветерком. Вот он стих, вроде, как затаился, потом налетел с утроенной силой, стало холодно, и я предложил другу перебраться на заветренную восточную сторону собора, выходящую на оживленную обширную площадь. К этой поре уже окончательно стемнело, люди разошлись по домам, город практически обезлюдел. Не успели мы переместиться, как ветер рванул с новой, неистовой силой, порывы его налетали со всех сторон, деревья в соседнем парке качались, гнулись, шумели, слышался треск ломающихся сучьев и веток. К этой поре туча, как черный дракон, нависла всей своей мощью над городом, скорость её движения увеличилась, ее рваные клочья стремительно перемещались куда-то на северо-восток, в сторону Волги. Ветер свирепствовал, рвал все, что попадалось на пути, и вдруг мгновенно стих. Наступило некое тревожное затишье: не было слышно ни звука.

Нестерпимо яркий свет огромного зигзага молнии пересек всё небо от края до края, и сейчас же раздался оглушительный треск и грохот, словно скалы обрушились с большой высоты. Новый сильнейший разряд молнии, и еще более оглушительный грохот грома! Потом послышался сильный шум дождя. Через минуту на нас обрушился ураганный ливень. Мне показалось, что кто-то там, наверху, опрокинул на землю громадный водоем и потоки воды хлынули, утопив в себе весь мир... Картина в точности напоминала библейское «разверзлись хляби небесные». Все утонуло во мраке, и только когда сверкали молнии, в их мертвенно бледном свете можно было увидеть стоящие в воздухе струи воды и застывшие волны образовавшегося на асфальте прилегающей площади озера. Такая вакханалия водной стихии и буйство электрических сил продолжались довольно долгое время, потом

сила дождя несколько ослабла.

Молнии сверкали, но уже не над головой, а где-то дальше, по ходу тучи, раскаты грома теряли свою силу, и раздавались уже значительно позже того, как сверкала молния. По всему чувствовалось, что гроза уходила, уходила в сторону Волги. Дождь, однако, продолжал хлестать еще очень сильно, слышно было, как шумят водопады в образовавшихся потоках воды, устремивших свой бег в сторону реки.

Мы очень мудро поступили, несмотря на нашу молодость и глупость, что переместились на восточную паперть. Струи дождя хлестали с запада, так что и западное крыло паперти, где мы первоначально расположились, и другие части ее, получили изрядные порции воды, наше же убежище практически не пострадало: чуть-чуть намочило начало ступенек, и отдельные брызги изредка долетали до нас, так что мы остались сухими. У нас было даже относительно тепло и уютно. Вот так, лежа на гранитных плитах, и глядя на разгул стихий, мы незаметно, под шум стихающего дождя, задремали.

Утро выдалось изумительное. Солнышко, стремительно поднявшись из-за горизонта, осветило мир, и он расцвел мириадами изумрудов, топазов, яхонтов и бриллиантов в каплях дождя, на листьях деревьев, на траве. Мы с Вовкой неспешно завтракали остатками своей снеди, смотрели на это буйство красок, и на какое-то время забыли о прозе жизни. Однако время шло, город просыпался, появились прохожие, поехали автобусы. Рваная покрышка вернула нас в реальный мир.

Начался рабочий день, возобновили и мы свои поиски решения проблемы. В одном магазине увидели моток матерчатой грубой изоленты, купили его, стали шариться по мусоросборникам, разыскивали кусок велопокрышки.

Принялись что-то изобретать и делать. Мимо шел мужичок, пригляделся к нам, спрашивает: - чего вы тут бедуете, пацаны? Рассказали. Человек оказался отзывчивый и понимающий. Выяснилось, живет неподалеку, дал он нам старую камеру. Остальное - дело техники и рук. Заборттовались, подложили бандаж, обмотали все изолентой и тронулись в путь. Нашего рационализаторства хватило почти на весь путь, оставшиеся пару километров прошагали пешком.

Вот так и запомнилась эта поездка тем, что довелось увидеть самую буйную в моей жизни воробьиную ночь. Ни раньше, ни потом мне не довелось видеть грозы такой неистовой силы.

БЛОК СИГАРЕТ.

Как-то однажды, в восьмидесятых годах, летал я на совещание в Питер. Он тогда еще Ленинградом был. Совещание было всесоюзным, туда слетались все специалисты подобного рода. Прилетел и один мой товарищ по службе. Точнее, приехал поездом, он тогда в Риге служил.

Встретились мы уже в гостинице, места нам были забронированы и мы, естественно, поселились в один номер - хотелось поболтать, повспоминать годы совместной службы, дела, в которых принимали участие.

Вообще-то Александр Владимирович (так звали моего старшего приятеля) - человек практически не употребляющий алкоголь, но в этот раз, уж не знаю, чем он руководствовался, привез с собой целую бутылку чистого медицинского спирта. Где он его раздобыл, я понятия не имею, но помню, что бутылка с этой жидкостью была какая-то старинная, очень необычной формы. Она пред-

ставляла из себя практически правильный параллелепипед размерами с сигаретный блок.

Показал он мне ее и сказал: вот, Львович, завтра вечером после совещания посидим, покалякаем и маленько разговеемся. Однако планам нашим было не суждено сбыться.

За годы службы мне очень много приходилось летать по нашей огромной стране, часто бывал я и Ленинграде. Честно скажу, я не любил командировки в этот город. Практически не было ни единого разочка, чтобы там мне не помешала какая-нибудь пакость по здоровью, вот и в этот раз ни с того, ни с сего на следующий день у меня так разболелся желудок, что я света белого не видел, пока сидел на совещании и слушал мудрые наставления большого московского начальства. Вечером заскочил в аптеку, купил флакон Алмагеля и поехал в гостиницу. Сам собой, пить я в тот вечер категорически отказался. Так было и во все остальные дни. Короче, так и осталась та бутылка не тронутой.

Совещание закончилось, мы стали разъезжаться. Уезжал и мой приятель. Утром, собираясь на вокзал, Александр Владимирович говорит мне: Львович, ты ведь через Москву летишь? Да, отвечаю, через Москву. - Знаешь, заberi ты эту бутылку с собой, отдашь в Москве родственникам, не хочу я ее назад в Ригу везти. - Ладно, говорю, так и сделаем, отдам ее дядьке.

Мой московский воздушный «дилижанс» летел где-то около шести вечера. Я, проводив своего товарища, еще малость повалялся в гостинице, заглянул в пару магазинчиков, купил домашним своим кое-какие подарочки, не торопясь собрался, и двинул стопы в сторону «Пулкова». Настроение у меня было почти безмятежное: путь домой всегда приятнее, к тому же я знал, что стоит только мо-

ему самолету взлететь, как мой желудок успокоится, и я заживу нормальной жизнью нормального человека.

Однако мое безмятежное состояние вмиг улетучилось, едва я успел ступить на территорию аэровокзала. Я увидел, что сумки пассажиров, идущих на посадку, досматриваются сотрудниками аэропорта и милицией. Тогда это было новшество, не все к нему привыкли, и я попросту про него забыл.

Блин! у меня же бутылка спирта! - сверкнуло в мозгу - это же скандал, это протокол, это сообщение на службу, это выговор и по службе, и по партийной линии. Короче - завал!

Стал лихорадочно соображать, как же поступить? Выкинуть - жаба душила, я знал, что дядька моему подарочку порадует. Стою. Соображаю. Думаю, Мерекаю. Взгляд падает на газетный киоск, там продают всякие импортные газеты. Вижу болгарскую «Работническо дело». Покупаю газету, самым тщательным образом заворачиваю бутылку в нее. Получается аккуратный сверточек, как две капли воды похожий на упакованный в газету блок сигарет болгарского же производства. Прохожу регистрацию, жду посадку, объявляют. Спокойно встаю в очередь, в руках портфель с принадлежностями в дорогу и злополучная бутылка. Подхожу к столу досмотра. Дама в форме «Аэрофлота» заставляет расстегнуть портфель, делаю вид, что мне неудобно, спокойно и несколько буднично сую эту бутылку стоящему рядом сержанту милиции, и вежливо говорю: товарищ сержант, подержите, пожалуйста. Он ее машинально берет, я расстегиваю портфель, показываю свои мыльно-рыльные и бритвенные принадлежности, дама проверяет, пропускает меня, застегиваю портфель, беру бутылку у сержанта, вежливо говорю ему спасибо и спокойно двигаюсь в накопитель.

Только там позволяю себе перевести дух. Вот так все и завершилось.

АВАНТЮРА ПО-НЕМЕЦКИ.

Шла весенняя сессия, я заканчивал пятый курс института. Было раннее погожее утро, я вытащил раскладушку в огород и, удобно разместившись, почитывал какой-то учебник, готовясь к очередному экзамену. Через некоторое время вижу, что ко мне идут два парня. Одного из них я знал, он был студентом последнего курса пединститута, и преподавал в вечерней школе химию. Я тоже работал в этой школе учителем, и преподавал немецкий язык. Пришлось встать с раскладушки и прервать свою работу. Подошли, как водится - привет, привет, то, сё, как дела. Короче, обычные тары-бары-растабары. Минуты через две после того, как Николай познакомил меня со своим приятелем, он приступил к изложению цели своего визита.

Короче, Георгий, начал он, тут такое дело. Вот этот парень, Володя Баклицкий, мой друг и учится со мной на одном курсе, мы сдаем госэкзамены и заканчиваем, как ты знаешь, институт. Вовка тянет на красный диплом, но у него есть проблема. Раньше он учился в Горьком, а потом перевелся к нам, у него там в свое время что-то не срослось с немецким, в документах стоит тройка, ему нужно пересдать на пятерку, и тогда он получит красный диплом, с остальными предметами у него все в порядке. Мы в деканате вопрос с пересдачей решили, разрешение ему дано, но, сам понимаешь, он сегодня этот немецкий и на двойку-то не тянет. Сходи, сдай за него, и все дела.

Признаюсь, такая просьба меня обескуражила. В

молодости я, конечно, как и большинство людей моего возраста, безусловно, был гением, ничего не боялся и был готов на любую авантюру, но тут я очень даже призадумался. Я не боялся за экзамен, а страшился того, что меня разоблачат, и я, помимо всего прочего, что в таких случаях грозит, еще и с треском вылетчу из своего института, и пойду, как говорили тогда, в народное хозяйство, или «круглое - тащить, квадратное - катать», что означало службу в армии.

Короче говоря, «посоображав» пару-тройку минут, я, прервав свое глубокомысленное молчание, начал отнекиваться от этого предложения, приведя в обоснование свои мысли по поводу разоблачения и исключения из ВУЗа, народного хозяйства и армейской службы, и так далее. Баклицкий стоял, молчал, и на лице его виделось разочарование, зато Николай начал меня горячо уговаривать, что, дескать, риску нет никакого, что Вовка никогда не ходил на кафедру иностранных языков, что его там никто не знает, и так далее, и так далее.

Дело в итоге закончилось тем, что они меня уговорили. Согласие я дал, если сказать честно, совсем не из желания помочь бедолаге Баклицкому, сколько из-за азарта, который во мне появился, захотелось ощутить остроту рискованной авантюры, хотя в душе предательское чувство страха у меня оставалось. Скорее, даже не страха, а ощущения, что меня разоблачат. Однако, преодолев внутреннее сопротивление, я окончательно решился на этот шаг, практически поставив на кон во многом свою дальнейшую судьбу.

Утром следующего дня наша троица замаячила перед входом в пединститут. Кто бывал в Караганде, знает, что пед и мед институты стоят рядышком, глядя друг на друга через улицу. Посмотрел я на свою альма-матер, глу-

боко вдохнул, и открыл входную дверь в здание пединститута, окончательно перешагнув свой рубикон.

Мы прошли куда-то по коридорам, и затесались в толпе страждущих сдать всеми горячо любимый немецкий. Заняли очередь. Наконец, пришла моя пора «нырять в омут». Я зашел, поздоровался с государственной комиссией. Естественно, на немецком, испросил высочайшего дозволения взять билет, предварительно предъявив разрешение деканата на пересдачу. Председатель комиссии, представительная дама лет около пятидесяти, разрешила мне взять билет, и дело пошло. Задание оказалось чепуховым и, посидев для приличия несколько минут, я проявил инициативу, сказав, что готов к ответу. Честно говоря, мне хотелось как можно скорее выйти на свободу и освободиться от чувства страха. Председатель-дама несколько удивилась, сказала, что у меня еще есть время для подготовки, но я твердо сказал, что готов и начал ответ.

Не успел я прочитать пару предложений из текста, как в аудиторию вошел преподаватель из нашего института с кафедры иностранных языков. Да не просто преподаватель, а преподаватель, который знал меня, как облупленного, потому что он был три года куратором нашей группы. Звали его Зиядом Гусейновичем Мирзоевым. Он был еще относительно молод, мы очень хорошо с ним ладили. Я сидел в этот момент к нему спиной, и он меня, естественно сразу-то не увидел, но когда мой Зияд подошел к членам комиссии, сидящим, соответственно, напротив меня, наши взгляды встретились. Его глаза начали стремительно расширяться от удивления и с его уст вот-вот, я уже это чуял всей своей шкурой, всем своим нутром, должны были сорваться слова типа : нун,геноссе Разумов, заген зи мир битте, вас махен зи хир? Я в отчая-

нии сделал, видимо, страшные глаза, что он в последнюю секунду сообразил, что тут дело нечисто и, сделав вид, что все нормально, что-то тихо сказал председательше, та милостиво кивнула, и Зияд вышел.

Экзамен продолжился, я быстренько прочел текст, перевел, ответил на остальные вопросы билета. Председательша осталась весьма довольна, спросила только, почему у меня раньше были проблемы с языком, я ответил, что проблем не было, просто в том институте, где я учился раньше, мы не сдавали госэкзамены, был только дифференцированный зачет, и мне нужно ликвидировать несоответствие. Все это я объяснил ей по-немецки, ей это весьма понравилось, и она твёрдой рукой твёрдо вывела в экзаменационном листе «отлично». Не чуя под собой ног, и почти мокрый от пота (а было еще и жарковато в аудитории) я вылетел к своим друзьям.

Естественно, что помимо них там стоял и мой спаситель - драгоценный Зияд Гусейнович. Учитывая, что вокруг было слишком много людей, и, зная хорошо мой уровень владения языком, он заговорил по-немецки. Пришлось ему все потихонечку подробно объяснить, показав на моих друзей, которые, почуяв шухер, предупредительно не стали ко мне подходить. Зияд Гусейнович хорошенько меня отругал, даже с укоризной сказал, что не ожидал от меня такого безрассудства.

Случившееся стало мне очень хорошим уроком, и далее по жизни я уже никогда в подобные авантюры не встречал, потому что отчетливо понял, что хотя я и гениален, безусловно, но есть кое-что в жизни гораздо гениальнее меня. Через пару недель мои друзья заявили ко мне, похвастались новенькими красными дипломами, и пригласили меня обмыть это дело в кафе, что мы и сделали, с удовольствием посмаковали коньячок, и закусили

его превосходными цыплятами табака. До сих пор помню вкус этих цыплят, но и момент появления Зияда Гусейновича в той аудитории тоже хорошо помню.

ПОСПЕШАЯ – НЕ ТОРОПИСЬ!

За годы работы меня, как и большинство специалистов разных профессий, время от времени направляли на разные курсы по совершенствованию профессиональных знаний и навыков. Длительность таких занятий была различной и варьировала от месяца до пяти, в зависимости от поставленных задач по обучению.

Я, будучи от природы большим любителем все переиначить на свой лад, называл эти занятия краткосрочными курсами старших помощников младших чабанов. Тем не менее, если сказать серьезно, они приносили зачастую весьма большую пользу. Особенно мне понравились курсы по обучению навыкам выживать в экстремальных условиях и умению находить выход в затруднительных ситуациях.

Так уж получилось, что в работе мне эти знания почти негодились. А вот в частной жизни они меня неоднократно выручали. Хочу рассказать несколько случаев из прошлого, когда пришлось применять на практике когда-то полученные знания.

Погожим деньком, аккуратно на восьмое марта, решили мы с приятелем поехать семьями в городской парк, погулять, подышать свежим воздухом, просто пообщаться. У приятеля сын, у меня дочка. Дети дружили с детского садика, и в школе учились в одном классе. Решено – поехали. Гуляли, дурачились, баловались, играли. Потом кому-то пришла идея спуститься на лед Амура, парк как раз

на берегу этой реки.

Спустились, пошли по тропинке. Идем вниз по течению в сторону известного хабаровского утеса - красивой достопримечательности нашего города - нам хотелось посмотреть на величественную скалу и здание, ее венчавшее, со стороны реки. Приятель мой шел рядышком с дамами и дочкой, а я и Антошка, как звали сына приятеля, двигались впереди всех, дурачились, играли в снежки. Вдруг, когда мы уже почти подошли к утесу, Антошка, уворачиваясь от моего снежка, выскочил за пределы тропки, и провалился одной ногой под лед. Я, увидев это, мгновенно бросился к нему, схватил за шиворот и вытащил на тропинку, однако в это время лед подо мной предательски треснул, и я провалился в воду полностью, успев в последний момент ухватиться руками за край полыньи. Кто бывал в нашем городе и видел Амур возле утеса, тот знает, какое там бешеное течение.

Странно, я даже не успел испугаться, как мне сразу в голову пришло то, чему нас учили: не паникуй, не теряй понапрасну силы, используй ситуацию так, чтобы угрожающие факторы ее тебе не вредили, а помогали. В моем случае это выглядело так: осознав, что я в полынье, памятуя, какое здесь течение, и понимая, что хрупкий лед в каждую секунду может провалиться еще раз, и тогда я уже полностью уйду под воду, я стал осторожно, перебирая руками по краю провала, перемещаться таким образом, чтобы течение как бы поднимало мои ноги, находившиеся в воде, то есть занять такое положение тела, когда мое лицо было бы направлено против течения реки. Во-первых, приподнятые течением ноги мне было легче пытаться забросить на край полыньи, а во-вторых, я сберегал силы, так как мне не нужно было бороться с течением, которое в любом случае тащило бы меня под лед, если бы

я переместился в противоположную сторону полыньи.

Чуть-чуть помогая себе движениями ног, я постарался аккуратно, налегая всей площадью груди на лед, подтянуться, потом, выбрав момент, оттолкнулся ногами от воды, закинул правую ногу на лед, и, не пытаясь вставать, быстро покатился по его поверхности в сторону тропинки. Оказавшись на ней, я уже смог встать, не опасаясь нового провала. Все это произошло так быстро, что практически никто не успел полностью осознать происшедшее, и заняло в реальности гораздо меньше времени, чем читатель потратил на это описание.

Продельвая все эти операции, я даже еще не полностью успел ощутить холод от воды и то, что вся моя одежда до самой верхней половины грудной клетки промокла, а вот движение быстрых и мощных струй воды ощущал просто физически невероятно реально, понимая, что только одно неправильное мое действие и я, если лед провалится еще раз подо мной, уже точно буду увлечен водой под лед, и финита моя ля комедия.

Второй случай, о котором хочу поведать, приключился со мной как-то осенью, когда мы небольшой компанией поехали на рыбалку. В октябре, когда вода становится в Амуре совсем холодной, очень хорошо ловится сиг - замечательно красивая и вкусная рыба. В это время года, именно об эту пору, для меня такие вылазки на природу самое приятное времяпрепровождение. Вообще осень на Дальнем Востоке самое хорошее время года. Лето в здешних краях тяжелое, жаркое и очень душное. Духота достаёт и днем и ночью. Дожди и грозы, частое летнее явление, облегчения не приносят, наоборот, после дождя духота только увеличивается, наваливается с новой силой. Зимы дальневосточные очень холодные, морозные, плюс ко всему низкие температуры сопровожда-

ются довольно сильными ветрами, чаще всего дующими со стороны Якутии. Весны, как таковой в понимании человека, выросшего в средней полосе России, практически не бывает. После зимы как-то неожиданно сразу наступлет лето.

Осень зато с лихвой искупает все неприятности других сезонов года. Погода почти всегда солнечная, безветренная. Тепло, дышится после летней духоты свободно, чувствуешь себя комфортно. Такая погода, порой, стоит до второй половины, а то и конца ноября. Правда, постепенно тепло отступает, как-никак, зима приближается. Единственное, что порой омрачает идиллическую картину, это ураганные палы, которые возникают то там, то там. Трава в здешних краях высокая, ею заняты обширные пространства. Осенью практически не бывает дождей, растительность высыхает и становится как порошок. Любое неосторожное обращение с огнем зачастую приводит к масштабным возгораниям, и тогда палы несутся со скоростью курьерского. Горе путнику, у них на пути оказавшемуся.

Так вот, поехали мы, как я уже сказал, небольшой компанией половить сига на закидушку - это вид снасти такой. Место знали давно, ездили туда регулярно и много лет, так что все, как говорится, было на мази. Рыбалка случилась не то, чтобы хорошая, но и не сказать, чтобы плохая. Нас было четверо взрослых мужиков, две дамы и три пацанёнка лет восьми-десяти. Уютное местечко с хорошим подъездом к воде, что на берегах Амура явление исключительно редкое, приятная теплая и солнечная погода, неплохой клев - все радовало душу и настраивало на элегически-пасторальный лад, но, где боженька - там и друг его, дьявол.

Около двух часов дня услышал я звук, который меня

насторожил, и который мне был весьма хорошо знаком. Не мешкая, быстро поднялся по дороге на верх спуска к реке, и увидел, что на нас со всех сторон, на расстоянии где-то метров триста-четыреста, с большой скоростью движется вал огня, причем масштабы горения впечатляли даже на таком расстоянии. Вываться по дороге через этот вал возможности не было, расстояние от уреза воды до ближайшей травы было не больше пяти-шести метров, на оставшемся пяточке земли наша компания вряд ли уцелела бы, и ситуация создавалась весьма критическая. Я позвал мужичков, они подошли, тут же, конечно, встряли и дамы, за ними дети, началось обычное кудатанье: ах-охи-вздохи, что делать, как быть? Короче, все признаки нарастания паники налицо. К тому же и машины наши стояли практически в траве, и уж они-то в любом случае сгорели бы дотла. Сначала было подумал, что можно спастись, заехав на машинах в воду, но и глубина реки, и состояние дна не исключали риска утопления автомобилей. К тому же и перспектива купания в очень холодной воде весьма не прельщала, да еще и наличие деток усугубляло ситуацию.

Оглядевшись еще раз внимательно вокруг, я понял, что простого решения проблемы нет. Тут мне на ум пришло, точнее вспомнилось, как вышли из такого же положения В.К. Арсеньев и его проводник Дерсу Узала, когда они оказались отрезанными палом на озере Ханка. Я велел всем взрослым как можно быстрее связывать в пучки прямо на корню стоящую вокруг траву, образуя из связок некое подобие то ли шалашей, то ли индейских вигвамов. Через десяток минут мы их навязали около десятка, вынув спички, я приказал и другим мужикам поджигать эти связки, и сам стал их поджигать. Они уловили мою мысль: мы пускали встречный пал - это был единствен-

ный выход в данной ситуации. Пламя, которое мы сами создавали, вначале было еще слабое, не давало высокой температуры и мы были в полной безопасности на своем пятачке, но постепенно огонь стал нарастать и одновременно уходить от нас на соседние участки. Через двадцать минут рожденный нами огонь бушевал уже очень далеко от нас, и мы с бугорка наблюдали, как фронты бушующего пламени движутся навстречу друг другу. Вот они встретились, вспыхнули, взметнулись на короткое мгновение с особой силой и тут же пламя практически опало. Оставались небольшие очаги то там, то сям, опасность отступила.

Нужно было еще какое-то время просто подождать и путь был окончательно свободен. Тут мы, чтобы это время не пропадало даром, вскипятили чайку, с удовольствием попили его, не спеша собрались, и тронулись в обратный путь. Такие вот приключения нет-нет, да и случаются в нашенских краях с бродягами рыбками-охотниками.

Продолжаю рассказик. Случай третий. Как-то в конце июля поехали мы с приятелем, взяв с собой попутно жен, за ягодой, которую здесь называют голубикой, в других местах она известна под именем гонобобель. На трассе Хабаровск - Находка есть одно местечко, где можно было, оставив машину на обочине, и пройдя километра три, попасть на отличное местечко, где ягода эта росла весьма в приличных количествах.

День был с утра отличный, солнышко светило, природа бушевала в расцвете сил. Приехали, добрались до ягодной плантации, и дело пошло-поехало. Само по себе мне это занятие ужасно не нравилось и не нравится до сих пор. Сборка ягоды - дело весьма канительное, требует усидчивости и терпения. А тут еще полчища комаров, па-

утов, оводов, слепней и прочей кровососущей мрази, которой в этих краях так много, что не всегда можно просто рот открыть без риска проглотить несколько штук этой «пернатой радости». Однако, ягода эта удивительно вкусная и полезная, так что овчинка выделки стоила, вот мы и ползали по кустарникам, как рабы на хлопковых плантациях в краях известной рабыни Изауры.

Мало-помалу бидончики наши наполнялись, мы продвигались по редколесью в северном направлении и сами не заметили, как негустой перелесок закончился и мы вышли на огромное поле голубого от ягоды цвета. Честно говоря, столько голубики я не видел ни раньше, ни после того случая. Самое смешное, что я сюда неоднократно приезжал, но никогда не выходил из леса, полагая, что дальше там болото и ягоды нет. Короче, мы все просто, говоря современным языком, обалдели от предложенного природой изобилия, что ни слова не говоря опустились на корточки и увлеченно начали брать ягоду, попутно кладя ее не только и не столько в бидончики, но и в рот, смакуя и наслаждаясь.

Я забыл сказать, что поле, на которое мы вышли, представляло из себя типичный кочкарник, то есть некую равнину, которая когда-то была болотом. Сейчас же все пространство поля представляло из себя огромное скопище болотных кочек. То там, то сям виднелись уродливые обгоревшие остовы деревьев - пару лет назад здесь бушевал пал, который сжег все, в том числе и деревья.

Время шло, бидончики наполнялись, пришла пора возвращаться. Только в этот момент мы сообразили, что погода, как это частенько бывает на Дальнем Востоке, незаметно, но быстро поменялась, небо затянуло какой-то серовато-грязной сплошной пеленой, а воздух вокруг нас наполнился неким подобием тумана, отчего окружающие

предметы стали расплывчатыми и потеряли резкость. Мы не имели перед глазами ни одного ориентира, по которому можно было бы найти нужное нам направление движения.

В довершение всего, слышимость в таком тумане практически становится нулевой, и мы не могли хотя бы услышать гул автомобилей, идущих по трассе, в сторону которой нам и нужно было идти. Виталья, приятель, человек импульсивный и горячий, стал резво доказывать, что идти нужно вот туда, его жена, Татьяна, наоборот, была уверена, что идти нужно в другом направлении. Моя жена растерялась, молчала и только хлопала глазками, взирая на меня. Я же, честно говоря, не имел никакого чувства, куда надо было двигать стопы.

Постояв, поразмыслив, я начал искать способ, по которому можно было бы сориентироваться по сторонам света. Нам был нужен юг. Солнышка на небе не было, и оно даже не угадывалось, деревья, которые остались более или менее целыми, стояли абсолютно черные и обуглившиеся, никакого мха на них не было. Ни камней, ничего, за что было бы можно хотя бы зацепиться, поймать кончик нити для рассуждений. Виталья истово доказывал, что он прав, я же не торопился, а стал самым пристальным образом осматривать стоявшие поблизости горелыши деревьев, в надежде найди остатки мха, который всегда растет с северной стороны. Подошел к одному дереву, ко второму, результат - ноль. Продолжил поиски. Шагах в десяти, среди кочкарника, я случайно заметил обгорелый пенек, возле которого была небольшая лужица. В свое время она, видимо и спасла этот пенек от полного обгорания, и в приземной зоне я обнаружил не стогревшую, точнее, не обуглившуюся древесину, на которой четко была видна поросль мха. Все! Теперь я точно знал,

где юг, и куда нам нужно идти. Я подозвал друзей, показал то, что нашел, и протянул руку в том направлении, куда нам было нужно идти.

Виталя, голова горячая, опять со мной заспорил, но я твердо ему сказал: иди, куда хочешь, а я иду сюда, и женщин забираю с собой, тут он сдался.

Двинулись, через двадцать минут вышли в знакомый лесок, еще минут через двадцать пять вышли к шоссе в ста метрах от машины. Малость поплутали, поспорили, зато ягоды набрали просто отменной. С той поры я стал всегда брать с собой компас.

Случались по жизни и иные подобные случаи и ситуации, но, думаю, рассказанного вполне достаточно для того, чтобы усвоить простую истину, которую мы все, в общем-то, хорошо понимаем и знаем, но почему-то забываем про нее, когда попадаем в критические ситуации. Истина эта проста - не теряйте хладнокровия и рассудительности, и выход всегда найдется.

ОЙ-БАЙ-ЯЙ, КАКОЙ РИБАМ!

Давно это было. Очень давно. Полвека назад. Месяца три-четыре для ровного счета не хватает. Поехал я со своим соседом-приятелем на рыбалку. Приятель мой - человек солидный, в годах. Достаточно сказать, что его дети были всего-то на три-четыре года моложе меня. Однако, разница в возрасте не мешала нам быть друзьями. Мы вместе работали, и частенько вместе отдыхали. Вот и в этот раз поехали на свое излюбленное место - речку Ащи-су. До нашего рыбацкого «рая» было примерно сто пятьдесят километров по трассе Караганда-Каркаралинск. Добравшись до определенного местечка, мы свора-

чивали налево на один из проселков, и через пару-тройку километров подъезжали к речке, которая представляла собой вереницу длинных плесов, длиной иногда до двух километров (иногда - меньше), которые вдруг обрывались, вода исчезала, по руслу шло каменистое сухое дно, которое через некоторое расстояние вновь уходило под воду очередного плеса. Течения в речке почти совсем не было. На карте она отмечалась пунктирной линией, какой метят пересыхающие реки. Вот один из таких плесов мы и облюбовали, периодически приезжали сюда и отдыхали, наслаждаясь процессом рыбной ловли на удочку с поплавком. Рыба была здесь всякая, какая водится в любой другой реке.

Однако в тот раз, о котором я хочу рассказать, мы, видимо увлекшись немного скоростью, проскочили нужный нам поворот и свернули на похожий, а они в степи все, как близнецы-братья. Ничего особо страшного в этом не было, ибо речка шла параллельно шоссе, и мы так или иначе, все равно выезжали к ее берегам, но в другом месте. И правда, километра через полтора выехали к реке. Плес в этом месте был даже пошире, чем на нашем месте, берег удобный, место открытое. Короче, чтобы не терять время, мы решили рыбачить здесь. Я забыл добавить, что дальше по ходу полевой дороги, по которой мы подъехали, ближе к горизонту, виднелся какой-то аул. Однако народу нигде никакого видно не было, и по всему выходило, что мешать нам рыбачить никто не будет.

Местечко нам глянулось, и мы окончательно решили попытать рыбацкого счастья на новом месте. Разгрузились, обустроили бивак, размотали и снарядили снасти, и....»ловись рыбка большая и маленькая». Ловились окуни, плотва, клев был вполне удовлетворительный, и наловленной рыбы нам уже вполне хватало на уху. Сам

не знаю, почему я вдруг решил покидать блесну, привязанную на спиннинговый манер к леске метров десяти длиной (такую снасть мы иногда брали с собой, но чаще, когда ездили на более крупную речку - Нуру.) Рыбаки мы были бедные, и о такой роскоши, как хороший спиннинг могли только мечтать - их и в магазинах-то в те годы не всегда купить-то можно было.

Короче, не успел я забросить блесну, как тут же почувствовал резкий рывок, по воде закипели буруны, леска натянулась, как струна. Через пару-тройку минут борьбы вытащил я знатную щучку килограмма на два. Повторяю заброс - аналогичный результат. Приятель мой тоже вмиг подхватился, мы разошлись по берегу, чтобы не мешать друг другу и... пошла писать губерния! Минут за тридцать выловили двенадцать щук - все, как на подбор по стандарту - около двух килограммов весу. Мало-помалу как-то жор утих, дело шло уже к вечеру, и мы решили варить уху.

Приготовили таганок, раскопегарили паяльную лампу, поставили котелок. Все шло хорошо, пока не обнаружили, что нет соли. Что делать? Говорю: - Сергей Васильевич, давай я сгоняю в аул, там магазин должен быть, куплю соль и, по такому счастливому случаю, не взять ли нам пузырёк водочки - и в уху добавим, и за счастливую рыбалку выпьем, все равно ночевать будем? Мое предложение нашло положительный отклик. Поехал в аул. Въезжаю, и почти сразу вижу вывеску - Магазин. Подъезжаю - замок. Полный облом - ни соли, ни водки. Стою, оглядываюсь, соображаю, что делать. Мимо идет мужичок. Спрашиваю, почему, дескать, магазин не работает, вроде часы еще рабочие? Он мне отвечает: - а ты зайди к продавщице домой, у нее ребенок болеет, она с ним сидит, но купить можно все, что нужно, она продаст, вон и домик

ее, через дорогу. Поблагодарив, направляю стопы к домику, стучусь, захожу.

Крохотные сени, дверь, за которой комнатка чуть больше сеней и дальше - еще одна, через дощатую перегородку. Слева нечто, должное изображать кухню - низенький азиатский столик, рядом самовар, пиалушки, ложки, какая-то тарелка. В дальней комнатке на полу ковер-кошма, на котором стоит еще один азиатский столик, поодаль - детская кроватка, в углу сундук. Более никакой мебели. Пол в домике земляной. Забыл сказать - в центре стоит сложенная из кирпича печка с чугунной плитой, она и очаг для варки пищи, она и очаг для отопления.

Честно скажу, сам вырос в обстановке крайней бедности, но такой, если так можно сказать, откровенной нищеты давно не доводилось видеть. Навстречу мне поднялась с пола худенькая, невзрачного вида молоденькая казашка. Весь ее облик указывал на то, что передо мной - существо робкое, забитое. Уж не знаю почему, но у меня сложилось, буквально с первого взгляда на нее, такое впечатление.

Поздоровался, извинился за беспокойство, спросил, нельзя ли купить соли и водки. Девушка отвечала мне с сильным казахским акцентом, что сейчас возьмет ключи, и мы сходим в магазин. У меня ребенок сильно болеет, я дома сижу - извинилась она. Мы вышли, дошли до магазина, я все быстренько купил. Уже закрывая замок, она спросила, а вы что здесь делаете, откуда приехали? Отвечаю, что приехали из Караганды, ловим рыбу на речке. Ой, рыбу, а можно моему ребенку больному хотя бы две-три штуки привезти?

Отвечаю, что нет ничего проще, скоро подъеду и привезу. Возвращаюсь к биваку, обсказываю ситуацию товарищу, беру две самых крупных щуки, еду в аул. Захо-

жу в дом и кладу их на столик.

При виде наших щук у хозяйки широко открываются глаза, и непроизвольно вырывается возглас: Оппырай-май, ой-бай-яй, какой рыбам! (эти звуки - выражение крайней степени удивления в казахском языке) Что, правда в нашей речке такая рыба? Да, говорю, вот такая у вас рыба. А мы и не знаем, и не ловим никогда. Я смотрю, а у нее непроизвольно совершаются глотательные движения, видимо, она сама давно ничего не ела, и ее удивление - это скорее всего радость от того, что неожиданно-негаданно появилась еда.

Тут бес меня подтолкнул под руку спросить, а что с ребенком? Не знаю, говорит жар большой, весь горит. Какие-нибудь давали лекарства? Лекарства нет - фельдшер уехал, никого в ауле нет. Можно, говорю, я его гляну, я в мединституте учусь, успокаиваю ее. Недоверчиво смотрит, колеблется, потом разрешает. Опять вижу в ее поведении страх и забитость. Осматриваю мальчика, дыхание жесткое, учащенное, он весь пышет жаром, похоже, что от жара и сознание спутанное, не очень-то на меня реагирует. Лихорадочно думаю, чем помочь. Приходит на ум метод бабушек - растирание уксусом. Спрашиваю - уксус есть? Нет! А в магазине есть, я видел, там были трехгранные характерные бутылочки, в которых он продавался. Идем - говорю,- в магазин купим. - Менде акша жок (у меня денег нет) - Менде бар, жур, кеттык - говорю ей. (У меня есть, пошли) Смотрю, у нее слезы на глазах блеснули. Беру уксус, развожу, обтираю мальчику грудную клетку, виски, плечи. Укутываю его и говорю - скоро жар спадет и он уснет. Собрался и поехал - не мог я спокойно видеть, какими она глазами смотрела.

Тогда у меня сложилось впечатление, что эта девушка как чуть ли не впервые столкнулась с участием к ее делам

и проблемам. Я вовсе не изображал из себя волшебника в голубом вертолете - просто видел ситуацию, видел ее покорную и почти безучастную беспомощность, и понимал, что нельзя не помочь. Все, что смог - сделал.

Наутро я решил навестить этот домик, узнать, как там ребенок? Хозяйка встретила меня уже немножко смелее, и даже изобразила на лице нечто вроде робкой улыбки. Я спросил, как мальчик? Она ответила, что спал всю ночь хорошо и утром с аппетитом поел нашей рыбки, вроде, дело пошло на поправку. Я подарил ей еще одну щуку, выловленную сегодняшним утром, попрощался и уехал.

И находясь на биваке, и по дороге домой, я думал о том, как бывает порой жестока жизнь к людям. О том, сколько еще несправедливости и трудностей предстоит испытать этой девчонке. Мне тогда было совершенно непонятно, как могло быть в нашей стране такое?

Много лет минуло с той поры, но я по-прежнему помню и жуткую нищету этого крохотного саманного домика в глухом степном ауле, и безропотную покорность и забитость ее хозяйки, и ее благодарно блеснувшие глаза, когда я привез ей рыбу.

ЗАОЧНЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

Из окна моего дома виден подъезд соседнего. В этом подъезде живет человек, которому уже за восемьдесят. Он бодр, подвижен, имеет острый ум и не менее острый язык. Мы с ним знакомы и приятельствуем более сорока лет. Он частенько балует меня неожиданными афоризмами. Не далее, например, как перед новым годом, когда мы стояли с ним во дворе, случайно встретившись, он, глядя

на впритык и вплотную припаркованные по всей территории двора автомашины, сказал мне: велика Россия, а машину поставить негде! По профессии он военный летчик. Полковник в отставке.

Очень интересно, что о его существовании я узнал за несколько лет до нашего знакомства. В 1964 году, в августе месяце, я в один день в почтовом ящике обнаружил два документика. Первый - повестка в военкомат, предлагавшая мне такого-то числа появиться в восемь утра в военкомате для отправки на военную службу, а вторая извещала, что я принят в медицинский институт, и мне надлежит тогда-то и тогда-то прибыть с вещами для отправки на сельхозработы. Такая вот, дилемма. А еще в почтовом ящике лежал любимый мой журнал «За рулем», который я выписывал уже несколько лет. В номере я прочитал, помимо всего, об интересном случае. Где-то там, далеко, в самой тьмутаракани, в каком-то Хабаровске, военный летчик посадил самолет Ил-14 на бензовоз, чем спас жизни многих людей. Там описывалось, как, что и почему произошло. Если пересказать короче, то получилось, что у самолета одна стойка шасси вышла, а вторая не вышла. Попытку посадить самолет на «брюхо» тоже не удалось осуществить, так как вышедшая стойка не убиралась, и тогда было принято решение разогнать по бетонке грузовик, а пилот при посадке должен был так рассчитать свои действия, чтобы крыло, где не вышла стойка, легло на автомобиль. Журнал рассказывал, что пилот все это мастерски проделал.

Прочитал я эту статью, восхитился мастерством пилота, и даже в голове не мелькнуло, что когда-то меня судьба сведет с этим человеком.

Прошло много лет, я окончил институт и оказался на Дальнем Востоке. В 71 году мне предстояло выполнить

работу, для которой требовался вертолет. Этим вертолетом управлял человек приятной наружности, с умным и располагающим к себе лицом. Нас познакомили и мы быстро, как люди языкатые, нашли общий язык. В дальнейшем наши пути по службе пересекались очень часто, и мы стали настоящими друзьями. В семьдесят пятом году я получил квартиру в доме, в котором до сих пор живу, и мой новый друг летчик стал еще и моим соседом.

Как-то раз сидели мы с ним вечером во дворе на лавочке, болтали «за жизнь, за слезы, за любовь», я вспомнил про тот случай с самолетом и бензовозом. Спрашиваю его, Михалыч, ты уже давно в Хабаровске, часом, не знаешь ли вот такую историю, которая произошла на Большом Аэродроме в 64 году, и рассказал ему, что мне было известно.

- Как мне не знать - отвечает, - если это я и был!

- Иди ты - недоверчиво отвечаю я - не может быть, я ушам своим не поверил

- Ну, не хочешь - не верь, но именно так оно и было!

- Слушай, а как так получилось, что обе стойки шасси у самолета отказали - спрашиваю его - ведь такое практически вообще не может случиться, если только в теории.

Дело было так. Я, как это у нас говорится, «облётывал» молодых летчиков, прибывших из училища. Взлетели, каждый из них выполнял то задание, которое было для него в полетном листе, я за ними наблюдал. Облет закончился, надо было садиться. Посадку я доверил одному, как мне показалось, самому способному. Все шло нормально, вышли на глиссаду, даю команду - выпускай шасси - выполняет, но одна стойка не выходит. Я беру управление на себя, убираю шасси, снова выпускаю, опять та же история. Докладываю обстановку на командный

пункт. Получаю распоряжение: попробуй приземлиться, ударив вышедшей стойкой по полосе, и уйди на следующий круг, возможно стойка вывалится. Делаю - эффект ноль. По команде повторяю маневр - эффект ноль. Получаю команду: убирай шасси, садись на брюхо, рядом с полосой на грунт. Пытаюсь убрать шасси - вышедшая стойка не убирается, видимо, ее заклинило, когда я «стучал» ей по бетонке. Ну, а дальше ты знаешь - посадил самолет на цистерну бензовоза.

Я не верил ни глазам, ни ушам - передо мной сидел человек, о котором я читал много лет тому назад, такие вот случаются невероятные истории.

ДЛИННЫЙ ДЕНЬ.

По окончании первого курса, летом 65 года довелось мне попасть в составе студенческого стройотряда на юго-восток Карагандинской области, в район северного Прибалхашья. Помню, нас долго возили в грузовиках по бесконечным горно-степным дорогам. Наконец, прибыли в райцентр с романтическим названием Актогай. Пару дней потолклись там, а потом нашу бригаду направили в аул Сарытерек. Название в переводе звучит как желтый тополь, но мы там не видели не только тополей, но и деревьев вообще.

Типичный аул тех лет. Вперемешку юрты и саманные дома. Изобилие собак, детворы, овец, коней, верблюдов. Поселение приткнулось к берегу небольшой речки, название которой помню до сих пор - Токрау. Течет она с предгорий мелкосопочника Аркарлы, сначала на юго-восток, потом резко сворачивает на юг, стремится к Балхашу и, не достигая его, теряется в бескрайних степях и сопках

- пересыхает. Однако, в Сарытереке Токрау еще достаточно полноводна и шустра в течении, чтобы мы свободно могли купаться, что мы и делали с превеликим удовольствием, ибо стояла страшная, просто знойная жара.

Целую неделю вальяжное совхозное начальство с умным видом размышляло, куда и как нас распределить по строящимся объектам. Пока суть да дело, главный инженер совхоза, симпатичный казах лет тридцати с одиозным именем Опий, оперативно использовал нашу рабсилу на разного рода работах.

Разместили нас в саманном бараке, в отдельных комнатах, человек по шесть-восемь. Условия - спартанские. Матрацы, набитые сеном на полу, туалет на улице, поодаль - крытая навесом столовка по типу полевой кухни. Заправляла там хозяйством молоденькая казашечка 25 лет, у которой к той поре было восемь детей, а в округлой формы животику уже прописался девятый. Помогала ей пожилая женщина, которую все величали байбише, то бишь, уважаемая бабушка, или - главная жена, хозяйка дома.

Мы были молоды, настроены оптимистично, никто не жаловался на примитивный быт. Пожалуй, я думаю, его мало, кто замечал, если только девчонки.

Наконец, распределение закончилось и мне, в составе звена Генки Ли, нашего сокурсника с санфакультета, выпало ехать в Аксай - белую долину Там мы должны были построить кошару из камня размером сто пятьдесят метров на сто.

Приехали, спешились с грузовика. Нас 11 человек парней и одна девушка по имени Инга. Она должна была работать поварихой. На месте работ стоит симпатичный беленький финского образца домик. Рядом с ним - крошечное озерцо размером три на два метра, очень глубо-

кое (потом промерили).

Всюду каменистые сопки, от домика куда-то дальше, к горам, уходит долина, это и есть собственно Аксай. По склонам кустарник. Потом оказалось, что в этом кустарнике в изобилии растет дикая черная смородина. Откуда там эта ягода - так и осталось тайной.

Разгрузили пожитки, продукты, орудия труда. За домиком стоял грузовик ГАЗ-51 и трактор Беларусь с тележкой. Огий, которого мы меж собой стали называть прорабом, быстро показал, что, где и как, сел в машину и был таков - торопился домой в Сарытерек, до которого было ровнехонько семьдесят километров. Ни связи, ни электричества, никаких удобств. В довершение всего оказалось, что вода в озерце горько-соленая и пить ее нельзя. Потом мы обнаружили еле заметную тропинку вверх, в гору, и там нашелся источник питьевой воды с приямком. Источник очень скудный, за сутки набегало ровно три ведра воды. Поэтому мы варили ведро то ли супа, то ли каши, ведро компота из привезенных сухофруктов и местной смородины, еще ведро-полведро оставалось на умывание и мытье посуды.

Заглянули в домик. Там - полнейший беспорядок, грязь, мусор, поломанные прутья, и черт знает что еще. Не теряя времени, принялись за уборку. Тут я заметил нечто такое, отчего энтузиазм по поводу приличного жилья у меня сразу резко уменьшился: увидел в щелях несметное количество тощих клопов. Указал пацанам на это факт, но они как-то наплевательски легко отнеслись к этому. Красавец-грек Лазарь сказал: мы будем спать на полу, в центре комнаты, твои клопы нам ничего не сделают, им до нас не доползти. Я однако, на этот счет имел другое мнение и сказал, что в домике жить не буду. За мной пошел только кореец Генка Ли. Мы вышли с ним

на воздух, подобрали старую железную бочку, накидали в нее кизяка, валявшегося вокруг в неимоверном количестве, разместили ее таким образом, чтобы дым, выходящий из отверстия, стелился над нами - лучшая защита о москитов. Прямо на землю постелили матрасы и наше жилище на первую ночь было готово. Разожгли кизяк в бочке, легли, укрылись плотно одеялами, благо их было достаточно, поболтали и заснули.

Ночью нас разбудили дикие вопли грека Лазаря, гиганта Мишки Кочегарова, да и остальные пацаны выражались весьма конкретно. Фонарик был только у меня, забегаю к ним и что мы видим? - полчища клопов падают на наших «культурных интеллигентов» прямо с потолка и сходу впиваются в их молодые и вкусные тела.

Картинка жуткая: клопов - миллиарды. Ни о какой борьбе с ними, тем более, победе, речи и быть не может. Финита ля комедия. Все начали выскакивать на улицу и «подселяться» к нам, но дыма из бочки было мало, поэтому большинство под его защиту не попало, и теперь они уже страдали от гнуса. Но от него можно было хоть как-то малость спастись, укрывшись одеялом.

Наутро мы первым делом сколотили навес, подложили под матрацы нечто типа настила из досок, вроде, как примитивный пол, по углам поставили пустые бочки, начинили их опять кизяком. Вот так уже можно было достаточно безопасно спать. Дожди там - явление крайне редкое, особенно летом, а все остальное мы считали пустяками и мелочью, недостойной внимания.

Потекли рабочие будни. На тыльной стороне соседней скалы мы долбили шурфы, закладывали взрывчатку, добывая таким образом строительный камень. Грузили его в тракторную тележку и грузовик, подвозили к месту работы, готовили раствор и клали стену по периметру ко-

шары. Никто нас подрывному делу не обучал, зачётов по технике безопасности никаких не сдавали, про права на вождение грузовика и автомобиля и не вспомнили. Работайте, ребята - вот весь сказ. Периметр составлял ни много, ни мало - аккурат пятьсот метров. Строевание, как видите, масштабное. Работали от зари до зари, были мы молоды, силы у каждого было немерено, впахивали так, что любые ударники коммунистического труда могли бы позавидовать. Никаких выходных, о них и не вспоминали. В такой глуши, когда ближайшее жилье в семидесяти километрах и делать-то больше было нечего, как только работать. Иногда работу заканчивали пораньше, мылись соленой водой, потом малость ополаскивались пресной, предварительно дав Инге задание немного ее подкопить. Попутно дурачились, травили анекдоты, представляли всякого рода сценки из прошедших будней, изображая кого-нибудь в комичном свете. Дружно, но беззлобно подтрунивали над Ингой и над Генкой Ли, который считал своим долгом ее особо оберегать, хотя никто из нас даже и в мыслях не держал сделать ей что-нибудь обидное. Короче, все шло просто замечательно до тех пор, пока Инга утром не сказала: - все, ребятки, сухофрукты у нас закончились, тушенку я сегодня заложила последние четыре банки, мука тоже кончилась, остались соль и лавровый лист, ну и там еще малость сахара и так, кое-чего по мелочи.

А тут еще и Леха, который заведовал горючим, добавил маслица в огонь: а у нас и голючки плактически нету, ни солянки, ни бензина - прокартавил он своим привычным быстрым фальцетом.

Повисла тишина. Начали вспоминать, когда приехали, начали считать дни, припоминали, что сказал Огий, когда уезжал. Получалось, что про нас аккуратно забыли.

Решили устроить день отдыха, совместив его с банным днем. Отрядили троих в долину собирать смородину, хоть компоту сварить. Еще в самом начале мы с Генкой на всякий случай отложили НЗ. Вот этот случай и наступил. Пока мы о нем с ним молчали. Помылись, подурачились, помогли Инге сварить компот. Короче говоря, промаялись дурью целый день. Никто не приехал, и в стороне Сарытерека ничего не пылилось, предвещаая машину. Вечером призадумались. Кто-то робко кинул идею: надо идти в совхоз, дескать, сколько мы тут еще просидим? Камни возить не на чем, а на себе их голодными много не натаスカешь.

Сначала идею отвергли, но потом все-таки трезвый рассудок подсказал, что это как раз то, что нужно делать в данном случае. Возник вопрос: а кто пойдёт? В таких случаях я всегда стараюсь первым вызваться. Во-первых, не люблю сидеть и томиться неизвестностью, во-вторых, как правило, люди начинают что-то хитрить, проявлять не лучшие свои качества. Вот чтобы всего этого не видеть, сам объявил, что пойду в Сарытерек. Семьдесят километров - не такой уж большой путь, к тому же у меня есть навыки ходьбы на дальние расстояния - так я сказал бригаде. Мой «энтузиазм» ни у кого возражений не вызвал.

Ближе к вечеру мы с Генкой извлекли свой НЗ, позвали Ингу, покумекали, получалось, что нашего припаса дня на два при экономии может хватить. Банку тушенки я взял себе в дорогу. Еще прихватил спичечный коробок соли, фляжку литровую воды, и сухарей из НЗ, да с десяток кусочков рафинада. Сунув свой нехитрый провиант в небольшой рюкзачок, лег спать. Вставать наметил совсем рано - путь далекий. Настроил себя на неторопливый шаг, без рывков, перемены темпа ходьбы, и прочих нюансов: я не собирался ставить мировой рекорд, просто я должен

был пройти семьдесят километров по выжженной каменистой и гористой степи, где не было ни капельки воды и никакой возможности укрыться от беспощадно палящего солнца.

Проснулся в начале четвертого. Быстренько распалил таганок, поставил согреться кружку воды в чайнике, круто заварил чая № 36 (тогда в Казахстане самый ходовой и желанный товар) в ней, неторопливо выпил его, прибрался на столе, посмотрел на спящий народ, посмотрел на восток, посмотрел на север и двинулся в путь.

Обдумывая накануне путь, принял решение идти напрямую, держа общее направление, так как если следовать изгибам дороги, ведущей к нам от Сарытерека, мне пришлось бы прошагать гораздо больше семидесяти километров. Поселок от нас находился практически строго на север, а дорога, как мне запомнилось по пути сюда, выписывала кривую, напоминавшую латинскую букву S, да еще и с дополнительными извивами. Общую карту местности я хорошо себе представлял, и риска заблудиться и потеряться в бесчисленных горах, долинах и распадках у меня не было. Где-то почти в четыре утра я был в пути. Солнце еще было за горизонтом, но его присутствие уже не угадывалось, а реально определялось алым полотнищем с восточной стороны.

Было удивительно тихо, ни ветерка, ни каких-то звуков, ни шороха. Природа как бы замерла в предвкушении появления солнца. Передо мною лежала страна, которую в учебниках географии называли скучным термином Казахский мелкосопочник. Вряд ли кто-то из читающих этот учебник мог представить себе за этим серым термином то калейдоскопическое изобилие красок, которое открывалось взору путника, вступившего на землю этого края.

Я поднимался на невысокую гору, держа путь на север. До вершины оставалось совсем недалеко, как, наконец, вынырнуло солнце и осветило вокруг все, а не только отдаленные вершины других гор вокруг меня. Было от-
радно видеть удивительное изобилие причудливых форм скал и камней, рожденное прихотью игры ветра и воды, перепады расцветок ярко освещенных вершин и полутонов теней долин и распадков, играющих то темным аква-
марином, то почти иссиня черным цветом спрятавшейся за отвесными скалами и обрывами еще не окончательно ушедшей ночи.

С вершины горы, на которую я взобрался, мне открылся захватывающий вид горной страны: где-то там, далеко внизу, была видна долина, по ней змейкой вилась дорога, в отдалении царили в гордом и величавом мол-
чании вершины других гор, за которыми виднелись еще более высокие горы. Эти вершины, эти горы, казалось, громоздились друг на друга, поднимались все выше в небо. Общий вид рельефа стремился в высоту и венчался далекой, почти невидимой вершиной горы Аксоран - па-
триарха горного массива, по которому я шагал неторо-
пливым шагом путника, идущего не спеша по каким-то своим, ведомым только ему, делам. Картина напоминала мне в какой-то степени горный аул, сакли которого, це-
пляясь одна к другой, взбирались на пологий склон горы. В зависимости от того, как падал свет солнышка, более высокие вершины горели цветами то гранита, то свин-
цово-серым, то темным и мрачным, словно некие двери, ведущие в мрачное подземелье.

Внизу видно было пестрое лоскутное одеяло долин, окрашенное в желтые и бледно-зеленые цвета.

Переведя дух, я постоял пару минуток, любуясь этой сказочной красотой и намечая себе дальнейший путь,

выбирая в качестве ориентиров вершины соседних гор, и двинулся дальше. Шагал я, как и наметил, в неторопливом темпе. Мелкие камешки шуршали под подошвами моих ботинок, путь шел под уклон, солнышко светило мне в правый висок, далеко-далеко впереди манила меня моя цель, которую я, конечно, не видел, но о существовании которой точно знал. Спускаясь с горы, я зашел в какую-то неглубокую ложинку, нечто вроде складки на склоне горы, склон этой ложинки оказался достаточно крутой, пришлось слегка поднапрячься, я уже почти взобрался, как почувствовал, что стелька в правом ботинке опять предательски сдвинулась. Присев на камень, я решил разуться, просушить малость на воздухе ноги и выбросить эту штуку, которую уже несколько раз поправлял. Через минуту я, уже обувшись, встал, и тут из-за крутого излома края складки, который был чуток выше меня, появился олень. Увидев меня, он застыл, как изваяние в грациозной позе, застыл и я, боясь его спугнуть и желая немного подольше полюбоваться его красотой. Так и стояли мы в полутора метрах друг от друга, застыв и глядя друг другу в глаза. Наконец, олень, изящно прыгнул в сторону и исчез за бугорком. Я выскочил наверх, но он уже прыгал по камням совсем далеко, метрах в пятнадцати и скоро совсем скрылся за валунами. Кстати, если не считать орлов, парящих в неимоверной высоте, это было единственное живое существо, встреченное мной на пути.

Позавидовав в душе легкости его шага, я двинул в путь. Время шло, солнышко упорно взбиралось к зениту, подсвечивая мне уже в затылок справа. Утренняя прохлада быстро отступила под натиском его жарких лучей и уже давала знать о своем приближении полуденная жара. Я шел, шел, и шел. Ничто мне не мешало, в голове бродили разные мысли, почти подсознательно я корректировал

направление своего движения, наблюдая за постепенно меняющейся местностью, выбирая все новые вершины в качестве ориентиров.

Время от времени я кидал в рот пару-тройку кристалликов соли, если чувствовал, что во рту пересохло. От соли образовывалась слюна, чувство желания попить воды пропадало, и я шагал дальше, не прибегая к помощи фляжки с водой.

Если же поддаться искушению и выпить воды, то через некоторое время желание пить становится многократно сильнее, и тогда пиши - пропало, ты будешь пить, пить, пить и потеть, потеть, потеть, что быстро вызовет слабость и усталость. Силы заканчиваются, и тут уже нужно принимать какие-то меры к их восстановлению и нормализации водно-солевого баланса, как говорят в таких случаях умные люди врачи.

Часам к четырем стало почти нестерпимо жарко, да я и притомился уже. Решил сделать хороший привал. Выбрав местечко в распадке под скалой, сел в тень, достал сухари, тушенку, воду и сахар. Вскрыл банку, не торопясь, уничтожил ее содержимое, с удовольствием запил это сытное, но не очень вкусное блюдо водой, подсластив её сахарком. Привалившись к скале, закрыл глаза и даже минуток тридцать придремал. Очнувшись, огляделся, сориентировался и двинул стопы дальше.

Солнце палило мне уже в затылок, переходя на левую сторону. Тень моя шагала теперь не позади меня слева, а впереди и справа. Время шло, тень моя росла, солнышко все больше склонялось к горизонту, двигаясь в направлении далекой Бетпакдалы. Жара постепенно спадала. Откуда-то справа вынырнули столбы с проводами телефонной связи - первые признаки наличия на земле цивилизации за весь длинный день. Через полчаса слева

путь мне пересекла дорога, или то, что мы называли тогда дорогой - обычная поверхность земли, по которой наезжены автомобилями колеи. По всему чувствовалось, что скоро я увижу Сарытерек.

Однако прошло еще много времени, прежде чем эта картинка появилась воочию. Когда я подходил в западной оконечности аула, как и рассчитывал, времени уже было около десяти часов вечера, солнце спряталось за горами, начинало темнеть. Не заходя никуда, я дошел до берега реки и с наслаждением упал в течение Токрау. Вода ее показалась мне слаще всех наслаждений мира. Долго я просто лежал в воде, омываемый шустрыми струйками воды, чувствуя иногда, как рыбки щекотали мне кожу. Насытившись этим сказочным чувством речной прохлады, я выбрался на берег, оделся и двинул в общежитие. Мое появление там было сродни взрыву маленькой, но яркой бомбы. Пацаны закидали меня вопросами, но я, уже почти полусонный, практически падая с ног, однозначно отвечал им: - завтра, все завтра. Почувствовал под собой матраc и мгновенно провалился в небытие.

Назавтра я порешал все хозяйские дела, вдоволь и с наслаждением поругавшись с тамошними начальниками, в том числе и пресловутым Опием, загрузил полную машину продуктов и горючего в бочках. Вечером, но еще засветло, тронулся в путь. Торопился, знал, что там меня ждут голодные пацаны, через два часа я был на месте.

Вот так завершился мой сарытерекский анабазис, если прибегнуть к помощи лексических перлов великого и почитаемого мной Ярослава Гашека.

Назавтра работа закипела, и жизнь вошла в свое повседневное русло. Ко второй половине августа мы закончили порученные нам работы и благополучно вернулись по домам.

СУКПАЙСКИЙ ОТШЕЛЬНИК.

Недели за две до прошедших новогодних праздников пришло мне известие из тайги от тамошних мужиков о кончине моего знакомого егеря. Честно сказать, его и знакомым-то с полным правом очень трудно назвать. Встречались мы всего один раз, лет пять тому назад, когда меня городские друзья, страдающие охотничьей болезнью, уговорами вытянули поехать с ними на пару-тройку дней в верховья реки Сукпай, что течет по Сихотэ-Алиню в бассейне Хора, большого притока великой Уссури. Зная, что я противник охоты, они заманили меня возможностью просто погулять по зимней тайге, полюбоваться картинами природы во всей её почти нетронутой первобытной красе. Короче, я поехал.

Добирались долго. Сначала на хваленых самых лучших в мире японских джипах, а потом уже на отвратительных русских уазиках, так как там, куда мы ехали, хваленые джипы, хоть американские, хоть японские, ездить не могут - кишка тонковата. Наконец, приехали на какую-то заимку, представляющую из себе группу различных зданий, рубленых из добротной лиственницы, рубленых с большим знанием и умением, с большой любовью к красоте и аккуратности.

Уже темнело. Не теряя времени быстро разгрузились, занесли поклажу в жилье, и хозяин заимки, местный егерь, мужик примерно моего возраста, гостеприимно пригласил нас в баню. Отменно попарились, вернулись в дом все довольные, усталость от долгой дороги куда-то ушла. На столе уже нас дожидалось обильное угощение. Здесь была и строганина, и отварная сохатина, вареная картошка, посыпанная зеленым (!) укропчиком; в мисочках скромно поблескивали матовыми боками разного

рода грибочки, и соленые, и маринованные. Стояли чашки с солеными помидорами и огурцами.

Охотники - народ разного рода церемонии не очень-то любящий. Без лишних приглашений, напоминаний и прочих экивоков и увещеваний быстренько уселись за стол, откуда-то возникла приятно поблескивающая бутылочка коньяка. Ужин начался.

Ужинали с аппетитом, алкоголем не увлекались, говорили в основном о завтрашних планах. Местные мужики приглядели хорошую стаю кабанов в районе какой-то там сопки, не помню уже названия. Обсуждали, что и как завтра поутру будут делать. Поужинав, быстро легли спать - подъем намечался рано. Утром мои неугомонные фанаты поднялись ни свет, ни заря, сноровисто и молча все собрались и ушли. Я остался дома один. Повернувшись на другой бочок, я снова сладко задремал, и проснулся, когда солнышко уже заглядывало через ветки здорового кедра в оконце моей комнатки. Умылся ледяной водой, позавтракал и пошел гулять по лесу.

К вечеру вернулись мои промысловики, как я их в шутку называл. Быстро спроворили ужин, За ужином горячо и живо обсуждали все перипетии событий дня. Выходило, что вернулись с хорошей добычей. Планировали, что надо бы завтра пойти на другую сторону сопки, куда по предположениям охотников убежала основная часть кабаньей стаи, но их планы были прерваны появлением двух затрапезного вида мужичков, заявившихся на заимку уже в полной темноте, аккурат к концу ужина.

Эти мужички, оказавшиеся хорошими знакомыми нашего гостеприимного хозяина, поведали, что где-то, по их рассказам по ходу какого-то распадка, нашли они знатную берлогу, и вздохнув предлагали взять всенепременно эту матерую зверюгу. Если сказать, что порох хо-

рошо горит от спички, то это ничего не сказать про тот взрыв энтузиазма, которым это известие было встречено.

Мужики, которые с тайгой на ты, народ легкий на подъем. Тут же был организован короткий «военный совет в Филях» и было решено с утраца двинуть в тот распадок за Михайло Потапычем.

Поскольку, путь был туда не близкий, то на всю операцию отведено было три дня. Собрали провиант, одежду подготовили, и утром затемно небольшой отряд «медвежатников» исчез в заснеженной тайге. Хозяин заимки с ними не пошел, остался дома, при нем остался и я.

Весь день я то бродил по тайге, то помогал Михаилу Евсеевичу (так звали егеря) по хозяйским делам. Незаметно, за обычными разговорами, перешли на ты и стали звать друг друга по отчеству, как это водится у пожилых мужичков. Еще в обед я заметил, что Евсеич затопил баньку. Увидев мой вопросительный взгляд, ответил мне, что, дескать, вчера что-то в тайге немного прохватило поясницу, надо бы попариться.

Стемнело, банька уже ждала. Неторопливо, со знанием дела, мы вволю насладились этим чудом русского быта. После парилки долго пили чай с брусникой, потом Евсеич откуда-то извлек затейливого вида склянку с немного мутноватой жидкостью. Давай-ка по махонькой рюмашечке, Львович, - говорит он мне - это мое, самодельное, чистый самогон, настоенный на отборных кедровых орехах. Много его нельзя, зелья этого, но чуток принять внутрь - отменное дело. Из любопытства я пригубил из предложенной мне рюмки.

Еще днем, в разговорах, я заметил, что мой новый знакомый нет-нет, да и употреблял различные медицинские словечки. А за ужином, рассказывая про свою кедровую настойку, он стал так часто употреблять медицинские

термины, что я вынужден его был спросить: - Евсеич, ты, часом, не из фельдшеров ли в прошлом? - Бери повыше - отвечает - я в свое время закончил мединститут и несколько лет работал врачом. Тут я уже подобрался, как блудливый кошка перед прыжком на мышь, и спрашиваю его - а какой институт-то ты закончил? - а внутренний голос, вот провалиться мне на месте, если я вру - мне шепчет: сейчас он скажет - Карагандинский. И что я слышу? - Карагандинский, в семьдесят первом году, лечебный факультет. Тут уже я раскрыл свои карты и выбросил их на стол. Для тех, кто не знает, поведаю, что я тоже окончил этот институт, только годом раньше. Не знаю, как у моего хозяина, а у меня удивлению не было границ. Впрочем, когда я сказал, было заметно, что он тоже удивлен, но какая-то тень легким облачком пробежала по его челу. Я это четко отметил.

Сами понимаете, тут уж беседа наша разгорелась вовсю. Вспоминали институт, профессоров, лекции, диспуты. Короче, всю студенческую житуху, нашлись даже общие знакомые. Самовар два раза ставили за разговорами. Мало-помалу беседа стала стихать, острота невероятного совпадения как-то притупилась, и у меня сам по себе исподволь возник вопрос, - а как же ты, Евсеич, оказался в нашей дальневосточной Тьмутаракни, да еще в егерях? - спросил я.

История эта долгая и запутанная, враз ее не обскажешь, да и притомился я что-то сегодня. Давай-ка на боковую. Завтра договорим. С этими словами Евсеич встал из-за стола, и стал прибирать снесь и посуду, я молча стал ему помогать.

Поутру выпитый накануне чаёк разбудил меня в несусветную рань. Я вышел во двор. Было темно. Небо не просматривалось, только где-то там, очень далеко, за вер-

шинами перевала, в стороне Тихого океана, скорее угадывалось, чем ощущалось что-то мутное, отдаленно напоминающее пробуждение рассвета. Было тихо. Было очень тихо и тепло, градусов двадцать мороза, не больше. Шел редкий снег, не хлопьями, а еле ощутимыми крупинками. Я стоял и слушал тишину, какой в городе не бывает никогда. И вдруг я поймал себя на том, что слышу какой-то очень тихий то ли треск, то ли шорох. Еще не понимая, откуда идет звук, я напряг слух, и тут же понял, что звук идет со всех сторон - это я слышу, как падают на землю крупинки идущего снега.

Минут через пять в одной из построек мелькнул свет - открылась дверь, в проеме показалась фигура Евсеича. Он уже работал - задавал корм своим питомцам, годовалому бычку, корове и двум лошадям.

Что, не спишь, земляк? - поприветствовал он меня вопросом. Вишь, снежок, оттепель, ветра нет. Теперь мне понятно, что это у меня вчера спина разболелась, а я-то подумал, что на скрадке кабанов подпростыл, даже баньку истопил. А тут все просто, откуда-то неожиданный циклончик с океана прилетел в гости, ладно, пойдем чаевать, а там и за дела примемся - закончил Евсеич свою тираду.

Мы зашли в дом, включили самовар, заварили чай, и с аппетитом позавтракали, степенно калякая о том, о сем. У хозяина моего были какие-то промысловые дела по проверке капканов, он встал на лыжи, и исчез в тайге.

Утро к этой поре обозначилось четко, уже рассвело, и ночная таинственность тайги куда-то спряталась. Я взял колун, и пошел к поленнице кругляка, запасенного на будущее. Кругляк оказался весь ясеновый. Это - дрова высший сорт, колоть их - сплошное удовольствие. С охотки я помахал орудием колки что-то около часа, по-

лучая забытое с детских времен удовольствие от того, как круглые поленья превращаются в аккуратные и ровные полешки, которые всем своим видом так и просились в печь. Закончив колку, сложил поленья в аккуратную поленицу и зашел в дом, решив малость отдохнуть - с непривычки уже и притомился.

Согрев чайку, я посмаковал пару стаканчиков с брусничкой, прилег на свою коечку, да и не заметил, как уснул.

Спал долго, до самого обеда, разбудил меня вернувшийся из тайги Евсеич.

Дремлешь! - спросил он меня с улыбкой - хорошее дело, полезное. Под такую погоду очень уж сладко спится. Сам, грешным делом, частенько, когда такое случается, этим балуюсь. Давай-ка, Львович, пообедаем, а там уже видно будет, чем займемся. Чую я, что наши сегодня никак не вернутся - очень уж тяжело по такому снегу рыхлому идти, да если еще и мишу взяли, то груз, сам понимаешь, не маленький. Никак им не осилить, будут ночевать на Соболиной пади, там зимовье хорошее, так я думаю.

Сели обедать. Со сна аппетит у меня что-то не заладился, должно быть, он, аппетит, еще не проснулся. Лениво похлебав борща и поковыряв скорее для приличия жареную картошку, я поблагодарил хозяина и принялся за чай. Мой новый знакомый добротен и не спеша пообедал, попил чайку, посидел на табуретке молча. Голова его незаметно склонилась - задремал. Минут через пяток он очнулся, да и говорит: - а пойдем-ка мы с тобой снег покидаем, двор малость почистим. Сказано - сделано. Пока расчистили двор, прошло много времени и стало уже смеркаться. Вроде бы и снег не большой, а напало много, попотеть изрядно пришлось.

Незаметно и неожиданно быстро стемнело. Есть особо не хотелось, обошлись чайком с парой бутербродиков, прибрались по хозяйству, и легли спать. Встали-то затемно, день-деньской толклись, да и притомились малость..Уже лежа в постели, я напомнил Евсеичу про его обещание.

Да-да, помню,- ответил он - короче, стало быть, начну сначала. Я - детдомовец. О родителях своих ничего не знал и не знаю. Когда школу окончил, поехал в Караганду с двумя нашими пацанами поступать. Я сдал и поступил, а друзья мои провалились, и пошли служить в армию осенью, а я, стало быть, как все студенты, поехал на сельхозработы.

Потом завертелось - учеба, общага, друзья, библиотеки, пирушки, ну и все такое. Как-то незаметно проскочили три года, и вот я уже студюозус четвертого курса. Конец августа, мы с приятелем пришли во двор института, предстояла отправка на горячо любимые сельхозработы. Стояли, толкались, переговаривались со знакомыми студентами, травили анекдоты. У меня и моего друга была некоторая льгота. За кое-какие работы, которые мы с ним проделали на каникулах для института, нам дали право свободного выбора, то есть мы могли поехать в любой совхоз по своему желанию. Вот мы и присматривались не спеша, кого куда собирались отправлять, чтобы хоть компанию подобрать хорошую.

Тут откуда-то вынырнул знакомый парень с пятого курса, поздоровались, спрашивает, - чего тут делаете, пацаны?- Да вот, собираемся в колхоз. - Понятно - а ты чего тут? Вас же, вроде, старшекурсников, не сегодня отправляют? - да я сестренку тут жду, поступила на первый курс, хочу узнать, куда поедет..ой, а вон и она, кстати, стоит на крыльце.

Мой рассказчик примолк, полежал минуточку, потом слышу, вроде, как встает. Точно, включил ночник, прошел к ведру с водой, попил, вернулся, присел на краешек кровати, да так и остался сидеть.

Понимаешь, Львович, я к той поре вроде бы уже не пацан какой сопливый был, как-никак - четвертый курс. Были у меня кое-какие отношения с девочками до этого. То одна приглянется, то другая. Похожу, повстречаюсь, то, сё - чувствую - не моё, никак не приходит нечто такое, чего я все время ждал. Как бы это тебе, поточнее сказать - что-то весомое, устойчивое, что бы как-то уравнило душу, внесло в чувства некую стабильность и уверенность. Вот, наговорил тебе целую кучу слов, а выразить точно так и не сумел, мудреная это штука, чувства в словах выражать.

Ну, так вот - продолжил рассказчик - указал нам приятель, где его сестренка стоит. До крыльца было метров тридцать. Честно сказать, я ее и не разглядел там, но что-то меня толкнуло под сердце, отчего я как-бы весь насторожился. Приятель помахал рукой, и девушка пошла в нашем направлении. До нее еще оставалось несколько метров, а я уже почувствовал некий холодный комок под ложечкой, который тут же раздвоился, и одна часть подступила к горлу, а вторая опустилась в низ живота и разлилась там холодком. На несколько минут я как бы потерял пространственно-временную ориентацию, девушка подошла, нас познакомили, я что-то промямлил в ответ, но даже имени ее не запомнил. Узнал только из разговора, что ее вместе с группой первокурсников отправляют в совхоз Свердлова. Это решило и мой выбор. Отозвав своего друга, я сказал ему, что хочу ехать в Свердлова, он согласился, и мы пошли в соответствующий автобус.

Не буду тебя утомлять лишними подробностями,

скажу только, что я стал, как заколдованный. Каждую минуту свободного времени я старался проводить так, чтобы она была где-то поблизости, чтобы я мог ее видеть, слышать ее голос. Вечерами я пропадал в комнате, где она жила, сидел там допоздна, травил анекдоты, рассказывал байки, играл, точнее, брэнчал, на гитаре и пел модные тогда песни Окуджавы, Галича, Высоцкого.

Полтора месяца колхоза пролетели мигом, и вот мы уже в институте. Первым делом я разузнал, где поселилась моя волшебница, и стал самым аккуратным и постоянным вечерним посетителем этой комнаты. Все повторялось. Песни, рассказы, разговоры. Так продолжалось еще месяца полтора-два.

Наконец, я собрался с духом, выбрал подходящую минуту и признался ей во всем. Лучше бы я этого не делал и продолжал жить, теша себя сладкими мечтами! Она меня очень благожелательно выслушала, вроде бы даже душевно и с участием, но сказала, что она ко мне никаких иных чувств не питает, кроме дружеских. Сказать, что свет померк в моих очах - это ничего не сказать. Я был сражен чувством разочарования, чувством утраты чего-то святого и безумно важного. Посидев минут пять, я попрощался и без лишних слов покинул их уютную комнатку.

Несколько дней я ходил сам не свой. Потом как бы успокоился, во мне вновь вспыхнула надежда, что я ее завоюю и что все равно мы будем вместе. В их комнате я не появлялся дней, наверное, двадцать, и когда пришел вновь, то девчонки все без исключения встретили меня очень радостно и приветливо. Все вернулось на круги своя: вечера под гитару, разговоры, рассказы. Так прошел мой четвертый курс, так прошел мой пятый курс. Во время весенней сессии пятого курса я повторил попытку

объясниться, результат был прежний.

На шестом курсе я первый семестр так и продолжал заходить к ним вечерами, но все оставалось неизменным и после нового года я как-то, утратив всякие надежды, практически совсем перестал к ним заходить. Не ходил до самой весны.

Приближались госэкзамены, и вместе с этим зарождалось чувство, что скоро все закончится, и я уже вступаю в жизнь практически взрослым человеком, врачом. За все это время я так и не знакомился ни с какими девочками и даже не помышлял о другом выборе, так она застряла в моем сердце глубокой кровоточащей занозой.

Самое странное, что я уже внутренне как-то смирился с безнадежностью, но что-то в самой глубине души теплилось, не затухало некое чувство неизменно теплого и святого по отношению к ней. Как-то погожим майским вечером я оказался, уже не помню по какой надобности, в районе их общаги, и решил зайти туда последний раз, попрощаться со всеми девочками, которые, видимо, догадывались обо всем и которые, я это ощущал, были в некоторой степени на моей стороне.

Когда я зашел в комнату, то почувствовал, что девочки очень рады моему визиту, защебетали враз: где ты пропадал, почему не заходил, мы уже соскучились, ну и все такое, что в таких случаях говорят. Появился чайник, какие-то печенюшки, конфетки. Сидим, болтаем. Вижу, что как-то незаметно, одна за одной, девушки испарились из комнаты, каждая нашла что-то пробормотать о важных делах, и так далее. И вот мы остались один на один.

Возникла неловкая пауза. Я подумал, что пора мне сказать слова прощания, ну и все такое, что приличествует говорить в таких ситуациях. Но я опоздал. Мой Лучик, так звал я её про себя за удивительно чистые глаза, вдруг

стала меня упрекать, что я ее забыл, что я так долго к ним не ходил, и что она поняла, что любит только меня, и будет любить всю жизнь.

С этого момента стена, стоявшая между нами, рухнула и мы просто провалились в бешеный водоворот страсти. Я послал к черту все госэкзамены, каждую свободную минуту мы были вместе, и не расставались ни днем, ни ночью. Нам немного повезло, один мой старший друг, человек уже женатый, поехал в отпуск куда-то в Воронеж и нам на целый месяц оставил благоустроенную квартиру на Пришахтинске. Я честно скажу, что госы я сдавал в каком-то тумане. Самое смешное, что все сдавалось на одном дыхании на отлично. Все остальное время, мы отдавали друг другу, и любили, любили, любили. Я уже знал, что мне предстоит ехать в Забайкалье, служить в качестве военного врача два года. Мы строили планы, что и как будем делать, когда я вернусь. Она оставалась в институте, ведь ей еще предстояло учиться три курса.

Потом мы как будто очнулись и решили узаконить наши отношения, подать заявление в ЗАГС и зарегистрироваться. Однако немного опоздали. Тогда существовало правило, что заявление должно отлежаться тридцать дней, вроде, как давалось время для обдумывания этого серьезного шага. Нам не хватило двух дней, я позже уже не мог выезжать, мне была предписана четкая дата прибытия в Читу. Как я ни уговаривал строгую даму из ЗАГСА, она осталась непреклонной, и заявление наше не приняла.

Оставшееся время промелькнуло со скоростью пули, и вот она уже провожает меня на вокзале. Я тогда испытывал очень сложное чувство. Мне очень не хотелось с ней расставаться, оставлять ее одну, и где-то в глубине души ютился страх, что я вижу ее в последний раз, и

больше мы с ней никогда не встретимся. Я всячески гнал это чувство от себя.

Не буду тебе ничего говорить о службе. Военка мне никогда симпатична не была, и я не собирался связывать свою жизненную дорогу с погонами. Загнали меня под Борзю в какой-то затерянный гарнизонишко. Вот там я и оттарабанил свои два года. Каждый день я писал письма в Караганду, иногда даже по два в день, так сильно я скучал по ней, и так мне с ней хотелось общаться. Она мне тоже часто писала, правда реже, чем я, оправдывалась, что мало свободного времени, что очень сложно учиться.

Вот так все и шло, я уже вполне привык к новым условиям, даже два раза удалось поговорить с ней по межгороду, когда выезжал в командировку в Борзю. И вот, представляешь, Львович, семнадцатого января вижу сон, что я приехал в Караганду, захожу в какую-то квартиру, где, якобы, она ждет меня. Захожу и вижу, что она какая-то чужая, холодная, отстраняется от меня, и вся в крови. Не говорит ни одного слова. Мне становится страшно, я просыпаюсь и понимаю, что это всего лишь сон. Утром я пишу ей письмо, где описываю этот сон, пишу ей, что тревожусь о ней, все ли там у нее хорошо? А восемнадцатого мне приносят телеграмму, что ее насмерть сбила автомашина, когда она бежала в Михайловке из первой больницы через дорогу к остановке. Телеграмму мне послали девочки из их комнаты.

После армии я поехал в Читу, мне как-то было все равно, куда ехать, был я на всем белом свете один, и никто нигде меня не ждал. Года полтора я работал в одной из городских больниц. Скажу честно, работал без души, просто тянул лямку. В душе я понимал, что так нельзя, что врачебная работа не должна исполняться таким образом, но ничего с собой поделать не мог: что-то треснуло

в моей душе. Я даже когда женщин в белых халатах видел, все время вспоминал ее. На женщин так и не глядел, и даже на миг себе не мог представить кого-либо иного на ее месте. Кончилось все тем, что я уехал в Иркутск, поступил в институт, и выучился на охотоведа. Меня направили в Нанайский район Хабаровского края, где я и проработал до пенсии в одном из заготхозах, проводя все свое время в тайге. Выйдя на пенсию, переехал сюда, взяли меня по знакомству егерем на этот кордон. Здесь и живу, здесь работаю, здесь, наверное, и помирать буду - ехать некуда.

На этом мой Евсеич и закончил свой рассказ. Помолчали, потом я, повинувшись внезапному чувству, спросил, - Евсеич, а нет ли у тебя фотографии этой девушки, хочется мне посмотреть на такую, которая способна была взять в плен тебя на всю жизнь. Минутку поколебавшись, он встал, порылся в каком-то сундуке, и достал альбом. Поискал там, и подал мне фотографию стандартного размера девять на двенадцать. С фотографии мне улыбалась поразительной красоты корейночка с удивительно лучистыми глазами. Как мужчина, я понял его, очень даже понял, а если она еще и душевно была хотя бы в половину так прекрасна, как внешне, то и говорить тут больше нечего.

К обеду следующего дня приехали наши медвежатники. У них все было успешно. Особо не задерживаясь, мы попрощались и выехали в Хабаровск - путь предстоял очень даже неблизкий.

Сидя на заднем сидении теплого японского джипа, я размышлял о судьбе Евсеича, размышлял о том, что очень часто вот такая любовь, о которой мне поведал мой новый знакомый, отчего-то заканчивается трагически, тому есть множество примеров в литературе.

История эта так поразила меня тогда, что я дал себе слово когда-нибудь ее рассказать, но все тянул время, как-то не решаясь это сделать без одобрения со стороны Михаила Евсеевича. Его кончина с одной стороны, как бы развязала мне руки, а с другой даже в некотором роде заставила сделать это непременно.

А У МЕНЯ КАК РАЗ.

Любой из нас в той или иной степени знаком со знаменитым бароном, которого звали Карл Иероним. Всяк его представляет по своему, знают, что жил он давно и детей, как гласит молва, не оставил после себя. Вроде бы, все так, но с некоторых пор я в этом засомневался. Вот и хочу поведать, откуда появился этот червь сомнения.

Где-то в восьмидесятые годы некоторое время мои служебные дела были связаны с одним учреждением полужакрытого типа. Раза два-три в неделю в течение трех месяцев я приезжал на своем служебном автомобиле туда по делам. Поскольку объект был вроде бы как полу-режимный, въезд на территорию ограничивался шлагбаумом, который в дневное время был всегда открыт, а путь въезжающим преграждала обычная цепь, натянутая в воротах. Пропусков никаких не требовалось, но останавливаться перед цепью приходилось, из будки выходил невысокий мужичок, оглядывал машину, и кивнув головой, опускал цепь, открывая въезд. Ничего особенного в этом мужичке не было, если не считать, что одна нога у него была заменена деревянным протезом. На голове его красовалась затрапезного вида кепчонка, одежда его была самого незамысловатого пошиба, возраст не определялся, только видно было, что ему уже за шестьдесят, по край-

ней мере, не меньше.

Впрочем, что-то мне кажется, что я несколько отклонился от темы, увлекшись несущественными подробностями. Короче, через некоторое время так получилось, что довелось мне услышать, как этот самый мужичок что-то рассказывает кучке людей, столпившихся вокруг него. Подошел и я. Митрич, а так звали этого мужичка все от мала до велика, сидел в центре, на своей коронной табуреточке, которая сработана была, видимо аккуратно во времена библейские, и помнила, должно быть, самого царя Гороха. Деревянная нога его была, как это водится, выпрямлена, а он, сидя на своем троне, что-то самозабвенно рассказывал, не видя и не слыша ничего вокруг. Руки его ходили ходуном, следуя порыву его страстных речей, глаза блестели, как у юной девицы при виде принца на белом коне, слова вылетали изо рта одно за другим со скорострельностью пулемета Максим. Народ, а были это в основном шофера да строители, слушали его внимательно и чуток снисходительно, как обычно взрослые слушают малое неразумное дитя, которое рассказывает стишок на новогоднем утреннике. Рассказ его, видимо уже заканчивался, народ стал расходиться, и тут я в одном из толпы узнал мужичка, жившего в подъезде дома, где жил и я. Окликнул его, поздоровался и спросил, что это за собрание у вас сегодня ? - то ли профсоюзное, то ли отчетно-выборное, и что это за докладчик такой у вас? О! - говорит, да ты не знаешь что ли нашего Митрича? Ну, тогда ты много потерял.

Событие это меня как-то сподвигло на интерес, и я «проявил энтузиазм» в направлении установления более тесного контакта с этим рассказчиком. Уж больно его внешний вид во время рассказа очень поразил меня отличием от его обычного состояния, когда он, скажем, от-

крывал проезд машине, опуская цепь.

Несколько дней спустя и случай удобный представился: руководитель объекта, к которому я приезжал, куда-то ненадолго выехал, и мне пришлось его подождать. Я, кстати, и узнал-то об отъезде начальника из уст этого самого Митрича. Пришлось выйти из машины. Слово за слово, разговорились, особенно после того, как я угостил его сигареткой. Митрич, беря сигаретку, сморщил личико: - фи, импортные, чепуха, слабые, совсем не то, что нашенькие! При этом он не постеснялся прихватить еще одну «плохую импортную» и засунуть ее себе за ухо.

Короче, разговор потек. Речь его была весьма специфическая, многие слова он выговаривал забавно, ударение ставил на свой лад, названия окрестных сел и поселков выговаривал вообще чудно. Аргунское, например, он называл Рынгунском, Переяславку - Переславкой, Казакевичево - Казакеево. С местоимениями управлялся вообще лихо, меняя их вольно так, как ему вздумается им - имям, его - евонный и так далее.

Вот так, постепенно, я, общаясь с Митричем то там, то там, и понял, что он - ни много ни мало - либо второе пришествие Карла Иеронима Мюнхгаузена, либо его отдаленный потомок от каких-то внебрачных связей, не учтенных биографами великого барона, ибо гены, как говорят, пальцем не раздавишь. Когда Митрич рассказывал, он превращался из простого человека, уже старого, одинокого и никому не нужного в этом мире, во всемогущего и всё умеющего мужика, твёрдо стоящего на ногах и управляющего своей жизнью жесткой и нестигаемой волей. Во всех его рассказах он представал ловким и неотомимым героем. О чем бы он ни рассказывал, какую бы историю ни описывал, в его изложении непременно была коронная фраза: «а у меня как раз было»

Вот, образец. «Проснулся я, это, значицца, как-то утречком на даче у себя...ты же знаешь, Львович, что у меня на левом берегу справная дача, двухэтажная, расписная, я же ее сам и срубил. Соседи все завидуют и налюбоваться не могут на мой теремок. Вот, значицца, стало быть, я проснулся, да и выскочил быстренько, деревяшку свою не пристегивая, на крылечко с утреча свежего воздуха глотнуть, да покурить. Постоял чуток, подымил, глядь, а на меня низенько так, аккурат на крыльцо, табунок уток летит, быстро так летит, и никуда, главное, не отвергается. Смотрю я на иво, думаю, чё же делать-то? - и тут вспомнил, что у меня как раз в тот день на даче ружьецо было.

Я, стало быть, махом до спальни, хватаю ружьё, патронташ, заряжаю, и на крыльцо, а табунок-от - вот он, ажно крылья свистят. Ну я стрелил навскид, и вижу - попал: одна утка, как споткнулась, завертелась в воздухе и аккурат к моим ногам, дажить и ходить никуда не надо было, тока с крыльца спустицца».

Или, второй пример. «Прошлой осенью поехал я кореша своего в Кутузовку проведать. Ну, кореш тама-тка у меня, мужик справнай, хозяйственной, и все у ниво пучком, стало быть. Так вот, приехал я к нему, ну, вечером, как водицца, банька, стакашок самогончику, да и спать, а утром встаю, глядь, а на воле-то - снежок свежий выпал, бело кругом, как в тойной операционной, али еще где. Сам себе мерекаю, а не сбегать ли мне в тайгу, на кабанчика? Ну, ты меня знаешь, я такой, у меня, брат, не забалуешь, как порешил, так и будет!

Быстренько собрался, ружьишко за плечи, на лыжи, и пошел. Веришь или нет, цельнай день-деньской, как скаженной, по тайге лазил, хоть бы где след какой увидал - одни тока сорочьи. Уже и притомился, однако, да и к

вечеру дело повернуло, решил я возвертацца.

Иду, стало быть, следом своим, чуток спрямляю, шо бы путь короче был. Вот уже и избы видать стало, глядь, а из-за кедры смотрит на меня кабанчик, ну так, годовалай, не больше. В патроне у меня, как ты знаешь, завсегда жакан, я их сам тока и делаю, никому не доверю, смертоубийственность у него знатная. Я скоренько присел, и с колена стрелил. Кабанчик, как стоял, так и упал набок, дажить не брыкнулся.

Я к нему, гляжу, оглядываю. Вижу, пуля моя его наскрозь навывлет прошла, и дальше полетела. Я шагов пять-шесть по следу-то пули сделал - глядь, а на тропке, аккуратно так, подсвинок махонький лежит. Жакан-то мой на излете в него и попал. Чё делать? Мяса - гора, уже смеркацца начало. Как тащить-то? А у меня как раз с собой топорик был, махонькай, однако, сподручай и подельнай. Я быстренко салазки смастерил, завалил на них добычу, и к корешу до хаты. Вот так мне подфартило в Кутузовке-то прошлый раз.

Именно так он мне, да и не только мне, рассказывает, лицо его розовеет, глаза сверкают, он входит в раж, жестикулирует руками и буквально, кажется мне, в натуральном виде всё переживает внутри себя. Я даже думаю, что если его остановить в этот момент и он очнется, то не сразу сообразит, где он и что он, и кто он.

Теперь уж Митрича того давным-давно на белом свете нет, а я, вспоминая его, не перестаю удивляться великому разнообразию людей, их неистощимому жизнелюбию, самобытности и какой-то удивительной жизненной силе.

ССЫЛЬНЫЙ БОТАНИК.

Как-то однажды, лет пять назад, был я в Москве. Так получилось, что не зная точной даты возвращения, я не купил обратного билета. Когда же пришла пора возвращаться, какой-то очень смысленный бесенок подтолкнул меня то ли под руку, то ли в ребро, но мне возжелалось совершить героический, но глупый поступок - поехать домой поездом. Сказано - сделано, и вот уже друзья провожают меня на Ярославском вокзале.

Дело было в феврале, и в поезде, как оказалось, пассажиров было совсем мало. В моем вагоне их было всего-то человек семь - восемь. Один из них был человеком приблизительно моего возраста, да к тому же единственным спутником в моем купе.

Поезд тронулся, и долгое путешествие началось. Поскольку состав отправлялся с Ярославского вокзала, я полагал, что он пойдет обычным северным путем через Ярославль, Шарью, Котельнич, Киров и так далее, но оказалось, что поезд следовал через Владимир и Нижний Новгород. Обычно в наших поездах люди знакомятся быстро, без лишних церемоний, но тот факт, что поезд ехал через Нижний, поспособствовал еще более быстрому сближению моему с попутчиком. Оказалось, что мы с ним земляки-горьковчане, и родом он, как и я, из тех мест, только из северной, заволжской стороны области. Как только этот факт был, как говорится, установлен, наша беседа оживилась, и разговор потек в русле воспоминаний о годах, прожитых на нижегородчине, о детстве, школе и других сопутствующих воспоминаниям моментов.

Мы вспоминали свои родные села, особенности нижегородского говора, быта и обычаев. То и дело в разго-

воре слышалось: - а помнишь? а у вас так было? а в каком году свет провели к вам, а радио? Как-то незаметно беседа переметнулась на школу, учебу, учителей, и тут мой попутчик рассказал мне такое, отчего у меня враз пропал и сон, и усталость дня как рукой сняло. Я забыл сказать, что отправились мы в дорогу поздним вечером и разговор наш лился ручейком под стук колес уже ночью, когда весь немногочисленный состав пассажиров нашего вагона мирно посапывал в своих купе.

То, что поведал случайный попутчик, показалось мне настолько необычным и интересным, что я счел своим долгом когда-нибудь рассказать об этом людям. Далее рассказ пойдет от лица моего визави.

Народ в нашем селе был самый обычный, какой водился в ту тяжелую послевоенную пору почитай в любой поволжской деревне. Это были всё бабы, ребятня, старики да немногочисленные мужики, многие из которых к тому же увечные: то безногие, то безрукие, то еще какие хворые, болезнь которых называлась мудреным словом контузия.

Наверное, как и везде по средней полосе Руси, каждая семья имела по две фамилии, одна, так сказать, официальная, что в грамотке под названием метрика записана, и эта фамилия была мало кому известна, а другая, которую знали все, называлась уличной. (для непосвященного читателя: - грамоткой в то время на нижегородчине называли любую бумагу, документ, газету) Село, хотя и было довольно большое, дворов шестьсот, но все были местные, коренные и друг-друга знали, как облупленных. Однако, был в селе человек, которого в народе звали ссыльным, и говорили о нем почему-то всегда вполголоса. Настоящую его фамилию мало кто знал, так и звали все ссыльным, стало быть, по нашим порядкам

это и была его уличная фамилия, и писать бы ее надобно с большой буквы - Ссылный.

Как водится, к пришлым в селе относились настороженно, и к себе близко не подпускали. Это касалось всех приезжих, отразилось это и на моем герое: он жил в небольшом домике, стоявшем на отшибе от остальных домов, на краю оврага. При домике был небольшой огоро-дик, обнесенный ивовым плетнем. Жены у него не было, а за порядком в домике по хозяйству прислеживала баба Груня, суровая и грузная старуха лет семидесяти, которая приходила туда раза два на неделе, убиралась, варила, стирала.

Школа в нашем селе была, как тогда говорили, десятилетка. Размещалась она в двух зданиях. В первом учились ученики начальных классов, а во втором все остальные. Своего героя я более или менее получше узнал, когда перешел учиться в пятый класс. Я забыл с самого начала сказать, что он работал в школе учителем ботаники, а в селе ходили глухие разговоры о том, что он - питерский профессор биологии, и что его сюда к нам сослал на вечную ссылку лично Ленин.

Теперь скажу пару слов непосредственно о своем герое. Это был человек невысокого роста и почти тщедушного телосложения, сухонький, подвижный. Ходил всегда очень аккуратно и не по-деревенски одетый. Зимой носил пальто, которое в селе было только у него, ибо остальные ходили либо в ватных фуфайках, либо, кто по-зажиточнее, в овчинных шубах, или того круче - тулупах. Летом на нём был надет неизменный серый, в мелкую полоску костюм с двубортным пиджаком, белая рубашка и диковинная штука - которая правильно называлась галстуком, но народ говорил проще - галтус. Звали его все при разговоре почтительно Борисом Ивановичем.

Дойдя до этих слов, рассказчик мой умолк и стал смотреть в окно. Было уже два часа ночи, наш поезд подъезжал к Нижнему Новгороду. Состав медленно втягивался в паутину путей Московского вокзала. Не сговариваясь, мы встали, оделись и пошли к выходу - захотелось ступить на землю, по которой давным-давно ходили молодыми. Наконец, вагон немного дернулся, и поезд окончательно встал, проводница открыла дверь и мы, как мальчики, нетерпеливо прыгнули на перрон, жадно вдохнули воздух родины, смешанный с запахами дыма от вагонных печек и еще чем-то особенным, неуловимым, присущем только вокзалам нашей страны. Что-то и разговаривать расхотелось, молча мы походили по перрону, посмотрели на вокзал, который практически не изменился, если не считать несущественных мелочей. Таким образом мы прогуляли все двадцать минут стоянки, занятые своим мыслями и чувствами.

Когда вернулись в вагон и поезд тронулся, решили лечь спать. Я сходил к проводнице, налил пару стаканов кипятка, в купе мы заварили чай, попили и растянулись на своих полках. Поезд ехал, мы молчали. Не спалось. Как-то слово за слово опять разговорились, и мой попутчик продолжил повествование.

Ну так вот, начал мой попутчик, как я уже говорил, Борис Иванович работал в школе учителем ботаники. Пришла и моя пора попасть к нему на урок. Уж не знаю что, честно скажу, то ли таинственное слово ссылный, то ли разговоры про Ленина, то ли магия волшебного ученого слова профессор, но буквально с первых дней я влюбился в ботанику. Детский ум мой был восприимчив к новому, и я с удовольствием поглощал все, что говорили нам учителя. Ботаника меня очаровала тем, что самые обычные травы, которые росли у нас в селе, оказывается,

имели научные названия, у них было много разных занимательных и интересных штучек типа вакуолей, клеток, тычинок, соцветий и прочих мудреных особенностей, о наличии которых я и не подозревал. Короче говоря, я и сам не заметил, как втянулся во все эти штуковины, задавал ссыльному учителю великое множество вопросов, ходил к нему домой за книжками по ботанике, которые он мне давал. Мало-помалу, мы с ним сблизились. Мне все было страшно интересно, а Борису Ивановичу, как я сейчас понимаю, видимо стосковавшемуся по неформальному общению, не в рабочей обстановке, и чувствовавшему скорее всего себя не совсем уютно в нашем селе, было в какой-то степени комфортно со мной в душевном плане. Он, видимо, нашел во мне то, чего был давным-давно лишен. Наше общение не закончилось и летом, когда начались каникулы. Я продолжал бегать к нему домой, и он водил меня на свой огородик, где выращивал разные травы, овощи, салаты и даже в нашем северном краю диковинные плоды - арбузы. Частенько я сиживал у него и поздними вечерами, говорили о всяких науках, писателях, и вообще обо всем, что приходило мне в голову : я ему задавал свои наивные детские вопросы, а он, улыбаясь в свою профессорскую бородку клинышком, и поглядывая на меня сквозь очки добрыми глазами, на них отвечал.

Иногда он поил меня своим вкусным чаем, которого мы, деревенские пацаны, сроду и в глаза-то не видывали. Он заваривал его из того же брикетированного прессованного чая, что продавался в сельпо, но добавлял какие-то свои травы, отчего чай приобретал диковинный запах и необычный вкус. Мало-помалу я чуток осмелел и однажды, собравшись с духом, задал ему так давно и сильно волновавший меня вопрос - как он оказался в на-

ших краях?

Учитель мой задумался, долго смотрел на керосиновую лампу, потом, словно очнувшись, тряхнул головой и сказал мне буквально следующее: не знаю, правильно ли я сделаю, для тебя и твоей дальнейшей жизни, но решил я тебе, хотя ты еще и ребенок, рассказать кое-что такое, что тебе может показаться очень странным и даже неправдой. Парень ты смысленный, не болтливый...возможно все правильно поймешь, и кто знает, не поможет ли это, выражаясь языком высоким, в какой-то степени спасти твою душу. Признаться, из всей этой речи я понял только одно, что учитель расскажет мне сейчас какую-то тайну. Тем не менее, его слова почти дословно врезались мне в память так, что я их до сей поры помню.

После этих слов Борис Иванович начал рассказ о своей жизни. Рассказывал долго, с подробностями, уточнениями. Тогда я, конечно, не понимал, что его заставило пуститься в подробное повествование. Сегодня мне понятно, что он, делаясь со мной, будучи уже глубоко пожилым человеком, вспоминал свою жизнь, оценивал ее и, как мне кажется, принимал какое-то важное для себя внутреннее решение.

Так или иначе, он рассказал мне тогда почти всю свою жизнь, начиная с гимназических лет, об университетских годах, революции, работе ученого, профессуре в Петербургском университете. Рассказал и о знакомстве с Лениным. Тут он особых подробностей мне не говорил, сказал только, что от общения с ним у него осталось впечатление о нем, как об очень жестком, недобром и даже грубом и бесцеремонном человеке, не терпевшем никаких- возражений. Ленин предлагал ему принять сторону революционеров и сотрудничать с новой властью. Борис Иванович ему отказал в этом, сославшись на то, что его

внутренние убеждения не позволяют ему сотрудничать с людьми, которые сеют смерть и кровь в стране.

Через несколько дней после нашего разговора с Ульяновым, сказал мой учитель, за мной пришли люди в кожанках и с маузерами, арестовали меня и объявили, что я ссылаюсь на вечное поселение в Нижегородскую губернию. Так я и оказался в этом селении, здесь, видимо, и окончится моя жизнь.

Помню, что в моей детской душе боролись два противоречивых чувства. С одной стороны я негодовал, что мой старший друг отказался сотрудничать с самим Лениным, да еще говорил о нем не очень-то приятные слова. С другой стороны, моя детская душа видимо чувствовала подспудную правоту учителя, и то, что с ним обошлись совсем несправедливо. По человечески мне его было жалко.

Как бы там ни было, но то, что рассказал мне мой учитель, заронило искру сомнения во мне, что большевики всегда и во всем правы. Уже тогда где-то в глубине души я задавал вопрос: как же так, весь мир говорит, что большевики неправы, а большевики говорят, что это весь мир плохой. Ответа я не находил. Когда прошел двадцатый съезд партии, и был развенчан так называемый культ личности, я вспомнил слова Бориса Ивановича о жестокости Ленина, и это как-то смешалось в моем уме, я окончательно потерял веру в коммунистов. По жизни я так и прошел беспартийным человеком.

Кроме того, повлиял Борис Иванович и на всю мою жизнь. Увлечение ботаникой не прошло даром. Закончив десятилетку, я поступил в Лесной институт, и всю жизнь проработал лесничим, занимался вопросами лесопользования и лесоразведения. Даже сегодня, находясь на пенсии, я продолжаю работать лесником в Пермском крае,

который стал мне второй малой родиной, и где я и по сию пору живу в любимом мной лесу.

На этом мой необычный попутчик закончил свой рассказ. Мы помолчали, перекинулись еще парой фраз и нас, наконец-то сморил сон. Шел четвертый час ночи. Поезд мчался, жизнь текла, колеса отбивали свой нескончаемый перестук.

НЕРАЗУМНАЯ ЖЕНЩИНА.

На пятнадцатом году службы я впервые получил отпуск летом, чем не преминул воспользоваться и, прихватив с собой дочку, которой к той поре исполнилось одиннадцать лет, махнул по стране: сначала Москва, потом Волгоград, затем теплоходом по Волге-матушке до Нижнего, далее места моей малой родины, затем Казахстан и замкнули круг в исходной точке - Хабаровске. Мне давно хотелось показать дочке и страну и места моего детства, познакомить ее в живую со своими братьями и сестрами, а также с их детьми.

Различные переезды и перелеты ничего необычного из себя не представляли, поэтому я останавлиюсь только на путешествии по Волге, которое, по существу, и было самой интересной частью нашего турне.

Путь от Волгограда до Нижнего длился почти шесть суток. Теплоход нам достался хотя и выдавший виды, но еще вполне респектабельный трехпалубный белоснежный красавец с важным именем «Карл Маркс». При покупке билета любезная кассирша поведала мне, что рейс наш не круизный, а самый обычный, коммерческий, но по пути мы будем заходить практически во все прибрежные города, а в крупных городах стоянки будут по четы-

ре-пять часов. Нас это вполне устраивало, ибо за такое время можно было достаточно подробно познакомиться с приволжскими городами хотя бы накоротке. Кстати, на практике оказалось еще лучше: почти везде прямо к приходу теплохода к причалу подъезжали экскурсионные автобусы, и гиды настойчиво заманивали транзитных пассажиров на свои экскурсии. Стоили они вполне сносно и, забегая наперед, скажу, что мы осмотрели все города, лежащие на пути нашего судна. Получалось, что для моей дочки это был, прямо сказать, настоящий информационный праздник.

Каюта наша размещалась на последней, самой верхней палубе, была небольшая, но очень уютная. В ней имелись все удобства, вплоть до душевой, так что предстоящее путешествие не показалось мне неудобным или утомительным, а уж дочке такие пустяки, как неудобства, и в голову видимо, не приходили - все для нее было внове, все интересно, все в диковинку, и она засыпала меня вопросами, на которые я еле-еле успевал отвечать.

Короче, настал день нашего отплытия, волгоградская родня в лице моих племянников и племянниц проводила нас и мы под громкую музыку песни «Как провожают пароходы», исполняемую задорным Хилем, отчалили от пристани, и направились вверх, прямо к плотине Волгоградской ГЭС.

Вид огромной плотины, перегораживающей путь нашему кораблю, впечатлил мою Иринку и она, видимо несколько подавленная величавой картиной, все вопрошала меня, а как же наше судно преодолет такую огромную стенку? Пришлось ей подробно рассказывать, как работают шлюзы. Впрочем, все, что я рассказывал дочке, мы скоро увидели реально, когда с нижнего бьефа вошли в первый шлюз.

Наконец, монотонное восхождение нашего кораблика по ступенькам шлюзов закончилось и судно выбралось на простор «речной волны», как поется в одной великой песне. Двигатели теплохода прибавили мощности и он полетел, как белый лебедь, по просторам Волги-матушки. Сначала мы с дочкой, как водится, отправились на осмотр корабля, который стал нашим прибежищем на целых почти шесть дней. Осмотрели все, полюбовались на необъятную ширь Волгоградского моря и пошли в каюту капитально обустраиваться. Вечером нас пригласили на ужин в ресторан, находящийся в носовой части теплохода. Нам досталось очень уютное местечко - столик в правом переднем по ходу судна уголке рядышком с пианино известной марки «Petroff». После ужина, посидев немного в каюте, мы отправились поболтаться по палубе, послушать музыку на танцплощадке, просто подышать воздухом.

Вскоре стемнело, наглядевшись на танцоров, пошли в носовую часть судна. Проходя мимо ресторанной двери я машинально нажал на ручку - дверь открылась. Мы прокрались, как злодейские преступники в уголок к пианино, я открыл крышку, и начал потихоньку играть, а потом и вполголоса петь. Моя Ирка стояла рядышком, потом присела на стул и молча слушала. А я все пел старинные русские романсы и песни. Так мы просидели с ней, наверное, около часа. Когда я, закрыв крышку пианино, повернулся к выходу, то увидел, что зал ресторана практически полон людьми. Пассажиры так тихо заходили и присаживались, что мы, увлеченные своим делом, этого даже не заметили. Раздались негромкие аплодисменты и мы, смущенные малость таким положением дел, вышли, провожаемые взглядами сидевших в зале людей.

На следующий день все повторилось, если не счи-

тать, что мы неожиданно зашли в город Камышин по каким-то непредвиденным обстоятельствам, но теплоход там стоял очень недолго, и нас на берег не пустили. Моя шустрая дочка уже познакомилась с девочкой своего возраста, которая ехала с мамой, дамой очень важного и чопорного вида. Критически оглядев меня и дочку, дама, милостиво кивнув, разрешила своей Наташе, как звали девочку, общаться с моей Ирккой. С этого момента моя дочь мне не докучала и всецело отдалась походам по теплоходу в компании новой подружки. Теперь мы общались с ней только на экскурсиях и в столовой. Вечерами по-прежнему ходили в ресторан, играли и пели, а народ слушал.

Как-то в один из дней, ближе к ужину, моя дочка прибежала в каюту какая-то притихшая. Я лежал, читал книгу. Она, посидев несколько минуток, вдруг спросила: - папа, а почему тетеньки там, в глубине корабля, где в одной каюте едут много-много людей, меня жалеют и называют сироткой? А одна тетенька сказала, что жалко, что у такой хорошей девочки умерла мама. Папа, а что, наша мама умерла, и ты мне не говоришь? Я ответил, что ничего подобного, мама наша жива и здорова, и не надо слушать всяких болтливых теток. А если, говорю, они тебе завтра еще что-то подобное скажут, ответь им, что мама у тебя есть, и что она нас ждет дома в Хабаровске. Успокоившаяся дочка убежала.

Я полежал, поразмышлял над этим фактом, но так ничего не поняв, принялся за книжку. К вечеру, прибежавшая к ужину дочка мне сказала: - папа, когда эта тетенька снова меня спросила про маму, я ей сказала, что наша мама жива, а тетенька сказала, что она, мама наша, глупая женщина, ибо, как можно дитя отцу доверять? Папа, почему она так сказала? Что я мог ответить своей

дочке, да еще и так, чтобы она поняла, что, видимо, настолько в народе сложился стереотип о неспособности мужчин нормально и правильно общаться с детьми, что сам факт того, что какая-то женщина решилась доверить ребенка мужу и дозволила им отправиться в далекое путешествие, вызвал у публики чувство недоумения. С точки зрения этих матерей, жена моя была воспринята ими, как неразумная женщина. Всего этого я, конечно, дочке объяснять не стал в силу ее еще юного возраста, сказал только, что тетеньки эти видимо немного странные, или их мужья - совсем плохие дяденьки. Случился этот разговор уже перед последней ночью нашего плавания, рано-рано утром мы должны были прийти на пристань в Нижний, где я последний раз был аж двадцать два года тому назад. Вечером, когда мы пришли к ресторану, оказалось, что зал заперт, доступа к пианино нет. Погуляв немного, мы вернулись в каюту, и легли спать. Дочка скоро засопела носиком, а я долго лежал, вспоминал молодые годы, размышлял о незавидной доле русской женщины и непутевых русских мужиках, о странном менталитете нашего народа.

Рано утром мы прибыли в Горький, дочка моя буквально висла у меня на руках, так ей хотелось спать, и я понял, что путешествие автобусом ей не одолеть, взял такси, положил Иринку на заднее сидение, укрыв пиджаком, и мы тронулись в путь к городу моего детства и юности. Там нас ждали новые дела и события, но это уже совсем другой рассказ, и совсем другая история.

ПОДАРОК.

В 2011 году я совершил молниеносный визит в Караганду, всего на одни сутки. Прилетал на юбилей к своей сестре, которой стукнуло к той поре 70 лет. Недавно моя очаровательная племянница, дочка сестры, показала мне фотографию, где я запечатлен поющим и играющим на баяне на том самом мероприятии. Фото самое обычное, два старика, один пикирует на баяне и что-то старательно выпевает, другой кому-то улыбается, ничего особенного, но мне эта фотка напомнила очень многое. И виной тому - баян. Вспомнилось, как он попал в мои руки, захотелось рассказать эту весьма примечательную для меня историю.

В 1964 году поступил я в мединститут. Люди постарше возрастом хорошо помнят, что неизменным атрибутом студенческой жизни были поездки на сельхозработы. Не миновала сия чаша и меня. В конце августа нас, первокурсников, собрали в институте, распределили по группам, и направили кого куда. Мне с моим другом Саней Сурковым выпало ехать в совхоз «Щидертинский» на уборку хлеба.

Приехали, обустроились и приступили к работе. Нам с Саней выпала честь работать на току. День и ночь комбайны убирали хлеб на полях, день и ночь грузовики везли этот хлеб на ток, день и ночь мы его разгружали и постоянно пропускали через веялку, чтобы зерно в гуртах не загоралось от перегрева, сырое зерно, как известно, склонно к самовозгоранию и его нужно обязательно сушить.

Впахивали мы от души. За смену приходилось только с грузовиков сгружать по 180 - 200 тонн сырого зерна, а уж сколько приходилось его лопатить, подгребая к

лопастям веялок, и говорить не хочется. К концу смены уставали очень даже прилично. Тем не менее, молодость есть молодость. Через час-другой после смены откуда-то брались силы и что-то смутное, бродившее в душе, просило праздника. Мы собирались, придумывали кто во что горазд разные развлечения, игры, но музыки не хватало. Тут студенческий народ, прознавший, что я баянист, на собрании порешил откомандировать меня в Караганду домой за баяном. Пришлось ехать. Дома у меня был старенький, издававший виды баян, который я купил еще в Пскове, черт знает в какие времена. За эти годы ему изрядно досталось, и он имел весьма непритязательный вид. Тем не менее, с ним наши вечера стали гораздо веселее.

Жили мы в большом саманном бараке в центральном отделе его, с левого края жили женщины из обслуги пункта питания, то бишь столовой, а в правом - механизаторы, трактористы и комбайнеры. Каждый вечер, когда я не работал в ночную смену, все свободные собирались у входа в барак, я выходил, садился на скамеечку, и начиналось веселье. Мы и пели, и плясали, и танцевали, а иногда я устраивал вечера классической музыки, так как умел играть очень многое из классики. Само собой, что к нам стали подсаживаться и женщины, и механизаторы, свободные от смены.

В ходе вечеров все между собой перезнакомились, и хотя механизаторы были значительно старше нас, молоденьких щеглов, между нами установились отличные дружеские отношения. Они, механизаторы, даже относились к нам с некоторым почтением, как к людям, которые будут когда-то докторами.

Некоторое время спустя я заметил, что один из механизаторов, человек возрастом уже далеко за сорок,

как-то по-особому относится ко мне, выделяя из всех. Вечерами он старался подсесть поближе ко мне, если где-то встречались, старался заговорить о чем-то, мало-помалу мы сблизились, часто говорили на разные темы. Он мне, между прочим, поведал, что сидел десять лет на Колыме, как враг народа. Еще он всегда выказывал огромное почтение к баяну и музыке.

Время летит быстро, мы и не заметили, как пролетели почти полтора месяца нашей работы. Мы с Саней заработали довольно приличные по тем временам деньги, а за ударный труд и его, и меня наградили юбилейной медалью «10 лет целины». Пришла пора нам всем уезжать и расставаться с нашими новыми друзьями-механизаторами, тепло попрощался и я с Николаем, так звали моего нового старшего друга.

Я вернулся домой, началась учеба, потекли напряженные будни, полные новой работы. Где-то ближе к концу ноября приезжаю как-то в субботу домой из института, а дома меня ждут. Смотрю, за столом в кухне сидит Николай и еще один его коллега по работе, тоже бывший с нами в совхозе, не помню уже, как звали его. Ну, как водится, обнялись, восклицания, приветствия. Как же вы меня нашли? - спрашиваю у мужиков. Они как-то уклончиво что-то пробормотали, что человек, дескать, не иголка, и что главное не том - как, главное, что мы встретились. И приехали мы к тебе, Георгий, не с пустыми руками, говорит Николай. Вот, посмотри-ка, что мы тебе привезли. Смотрю - стоит футляр, в каких обычно хранятся баяны. Открываю, а там - баян, нарядный, красивый, и в отличном состоянии. Мы его тебе в подарок привезли, бери, он твой.

Эх, говорю, мужики, подарок этот, конечно, мне очень приятен, но уж больно он дорогой, не возьму я его,

не могу, просто не могу, а денег у меня купить его - нет.

Погоди-ка, Георгий, больно ты молодой да торопливый. Не спеши, давай поговорим - с этими словами Николай открыл портфель, который стоял рядом, достал оттуда бутылку водки, какую-то закуску, поставил на стол, тут и я спохватился, ой, говорю, как же я это гостей-то встречаю?! Короче, быстренько все сгоношили, сели, разлили, чокнулись, выпили-закусили и потекла беседа.

Баян этот, Георгий, купил я очень давно - начал рассказ Николай - еще до того, как меня упрятали в лагерь. Смолоду сильно я музыку любил и прямо бредил, как мне хотелось выучиться играть на баяне. Работал, деньги копил, думал - куплю, пойду в клуб, в кружок, и обязательно выучусь игре. Сам буду себе играть все то, что мне нравится. Короче, только я его купил, еще, как говорится, не успела с меня радость улетучиться, как приехали за мной, а дальше ты уже знаешь.

Десять лет оттянул, да еще ссылка в Казахстан, а баян так и ждал меня на родине. Конечно, понял я уже к той поре, что опоздал учиться музыке, да и с руками моими, на Колыме морозами покалеченными, много не наиграешь. Зол я был на весь мир, на всё и вся, но к баяну теплое чувство оставалось. Как только кончилась моя ссылка, съездил я на родину, забрал у дядьки баян свой, и сюда вернулся, так как там уже никого из семьи в живых не осталось. Так и жил этот баян возле меня. Поглядывал я на него и не знал, что же с ним делать. Мне на нем не играть, а кому-то просто так отдать-продать - рука не поднималась, пока не познакомился с тобой.

Очень уж ты меня своей игрой, своей душой, которая у тебя в музыке жила, меня разбередил. Пока жили мы в совхозе и слушал я тебя, что-то таять стало в сердце моем и отмякло оно. Еще тогда я решил, что найду тебя в

городе и подарю тебе этот баян, твой уже старый и совсем неважнецкий, а мой, хоть и старый, но совсем новый, ведь никто на нем так и не играл. Очень я прошу тебя - прими ты этот баян в подарок, играй на нем и меня вспоминай иногда, а я тебя всегда помнить за твою игру буду. Тронула меня речь его, молча приобнял я его, руку пожал и сказал: спасибо тебе, Николай, пусть будет по-твоему.

Так и остался баян этот у меня. До конца учебы в институте я играл на нем время от времени, но все реже и реже - очень уж мало времени на это оставалось. Потом отправили меня на Дальний Восток. Баян я, уезжая, оставил своей сестре (она тоже малость умела играть), так и хранится он у нее до сей поры. Бываю я там редко, не чаще раза в 10 лет. Инструменту этому уже далеко за шестьдесят годков, учитывая всю его историю, так что он для меня вдвойне ценен. И Николая я помню, как видите, до сих пор, и храню в сердце к нему теплое чувство.

Витиеваты и капризны порой тропинки судьбы, как и ручейки чувств, которые текут в наших душах.

СПАТЬ ХОЧЕТСЯ.

Уверен, все знают, что так называется изумительный рассказ А.П. Чехова про девочку Варьку и задушенного ею младенца. С этим рассказом я познакомился, будучи учеником второго класса, урвав в районной библиотеке с помощью матери трехтомник Чехова. Предвижу, что многие скептически усмехнутся - дескать, что мог понять пацан-второклассник в мучениях этой девочки, подверженной изнурительному труду и бессоннице. Попробую это объяснить.

Послевоенное село Поволжья жило в страшной ни-

щете, о которой сегодня трудно рассказать и в которую мало кто поверит из поколения не только двадцатилетних, но даже и сорокалетних. Тем не менее, нищета была, и ее первым признаком было вечное чувство вечного голода. У всех, и у взрослых, и у нас, детей. Сколько себя помню, мне и моим братьям, моим друзьям по улице, всегда хотелось есть, особенно зимой. Отела коровы под весну все ждали с великим нетерпением. С появлением телёнка в доме ели несколько дней диво-дивное невероятной вкусноты - вареное молозиво, а потом уже его сменяла кружка молока на завтрак и на ужин. Молозиво и молоко - почти невообразимое, сказочное счастье, от которого в животе становилось тепло и уютно.

Весной мне исполнилось шесть лет и мне невероятно повезло. Сельский пацаненок, бывший несколько лет в подпасах, куда-то уехал в другое село, и в подпаски взяли меня - удачно подсуетился отец.

Это было реальное, осязаемое счастье, потому что пастух и подпасок - это два всегда сытых, причем реально сытых, человека в селе. Сей факт объяснялся очень просто. По условиям сельского договора найма в пастухи оговаривалось, что каждое хозяйство, выгонявшее свою корову в общественное стадо, обязано было по очереди кормить пастуха и подпаска завтраком и обедом. По неписанным правилам, каждая хозяйка стремилась не ударить в грязь лицом перед соседями, поэтому не удивительно, что и пастуху, и подпаску всегда доставались лучшая еда из имевшейся в доме, порой ее отрывали от своих детей. К слову сказать, тут был и расчет на то, что ублажив пастуха, можно было надеяться, что он с особым старанием приглядит за коровой той хозяйки, которая больше всех угодила с угощением. К слову сказать, боялись и обратного: не угодишь, - пастух так загоняет скотину, что та и мо-

лока не даст, а глядишь и чего похуже случиться может.

Вот так и потекли мои будни в качестве подпаска. Мать будила меня в четыре утра, небо еще только-только розовело, а я уже, моргая спросонья, еще неуверенными шагами, прихватив кнут, выходил на улицу, и шел к месту сгона коров хозяйками, туда же нам приносили наши узелки с едой. Собрав коров в стадо, мы выгоняли его за село, на сельский выпас, как называлось это место, в отличие от колхозного выпаса, куда выгоняли колхозных коров. Наш выпас располагался между трактом, правым берегом реки и колхозными полями с рожью и коноплей.

На первый взгляд, пастьба коров - дело не хитрое, и по вкладываемому интеллекту стоит на втором месте после перетягивания каната. Однако так могут думать люди, которые абсолютно не имеют понятия о сути этой работы. Корова - это глупое и меланхоличное на вид существо, на самом деле представляет собой коварного монстра. Вы попробуйте ее удержать весной, когда еще практически никакой травы нет, в пределах поля, на котором разрешен выпас, если рядышком аппетитно зеленеет озимая рожь своими шелковистыми ростками. Эта хитрая скотина, выражая всем своим видом покорность, послушность и даже полное пренебрежение к этой несчастной и никому не нужной озими, медленными, незаметными и как-будто случайными шажками и движениями, непременно окажется возле ржи, и тут же начинает ее с жадностью хватать, и горе тебе, пастух, или подпасок, если ты прозевал этот момент и она успела потравить приличный кусок поля - наказание ждало самое суровое, вплоть до тюрьмы. Поле-то - колхозное, а это - святое, за это так вздуют, мало не покажется. Понятно, что дремать было некогда ни пастуху, ни тем более, подпаску, потому как начальник гонял его туда-сюда беспощадно, едва на-

мечался прорыв врага на запретное поле. Коров в нашем стаде было около сотни, вот и считайте, сколько приходилось за день пробегать. У каждого из нас был кнут - великолепное произведение искусства плетения. Особенно тщательно плелось окончание кнута. Сам кнут - ременный, а кончик, длиной 20 - 25 сантиметров вплетался из кудели, особой нити из конопли. Не каждый мог сработать эту штуку и умельцы этого дела высоко ценились в селе. Нужен он был для того, чтобы кнут мог громко щелкать, чем пугал корову и отгонял ее. Бить скотину было нельзя - не дай бог увидят следы ударов кнута, особенно по вымени, скандалу не оберешься. Вот и приходилось носиться, как угорелому, целый день, беспрестанно щелкая кнутом.

Относительный покой в работе наступал в полдень. К этой поре мы подгоняли стадо к пруду, который был устроен в овраге, впадавшем в речку. Коровы заходили в пруд, пили, стояли в воде, отдыхая от оводов. К этому времени подтягивались хозяйки с подоюниками. Наступала дойка, во время которой мы обедали. После нее коровы опять отгонялись на выпас до самого вечера. Стадо гнали в село тогда, когда солнышко задевало краем землю. Коровы медленно тянулись по дороге, вползали в улицу, поднимая пыль, кнуты беспрестанно щелкали, то и дело слышались окрики то нашего пастуха Абрама-курукого (так его звали за то, что он был однорукий, вторую руку на войне оторвало) или мои, мальчишечьи, которыми мы подбадривали зазевавшихся коров. Постепенно стадо редело - хозяйки разбирали своих любимиц. Наконец, когда уже было почти темно, мы доходили до места сбора, где забирали последних коров и можно было идти домой. Я забирал нашу корову, пригонял ее домой, умывался, и сразу же залезал на сеновал спать. Помню, что мать сова-

ла мне, сонному, кружку парного молока. Иногда я ее выпивал в полусне, а иногда она выпадала у меня из рук, и я тут же проваливался в черноту. Через секунду я слышал: сынок, вставай, пора, солнце уже встало...скорее-скорее, опаздываешь... и так каждый божий день. И в жару, и в зной, и в грозу. Без выходных и отгулов. Кто бы знал, как страшно тяжело было вставать. Глаза не хотели открываться, голова была смертельно тяжелая, так и норовила упасть на сено, и так мучительно сладкими были последние крохи сна. Но приходилось вставать, умываться, брать кнут, идти на сбор и отправляться на целый день, который тянулся смертельно долго. Иногда мой пастух был добрый, и позволял мне чуток вздремнуть в полдень, на дойке и водопое. Несколько раз я засыпал, но потом отказался от этого - вставать было еще труднее, чем утром, и голова долгое время была чугунно-чумная.

Если ко всему прочему добавить укусы комаров и паутов, мучительную жару, или проливные грозовые дожди, мочившие нас до последней нитки, то картина будет чуток дополнена. Поэтому так и получилось, что когда я читал рассказ Чехова про бедную Варьку, то имел очень даже хорошее представление о том, что она испытывала. Такое вот было у меня знакомство с классиком русской литературы.

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО.

Странные, а порой и дивные фокусы выкидывает жизнь. Иногда случается такое, что ни в какие ворота, как говорится, не лезет, чешешь себе затылок, да думаешь: и как такое могло произойти? Вот об одном таком случае я и хочу поведать в этом небольшом рассказике.

В шестидесятых годах работал я в школе рабочей молодежи учителем. Коллектив у нас был хороший, народ подобрался грамотный, душевный и работалось нам вполне комфортно. Однако, был в нашем коллективе человек, которого не просто любили, а обожали все, кто имел честь его знать. Звали его, если говорить точно, Герхардом Мартыновичем Янценом, но все его звали чаще просто Григорием Мартыновичем, ибо русскому человеку в силу его врожденной языковой лени трудно даются имена иностранные, и он все норовит переименовать на свой лад.

Был он достаточно высок, немного сутуловат, волосы все в красивой серебристой седине, на губах всегда приветливая и располагающая к себе улыбка. Григорий Мартынович преподавал математику, ученики его были в него повально влюблены, и от этого успехи в изучении этой сложной науки были удивительно хорошими, особенно, если учитывать, что в школе учился чаще всего тот еще контингент, который в силу известных причин «покинул» школу дневную, устраивался на работу и продолжал обучение в вечерней школе.

Не смотря на то, что он был немцем до мозга костей, то есть аккуратен, точен, всегда исполнял обещанное точно и в срок, он не производил впечатления педантичного сухаря. Наоборот, был он, что называется, милейшим человеком. Ко всем относился исключительно уважительно, ровно, без подобострастия, но очень любезно. Зачастую создавалось впечатление, что он просто очень и очень рад общению с вами. Когда бы вы к нему ни обратились за помощью - он никогда не отказывал, и всегда помогал всем, кто его о помощи просил, а иногда и не просил, если вдруг, паче чаяния, Григорий Мартынович замечал, что у вас какие-то трудности.

Тогда ему шел шестидесятый год, он уже готовился к пенсии и работал последний год. Не смотря на большую разницу в возрасте (я тогда бы еще до неприличия молод) мы с ним были большими друзьями... Мне, к тому же, общение с ним приносило еще и много пользы, в том числе и в языковой практике... Мой старший друг, как я уже сказал, был немцем, и говорил на той разновидности языка, которую сами носители называют «платт тайч», или на литературном - «платт дойч». Это весьма специфический диалект немецкого, и я активно пользовался такой приятной возможностью постигать его тонкости от человека, впитавшего сей говор с молоком матери. Много раз я бывал у него в гостях, слушал его бесконечные рассказы о прожитой им жизни. Тогда он мне, конечно, казался очень старым, хотя сегодня я сам гораздо старше тогдашнего Герхарда Мартыновича.

Рисуя его портрет, нельзя пропустить один момент. Не знаю почему, по каким причинам, мой герой просто панически боялся автомобилей и вообще транспортных средств. В силу этого он никогда не пользовался автобусами, трамваями, такси, и всегда ходил только пешком. Поначалу я этого не знал, и пару раз предлагал ему подбросить куда-то, если случалось ехать и встретить его на улице. Однако он всегда протестующе махал руками и категорически отказывался. Потом я узнал у одной учительницы, которая знала его дольше меня, что так было всегда, и что мне не стоит больше предлагать ему такие вещи.

Примером его особого отношения к транспорту может служить такой факт. В конце августа, незадолго до начала учебного года, в каждом районе проводятся учительские конференции. РайОНО располагалось от нашей школы где-то на расстоянии около четырех-пяти

километров, то есть, на автобусе это было, кажется, пять остановок. Григорий Мартынович всегда посещал эти конференции, и всегда ходил от дома до районного клуба и обратно только пешком. Переход оживленной улицы, особенно там, где не было светофоров, всегда был для него испытанием, и без особой на то нужды он и улицы избегал переходить.

Время шло, учебный год закончился, и мы тепло проводили нашего любимца на пенсию, взяв с него слово, что он будет нас непременно навещать в новом учебном году, благо, что жил он в пяти минутах ходьбы от школы.

Прошел почти год, как мой старший друг стал пенсионером. В один из пасмурных мартовских дней, в самом конце месяца, он пошел на почту получить пенсию. После почты ему вдруг вздумалось зайти в магазин и купить хлеба, как рассказывала потом его жена, Гильда Карловна. Они были на почте вместе, но она отправилась домой, а он - в магазин.

Для того, чтобы попасть в магазин, надо было пересечь оживленную автомобильную трассу. Как всегда, очень осмотрительно и аккуратно Григорий Мартынович ее успешно преодолел, купил все, что хотел и двинулся к дому. Он подошел к шоссе, опять осмотрелся, все было пустынно, только на остановке стоял автобус. Григорий Мартынович пошел через проезжую часть, преодолел ее, и двигался уже по непроезжей части, как вдруг из-за стоящего автобуса вылетело на большой скорости такси, потерявшее управление, и насмерть сбило нашего любимца. Надо сказать, что за день до этого события в городе выпал обильный снег, и улицы, как всегда, превратились в каток, качеству льда которого мог позавидовать любой стадион, а сразу за остановкой шоссе круто поворачивало. Вот на этом повороте и потерял управление неосто-

рожный таксист.

На похороны Герхарда Мартыновича пришло полгорода, ведь за долгие годы работы учителем у него в учениках перебивало великое множество людей, которые его не забыли, и которые его продолжали любить. Практически все знали, как особо осторожно относился мой герой к автомобилям, как их опасался, и все-таки не избежал роковой опасности. Вот я и задаю с тех пор себе вопрос: откуда пошел и на чем базировался страх Григория Мартыновича перед автомобилем? И почему, несмотря на всю свою немецкую осторожность, он так и не смог избежать рока?

НЕБЕСНАЯ ВСТРЕЧА.

Сдаётся мне, что практически любой человек согласится со мной, если я скажу, что в повседневной текучке мы никогда не задаемся вопросом о результатах своего труда ни в ближайшем будущем, ни в отдаленной, тем более, перспективе. Мы просто работаем, выполняя порученное дело. Скажем, машинист поезда вряд ли думает о том, какие товары, куда и как перевозятся в вагонах его состава, и что и как будет с ними после того, как он их доставит по месту назначения, продавец, продавая нам товар, не думает о том, как мы будем его использовать, принесет ли он нам пользу, и какие будут отдаленные последствия, скажем, этой сиюминутной торговой сделки. Вот так и я, работая преподавателем в вечерней школе, редко задумывался о будущем пути своих учеников, их успехах и неудачах, месте в жизни, и о своей роли в этом процессе. Все люди разные, а ученики, как предполагает наука педагогика, тоже люди, и к каждому нужен свой

подход, если ты, как преподаватель, чувствуешь свою ответственность за уровень знаний по твоему предмету в их головах.

Пришло время, и я завершил свой семилетний учительский труд, поскольку жизненные обстоятельства достаточно жестко переместили меня совсем в иные сферы человеческой деятельности. Само собой, что годы учительства оставили в моей душе достаточно глубокий след, в котором было место самым разнообразным ощущениям и чувствам. Чем дальше в прошлое уходило это время, тем теплее и приятнее становились воспоминания о нём. Чувство это еще усиливалось и случайными встречами на жизненном пути со своими бывшими учениками.

Разговаривая с теми, с кем там или там встретился, я начал задумываться о том, что роль учителя все-таки гораздо весомее в действительности, чем мы как-то бессознательно ее оцениваем в повседневности. И заключается она не только в умении дать знания, но есть в ней еще что-то сверх этого, что так или иначе способствует формированию образа мышления и действия того или иного твоего ученика.

Малозначительный случай, о котором я хочу поведать, как мне кажется, достаточно убедительно говорит о правоте моих предположений и мыслей об учительском труде. Подобные встречи в разные годы и в разных концах страны у меня случались довольно регулярно, хотя и не особо часто, и я сам, пожалуй, не могу объяснить, почему я выбрал в данном случае именно этот.

Лет эдак около пятнадцати тому назад вздумалось мне слетать в любимую Караганду, город моей юности, и город, где я как раз и работал учителем. Захотелось повидать родственников, оставшихся в живых друзей по студенческим годам, просто пройтись по приятным

памятным местам. Сказано – сделано. Время побывки пролетело незаметно, пришла пора улетать. В аэропорту, зарегистрировав билет, и дождавшись посадки, я уселся в самолет. Все шло, как обычно, разбежались, взлетели, стюардесса привычно объявила всю информацию, как положено в таких случаях. Однако, её последняя фраза заставила меня насторожиться. Когда она сказала, что командир корабля пилот первого класса Бархет, я вспомнил, что у меня был когда-то очень давно ученик с такой фамилией. Вспомнил, что он учился у меня два года, в 10 и 11 классах, сидел на самой последней парте среднего ряда, даже внешность его мне вспомнилась. Поскольку такая фамилия встречается весьма нечасто, да к тому же самолет был карагандинский, я решил узнать, не мой ли это ученик. Я подозвал девушку и спросил, как имя командира корабля. Ее ответ немного меня обескуражил, ибо она сказала, что летит с этим экипажем первый раз и имени командира не знает. Я ее попросил узнать, не Юрием ли его зовут и добавил, что если это так, то он – мой ученик, и мне хотелось бы встретиться. Через пару минут девушка вернулась. Сказала, что имя командира действительно Юрий, и что он сам скоро ко мне подойдет.

Минут через пятнадцать дверь пилотской кабины отворилась, и оттуда вышел мужчина в пилотской форме, в котором я, не смотря на годы, без труда опознал своего бывшего ученика. Надо сказать, что и он, окинув взглядом салон машины, безошибочно направился прямо к моему креслу. Я привстал ему навстречу, мы поздоровались и он сказал мне, что через час с небольшим будет промежуточная посадка в одном из аэропортов, и мы там сможем поговорить. После приземления я остался в салоне, все пассажиры вышли, экипаж тоже покинул машину, остались только мы с моим бывшим учеником. На этот раз

мы немного обнялись, похлопав, как водится друг друга по плечам и спинам. Юрий сказал, что времени у него мало и он должен по своим делам еще побывать где-то там в своих служебных инстанциях, выражаясь высоким канцелярским штилем. Мы наскоро обменялись парой десятков фраз о том, о сем, о своих пройденных путях и обо всем таком, что в подобных случаях говорят. Времени было мало, мой бывший ученик спешил, и мы начали прощаться. Буквально в последнюю секунду я спросил его, а как же ты оказался в пилотах, ты же помнится, где-то на шахте работал и ничего об авиаторских наклонностях не говорил, на что Юрий мне ответил, что винить в этом нужно меня, потому что я, рассказывая на своих уроках скучнейший для большинства учеников материал о силах, воздействующих на крыло самолета, и рисуя на школьной доске поток воздушных струй вокруг крыла, проронил фразу, которая его буквально околдовала. Оказывается, его поразил факт, что во время полета самолета он, благодаря особому раскладу сил, попадает в некотором роде в состояние невесомости и именно поэтому не падает на землю. Вот эти слова о невесомости и запали ему в душу, привлекли его внимание к аэродинамике, а дальше все пошло по цепочке. Сначала книги, потом аэроклуб, далее по нарастающей. Вот так, дескать, я и стал летчиком благодаря вашим урокам физики.

Полет продолжился, уже в Новосибирске, расставаясь, мы, пожав руки, пожелали друг другу удачи. Напоследок он мне еще сказал, что очень рад этой встрече, не раз думал о ней, и что в некотором роде считает меня человеком, сделавшим его жизненный путь. Я направился в здание аэропорта для оформления билета к дальнейшему полету, а мой ученик, бывший ученик, пошел по своим служебным делам.

Уже потом, спустя несколько часов, сидя в самолете, летевшем на Дальний Восток, я долго еще размышлял о прихотях судьбы, о своих учениках, с которыми мне приходилось встречаться. Не скрою, что меня охватило приятное чувство некоей теплоты и гордости за то, что мой простой труд как-то положительно повлиял на людей, помог им в избрании жизненного пути. Убаюканный приятными мыслями, я незаметно заснул и проснулся только от звуков голоса стюардессы, которая извещала нас о том, что через несколько минут наш самолет приземлится в аэропорту города Хабаровска, что температура воздуха в Хабаровске восемь градусов, и так далее, и так далее... Путешествие в прошлое завершилось, меня ждал дом.

ДЗИПУТАДА.

Предвижу недоумение тех, кто прочел невразумительные и непонятные слова в заголовке. Не волнуйтесь, дамы и господа, сие недоразумение будет исчерпано, недоумение рассеяно и во всем наступит ясность превеликая совсем скоро, через несколько предложений.

Не так давно, еще и месяца не прошло с тех пор, ездил я в славный город Владивосток по своим делам. Помимо всего прочего, что там мне пришлось делать, в свободное время я встретился со своим уже давнишним знакомым, тамошним жителем, очень умным и хорошим человеком. Он уже пожилой человек, старше меня, давно на пенсии, но продолжает преподавать в нескольких ВУЗах города, так как является доктором геолого-минералогических наук, крупным специалистом в вопросах океанологии и еще в целом ряде областей. Короче, он относится к когорте тех людей, которых раньше называли энциклопедиста-

ми, и ряды которых, увы, все редуют и редуют. Его опыт и знания весьма востребованы, вот и не дают ему покоя, и он продолжает профессорствовать по старой привычке.

Имя его называть не буду, поскольку разрешения на это не спрашивал. Я просто расскажу некую забавную историю, свидетелем которой он был, и которую мне рассказал во время нашей последней встречи. Итак, сидите, читайте, и «слушайте», что будет повествовать мой друг-профессор почти моими почти устами. Рассказ я буду вести в основном от его лица.

Мы, как обычно при наших встречах, сидели на квартире директора нашего института, пили чаек и рассказывали друг-друг всяческие истории, обменивались мнениями по тем или иным гипотезам, проблемам и прочей научной и около научной тематике. Речь шла, помнится, о проблемах ведения лесохозяйственной деятельности, и вот тут мой товарищ между делом мне и говорит: слушай, Львович, какую я тебе забавную историйку расскажу, свидетелем которой я был совсем недавно во время последнего своего визита в Харбин.

Короче, суть такова. От Приморского края в Харбин поехала делегация для переговоров на региональном уровне как раз по проблемам лесопользования и лесовосстановления. В составе делегации были ученые, хозяйственники, практики и, как водится, представители властей и депутатского корпуса края. Переговоры прошли, работа закончилась и, сам понимаешь, по старинной русской, да и китайской тоже, традиции, хорошее дело закончилось хорошим же посещением одного из тамошних ресторанов. Наши хозяева арендовали для нас отдельный зал, все было, как всегда практически чинно и благородно, как говорится. Тем не менее, благородно то оно благородно, но алкоголь, как известно, всегда делает свое дело

безотказно и профессионально, и конечно, почти всегда находится человек, который, скажем так, несколько теряет контроль над собой, проявляет неразумную инициативу, в результате чего попадает в разные, порой неприглядные и нелепые ситуации. Как говорят в таких случаях картежники, не очко меня сгубило, а к одиннадцати туз.

Нашелся и среди нас такой, который не преминул воспользоваться сией старинной традицией. Как-то так незаметно получилось, что когда ситуация стала менее официальной и все стали разговаривать свободнее и без особых церемоний, под шумок один из наших, депутат приморской краевой думы, видимо вспомнил, что он - депутат, представитель народа, и решил с этим народом пообщаться поближе. Не знаю, уж каким мыслями, возникшими в возбужденном алкоголем мозгу, он там руководствовался, но только ему удалось как-то практически скрытно выбраться в общий зал ресторана, и он там принялся энергично устанавливать контакты с местным, с позволения сказать, электоратом, видимо начисто забыв, что находится не у себя дома, а в чужой стране.

Само собой китайцам, несмотря на то, что в основном это очень приветливые, улыбчивые и контактные люди, не очень-то понравилось его пристальное внимание к ним, тем более, что действия его были не совсем адекватными. Кончилось все тем, что подошли ребята из службы безопасности ресторана, и стали этого друга достаточно вежливо, но и весьма настойчиво выпроваживать из помещения...Однако, не тут-то было.

Наш человек, как известно, нигде и никогда не сдается без боя, поэтому герой событий самым решительным образом вырвался из рук охранников, достал из кармана красную депутатскую книжечку и стал выкрикивать, что дескать вы не имеете права, я - личность неприкосновен-

ная, я - депутат! Едва только он произнес это магическое слово, как поведение китайцев решительно изменилось. Все, кто был поблизости, вдруг проявили самый широкий интерес к этому событию, придвинулись к депутату поближе и стали внимательно смотреть на книжечку, на него, и многие (а китайцы многие немного понимают по-русски) стали переспрашивать: тывая дзи бу та да? - Да, я депутат! - опять кричал подвыпивший, тыкая всем в лицо своей депутатской книжечкой. Китайцы начали смеяться и опять переспрашивали «тывая дзи бу та да?» и при этом как-то вроде уважительно смотрели на книжечку, но продолжали смеяться.

Так продолжалось минут пять. Затем, очевидно, кто-то из охраны сообразил, откуда этот гость, прибежал в наш зал, китайские друзья с переводчиком быстро пошли к месту общения депутата с электоратом, и ситуация благополучно разрешилась. Потом переводчик, а это был член нашей делегации, рассказал, что к чему, да как, и нам стала понятна реакция, которую проявили китайцы на книжечку и слово депутат.

Оказалось, что китайцы слышали его слова в силу особенностей фонетического восприятия как нечто искаженное китайское, или попытку сказать по-китайски... Фраза сия, как они ее слышали, на русском, означала приблизительно ни много, ни мало, как «большая писька». Представляете, как удивило китайцев, что элосы (элосы - по-китайски - русский) говорит, что у него «большая писька», да при этом еще показывает документ, подтверждающий сей факт. Вот народ и покатывался со смеху, стараясь посмотреть на этот удивительный документ...

Вот такую историю поведал мне владивостокский друг-профессор. Уж какие выводы будут делать читатели из этой истории - дело, как говорится, каждого, но я уве-

рен, что каждый призадумается... Впрочем, есть о чем, и есть над чем.

КАК СНЯЛИ С МЕНЯ В ТЕАТРЕ ШТАНЫ.

Наша жизнь, как я думаю, это непрерывная цепь событий, сопровождающих нас от рождения до смерти. Они все разные по масштабу, характеру, значимости. Какие-то из них остаются в памяти, другие мы забываем напрочь, и потом искренне удивляемся, когда кто-нибудь нам напоминает о том или ином случае, имевшем, как говорится, место быть в нашем существовании, говоря высоким канцелярским штилем. Вот об одном таком случае я и хочу сегодня поведать.

Случилась эта история в самом начале шестидесятых годов. Как бы прямо не в шестидесятом, потому что я помню, деньги тогда еще были сталинские. Я уже был маленький пацан, мои увлечения астрономией и географией отошли в тень, и все свободное время занимало моё новое хобби - игра на баяне. Шел уже третий год, как я нещадно рвал меха моего многострадального баяна, купленного мне отцом, продавшим ради этого корову, и достиг в этом деле определенных, так сказать, успехов. Во всяком случае, в нашем селе и в окрестных селах района я был широко известен, и ни один праздник или свадьба не обходились без моего участия, не смотря на мой совсем юный возраст. Надо сказать, что в деревенской среде того времени такой категории, как возраст, мало уделяли внимания и....впрочем, я уже отклонился чуток от сути.

Короче говоря, в районе прошел смотр художественной самодеятельности в школах, и я, как оказалось, в числе трех призеров был удостоен поездки на областной

смотр-конкурс в город Горький. В назначенный на поездку день я должен был прибыть в райцентр к дому пионеров к 9 утра, что я и сделал. Там я познакомился с двумя девочками, которые тоже ехали на смотр, они танцевали какую-то чешскую польку...Дом пионеров почему-то был закрыт и мы стояли, болтали и ждали. Вскоре приехал автобус, и там оказался третий призер - школьный духовой оркестр второй школы-интернат райцентра, там же и были руководители поездки. Мы с девочками погрузились, они с какими-то узелками, а я со своим баяном, автобус поддал газку и бодренько побежал по булыжной мостовой по Арзамасскому шоссе.

Ребята из духового оркестра откуда-то знали меня, знали, как меня зовут, очень приветливо встретили, и через пару-тройку минут и я уже знал, как зовут их каждого.. и все такое.

Короче говоря, почти двести километров пути за разговорами-шутками пролетели быстро, и к вечеру мы прибыли в Горький. Уже не помню, где нас разместили, но помню, что утром, как было сказано, мы все поедem в областной театр оперы и балета, и что смотр-конкурс будет проводиться там.

На другой день мы на нашем же автобусике поехали в театр, нас завели в какое-то помещение, довольно тесное, и велели сидеть и ждать, когда позовут. Время шло, на сцене выступали участники и коллективы из других районов, потом вызвали наш оркестр. Пацаны отыграли, как мне показалось, очень хорошо. Затем вызвали двух наших девочек-танцовщиц, я даже вышел вслед за ними и из-за кулис посмотрел, как они танцевали.

Прошло еще какое-то время, и тут зашла важного вида пышногрудая дама и спросила, кто Разумов? Я ото-звался, она посмотрела на меня, и что-то сказала нашему

руководителю, дословно не помню, но что-то типа: где вы такую деревенщину откопали, и что в таком виде она меня на сцену не выпустит. Тут надо кое-что пояснить.

Сегодня уже мало кто помнит и знает, что русская глубинка, русская деревня тех лет, жила практически на грани нищеты или крайней бедности. Не избежала этой участи и моя семья. Нас уродителей было к той поре десять человек детей, достаток весь был - мизерная учительская зарплата отца и огород... Нас, пацанов, да, как я подозреваю, и взрослых той поры, эта сторона жизни как-то не особенно волновала, потому что мы не особо знали, что есть какая-то другая, более богатая жизнь. Семьи были многодетные, ребяшня донашивала одежду младшие за старшими, вот и я всю жизнь был вынужден донашивать одежду своих старших братьев.. Так что я, отправляясь в этот вояж, мало задумывался об одежде, да, собственно говоря, и задумываться было не о чем: другой у меня в то время попросту не было, в чем был, в том и поехал... Вот вид моей одежды, хотя она была, как и положено, чистая и аккуратная, но крайне бедного вида, и шокировал эту важную даму. Взрослые что-то там еще посовещались, но уже так тихо, что я не слышал их слов, но я уже понял, что выступать мне не разрешат по причине моего абсолютно непрезентабельного вида. Не скажу, что меня это сильно расстроило, скорее разозлило, и я уже хотел было что-то резкое сказать этой даме, но наш руководитель, Николай Николаевич, человек очень умный и добрый, как-то сумел погасить мой гнев и сказав что-то этой даме, отвел меня в сторонку и подозвал одного мальчика из оркестра. Надо сказать, что оркестр этот был из школы-интерната, и дети там были одеты не в пример богаче нашего брата, деревенской шантрапы. Я был тогда уже высокий и крупный паренёк, а пацаны из оркестра все были меньше меня,

только один более или менее мог сравниться со мной по комплекции, вот его-то и подозвал Николай Николаевич. Затем он мне сказал, что ему неловко за все происходящее, но я должен, я обязан выступить за честь района, и предложил нам переодеться. Короче, я стянул с себя штаны и гимнастерку, и надел костюм Толика, как звали того пацана. Брюки были коротковаты, но я их приспустил... Общими усилиями кое-как мне придали почти нормальный вид и показали этой даме. Придирчиво и, как мне показалось, высокомерно осмотрев меня, она милостиво кивнула, что означало добро на мое выступление.

Вот этот взгляд и привел меня в какое-то особое состояние светлой злости, как бы я сегодня его назвал. Когда, наконец, объявили, что выступает такой-то такой-то из Лукояновского района, что он исполнит на баяне «Восточную сказку» Арутюняна, я буквально на какой-то почти нереальной волне вышел на сцену и сыграл эту пьесу так, как не играл никогда раньше, да, наверное, и позже тоже, если честно сказать.

Когда я закончил игру, в зале воцарилась какая-то, как мне показалось, напряженная тишина; было видно, что среди членов жюри начались какие-то разговоры. Я встал, поклонился и хотел было, уже уходить, как вдруг какой-то мужчина из жюри спросил меня, не смогу ли я сыграть еще что-нибудь для них? Я ответил, что смогу, и назвал рондо Моцарта, венгерский танец №5 Брамса, и еще пару-тройку произведений, среди которых был чардаш Монти. Вот его-то меня и попросили исполнить. На той же стихийной волне, с каким-то торжественным ожесточением я исполнил и это произведение.

Успех был полный, меня поздравляли, говорили разные слова, а я, как-то враз устав, посмотрел печально на эту даму и ушел за кулисы, где сразу же переоделся в свою

одежду. Тогда я впервые вот так остро ощутил, что в мире есть несправедливое неравенство, и что есть многое в людях такое, чего я не знаю, о чем не ведаю, но с чем мне придется сталкиваться и бороться.

Ближе к вечеру мы выехали домой. Почти все, устав за день, как-то быстро утомились и уснули. Я не спал. У меня в баяне лежала грамота, подписанная главным режиссером оперного театра, где было написано, что я награжден ей за то-то и то-то, и что я занял первое место в области среди школьников-баянистов. Эта грамота до сих пор хранится у моей старшей сестры, она не хочет мне ее отдавать, а я и не стремлюсь ее забрать...зачем она мне?... Я и без нее помню, как с меня сняли штаны в оперном театре.

ЗАБАВНЫЕ КРАЖИ.

Человечеству воровство известно с того самого дня, как попы придумали заповедь не укради. История воровства знает великое множество краж гениальных, таинственных, выдающихся. Кражи бывают мелкие, крупные, малозначительные, и множество всяких других, есть и смешные кражи. Вот про пару таких краж я и хочу рассказать.

Первая случилась в начале шестидесятых годов прошлого века в Карагандинской области Казахстана. На юге этой области есть один районный центр, затерявшийся среди бесчисленных долин и сопков северного Прибалхашья. Сам по себе поселок довольно скромный и какими-либо достопримечательностями похвастаться не может. У северо-восточной его оконечности приютился аэропорт, который представлял из себя пару-тройку ка-

зенных построек, грунтовую взлетно-посадочную полосу, на которую могли садиться только знаменитые кукурузники Ан-2. Завершал эту картину небольшой домик, в котором жил начальник аэропорта, колоритный немец. Был он высокого роста, носил кайзеровского вида усы и превосходно говорил на казахском языке. Он-то мне и поведал эту историю.

Случилось так, что мне довелось воспользоваться услугами этого аэропорта, чтобы улететь в Караганду. Я приехал в аэропорт, купил у этого немца, который помимо всего прочего исполнял и кассирские обязанности, билет, и стал ждать самолет, однако он к указанному времени не прилетел, и я начал выпрашивать, что, как и почему. Начальник позвонил в Караганду, узнал причину неприбытия самолета, и сказал, что мне придется ждать следующего дня. Естественно, сия перспектива меня очень не обрадовала и я, не сдержавшись, выругался по-немецки, отчасти потому, что по акценту, с которым разговаривал со мной начальник аэропорта, я понял, что он немец, а отчасти потому, что не хотел, чтобы меня поняли стоявшие рядом пассажиры-казахи, тоже собиравшиеся в областной центр по своим делам. Услышав родные звуки, начальник обрадовался и тут же засыпал меня потоком немецкой речи. Чувствовалось, что он явно соскучился и ему это доставляет великое удовольствие... Тот факт, что я говорю на его языке, видимо очень расположил его ко мне, он сразу же пригласил меня к себе в дом, сказав, что у него мне будет гораздо удобнее и лучше ждать самолета, чем на деревянной скамейке в крохотном зале ожидания.

Вот таким случайным образом пути наши жизненные пересеклись, и я оказался у него в гостях... дело как раз клонилось к вечеру. Рабочий день у него практически закончился, местные пассажиры-казахи разошлись по

своим домам и юртам, в аэропорту воцарилась полнейшая тишина. Его жена, полноватая фрау с русыми волосами и ямочками на щеках, оказалась очень приветливой, на столе быстро появилась разная снедь и даже бутылочка с прозрачной, слегка опалесцирующей жидкостью, в которой я сразу признал то, что мы называли в те годы КВН – коньяк, выгнанный ночью....

Не буду утомлять читателя несущественными подробностями, скажу только, что в скором времени беседа наша стала весьма оживленной. Разговаривали на самые разные темы, и я уже и не помню, как мы подошли к тому, о чем я хочу рассказать. В общем, суть дела такова. Прилетел, как обычно, рейс из Караганды, пилоты выдали почту, прилетевшие пассажиры быстренько разошлись, аэропорт опустел. Начальник, как он сказал, отлучился по своим делам, так как в этот день случилось, что на город не было ни одного пассажира. Такое бывало и раньше и ничего необычного в этом факте не было. Метрах в тридцати-сорока от самолета мирно паслась на привязи одинокая корова. Пилоты, осмотревшись и не увидев никого, быстренько затащили ее в самолет, закрыли дверь и стартовали.

Минут через тридцать, как мне рассказывал мой гостеприимный хозяин, появилась местная жительница, хозяйка этой коровы. Не обнаружив свою буренку в положенном месте, она разразилась громкими воплями, начала суматошно бегать, искать ее. Спрашивала всех встречных, в том числе и моего собеседника... Как оказалось, какой-то мальчишка все-таки видел, как летчики умыкнули эту корову. Обворованная хозяйка мигом побежала в милицию, те сразу же позвонили в Караганду... тамошние милиционеры тоже оказались не лыком шиты и тут же прикатали в аэропорт, чтобы встретить самолет

и взять и летчиков и корову, как говорится, тепленькими. Все бы хорошо, но великие сыщики забыли про корпоративную солидарность. Дежурная служба аэропорта на всякий случай решила связаться с пилотами и как-то предупредить, что тут их ждут. Летчики злополучного рейса, услышав, что им уготована теплая встреча, ничего лучшего не придумали, как выкинуть корову из самолета прямо в воздухе.

Самолет сел, милиция встретила экипаж, как и положено милиции, но никаких следов и других улик не было обнаружено. Летчики изобразили из себя ничего не понимающих мужичков. Милиция ретировалась и все было бы, как говорится, шито-крыто, но в Казахстане есть некая система оповещения, называемая узун кулак – длинное ухо, что соответствует русскому сарафанному радио. Пилоты выкинули корову где-то в районе селения Аксу-Аюлы, над пустынной местностью...но на их беду там как раз паслась отара овец. Чабан, увидев грохнувшуюся метрах в пятнадцати от него корову, был вне себя от страха, но потом все-таки сообразил, откуда это ему аллах послал такой подарок – рокот самолетного мотора и сама машина не оставили никаких сомнений. Узун-кулак сделало свое дело. Слух дошел до компетентных органов, и наших горе-аферистов приперли к стенке...им ничего не осталось делать, как только признаться в содеянном. Удивительно, но их не судили, только обязали возместить убыток хозяйке коровы и на год отстранили от полетов, перевели в разряд техников аэродромного обслуживания. Такую вот историю поведал мне немец, живущий среди казахов...

Вторая история с выдающейся кражей произошла на Дальнем Востоке, тоже в шестидесятые годы. Ее мне поведал случайный попутчик-офицер в поезде, в ответ на

историю про корову, которую я ему рассказал. Дело было так.. В те годы солдаты –новобранцы после прибытия в часть размещались в подразделении, которое в обиходе военных называлось учебным пунктом... По прибытии солдат осматривали врачи, проводились всяческие обследования, в том числе и на носительство разных патогенных микробов. С этой целью лаборанты раздавали солдатикам спичечные коробки, куда они собирали небольшое количество известного вещества. После этого коробочки собирались, упаковывались в чемодан и лаборанты увозили их на дальнейшую обработку... В тот день, о котором я рассказываю, прибывшая в часть лаборантка, женщина, как рассказал офицер-попутчик, весьма боевая и энергичная, быстро организовала сбор материала для исследований, уложила все в два чемодана (а анализов-проб было более семисот штук) и благополучно уехала на вокзал. Пока она, оставив чемоданы с солдатским «золотом», покупала билет на поезд, какой-то вокзальный воришка успел умыкнуть один из чемоданов, который, как говорят, был совершенно новый, (на это, видимо и клюнул воришка) и это была первая поездка с этим чемоданом.

Уж не знаю, говорил мне тот офицер, как реагировала лаборантка на это происшествие, но я, говорит, долго смеялся, представляя себе рожу того ворюги, после того, как он понял, на что позарился. Думаю, голубчик до конца своей жизни не расскажет никому из своих братьев по ремеслу, какую ему однажды удалось сделать взятку.

НЕ ЗЕВАЙ, ФОМКА!

В девяностые годы я, будучи уже пенсионером, вынужден был искать работу, чтобы просто выжить, ибо мизерная пенсия, которую к тому же не всегда выдавали, абсолютно не гарантировала мне мало-мальски достойной жизни. Вот так я и попал в дальнобойщики. Дальнобойщик – это не только работа, это образ жизни, это обычаи, ритуалы, это, если хотите, философия. Работал я на огромном японском четырехмостовом грузовике, у которого был десятицилиндровый дизель объемом семнадцать с половиной литров мощностью 425 лошадиных сил, удлинённая рама, на которой размещался фургон-термос. В кабине был спальник, уютно, тепло, работал, когда надо, кондиционер. Была и еще масса всяких «прибамбасов», делавшая работу водителя более или менее приятной. Трудиться мне пришлось довольно долгое время. Ходил я в основном по трассе Владивосток-Благовещенск, возил самые разнообразные грузы. Естественно, за время работы случались со мной и моими друзьями-коллегам по цеху всевозможные приключения и истории. О некоторых из них я и хочу рассказать.

Я заметил эту парочку, еще не успев остановить машину. Не знаю, что меня в них привлекло и насторожило. Вроде, обычная с виду шантрапа, мелкие бандючки, как я их называл. В лихие девяностые, когда это происходило, таких на улицах городов и деревень было великое множество по всей России. Машин на стоянке было не очень много, народу сновало, как обычно и эти штымпики ничем особенным не выделялись, но все равно что-то меня неосознанно в них привлекло. Наверное, какая-то нарочитость, с которой они якобы не смотрели вообще на мою фуру...

Замкнув машину, я зашел в придорожное кафе, которое пользовалось популярностью практически у всех дальнбойщиков, ходивших по трассе Владивосток – Хабаровск. Взяв что-то себе на обед, я расположился за столиком возле окна, чтобы было удобнее присматривать за моей фурой, стоявшей в ряду других машин на стоянке при кафе. Все было спокойно и ничего подозрительного нигде не было видно. Моя парочка стояла на месте, со стороны это выглядело, как будто некие приятели встретились и стоят, болтают, маясь от безделья. Короче, они вели себя, как люди, которым вообще некуда спешить... Я уже было успокоился и подумал, что стал в последнее время излишне подозрителен и мне вечно что-то мерещится там, где ничего нет, и приступил к обеду, который мне к этому времени подавала молоденькая девчонка-официантка. Я ел и поглядывал в окно. Там, на улице, ничего не менялось. Ходили люди, пообедавшие дальнбойщики садились в машины, заводили моторы и уезжали каждый в свою сторону.

Закончив обед, вышел на улицу и я, подошел к машине, обошел ее, как обычно, вокруг, осмотрел колеса, шланги, ресивер ну и все, что в таких случаях осматривают водилы... Открыл кабину, достал тряпку, протер, забравшись на бампер, лобовое стекло, спрыгнул и хотел, было, садиться в кабину, как ко мне подъехала черная «японка» без номеров. Окно открылось и водитель мне говорит: - «слышь, батя, выручи меня»... Краем глаза вижу, что моя парочка как-то подобралась, вроде, как охотничья собака насторожилась, учуяв зверя... Как я тебя могу выручить, сынок? – сказал ему я в ответ...-»Да вот, понимаешь, гоню машину из Владика, купил там, и надо мне мимо поста ГАИ проехать на выезде из города». Действительно, километрах в полутора от кафе, на

самом выезде из города стоял стационарный пост ГАИ, а рядом с ним еще и пост транспортной инспекции – лучших врагов дальнбойщиков... Странно, говорю, сам-то что, не можешь проехать что ли, или у тебя прав нет? Как же ты сюда-то доехал? «Да нет – говорит - права есть, но «синий» я малость, не рискую мимо гаишников ехать. Давай, ты меня за пост вывезешь, там кому-нибудь фарами моргнем, и тебя встречные сюда быстренько довезут... тридцать минут и все в порядке, я поеду и ты поедешь» Нет, говорю, сынок, так дело не пойдет. Куда ты пьяный поедешь? И убиться можешь, и дальше по трассе гаишники стоят, иди в гостиницу, проспись, а потом уж поезжай. Кстати, я и машину бросить свою не могу. Груз у меня, мало ли что, так что, сынок, не помощник я тебе в этом деле, извини... Так я сказал ему в ответ, но сам уже давно понял, что никакой он не перегонщик. Уж больно было не похоже на то, что его машина была недавно куплена. Не было транзитных номеров, сама машина имела подуставший вид, ну и еще был ряд признаков, говорящих за то, что тут не все так просто. Видимо, догадался я, этот паренек отвлекает меня. Как только я сяду к нему за руль и поеду, его сообщники (скорее всего эта парочка) спокойно вскрыют мою машину, заведут ее и угонят куда-то в сторону с трассы, а там уже дело техники, возьмут все, что им надо...

Видимо, я был полностью прав в своих подозрениях, потому что парень, попросив меня еще раз и получив повторный отказ, отъехал от моей машины. Я сел за руль, тронулся и увидел, что подозрительная мне парочка пошла прочь в сторону города, потеряв всякий интерес к своему разговору и к стоянке ... Дня через четыре, возвращаясь из Владивостока, заехав перекусить в кафешку, я опять увидел «перегонщика» на этой же черной Тойоте

без номеров. Выйдя из машины и проходя мимо него, я сказал ему, как старому знакомому: - что, сынок, все не можешь протрезветь и уехать в Хабаровск? – он тут же, молча, тронулся и уехал. Кстати, знакомой парочки почему-то в это время не было, очевидно, это было не их «дежурство»....

Страна валилась, и всяк в ней не жил, а выживал, все «жрали» друг друга, шел великий процесс естественного отбора: каждый стремился урвать кусок пожирнее, желательно, на халяву. Рождались олигархи, размножались люмпены, безмерно плодились беспризорники, рекой лился алкоголь, как грибы, множились наркоманы. Западная цивилизация торжествовала..повсюду беспредельничала свобода, похожая на пьяную проститутку, потерявшую даже отдаленные намеки на приличие.

ХИНГАНСКИЙ ГАМБИТ.

Этот грязно-белый «Крузак» без номеров и наглухотонированный по кругу, был мне почти хорошо знаком. Вот уже недели три он неизменно сопровождал меня на протяжении полутора-двух десятков километров трассы Хабаровск-Чита там, где она пересекает Хинган. Места глухие, малолюдные, и, несмотря на природную красоту, какие-то недоброжелательные, если так можно выразиться. Не знаю, как у других дальнобойщиков, но у меня никогда не возникало желания где-нибудь остановиться, попить чайку или просто отдохнуть на протяжении всего отрезка трассы, где она пересекает этот суровый и неприветливый Хинган. Бесконечные подъемы, спуски, мосты, повороты, пропасти слева и справа, густая дикая тайга, мрачная тишина – все это как-то не располагало к отдыху,

а наоборот, настраивало на то, чтобы как можно быстрее проскочить этот участок.

Так вот, вернемся к «Крузаку». Он возник на моем горизонте недели три-четыре назад, когда я стал ежедневно ходить по маршруту Хабаровск-Благовещенск, договорившись с одной фирмой на доставку ее товара. Загружался в Хабаровске и отправлялся в путь. Доехав до места, выгружал товар и практически всегда в обратный путь ехал порожняком. Не скажу, что мне уж особо нравилась эта ситуация, потому что дорога была плохая, из семисот километров только порядка двухсот были асфальтированы, а все остальное представляло из себя то, что в обиходе мы называли не дорогой, а направлением. Плохо было и то, что в обратный путь приходилось ехать практически всегда порожняком, а это, как вы понимаете, не есть гут, потому что пустую машину нещадно трясло на ухабах и кочках, и из рейса на базу я всегда возвращался с ощущением, что мой позвоночник провалился куда-то в область малого таза. Выручало только то, что поток грузов был постоянный, а это давало работу...

Начиналось все так. В одном из рейсов я обратил внимание на то, что сзади моей машины уже давненько едет джип и почему-то не обгоняет меня, хотя мог бы это легко сделать. Минут через пятнадцать он все-таки вышел на обгон, обошел, но не оторвался, как обычно, а стал ехать впереди моей машины на удалении метров пятидесяти. Спустя минут десять-пятнадцать джип принял вправо, притормозил, я объехал его и увидел в зеркала, что он развернулся и двинулся в обратную сторону. Вроде, ничего особенного, но ... На следующий день я возвращался, как обычно, порожняком и опять ситуация повторилась, причем я так и не заметил, где этот джип сел мне на хвост. Некоторое время он двигался за мной, потом

обогнал, замедлил ход, шел впереди, затем прибавил газу, оторвался и исчез из поля зрения. Такая ситуация стала повторяться из рейса в рейс, независимо от того, в какое время я проезжал по этим местам, джип был тут как тут. Так же внезапно я обнаруживал его на хвосте, так же он «барражировал» около моего автомобиля и потом либо отставал, либо уходил вперед и где-то съезжал с трассы.

У меня не было сомнения относительно того, кто сидел внутри этого «Крузака». В те времена, впрочем, как и в нынешние, на таких машинах ездили и ездят либо братки, либо власть, либо те, кого на западе в насмешку над нами, называют аристократами второго сорта, потому что в их странах никому в голову не придет передвигаться по городу на внедорожниках, как это сегодня повсеместно делают у нас. Поэтому, не смотря на то, что со стороны джипа мне, вроде, ничего пока не грозило, я понимал, что рано или поздно что-то должно произойти. Так оно и случилось и именно с этого момента я и начал мой рассказ. Как обычно, я возвращался в Хабаровск. Рейс, правда, был не совсем обычный, потому что вместо груза я вез с собой, ни много ни мало, двадцать пять тысяч американских зеленых рублей. Такие или подобные суммы дальнбойщики в те времена частенько возили с собой – это были деньги, которыми коммерсанты, на которых мы работали, расплачивались между собой. Как обычно, на Хингане появился джип, но в этот раз он повел себя совсем иначе: сходу обогнал меня и затормозил буквально перед носом моей машины. Хотя я давно ожидал чего-нибудь подобного, признаюсь, что все-таки им почти удалось застигнуть меня врасплох. Буквально в последнюю секунду я сообразил, что вот оно, началось!... Мне чудом удалось вывернуть руль влево, и по самому краю дороги объехать джип и продолжить движение. Бу-

душие депутаты, политики, и бизнесмены, сидевшие в «Крузаке», однако, не собирались отступить от задуманного и начали попытки обогнать меня и заблокировать путь моей машине. Однако я уже не спал и всячески им мешал, бросая свою машину то влево, то вправо, в зависимости от того, где меня хотели объехать. Надо сказать, что дорожное покрытие в те времена было – обычная крупная щебенка, поэтому скорость движения была относительно невелика, не более восьмидесяти километров в час по максимуму, быстрее я ехать просто не мог из-за тряски и опасения не справиться с управлением.

Я прекрасно осознавал, чем мне эта ситуация грозит. В лучшем случае, меня просто выбросили бы в тайгу, предварительно хорошенько избив, либо, скорее всего, просто убили бы, опрокинув потом мою машину в овраг вместе со мной, не поленившись облить ее бензином и поджечь, чтобы скрыть все следы, как это неоднократно случалось то там, то там по всей трассе. Причем случилось почему-то именно тогда, когда у водителей была та или иная крупная сумма: осведомители у братков были везде и работали они лучше, чем милицейские опера. Продолжая бросать машину из стороны в сторону, я искал выход из сложившейся ситуации, так как понимал, что на огромной четырехмостовой фуре от мощного «Крузака» мне не уйти, и что рано или поздно бандюки сумеют меня либо обойти, либо наверняка применят оружие, выбрав выгодную позицию для стрельбы. «Крузак» тем временем предпринимал отчаянные попытки обойти меня или хотя бы приблизиться к моей кабине. Наблюдая в зеркала за маневрами джипа я понял, что его водила не очень-то силен в управлении машиной и тогда я сообразил, что мне нужно сделать для того, чтобы избавиться от настойчивых преследователей. Свой расчет я постро-

ил на неопытности водителя Тойоты, потому что именно такие неопытные не имеют твердой уверенности в своих действиях и в глубине души у них есть нечто вроде страха или опасения сделать что-то не так. Короче, я решил позволить преследователям максимально приблизиться к моей кабине, а затем резко повернуть свой автомобиль в сторону преследователей, чтобы их прижать или, хотя бы, сильно напугать водителя.

По левой стороне моей машины находились топливные баки, удар по ним был мне явно не на пользу, поэтому я решил сделать все так, чтобы позволить бандитам попытаться обойти меня по правой стороне моей машины. Я намеренно сместил свою фуру на левый край шоссе, одновременно прибавляя скорость, создавая видимость, что пытаюсь уйти от них на скорости, и, якобы, увлекшись, позабыл о том, что даю им возможность опережать меня по правой стороне шоссе. Господа бандиты мгновенно воспользовались моей «оплошностью» и джип начал стремительно обгонять меня справа. Когда их авто поравнялось своим передком почти с серединой моей машины, я резко бросил ее вправо с намерением произвести боковой удар по джипу и выкинуть его с дороги, тем более, что там как раз на мое счастье был высокий откос, поросший кустарником. Однако удара машин не произошло: как я и предполагал, душонка у бандючка оказалась трусоватой и он, видимо испугавшись, сам успел от меня увернуться, но так как я практически вплотную подвел свою машину к обрыву, ему ничего не осталось делать, как отрулить в под откос... Мне хорошо было видно, как машина моих преследователей сначала эффектно ломала кусты, потом перевернулась, поднялись клубы снежной пыли и далее я уже ничего не видел, потому что она полностью скрылась из вида. Оторвавшись, я вроде как,

успокоился и только тут почувствовал, что спина моя вся мокрая, да и на лбу выступила испарина...

До Хабаровска оставалось еще больше трехсот километров, я пролетел их, не останавливаясь. Наутро пришлось рассказать о случившемся коллегам по работе, и мы поставили вопрос перед руководством фирмы о том, чтобы в рейсы через хинганские дикие края нам давали вооруженных охранников. Руководство фирмы согласилось с нами, и машины стали уходить в рейс под охраной. Меня же на некоторое время из опасений мести со стороны бандитов, перевели на другое направление. Когда через полгода я вернулся на эту трассу, там уже развернулось строительство дороги. По всему участку трудились люди, сновала техника и льготный режим для таежных джентльменов удачи закончился.

ПРЯНИКИ.

Не так давно случилось мне возвращаться домой из одной поездки. День был воскресный, солнечный, уже клонился к вечеру. Машин на шоссе было мало и мой микроавтобусик без помех мирно бежал по направлению к дому. За годы странствий я заметил, что дорога домой всегда бывает более скорой, нежели путь из дома.

До города оставалось километров около семидесяти, мотор ровно и симпатично урчал, из приемника лилась негромкая музыка, и я предавался разного рода ленивым спокойным мыслям обычного житейского характера. Зазвонил сотовый, звонила жена, спросила, скоро ли я буду и как да что у меня, все ли в порядке? Уже заканчивая разговор, вдруг спохватилась, и, сказав, что чуть не забыла главное, попросила меня заехать по пути и купить

что-нибудь к чаю. Как раз на пути километрах в полутора впереди лежала деревенька с симпатичным названием Зоевка, и я решил заскочить в придорожный магазинчик, чтобы выполнить просьбу жены.

Когда я зашел в магазин, там не было ни души: ни покупателей, ни продавца... Я прошел к прилавку, громко кашлянул, из двери в подсобку показалась продавщица – молоденькая миловидная девчонка. Я попросил ее взвесить мне немного конфет, пару видов печенья, приглядел симпатичное пирожное, заплатил деньги, и хотел было уходить, как увидел пряники. Я сразу понял, что это именно те пряники, о которых я часто вспоминаю, и которые ныне редко можно купить. Остановился и попросил взвесить мне немного этих пряников. Девушка-продавец, пока еще, видимо, не испорченная вирусом торгашеского равнодушия, честно сказала мне, что пряники эти старые, сухие и лежат в магазине давным-давно. Так это же замечательно, сказал я ей, именно такие пряники мне и нужны, и что раз это так, то прошу взвесить мне этого замечательного товара целый килограмм. Удивленно стрельнув на меня симпатичными глазками, девушка выполнила мою просьбу и я, заполучив вожделенную покупку, убыл восвояси.

Уже сидя за рулем, я вспомнил удивление и даже некое подобие недоумения в глазах продавщицы и улыбнулся, улыбнулся немного грустно и светло. Откуда ей, дитяти современного века, было знать, что пряники эти для меня были, есть и останутся до последних дней моих наилучшим лакомством из всех лакомств....

Случилось это году в сорок восьмом, а может, в сорок девятом, точно не помню. В наш магазин привезли невиданное лакомство – пряники. Никогда до этого никто из нас, пацанов, такого диковинного товара не види-

вал. Мы знали, что в сельпо, как именовали эту торговую точку, есть в продаже соль, керосин, подсолнечное масло в бочках, лавровый лист, килька и ржавая селедка в бочках, а так же большое количество консервных банок, которые назывались бычки в томате и килька в томатном соусе.

В то время нашей повседневной пищей была картошка, щи, каша-полба, пшенная каша. Хлеб картофельный с отрубями, черный и клейкий, как пластилин. Редко в каком доме был чай. А если был, то плиточный, в котором чая было меньше, чем непонятного качества сухофруктов. Сахар водился редко. Продавался он в сельпо большими кусками, которые назывались головами, и был желтого цвета. Люди жили крайне бедно. Большинство домов были крыты соломой. Во многих домах полы были земляные.

О конфетах-пряниках и прочих яствах мы слышали только в сказках - и тут, вдруг, вот они, сказочные пряники, в нашем сельпо, и мы их видим воочию. Мы, пацанва, сбежались к магазину и набились туда, как селедки в бочку, и как грозно не кричал и не рычал на нас строгий на вид продавец дядя Васька Жучкин, мы упорно лезли к прилавку и глазели на это диво дивное.

Короче, долго сказка сказывается - побежал я домой, рассказал братьям и сестрам про пряники, стали мы ныть и скулить, выпрашивать у матери, чтобы она нам купила пряников. Вздохнула мать. Помнится. Тяжко собралась и ушла. Вернулась из магазина и принесла нам каждому по прянику, а нас было уже шестеро тогда. Ухватил я свой пряник, зажал в руке. Долго на него глазел во все лупалки свои, потом попробовал откусить – ничего не получилось: пряник был твердым, как камень... Я его и так, и эдак, начал сосать, грызть потихоньку и вдруг почувствовал что-

то необыкновенно вкусное: оно было и сладкое, и терпкое и еще какого-то вкуса-качества, названия которому тогда не было в моем языке. Когда я понял, как нужно есть этот пряник, я стал уже не очень-то торопиться, и растягивал удовольствие, сколько мог. Однако, все хорошее, как я заметил и тогда, и в последующей жизни, очень быстро заканчивается. Растаял во рту и мой пряник, до последней капельки. Я старательно облизал все свои пальцы, на которых осталось что-то еще сладкое, и понял, что нет на свете ничего слаще и вкуснее, чем пряники. На душе и во рту осталось какое-то чувство радости, счастья, удовольствия и бог еще знает каких чувств.

Впечатления от этого первого в моей жизни знакомства с радостями внешнего мира надолго врезались мне в память, и так уж что-то сложилось, что уже и во взрослые годы я, отведав многое и многое из того, что придумало человечество в еде, до самых последних лет сохранил особое отношение к вкусу старых, ссохшихся пряников. Что-то осталось в моей душе такое, что нельзя определить каким-то одним словом. В этом отношении к пряникам есть и ностальгия по детским годам, и благодарность за познание радости вкусной пищи и что-то еще в сознании, что где-то есть огромный мир, в котором есть место чудесам, подобным этим пряникам.

Понятно, что девочке-продавщице совсем были неведомы мои пряничные эмоции, но я уверен, что и в ее жизни, как и в жизни любого из нас есть что-то такое, отношение к которому подобно моему почтению к тем первым пряникам из нашего селъпо.

ЕРЁМА.

Приличные люди, обычно, поступив в первый класс какой-нибудь школы, эту же школу и заканчивают. По крайней мере, у большинства из моего окружения так оно и было. Редко кто учится в двух. Судьба, очевидно не собиралась относить меня к категории приличных, и я за свою школьную карьеру, если так можно выразиться, сменил восемь школ.

Впрочем, это мало относится к тому, что я хочу рассказать. Тем не менее, тогда всем станет ясной фраза, что второй, третий и четвертый класс я проучился в одной школе, это был самый длинный период пребывания в стенах одного заведения.

Впрочем, обо всем по порядку. Где-то в самом начале пятидесятых мой отец привез всю семью к месту своего нового назначения - это была глухое село, окруженное лесами и бездорожьем, аккурат в тех местах, которые изумительно описаны в книге «В лесах» дяденьки Мельникова, который еще почему-то был Печерским. Село было довольное большое, более шестисот дворов, ни электричества, ни радио, ни каких-либо приличных дорог в тех местах от сотворения мира не водилось. Народ был жутко религиозен, все в основном были староверами разного толка. Каждый толк имел свое кладбище, (в селе было пять кладбищ, стало быть, и пять толков) и люди меж собой общались весьма своеобразно, что уж говорить о пришлых.

Располагалось поселение вокруг большого озера, в центре стояло церковное здание, но служба в нем не велась, а здание использовалось под мастерские местной МТС, а вторая половина - под склад каких-то колхозных материальных ценностей, точно уже не помню. Где-то я

уже говорил, что отец мой был учителем по образованию, кроме того имел хорошую хозяйскую хватку, был неплохим организатором, после войны строилось много школ и его часто направляли именно туда, где эти стройки велись.

Поселились мы в большом доме прямо на берегу озера, рядом с церковью, стоявшей на небольшом пригорке... Было лето, отец с головой окунулся в стройку, а мы, ребята, начали осваиваться на новом месте.

Начался учебный год, я пошел в школу. Оказалось, что в одном классном помещении занималось сразу два класса, второй и четвертый, а учительница у нас была одна. Самое странное, что не смотря на то, что я был всего лишь второкласником, вышло так, что я был выше всех ростом и, как оказалось потом, сильнее всех мальчишек. Как-то мои отношения в классе сразу не сложились. Мне были чужды бесконечные выяснения этих пятидесятников, кулугуров или как их там еще, которые без конца дрались между собой, выясняя, чья вера правильнее, и чей бог лучше. Как это ни странно, но именно этим занимались почти все ученики младших классов на переменах, до уроков, и после уроков. Когда же ребята узнали, что я вообще не верю ни в какого бога, их удивлению не было границ, и я стал на первых порах объектом всевозможных придилок со стороны остальных пацанов. Кончилось это тем, что однажды я не вытерпел приставаний и оскорблений со стороны самого сильного, как до этих пор считалось, Ваньки Кириллина, и так его вздул, что с тех пор все остальные пацаны потеряли всякое желание больше приставать ко мне со своими божественными разборками.

Короче говоря, так получилось, что я приходил в школу, учился и уходил, отношений с одноклассниками

никаких не налаживалось... Я, конечно, замечал, что каждый раз после занятий пацаны кучковались неподалеку от школы и выясняли там свои отношения, но мне все это было абсолютно не интересно, и я никогда там не задерживался. Где-то к концу третьей четверти я потихоньку и как-то незаметно сдружился с двумя пацанами из четвертого класса, и с одним из нашего, второго. Образовалась компания в четыре пацана. В свободное время мы играли в разные игры, прыгали в сугробы с коньков деревенских крыш, бегали в лес на лыжах, короче, вели обычную немудреную жизнь деревенских пацанов.

Не смотря на то, что я мало интересовался классными делами вне уроков, я все-таки нет-нет, да и замечал, что по каким-то неведомым мне причинам пацаны чаще всего били одного мальчика, Витьку Еремеева. Был он самый маленький в классе, тихий, мало заметный, все время шмыгал мокрым носом с бесконечным насморком. Одежда на нем висела каким-то самым непостижимым образом, и весь он обликом напоминал маленького мокрого воробья. На протяжении нескольких дней, предшествующих описываемому событию, я видел, уходя из школы, что мальчишки кучкуются, не расходятся и ждут. Ждут, когда появится на выходе из школы Витька Еремеев, или Ерёма, как звали его все. Он знал, что его будут бить, всегда оттягивал выход из школы, но начиналась вторая смена и ему нужно было уходить, так как коридора в школе не было, в класс мы заходили сразу с улицы. Однако, выходить все равно было надо, он выходил и все его начинали лупить. Били здорово, со старанием. Так мне рассказывали потом пацаны. В тот раз, о котором идет речь, когда закончились занятия, я вышел немного позже обычного, задержала учительница зачем-то. Ко мне подбежал Генка Абросимов, наш пацан, весь возбуж-

денный, стал настойчиво звать меня бить Ерему. Не знаю почему, но я поддался на его призыв, и тоже стал ждать, когда Витька выйдет из школы, чтобы принять участие в его избиении. И вот Ерема вышел, с убитым видом он шел, как на заклятие к нашей группе, деваться ему было некуда. Он подошел, и избиение началось. Помню, я с каким-то ожесточением вмазал ему кулаком по лицу, попал по носу, брызнула кровь. Витька, как подкошенный, упал на землю и как-то весь съежился, вид его стал жалким, обреченным. Он лежал и плакал тихими беззвучными слезами, и во всем его облике чувствовалась какая-то безысходная обреченность и что-то еще непередаваемое словами. Эта картина буквально перевернула мое сознание, мне стало его смертельно жалко, меня охватило чувство беспредельного сострадания к нему и в то же время ожесточенного негодования к тем, кто его избивал. Я буквально вырубил опять же самого рьяного и настырного Ваньку Кириллина, оттолкнул еще пару пацанов, поднял плачущего Ерёму со снега, обнял и сказал: все, Ерема, не плачь, больше тебя никто никогда ни разу не тронет, а тронет - будет иметь дело со мной... Слышали? - спросил я пацанов... Кто тронет - убью, вы меня знаете. А ты, Ерёма, теперь мой друг!

Надо было видеть, как на меня глянули его глаза. Этот взгляд и по сей день я нет-нет, да и вспоминаю, как один из самых светлых моментов моей жизни. С тех пор в нашей компании появился пятый член - наш хвостик, как мы его называли, Ерёма. Он оказался очень добрым и хорошим мальчиком из многодетной и очень бедной семьи, как я потом узнал. Не было у меня друга преданнее его за все время, пока мы жили в этом селе, и пока там отец строил школу. Частенько он приходил ко мне домой, мама его подкармливала, а я показывал свой телескоп,

рассказывал ему о звездах и туманностях, галактиках и метagalактике.

Я тогда был фанатиком астрономии и трудов профессора Воронцова-Вельяминова, хотя и был всего на всего учеником второго класса захолустной школы из глухого села. Удивительно, но несмотря на то, что в наших отношениях я был лидером, я никогда не видел в нем подобострастия или подхалимажа. Витька действительно любил меня, как своего друга, он вел себя со мной, как равный, но уважительно. К слову сказать, был он еще великий выдумщик и фантазер, и мог бесконечно рассказывать красочные истории, сочиняемые им на ходу. Слушать его было интересно, но это уже другая история.

Этот случай из детства научил меня, что нельзя быть пассивным и безразличным к тому, что происходит вокруг тебя, нельзя тем самым потворствовать несправедливости и злу. Конечно тогда это не так четко определилось в моем детском сознании, но суть сказанного от этого не меняется.

ПРЕОДОЛЕЙ СЕБЯ.

У каждого из нас есть воспоминания, связанные с самым ранним периодом нашего детства. Иногда эти воспоминания буквально граничат с пределом сознательного восприятия мира. Есть такие воспоминания и у меня. Некоторые из них носят отрывочный характер, другие представляют собой более или менее целостную картину. Иногда, вспоминая то или иное событие, я переспрашивал у мамы, когда она еще была жива, правильно ли я помню то, или то. Чаще всего она мне отвечала, что, дескать, ты этого не можешь помнить, ты был слишком мал,

тебе было полтора годика, или там два годика, скорее всего, ты это помнишь со слов своих старших братьев. Однако я ей доказывал, что старшие братья тут не при чем, приводил в пример такие мелкие и существенные детали, которые знать могли только я и она, если то или иное событие касалось только нас с ней.

Вот об одном таком воспоминании, которое, как мне кажется, имело для меня важное значение, я хочу сегодня поведать. Я помню почти до мельчайших подробностей большой, точнее, огромный, как мне тогда казалось, школьный двор, куда выходило крыльцо черного хода дома, в котором тогда жила наша семья. У дома был и так называемый парадный вход, но мы почему-то им практически никогда не пользовались. Каждое утро я выходил гулять в этот двор, заглядывал во все его уголки и потаенные места, известные, как мне казалось, именно мне и только одному. Там можно было играть, прятаться, короче говоря, делать все, что тебе хотелось. Это, конечно, было очень интересно, но.... Совсем недалеко, между домом и зданием школы находились ворота, за которыми лежал очень загадочный мир с названием улица. Он манил меня своей таинственностью, своим многообразием и еще непонятно чем. Меня туда всегда тянула непонятная сила, ну очень мне хотелось туда, хотя там была опасность: там был ненавистный мне Колесник....

Колесник - это прозвище такого же маленького мальчика, как и я, который жил напротив нашего дома через дорогу, звали его Колька, а фамилия - Колесников, поэтому и Колесник. Вот этот самый Колесник отравлял мне все моё существование. Из-за него-то я не мог ходить на улицу тогда, когда мне хотелось. Каждый раз, когда, прокравшись за ворота, я выходил на простор улицы, я обязательно оглядывался, нет ли где поблизости Колес-

ника. Если его не было видно, я с опаской продвигался дальше, стараясь как можно ближе подойти к краю дороги, к косогору над дорогой, там было очень красиво, как мне казалось, и там была особая трава. Если Колесника, как я уже сказал, не было, я постепенно добирался до лужайки на косогоре, и начинал там играть, увлекался и... когда я замечал Колесника, было уже поздно. Я пытался от него убежать, но мне никогда не удавалось этого сделать, он догонял меня, колотил, я ревел, и убегал за ворота на школьный двор, туда Колесник ходить боялся.

Так продолжалось довольно долгое время. Я выходил, увлекался, забывался. Колька подкрадывался, коршуном налетал, колотил меня, я плакал, прятался на школьном двор, но однажды все враз изменилось: уж не знаю, каким чудом, но мне удалось убежать от Колесника. Моей радости, моему торжеству не было предела. На следующий день я вышел на улицу уже смело, без оглядки. Все повторилось, я заигрался, Колька налетел, но я опять убежал, и ехидно показывал ему язык из-за школьных ворот. Наступил новый период, когда я уже без страха выходил на улицу и всегда опережал моего врага, успевая убежать. Так было несколько дней. Однажды я, убегая в очередной раз от своего ненавистного преследователя, вдруг подумал, а чего это я бегу? Не дать ли ему отпор? Я повернулся, и когда Колесник подбежал ко мне, со всей силы врезал ему по сопатке. Тот упал, от неожиданности растерялся, а я, не давая ему опомниться, колошматил его своими ручонками по башке что было силенок. Кончилось дело тем, что он заревел, и со всей силы припустил бежать к себе домой. Ситуация в корне изменилась, теперь уже я, как хищный ястреб, кружил каждый день по лужайке, прятался за кустом ракиты, подкарауливая своего мучителя. Как только он оказывался в поле моего зре-

ния, я вихрем налетал на него и лупил, что было сил, мой враг верещал, закрывал голову руками, и убегал домой, а я торжествующим победителем возвращался на лужайку, где был теперь свободным царем. Кончилось дело тем, что однажды я так сильно его отлупил, что у него из носа потекла кровь, он заорал благим матом, тут уже и я испугался малость. Мы разбежались, он домой, а я во двор.

Через некоторое время меня позвала домой мама. Ничего не подозревая, я вошел в комнату, и увидел там мать Кольки Колесника и его самого, он прятался за свою мать. Оказывается, они зашли к нам в дом через парадный вход, поэтому я их и не видел. Мама начала меня расспрашивать, почему я обижаю Кольку и зачем так сильно сегодня его поколотил? Я все полностью рассказал, как было дело, с самого начала. Уже не помню точно, что там, и как говорили наши мамы, но с этого момента мы с Колькой больше не дрались, наоборот, стали закадычными друзьями, и днями напропалую играли на лужайке, на поле, так сказать, своих бывших ристалищ.

Конечно, в силу возраста, я ничего не осмысливал в этой истории, не делал каких-либо выводов и заключений. У меня как-то само собой отложилось в голове, что если ты будешь всегда, всех и всего бояться, то у тебя ничего не получится. Зато, благодаря всему этому, я в некотором роде самоутвердился и понял, что уже кое-что могу в этом мире.. Было тогда мне от роду чуть больше двух лет, но помню я все очень отчетливо, даже помню выражение Колькиного лица, когда я врезал ему в первый раз.

ЛЮДИ – СУЩЕСТВА ЗАГАДОЧНЫЕ.

Поступки, которые иногда совершают люди, часто остаются для меня загадкой. Я просто, как говорится, не в силах понять, что руководило этим человеком в тот или иной момент его поведения. Расскажу одну историю, в общем-то, пустяковую по сути, но тайну которой я так и не могу понять, хотя прошло уже с тех пор практически полвека.

Случилось это году то ли в 67, то ли 68, точно уже не помню. Я тогда учился в институте, и была у меня приятельница по имени Светка. Она училась курсом старше меня, познакомились мы с ней в городском автобусе, в котором каждое утро вместе ездили на занятия в институт. Между нами не было ничего такого, что можно было бы принять за любовь или влюбленность. Мы были просто приятелями, хотите верьте, хотите нет. Она была умничка, сообразительная, с хорошо подвешенным языком, не нытик. Короче, девчонка что надо!

Так вот, как-то, была летняя сессия, я встретил случайно Светку в институтском дворе, она шла с консультации, я тоже был в институте по какой-то надобности. Короче, поболтали, то, се, я ей и говорю: - слушай, поехали завтра с утра в Петровку на Нуру, покупаемся, позагораем, ну и учебники прихватим с собой, почитаем, все веселее, чем дома сидеть зубрить. Светка согласилась, и мы на другой день рванули на природу.

День пролетел незаметно, пришла пора ехать домой. Уже вечерело и как это часто бывает в Казахстане, стало холодать. Сели на мой мотороллер и покатали. Только переехали мост через Нуру, вижу, на обочине стоит мотоцикл, возле него с убитым видом стоит дедок лет около 60. Дело было воскресным вечером, шоссе пустынное,

никого нет. Я тормознулся, спрашиваю, что случилось? Да вот, говорит, ехал-ехал, вдруг заглох мотор, что ни делаю - результата нет. Сейчас, говорю, батя, мы твоему горю поможем. Минут за 15 разобрался с причиной неисправности, устранил ее, и мотоцикл его завелся, как говорится, с пол-оборота. Ну, спасибо-спасибо, пожалуйста, да не за что, мы со Светкой сели, по газам и полетели в Караганду.

Уже хорошо притемнело, гнали быстро, дедок остался сзади... Оставалось километров пять до Майкудука, окраинного района Караганды, как в моем мотороллере что-то хрустнуло, и пропала тяга на колесе. Я сразу понял, что порвалась цепь. Остановились - точно, диагноз верный. Не беда, говорю Светке, сейчас дедок подъедет, мы его тормознем, у него есть замок цепи, я точно видел, когда копался в его барахле во время ремонта его мотоцикла. Не теряя времени, начал снимать цепь, вижу, едет дедок, скорость невысокая, мы отлично видим друг друга, он, конечно, нас узнаёт, я голосую ему - «Стой!», - дедок отворачивает от меня лицо, прибавляет газу, и проносится мимо.

Надежда на скорую помощь рухнула. Делать нечего, ночь уже неумолимо приближается вплотную, холодно, и перспективы на помощь - ноль. Ну что, говорю, Светка, давай ходить по обочине, искать гвоздь хоть какой-нибудь, попробую склепать цепь и как-нибудь, авось найдем, сделаемся, и потихоньку доедем. Короче, начали ходить туда-сюда, и минут через десять глазастая Светка нашла гвоздь, по счастливому совпадению именно такого диаметра, который мне был нужен. Далее - дело техники... Сделал, склепал, потихоньку поехали. Потихоньку потому, что гвоздь из мягкого металла, и нагрузки ему больших не выдержать.

Короче говоря, доехали мы до Кирова, ей оставалось до дома километра два, и мне около четырех, гвоздь оборвался - езды опять нет. Посадил я ее на автобус, а сам пешочком направился домой, ведя мотороллер сбоку. Дня через два встретились, посмеялись, но и она, и я никак не могли понять, почему этот дед, которого мы по сути крепко выручили, и который точно видел, что это мы, его спасители, проехал мимо и не помог нам?

Прошло много лет, дедок тот давно уж, думаю, почил в бозе, а я все вспоминаю его, и так и не могу найти ответа на этот вопрос.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ НЕВЕРОЯТНОСТЬ.

Сегодня с утра занепогодило. Небо затянуло, часам к одиннадцати пошел мелкий дождь, который сеял весь день и с успехом продолжает свою работу по сию минуту, хотя на дворе уже почти ночь. Погодный дядя по телевизору предрекает и завтра такую же милую картинку..

В принципе, мне такая погода нравится, а сегодня она - просто дар божий. После нещадной жары и банной духоты так приятно выглянуть на улицу, и погулять под зонтиком, чем я и не преминул заняться.

После обеда, однако, дождик несколько усилился и я никуда не пошел, а снял с полки наугад какую-то книжицу, прилег почитать. Книжка оказалась давно мной любимым томиком Станислава Лема под названием «Сказки для роботов». Милые рассказы, научная фантастика, смешные гениальные конструкторы Клапациус и Трурль и замечательный «Сказ про то, как Эрг Самовозбудитель Бледнотика победил»... Немного почитав, я вздремнул было, но что-то сон ускользнул от меня, и в голову полез-

ли всякие мысли. Сначала они беспорядочно перескакивали с одного плана на другой, но потом как-то потихоньку сместились к научной фантастике, и я поймал себя на том, что фантастика фантастикой, а реальная жизнь нам иногда подкидывает такие истории, которые и специально не придумашь.

Уверен, что практически любой из нас сталкивался в своей жизни с такими фактами, которые действительно трудно придумать даже писателю-фантасту. Покопавшись в памяти, я решил рассказать пару реальных случаев, которые произошли со мной.

История, которую я хочу рассказать, случилась в самом начале шестидесятых годов, когда я начал свою трудовую биографию на одном маленьком заводике автозапчастей в качестве ученика токаря. Месяца через два я, сдав все положенные в таких случаях зачеты, был допущен комиссией к самостоятельной работе, правда, под наставничеством опытного мастера, как человек еще совсем несовершеннолетний, мне тогда исполнилось чуть больше пятнадцати лет.

В тот день я работал в вечернюю смену, задание мое было изготовить партию футорок, специального вида гаек для крепления задних двускатных колес грузовиков, деталь довольно сложная, для ее изготовления необходимо было провести несколько операций, то есть приходилось ее вынимать из патрона станка, переставлять, менять резцы и так далее.

Итак, я привычно уже приступил к работе, зажал заготовку, прошел операции по ее обдирке и...работа пошла, футорки одна за другой ложились в ящик для готовой продукции. Часа через три, при изготовлении очередной детали, когда я начал отрезать изделие от основного металлического прутка, из-под отрезного резца с побе-

дитовым наконечником выскочила очередная стружка и вдруг, вместо того, чтобы упасть в поддон станка, она повисла в струе эмульсии. Здесь надо пояснить. Когда отрезаешь деталь отрезным резцом, трущиеся поверхности сильно нагреваются, сталь становится мягкой, начинает тянуться и теряется необходимая точность обработки, чтобы этого избежать, сверху на резец, в место, где он соприкасается с обрабатываемой деталью, подается эмульсия - смесь воды и какого-то реактива для профилактики ржавчины. Эмульсия охлаждает и деталь, и резец.

Так вот, повторяю, стружка, вместо того, чтобы упасть, повинуясь всем законам физики, осталась висеть в струе эмульсии.... Пораженный, я остановил станок, смотрю - эмульсия струйкой течет, стружечка в ней слегка покачивается, и никуда не падает и не собирается падать.

Я подумал, что, наверное, она зацепилась за какой-нибудь волосок (хотя какой там волосок?), придвинул максимально близко патрон с лампочкой, снял защитные очки, оглядел все самым тщательным образом. Никакого волоска и вообще ничего я там не увидел, кроме струи эмульсии, текущей сверху и стружки, которая стояла в потоке жидкости, совершая небольшие колебательные движения.

Сообразив, наконец, что это вообще, как говорится, нечто феноменальное, я закричал сотоварищам по смене, что дескать, мужики, идите чудо смотреть. Народ, выключив станки, подтянулся к моему рабочему месту. Когда я показал, в чем дело, глаза у моих старших товарищей сразу у всех буквально округлились... Самый из нас старый, Василь Митрофаныч, сдвинув на затылок свою рабочую кепку, загнул витиеватую фразу, смысл которой в кратком изложении звучал так: тридцать пять лет

токарю, а такого чуда не видывал. Постояли, поглазели поговорили, обсудили...время идет, работать надо, норму выполнять тоже надо... Короче, взял я эту стружку в руки, завернул в бумажку, положил в кармашек, да и продолжил работу.

Скажу, что носил я эту стружку года четыре, а то и больше с собой, и при всяком удобном случае бросал ее в разного рода струйки воды, текущие из водопроводных кранов, менял условия, углы, силу броска, и делал все, что только приходило в мою молодую глупую голову - стружка упорно не хотела висеть и падала, повинаясь земному притяжению. Спрашивал у кого только мог при случае, как можно было бы объяснить этот феномен. Уже будучи студентом, задавал этот вопрос на кафедре физики преподавателям. Никто мне так конкретно ничего не смог сказать. Подводились разного рода теоретические предпосылки, гипотезы, идеи, но все они сводились к одному: произошло редкое сочетание сил тяготения, гидродинамических воздействий струи, гидродинамики тела самой стружки и магнитного поля земли, которые на тот момент создали особое условие, при котором стружка как бы попала в невесомость. Но все это были, как вы понимаете, эфемерные рассуждения. Конкретно только было всеми сказано: вероятность такого события - величина фантастически малая.

История вторая, которую я хочу поведать, не такая фантастическая и необычная, как первая, но тоже весьма удивительная. Годков сорок пять-сорок шесть назад судьба свела меня с одним человеком. Мы с ним очень сильно сдружились, можно даже сказать побратались... Мы провели вместе чуть больше двух лет, но потому судьба нас раскидала... Он уехал в Ташкент, а я остался в Хабаровске. Однако, наша дружба не закончилась, мы пере-

писывались, изредка перезванивались, пару или тройку раз я ездил к нему в гости в отпуск. Время шло, все, как говорится, было нормально и ничто не предвещало беды. Но судьбе видимо было угодно нас испытать. Получилось так, что и он, и я одновременно поменяли квартиры, а значит, и адреса места жительства. Короче говоря, мы просто потерялись.

Время шло, я все собирался его разыскать, но текучка заедала, все время наваливались какие-то неотложные проблемы, так что, надо сказать честно, я так и не предпринял никаких реальных усилий по его розыску, но никогда о нем не забывал, и все время успокаивал себя мыслью, что придет время, и я его разыщу.

Потерялись мы году в 78 или 79...прошло несколько лет. Году в 85 - 86 поехал я в командировку в Ленинград, мне туда по роду работы частенько приходилось летать. Перед самой командировкой ко мне подошел сослуживец и попросил передать кое-что его родственникам, живущим в Питере. Дело было осенью, прилетел я в Пулково, в городе была пронизывающая сыростью мерзкая прибалтийская осенняя погода. Устроившись в гостинице, я не теряя времени, решил отнести передатку по указанному адресу, это было где-то, помню, на Невском проспекте. Я шагал навстречу ветру, дождю, не смотрел по сторонам, дошел уже до Аничкова моста, и вдруг, на самой его середине, почувствовал удар в плечо и возглас: привет, Билл! - так меня мог назвать только один человек! Поднимаю глаза и вижу: передо мной стоит мой друг, смеется, и тоже глазам своим не верит. В те времена шел фильм по О.Генри, «Деловые люди» и там был фильм про ковбоев, где звучала фраза: «мне очень жаль, Билл, что твоя гнедая сломала ногу»...вот мы шутики ради все время говорили друг другу эту фразу и называли друг друга Биллом. Ну,

тут, конечно, ахи-охи, бурные разговоры, объятия и все такое, что таким случаям приличествует... Оказывается, он тоже прилетел в командировку в Питер на какой-то симпозиум, и просто шел посмотреть город, так как был в нем первый раз... Вот теперь и представьте себе, какова вероятность такого события, что два друга, один из которых прилетел из Хабаровска, а второй из Ташкента, и потерявшие друг друга несколько лет назад, встречаются в центре Аничкова моста в Ленинграде?

Вот такие истории, как эти, подтверждают мою мысль о том, что жизнь нет-нет, да такой фокус выкинет, что никакому фантасту в голову не придет.

В заключение скажу, что с тех пор мы уже не теряемся и поддерживаем самую тесную связь, не смотря на то, что сегодня мы живем уже в разных странах.

НЕ ЛЕЗЬ В ДЕБРИ.

Как-то в один из выходных возился я в своем гараже, неспешно делая всякую работу с машиной, которую делают все без исключения владельцы четырехколесных механических коней. Одновременно со мной занимались точно такими же делами пара-тройка гаражных соседей. Как часто случается, у кого-то что-то не заладилось. понадобилась помощь, подошел один, второй, третий... консилиум заработал. Сообща причина неполадки была обнаружена, оказалось, что была она видна, как говорится, не вооруженным глазом, просто случилось так, что хозяин авто как-то упустил из виду очевиднейшую вещь, полез в дебри и окончательно запутался в трех соснах. Машину запустили, все было в порядке. Посмеялись, и как-то незаметно разговор зашел о том, что часто мы в

той или иной ситуации теряем время и силы на поиск выхода, который, как говорится, лежит на поверхности, но, повинуюсь неуловимым и неведомым нам законам мышления, инерции в мыслях, залезаем в непроходимые дебри и сложности, вместо того, чтобы как-то отключиться от ситуации, и трезво и не предвзято взглянуть на нее со стороны свежим, как говорится, взглядом.

Всяк стал высказывать, как водится, свои мысли по поводу природы этого явления, приводить примеры в доказательство правоты своих представлений. Пользуясь случаем, рассказал и я одну забавную историю, свидетелем, и в некоторой степени участником которой, мне довелось быть.

Лет тридцать с небольшим назад, ребята, начал я рассказ, пошел я в отпуск в конце августа, и решил прокатиться по Сихотэ-Алиню, полюбоваться его красотами, заехать в бухту Ольга, Находку. Партизанск. Мало, наверное, есть мест на земле, которые были бы так же красивы в сентябре, как Уссурийская тайга. Короче, задумал я совершить автопробег по Приморью и Хабаровскому краю. Решено – сделано... Начал с того, что пару дней уделил подготовке машины к пробегу. Утречком пораньше вышел к гаражу. Начал работу. Минут через двадцать из подъезда появился мой сосед Сергей Иванович, коренастый, делового вида мужичок лет на десять постарше меня, владец Жигулей одиннадцатой модели. Работал он шофером, в машинах разбирался неплохо, и частенько выступал в роли консультанта в разных гаражных дебатах. Он помахал мне в знак приветствия рукой, подошел к своему гаражу, который от моего отстоял на два бокса, открыл ворота, завел свою машину, выгнал ее, и стал закрывать ворота. Закрыв, сел в авто, начал трогаться и машина заглохла. Он попытался завестись, стартер исправ-

но чирикает, а мотор, как умер. Сергей Иванович открыл капот, начал там что-то делать, проверять. Снова пытается завести – безрезультатно.. попытки повторяются, но дело стоит. В это время из подъезда вышел его друган, Михаил, высокий, сутулый пожилой дядька, тоже бывалый шофер, подошел к Сергею. Начали что-то обсуждать, толковать, колдовать - эффект ноль!

Короче, возились они с машиной до вечера. В итоге закатали ее в гараж, решили с утра на свежую голову искать причину отказа работы двигателя. Все это время я наблюдал за ними краем глаза – возятся и возятся, не мое дело. Своей работы много, да и не зовут...

На другой день, когда я вышел в гараж, друзья уже возились с машиной. Я поздоровался, прошел в свой гараж и начал работать. Так прошло часа два с половиной, я уже заканчивал работу по подготовке своего Запорожца к пробегу, как ко мне подошел Сергей Иванович и говорит: - - слушай, может ты глянешь, не можем ничего понять – все есть, все исправно, а никак не заводится. Я уже аккумулятор два раза подзаряжал, толку никакого. Вытер я руки ветошью, подошел к его машине и как-то, сам не знаю почему, спрашиваю: - Сергей Иванович, а бензин-то в твоей тачке имеется? Сажусь за руль, включаю зажигание – на приборе ноль. Далее - неопиcуемая картина, непере-водимые идиоматические выражения и перлы великого и могучего... канистра из гаража. Заливаем – мотор зашелестел с полпинка.

Вот вам и инерция мышления. Полтора дня потрачены на секундное дело, а все дело в том, что машина завелась и выехала своим ходом из гаража – значит бензин есть, и никто уже об этом не думал: искали миллион причин: меняли бегунки, катушки зажигания, контакты прерывателя, снимали трамблер, короче, делали все, что

могли и не могли... Бывает и так..

Так что, мужики, сказал я в заключение, всяк из нас запросто может попасть в такую ситуацию, если не сумеет вовремя отключиться от последней мысленной картины, и не взглянет на возникшую проблему шире. Посмеялись мы, да разошлись всяк по своим делам.

ПУГОВИЦА.

В один из погожих октябрьских деньков поехал я с двумя друзьями на сига. Погода в тот день, как я уже отметил, была просто отличная, приехали мы на свою любимую Сарапульскую косу ранёхонько, и рыбалка у нас в этот раз удалась вполне. К обеду солнышко пригрело очень даже прилично, Амур был спокоен, и настроение у всех было просто замечательное, тем более, что в котелке уже булькала уха и мы, изрядно проголодавшиеся, предвкушали райское наслаждение.

Дождаясь, пока окончательно сварится уха мы болтали, как это водится, о всякой всячине в целом и ни о чем конкретно. Перескакивали с темы на тему, обменивались репликами, пытались острить и сами же смеялись над своими остротами. Короче говоря, просто немного дурачились, наслаждаясь отличной погодой, свежим воздухом и замечательным настроением. Уже и не помню, как разговор зашел об экстремальных случаях и о том, как себя надо вести в неожиданных ситуациях. Мнений было высказано на этот счет много и различных, но в основном все свелось к тому, что в большинстве случаев можно, выражаясь языком казенным, максимально минимизировать, отрицательные последствия опасных ситуаций. Особенно пристрасно отстаивал эту точку зрения мой

старый приятель, профессор, заведующий кафедрой физики одного из ВУЗов города.

В защиту своих тезисов он вызвался рассказать нам об одном случае, который произошел с ним много лет тому назад. Вот этот рассказ с небольшими сокращениями и от первого лица я и предлагаю вашему вниманию.

Случилось это, господа мои хорошие, лет сорок тому назад. Тогда я, только что окончивший университет, был призван на два года на военную службу в качестве офицера. Направили меня в один из отдаленных Забайкальских гарнизонов, расположенный неподалеку от границы с Китаем. Скажу сразу, мне повезло, условия жизни и быта у нас там были вполне удовлетворительные и я, привыкший к студенческому быту и к жизни в общежитии, попал почти в родную стихию... Короче, не буду расписывать что, да как, и перехожу к сути дела.

В один из выходных дней сидел я в своей комнате и жарил на обед грибы, которые собрал утром в ближайшем леске. Негромко мурлыкал транзистор, шкворчали на сковородке грибы, все было тихо и спокойно, как вдруг за соседней стенкой раздались женские крики, состоящие из непонятных восклицаний и звуков, затем топот бегущих ног и суматошный стук в мою дверь. Я быстро ее открыл, на пороге стояла соседка - жена нашего старшины, с их двухгодовалым сыном на руках. На лице ее читались следы паники, сильного испуга и бог знает еще какая гамма чувств.. Она бессвязно то ли говорила, то ли бормотала одно слово: Сашка, Сашка - так звали их сынишку, забавного карапуза, с которым мне частенько доводилось играть, пока мамаша бегала по своим магазинным делам.

Взглянув на ребенка, я понял, что он не жилец, глаза его были вытаращены, он весь был синий, и было видно, что он почему-то не может дышать. Я выхватил у нее

ребенка и спросил, почти крикнул, на нее - что? – Пуговица... Пуговица. Стало все понятно, я быстро перехватил ребенка за ноги, повесил вниз головой и несильно, но резко шлепнул по спине - пуговица пулей выскочила у него из горлышка и пацан, вздохнув полной грудью, заорал благим матом.

Мамаша, потерявшая от страха последний разум, кинулась на меня драться, увидев, что я якобы бью ее умирающего сына. Тут уж мне пришлось защищать дитя от взбешенной мамы, потому что мальчик еще был у меня на руках. Через мгновение она, сообразив, что ребенок жив-здоров и орет во всю ивановскую, схватила его на руки и убежала к себе.

Я выключил плиту, чтобы мои грибы не сгорели, и пошел за ней следом. Дитя уже почти успокоилось, женщина тоже почти пришла в себя и рассказала, что увидела, как сын, играя на полу, откуда-то вытащил пуговицу, и засунул ее в рот. Она, дескать, подскочила к нему, попыталась пальцем вытащить ее изо рта младенца и окончательно затолкала в глубину. На беду пуговица пошла не в пищевод, а в дыхательные пути. Ребенок стал задыхаться, у нее ничего не получилось и она, схватив его, бросилась ко мне. Дальнейшее вы знаете.

Честно говоря, если бы я не сообразил, как физик, воспользоваться воздушным давлением, еще тридцать-сорок секунд и мальчика бы мы потеряли. Делайте вывод: в любой ситуации нужно оставаться максимально спокойным. Быстро и трезво оценивать обстановку и потом уже действовать. Уверен, что если бы мамаша подошла к ребенку спокойно, что-нибудь сказала ему ласковое и попросила эту пуговицу выплюнуть – ничего бы не случилось, да и я спокойно бы дожарил свои грибы...

Вот такими словами наш друг закончил рассказ, мы

помолчали и начали разливать уху по чашкам. Выходной день перевалил за экватор, и голод увел нас от философских размышлений в сферу прозаическую. Интересно, а где сейчас этот спасенный нашим другом мальчуган?

ГИПНОТИЧЕСКИЕ СТРУНЫ.

Давно это было. В прошлом веке, точнее, в 64 году, в июне. Был я тогда до безобразия молод, жизнь казалась прекрасной, любые проблемы решались влет, хотя не только мобильных, простых-то телефонов практически ни у кого не было. Жил я тогда в Казахстане, работал учителем музыки и пения в одной из школ крупного областного центра. Вот именно это обстоятельство и позволило мне стать свидетелем, а в некоторой степени и участником истории, которую я хочу поведать.

В те годы в школах широко практиковалось трудовое воспитание школьников, которое заключалось в привлечении их к коллективному общественно-полезному труду. Тогда это так называлось. Ученики определенных классов комплектовались в сводные бригады и направлялись в подшефные совхозы, которые, как правило, располагались поблизости от города. Сформировали такую бригаду из учеников шестых-седьмых классов и в нашей школе, поручили мне и еще одному учителю руководство этой группой, как самым молодым и еще не обремененным семьей коллегам, и благополучно отправили на прополку овощных полей в ближайший совхоз, расположенный в тридцати километрах от города.

Теперь несколько слов о моем товарище, который поехал со мной. Поскольку он и есть главный герой этого рассказа, я остановлюсь на его описании несколько под-

робнее. Звали его Юрием, он был несколько старше меня, довольно высок, худощав, подвижен, носил шикарную кудрявую смоляную шевелюру. К этой поре уже успел окончить художественное училище, занимался живописью и одновременно работал в нашей школе учителем рисования. Между нами довольно скоро установились приятельские, скорее даже дружеские отношения. В свободное время мы часто встречались у меня дома. Он превосходно владел семиструнной гитарой, имел от природы поставленный баритон, и из окон моей квартиры часто можно было услышать русские романсы и старинные народные песни, которые мы с удовольствием пели на два голоса под аккомпанемент гитары и пианино.

Однако, вернемся к нашим школьникам и совхозным будням. Трудились ребята всего четыре часа в день, а остальное время мы посвящали отдыху. Шастали по окрестностям, это у нас называлось знакомством с родным краем, загорали и купались в местной речке, вечерами на площадке возле общежития разжигали небольшой костер. Пели песни, рассказывали различные истории, короче, не скучали. Отбой всегда строго по распорядку в 10 часов вечера.

Вместе с нами в общежитии жили и ребяташки из других школ города, с ними тоже были руководители, такие же как, мы с Юрием. Прошло уже дня четыре, все перезнакомились, быт вроде устоялся, и никаких намеков на приключения на горизонте даже и в помине не было. Как вдруг... Ох, уж эти вдруг!....Однажды мы вернулись с поля, пообедали и пришли всей командой в общежитие, намереваясь после небольшого отдыха отправиться на речку загорать. В это время к зданию подъехали два или три автобуса и из них высыпали пацаны и девчонки какой-то другой школы. Вместе с ними приехали и две

учительницы. Одна была довольно пожилой дамой, а вторая оказалась молоденькой блондинкой ослепительной красоты. Я в те годы к блондинкам был абсолютно равнодушен и к чарам оной леди отнесся без пиетета и восторга, но с моим Юрием случилось нечто вроде небольшого ступора, постепенно переходящего в плохо управляемый транс. Он на глазах буквально поглупел, стал косноязычен и смотреть мог только в направлении прибывшей красавицы, у него даже движения тела неуволимо изменились, в них появились некие нервные черточки.

Приезжие начали устраиваться, обживать, расквартировываться. Зрелище и событие это мало кого интересовало и мы направились на берег, но мой друг и коллега почему-то посчитал, что в данный момент его первый и самый святой долг - помочь вновь прибывшим. Мешать проявлять гуманизм и альтруизм я ему не стал, и мы отправились, как вы понимаете, по своим очень важным купальным делам.

К ужину вернулись прямо к совхозной столовой, где нас всех, надо сказать без ложного преувеличения, очень вкусно кормили местные тети-поварихи. Вновь прибывшие школяры вместе со своими наставницами были уже там, там же неподалеку обретался и мой друг. Узнать его было довольно трудно. Он плохо понимал, что я ему говорил, отвечал невпопад, короче, был не совсем адекватен, а если говорить точнее, совсем не адекватен. Я понял, что все хлопоты по надзору за нашими общими подопечными с этого дня возложены на меня и только на меня, потому что друг мой по причине внезапно развившегося сердечного недуга довольно серьезно пострадал, и трудоспособность его вызывала у меня большие сомнения. С этого дня всё его внимание и на поле, и в общежитии, и в столовой, и даже на речке было направлено только

на эту красавицу. Он предпринимал отчаянные попытки привлечь ее благосклонность, но все его старания были тщетны. Объект поклонения был не только холоден, но еще и позволял себе в несколько небрежно-высокомерной манере отвергать и игнорировать все оказываемые Юрием знаки внимания. Старания моего друга завоевать хотя бы мимолетный признательный взгляд гордой, и, по всей видимости, избалованной вниманием поклонников, красавицы оставались тщетными, крепость была неприступна.

Так продолжалось несколько дней. Подошла суббота, дело шло к вечеру. Потерявший всякий покой Юрка вдруг подошел ко мне и сказал: «слушай, давай съездим в город за моей гитарой». Кстати, я забыл сказать, что был в те годы заядлым мотоциклистом и без мотоцикла бывал только в кровати, в остальных местах мой верный мустанг всегда был со мной. Езды до города было несколько минут, столько же обратно...,короче на все про все нам потребовалось чуток больше часа. Я попросил знакомого преподавателя присмотреть за моими «стрижами» и мы помчались за гитарой.

Возвратились практически к ужину, я принял свою команду под крыло и все пошло своим обычным чередом. Юрки на ужине не было. Вернувшись из столовой и зайдя в комнатку, где мы с ним обретались, я увидел на столе наполовину пустую бутылку вина и моего героя, настроившего свою гитару. До этого я никогда его и алкоголь вместе не видел. Посмотрел на него вопросительно, он ничего не ответил, вылил остатки вина в раковину умывальника, взял гитару и вышел из комнаты.

Через пару минут я услышал звуки гитары с улицы. Я вышел. Юрий сидел на скамеечке перед входом общежитие и играл, играл не глядя ни на кого и не обращая вни-

мания на то, что творилось вокруг. А вокруг потихоньку-помаленьку стягивался народ из наших школьников, из местной молодежи; были замечены и преподаватели, кои трудились вместе с нами. Гитара звенела, гитара пела, гитара плакала....Юрка играл музыкальную пьесу «Сон кузнеца». Я много раз слушал ее в его исполнении, но подобного не слышал никогда....Казалось, звучала не одна, а две, три гитары. И даже тихие обычно флажолеты во второй части, на этот раз были звонкими, как молоточки мастера в сельской кузнице. Закончив одну вещь, наш гитарист почти без перерыва начинал вторую, третью... струнные звуки буквально заполонили всё пространство. Возле игрока собрались все, кто мог и не мог..., наконец, появилась и наша героиня.

Слушатели сидели, как зачарованные. Темнота уже стусилась, и только свет фонарей освещал нашу компанию.... Вдруг Юрий прекратил играть, резко прикрыл пальцами звучащие струны, посидел несколько секунд и запел. Его красивый баритон с еле заметной хрипотцой поплыл над притихшими слушателями и буквально с первых звуков очаровал нашу разношерстную аудиторию. Песни сменяли одна другую, он все пел, пел, и пел. Я и раньше знал, что его репертуар обширен, но он и здесь продолжал сегодня меня удивлять.... Все сидели не шелохнувшись, слушали, как завороженные; был забыт распорядок дня, время уже перевалило за двенадцать ночи, а он все пел, гитара волшебной и нежно вторила его голосу. Неизвестно, не помню, сколько времени это продолжалось. Внезапно Рита (так звали нашу героиню) встала и пошла молча в степь, секунд через тридцать-сорок и наш герой, оборвав пение, пошел в том же направлении. Слушатели тихо, почти бесшумно, разошлись по своим местам, и ночная тишина, наконец, вступила в свои права.

На следующий день, а это было, если вы помните, воскресенье, на работу идти было не нужно, все просыпались позже обычного на целый час. Когда я встал, Юрки еще не было... Он пришел часа через полтора, положил гитару и, ни слова не говоря, лег спать. С этого дня наши герои были неразлучны. Они не видели и не слышали никого и ничего, в мире их было только двое.

Через неделю наше трудовое воспитание закончилось. Мы благополучно вернулись в город. Детишки побежали на свои законные каникулы, а я ушел в не менее законный отпуск. Через несколько дней приятель мой зашел ко мне домой и сказал, что они с Ритой решили пожениться, получили совместное направление в школу одного райцентра неподалеку от Темиртау и послезавтра уезжают. Мы тепло попрощались, и так получилось, что я его уже никогда больше не встречал.

Года через три или четыре мне случилось поехать с приятелями в те места, куда уехали жить наши герои, на рыбалку. Вечером, когда мы сидели у костра за ухой, к нам подошел один из местных жителей. Пригласили его к костру, налили ухи. Зашел разговор о том, о сем, как это водится в подобных случаях, и тут я вспомнил про своего приятеля. Спросил, не знает ли наш гость таких-то людей? Отчего же, - отвечал тот, - очень даже знал, работали они у нас в школе, да и жили от меня совсем не далеко. Очень уж они преданны друг другу были. Все вместе, да вдвоем. Шагу друг без дружки никуда ступить не могли. Многие на такую любовь завидовали, редко подобное в наше время видеть доводится. А сейчас где они, что с ними? История тут, сказал гость, весьма печальная получилась. Года через полтора-два, как они приехали, что-то наша красавица чахнуть начала, худела прямо на глазах. Признали у нее роковую болезнь, саркому легких. Вози-

ли ее в больницу. Потом вернулась она. Совсем больная. Он от неё никуда не отходил, а она таяла прямо на глазах. Изошла на нет очень быстро, и умерла практически у него на руках. Муж ее, похоронив супругу, с горя почернел весь и уехал от нас. Куда, не ведаю.

Вернувшись в город, я пытался навести справки о Юрии через общих знакомых, но никто из них о нем ничего не знал, и сказать не мог.

ЖИТЬ – ЗНАЧИТ ЖДАТЬ.

Я проснулся. Холодно и темно. Хочется есть. Мама топит печку и говорит, что скоро будет тепло, придет весна, корова отелится и будет молоко. Молоко – это здорово, молоко - это Жизнь!

Утро! В окошке солнышко. Оно яркое и веселое. Со всем не такое, как вечером. Дядя стучит. Мама говорит - дядя работает. Я встаю, пью молоко. Мама говорит: скоро придет папа. Будем обедать. Обедать – это вкусно. Это суп с лебедой, забеленный молоком . Папа – это хорошо. Люблю папу. Он большой и очень сильный, у него есть офицерская шинель, она пахнет махоркой и войной, сапоги и портфель, который он вешает на гвоздик. А пока я иду гулять. На улице – школьники. Важные, я им завидую : у них - Жизнь

Вот и школа! У меня новая форма. Фуражка с кокардой, на которой большая буква Ш, и ремень с шикарной медной пряжкой. Ранец. Учебники и тетрадки. Уроки, задачки, контрольные. Летом - ночное, рыбалка, лес, ягоды, грибы. Друзья, костер, мечты и бесконечные разговоры о том, что ждет впереди. Там институт, вот там, в институте – Жизнь... Родители что-то говорят. Я их не слушаю

– меня ждет Жизнь.

Институт. Лекции. Зачеты. Сессии. Семинары. Диспуты. Поездки в колхозы и совхозы, стройотряды. Романтика. Вечеринки, бесконечные споры, планы, надежды, скоро диплом. Диплом.... О!, диплом – это жизнь!

Госэкзамены. Диплом. Назначение. Новый город, новые люди, море впечатлений, знакомств, задач, забот, нерешенных проблем. Любовь, семья, дочка. Вожу дочку в садик, ходим гулять, ходим в музей, читаем книжки, ездим на рыбалку. Делаем маме подарки, растем, мечтаем. Вырастем, там и заживем. Там - Жизнь.

Всегда рядом жена, работает, хозяйничает, ворчит, ругается, смеется... Времени уделить ей внимание мало, урывками, вот потом, вот потом, когда придет то, что мы ждем. Когда придет Жизнь.

Папа ушел. Его добила война, которой пахла его шинель. Четырнадцать лет спустя к нему ушла мама. Ушли, но остались во мне.

Дочка выросла. У нее институт. За институт надо платить. Дополнительная работа. Деньги. Доллары. Проблемы. Но ничего, все скоро будет позади, а там уж точно заживем. Вот она уже замужем, институт позади. Появился внук. Надо помочь. Надо обязательно помочь. Квартирu надо купить. Ипотека. Долги. Работа, работа, работа.

Внук растет, Садик, гимназия, музыкальная студия. Палеонтология. Археология. История. Древняя Греция. Мифы, лернейские гидры и невмейские львы. Музеи. Стихи. Книги. Мечты. Планы. Разговоры. Компьютеры. Вот-вот...скоро. Все скоро, скоро. А там – Жизнь.

Дочке сорок, внуку девятнадцать, студент университета. Рядом бабушка. Это – жена. В зеркале старик, который мне кого-то напоминает. Наверное, это я. Понимаю, что то, что я принимал за ожидание жизни и есть жизнь,

и что она удалась, и что другой не будет, и что все хорошо, и ничего не изменишь, и ничего менять не надо. Теперь я это знаю, и мне есть, что сказать. Сказать есть что, но некому, все спешат. Все спешат, не слушают, и ждут. Ждут жизнь. Вспомнил, что мне говорили родители, когда я их не слушал, они говорили: не жди, живи! Я не слушал. Я ждал жизнь.

ДЕНЬ КОНЧИЛСЯ.

Солнышко давно перевалило на тот берег реки, и не спеша готовилось к ночлегу: умерило пыл, умерило жар, окрасило место ночлега малиновыми занавесками. Я уже давненько сидел на берегу и смотрел на эти неспешные приготовления. Смотрел, как багровый шар медленно опускался на окрашенное ложе, как постепенно темнело небо, и где-то высоко над солнцем появилась его извечная спутница – Венера, как, наконец, шар расплавленного золота коснулся темной земли, и в месте касания на какую-то секунду возникла блестящая полоска, которая отрезала от солнечного каравая краюху. Через минуту круг превратился в половинку, еще через минуту над землей уже торчала только верхушка, которая не замедлила тут же скрыться за горизонтом, дверь в солнечную спальню затворилась.

У моих ног так же неспешно, как солнышко укладывалось спать, текла вода. Поверхность реки была зеркально ровной, и вся картина торжественного отхода солнца ко сну отражалась в ней в перевернутом виде. На водной глади то там, то там время от времени видны были всплески от резвящейся рыбы, и тогда четкая картина отражающегося заката приобретала загадочные, странно-рас-

плавчатые нереальные очертания. От реки тянул свежий ветерок, отгоняя мошкару и комаров, вокруг стояла такая тишина, что казалось, будто в воздухе звучало нечто подобное очень высокому, серебристому звуку волшебной жалейки.

Мысли мои текли, подчиняясь окружающим ритмам, неспешно перескакивая с одного на другое. Я смотрел на закат и думал о том, что завтра будет хорошая погода, о том, что и сегодня она была хорошая и позволила мне славно потрудиться, переделать массу дел, которые мы считаем важными, нужными, необходимыми, и которые, если хорошо подумать, совсем уж не так важны и необходимы. Мы делаем их постоянно, регулярно, из года в год, повинаясь многолетней привычке что-то делать. Чаще всего это помогает нам уйти от беспокоящих нас мыслей и забот.

Темнеет, очертания деревьев, кустов, предметов теряют резкость, расплываются. Тишина уплотняется, жалейка смолкает.... Кажется, все спит уже, не спит только река. Я смотрю на темную воду и скорее ощущаю, чем вижу, как сонные струйки спокойно и лениво-равнодушно бегут своим вечным путем. Я смотрю и думаю: вот река, течет она этим путем уже миллионы лет! Течет с юга, несет свои воды в океан, и кажется мне, что не вода это, а сама вечность течет мимо, течет, и даже не обращает внимания на меня. Да и зачем ей, вечности, смотреть на некое существо, жизнь которого так мала и быстротечна, что с ее точки зрения она неизмеримо меньше самой мелкой песчинки, которую только можно себе вообразить.

Жизнь моя течет, подобно реке, неспешно незаметно. Откуда она пришла? Куда она уйдет?

МАЛЕНЬКИЙ ПУСТЯК, А РАДОСТЬ БОЛЬШАЯ.

Давеча послала меня жена за хлебом. День нынче жутко жаркий и душный. Прямо всеми фибрами чувствуешь агрессивное отношение природы к тебе. Дома-то у меня кондиционер, жить можно, а вот на улицу идти особого желания нет.

Поворчав для порядка, я натянул самые легкие холщовые штаны, льняную футболку, и свою любимую белую кепку. Глубоко вдохнул воздух, и двинул стопы на улицу. Жуткий зной, почуяв новенького, навалился на меня с утроенной силой. Помянув для порядку всех богов и чертей южной Палестины и северной Африки, я направился к хлебному киоску.

Возвращаясь, у своего подъезда увидел двух маленьких девочек. Одна первоклассница, а другая еще меньше. Обе живут в моем подъезде на первом этаже, обеих хорошо знаю.

Старшая крутит хула-хуп, а малая смотрит на нее с нескрываемой завистью, и в глазах ее горит горячее желание вот так же лихо покрутить эту штуку. Она пытается робко, даже несколько заискивающе, попросить у старшей обруч, но та не дает, да еще и демонстративно уходит от младшей, заходя вместе со мной в подъезд, направляясь, видимо, домой. Краем глаза замечаю в глазах младшей горькое разочарование и какую-то непередаваемую гамму чувств: обиды, досады и бог весть еще чего.

Поднимаюсь к себе на второй этаж, захожу в квартиру и говорю жене: бабушка, а ну-ка принеси мне обруч, что с незапамятных времен стоит у нас на дальнем балконе, сам не хочу разуваться. Жена приносит обруч, я выхожу, спускаюсь. Девчушка все еще стоит возле подъезда.

Вика, говорю, держи обруч, теперь он навсегда твой и только твой. В глазах ребенка вспыхивает что-то вроде и недоверия, и огромной радости, ее пробивает нервный смех, она до безумия счастлива, хватает его, еще раз смотрит на меня и убегает, ног не чуя под собой. Через секунду, опомнившись, возвращается и говорит: он, правда, теперь мой, навсегда-навсегда мой? - Да, говорю, твой. Спасибо, говорит она, и убегает быстрее ветра на детскую площадку.

Много ли человеку нужно для радости? Настоящей радости.

ЭСКИЗЫ НА ПЛЕНЕРЕ.

Давно это было. Молод я тогда был совсем. Я даже туда не ходил, где она работала. Зачем? Вечером она сама приходила ко мне. Думаю, узнали бы мужики - убили бы. А я ей читал стихи и пел в полголоса старинные русские и немецкие песни. До утра. Она лежала рядом, гладила легонько мои густые непокорные вихры и слушала. Потом, под утро, когда уже брезжило на востоке, она клала голову ко мне на плечо и засыпала. Совсем уже белым днем я поил ее чаем и она, захватив свою сумку с эскизами, уходила на пленэр. К ждущим мужикам.

Забыл сказать: иногда я играл ей на губной гармошке: «Из-за острова на стрежень»...

Потом, когда она уехала в Москву, написал стих.

В изящной и раскованной манере,
Как вирус сексуального миазма,
Она, творя эскизы на пленэре,
Мужчин ввергала в жуткие оргазмы!

При этом пароксизмы буйной страсти,
Разили всех буквально наповал.
Никто такой разительной напасти
Досель в краях окрестных не видал....
Пока она писала и творила,
Рисуя небо, травы и кусты,
Окрестных мужиков слепая сила,
Влекла к ней чрез овраги и мосты.
В толпе и корифеи, и невежды,
В глазах мольба, отчаянье, укор,
И каждому не раз дана надежда,
Поймать случайно благосклонный взор.
Но в той же возбуждающей манере,
Закончив все дела свои она,
Собрав в пакет эскизы на пленэре,
Ушла, загадочно, мила и холодна!

УТРЕННИЙ НАБРОСОК.

Вожусь около своей машины, укладываю всякое барахло, которое нужно отвезти к мусоросборнику. В трех метрах от меня, на скамеечке возле подъездной двери, сидят две бабки, ведут неторопливый разговор «за жизнь, за слезы, за любовь».

Невольно слышу их беседу.

- Слышь, Зосимовна, чей-то сёдни у меня уши закладывают и чей-то в голове трешшит.

- Уши закладывают - вот и трешшит..!

- А че тогда трешшит?

- Да уши же закладывают, вот и трешшит..

Секунд тридцать молчание, потом:

- Вот за шо я тебя уважаю, Зосимовна, што ты за-

всегда любому делу разумение дашь, а мне и невдомёк было, шо оно так делаецца.

Стальная логика, не возразишь.

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА.

В Старую Заброшенную Комнату, много лет простоявшую в темноте, пробрался тоненький любопытный Лучик. Его широко открытые глаза светились изумлением и чистотой. Всякий, на ком они останавливались, становился чище и добрее. Даже Старая Заброшенная Комната, много лет простоявшая в темноте, неузнаваемо изменилась: ожили стены, засеребрилась паутина, не осталось ни одного темного угла...

И захотелось Старой Комнате, много лет простоявшей в темноте, чтобы Лучик остался с ней жить, но Лучик не слышал ее мыслей, и жить с ней не стал, а обежав все углы, сверкнул на прощанье в паутинке, скользнул в щелку и вырвался на свободу.

ТАКАЯ, ВОТ, СВАДЬБА!

В канун Нового года я, вспоминая события года уходящего, припомнил вдруг историю, которую услышал прошедшим летом, и решил ее рассказать. Дело было, как я уже сказал, летом. В один из июньских деньков, когда я возился с зарослями малины на своем дачном участке, подошел ко мне мой сосед и говорит: Львович, приходи-ка сегодня вечером, часиков в семь, ко мне на участок, посидим, поужинаем...повод есть. Надо сказать, что хотя мы уже давно соседствуем по даче, но как-то особой бли-

зости меж нами не наблюдалось. Наши контакты в основном ограничивались стандартными привет-привет, как дела и тому подобное. Справедливости ради надо сказать, что простому русскому потребителю, к категории которых я отношу всех обычных граждан нашей страны, на даче особо разгуливать-рассиживать времени практически нет, дача это такое место, где надо работать, работать и еще раз работать. Поэтому чаще всего так и получалось, что годами находясь бок о бок с соседями, мы мало что знаем о них. Так и в этом случае. Знал я, что сосед мой, Петрович, человек уже пожилой, всю жизнь работал врачом-акушером в каком-то городском роддоме. Лет пять или шесть, как вышел на пенсию, но продолжал трудиться на прежнем месте. Жена его, Наталья Сергеевна, возрастом чуток моложе его, полноватая женщина, со следами былой красоты на лице, человек немногословный и постоянно занятый каким-то делами. Я никогда не видел ее праздно сидящей или болтающей с соседками, как это часто водится между женским народом.

В тот день я уже не помню почему, был на участке один, жена моя, видимо, была занята какими-то делами в городе, поэтому я принял охотно приглашение соседа, так как скучный вечер, проведенный в одиночестве, как-то мне не очень улыбался, и такой поворот событий был как нельзя кстати.

Вечером, закончив дела раньше обычного, я умылся, переоделся и отправился в гости. У Петровича вся компания, состоявшая из его семьи и семьи соседей с другой стороны, уже была в сборе. Когда все уселись за импровизированный стол, накрытый на веранде, Петрович, немного смущаясь, поведал нам, что у них сегодня семейный праздник – исполнилось сорок пять лет со дня свадьбы. Это известие вызвало нечто вроде шумного одобрения,

удивления и еще бог весть какого «ения» - все присутствующие оживились, заговорили, каждый стремился сказать что-то приличествующее случаю. Постепенно все успокоились, атмосфера несколько разрядилась, по старшинству слово для тоста предоставили мне. Я от имени всех собравшихся поздравил виновников торжества. Пожелал им еще долгих лет счастья и всего-всего, что в таких случаях говорят. Далее все занялись едой, потекла обычная в таких случаях ничего не значащая беседа. Уже не помню, кто первый спросил наших юбиляров, какова была их свадьба, состоявшаяся так давно? Этот вопрос почему-то развеселил нашего гостеприимного хозяина. Хитро посмотрев на свою жену, он, улыбаясь, сказал: О! Это очень своеобразная и интересная история, так уж и быть, расскажу я ее вам. Как, мать? – ты не против? – обратился он к своей жене?

Значит так, господа мои хорошие – начал он, дело было эдак. После окончания института получил я от распределительной комиссии назначение в наш край, а уж облздрав направил меня в местную районную больницу. Здесь меня, не дав даже времени, как говорится, опомниться, назначили заведующим родильным отделением, поскольку отдельного роддома в райцентре не было. Так вот и началась моя работа, которой я занимаюсь практически всю сознательную жизнь.

Некоторое время спустя познакомился я с молодой девушкой, которую вы сегодня видите в качестве моей жены. Дело молодое, погуляли-подружились, да и решили, не откладывая дело в особо долгий ящик, пожениться. Подали заявление в ЗАГС, а свадьбу решили делать в родной деревне моей будущей жены, в доме ее родителей, поскольку, моей родни близко совсем не было. У меня была тогда жива только мать, да и то уже слабовата была

здоровьем, даже на свадьбу не смогла приехать.

Сказано – сделано.. Не буду утомлять вас разными подробностями, короче говоря, все шло обычным чередом, но на второй день гуляния дело пошло в неожиданном русле. Народ уже, как говорится, вошел в кондицию, местный гармонист рвал меха свой выдавшей виды хромки, гости пели какую-то песню, причем зачастую каждый свою, время от времени раздавались крики «горько», короче, все было, как говорится, на мазах, как в доме появилась какая-то старушка, которая начала о чем-то разговаривать с моей, теперь уже законной, тещей. Смотрю, теща о чем-то с ней поговорила, посуетились они, вышли куда-то, минут через пять появляется теща и машет мне рукой, чтобы я к ней вышел. Оказалось, что у пришедшей бабушки приключилось неприятное дело, начала проситься ее чушка, и что-то там у нее не пошло, времени прошло уже много, родился только один поросенок, а дальше дело встало, и чушка начала уже слабеть. Баба Марина, как звали ту старушку, прибежала в дом затем, чтобы позвонить в соседнее село местному ветеринару, потому что в доме тещи имелся единственный на всю деревню телефон. Попытки найти ветеринара в воскресный день успеха не имели, пришедшая бабка запричитала, что, мол, теперь делать, такая вот беда ...

Теща моя, то ли желая похвастаться, что дочка ее замуж за врача вышла, то ли от желания помочь беде этой бабушки, возьми, да и ляпни, что, мол, мой зять – врач-акушер, взяла, да и позвала меня, объяснила ситуацию. Просит, нельзя ли как-то помочь бабушке. Я, конечно, в отказ. Говорю, я же не ветеринар, меня этому не обучали. Дескать, у животных все не так, как у людей, вдруг не помогу, а только вред причиню. Короче, не соглашаюсь. Бабка – в ноги! Сынок, родимый, не дай беде случиться,

Христа ради спаси... Тут уже и жена, увидев наши переговоры, подошла, стоит, что и сказать не знает, а бабка все причитает, даже за руку начала меня хватать.

Жалко мне стало бабушку... А, думаю, была не была... все равно свинье погибать, а тут, смотришь, что-нибудь, да и получится.. Ну что, говорю жене, собирайся, пошли, будешь мне помогать ... Переоделась она (а мне и переодеться было не во что) и пошагали мы к этой бабушке, а свадьба продолжала вовсю гудеть по наезженной веками колее. Короче, пришел я на место, дала мне бабушка какой-то фартук, засучил я рукава своей белой рубашки, вымыл руки и приступил к делу. Опущу всяческие подробности, скажу только, что помаленьку-потихоньку мы с этой чушечкой произвели на свет еще двенадцать поросят. Короче, устал я, конечно, изрядно, но дело было сделано. Вот так я на своей собственной свадьбе оказался в роли врача-ветеринара, сказал заканчивая свой рассказа наш хозяин. Осталось только добавить пару штрихов. Должен сказать, что за всю свою более, чем сорокалетнюю работу по родовспоможению, не было у меня пациентки более толковой и разумной, чем та злополучная чушка, как это ни обидно звучит для женщин ... и второе... Уже в октябре, в самом конце, сидел я дома, а к той поре меня перевели уже в областной центр, был выходной, занимался домашними делами. Слышу, зазвонил дверной звонок. Гостей я не ждал, про свадебное приключение уже и забыл как-то. Открываю дверь. Стоит какой-то незнакомый мужчина, за спиной - солидный мешок. Спрашивает: такие-то такие здесь живут? Здесь, говорю.. Вот, передача вам от тети Марины, и кладет на пол заплечный мешок... Что, спрашиваю, здесь? Быка она забила, бедро вам целое в благодарность за помощь прислала...вот такой приключился финал той деревен-

ской свадебной эпопеи, так сказать..

Такую историю поведал нам Петрович в тот вечер, когда мы собрались на его даче в узком кругу отметить сорок пятую годовщину его свадьбы.

БУРЁНКИН ДРАЙВ.

Как-то погожим вечерком, уже на излете мая, я решил отметить на даче день рождения дочери. Сама виновница торжества отсутствовала по причине занятости на работе, а я, как пенсионер, давно уже всякую работу работал только на своем участке. Чего там греха таить, все у меня было заранее подготовлено, и день рождения дочкин был только поводом к тому, чтобы пожарить шашлыки и позвать дачных соседей на посиделки, так как душа, как известно, время от времени пресыщается трудами праведными и требует греховного праздника. Я решил пойти душе навстречу и удовлетворить эти ее требования.

Между делом забежал к своим соседям по даче, бывшему доктору Петровичу, да отставному подполковнику Николаю Александровичу. Петровича читатель уже немного знает по истории с его свадьбой, а Николай, высокий, напоминающий поджарого сохатого мужичок, неутомимый трудяга, заядлый рыбак и охотник – это мой сосед с другой стороны. Человек он немногословный, любит послушать других, обладает отменным чувством юмора, изредка радуется нас безупречными анекдотами. Так вот, забежал я к ним по очереди, предупредил, чтобы особо ничего на ужин себе не готовили, по случаю того, что я решил их угостить шашлычком.

Короче, часиков в восемь вечера у меня уже все было

готово, народ подтянулся к мангалу, особо никого звать и не требовалось, поскольку аромат шашлыка на природе ну очень неплохо ощущается на весьма далеком расстоянии, о чем, думаю, большинство читателей прекрасно осведомлено и без моих уточнений. Сели за стол, шампур с шашлычком, присыпанным свежим зеленым луком смотрелись весьма симпатично, к тому же картинку дополняли пучки свежей кинзы, укропчика и латука. Неплохо смотрелся и запотевший бидончик с пивом, которое я предусмотрительно припрятал заранее в погребке.

Подтянувшийся народ упрашивать себя не заставил и пиршество помаленьку-потихоньку началось. Когда, как говорится, первый аппетит был сбит, незаметно, слово за словом потянулась беседа о том, о сем, о погоде, дачных делах и еще бог знает о чем... Мало помалу темы стали разнообразнее, каждый что-то говорил, припоминал, вставлял свое словечко в общий разговор. В это время мимо дома, по дороге сельчане погнали своих коров с пастбища, и тут наш коронный и бессменный рассказчик Петрович говорит: - мужики, а хотите я вам расскажу историю, как я в детстве вместе с матерью перегонял за сто километров нашу семейную корову?

Мы все дружно согласились – давай, давай... правда, жена Петровича, не очень-то на него одобрительно взглянула, хотела было что-то сказать, но безнадежно махнула рукой и Петрович, воодушевленный нашим интересом, начал свой рассказ.

Дело было, господа мои хорошие, давненько уже, где-то в самой середине пятидесятых годов прошлого века. Было мне о ту пору аккурат десять годочков, и хотя для своих лет я был вроде паренек крепкий, но пацан есть пацан, а дело нам с матерью предстояло совершить довольно трудное. Короче, суть такова. Родителя моего, то бишь

отца, перевели к новому месту работы, всего-то за сто километров. С переездом и перевозом имущества дело не стало, а вот с коровой возникла проблема. Кто жил в те годы, тот знает, какова была ценность этой животинки для любой сельской семьи, а тем более многодетной, как моя. Проблема заключалась в том, что Субботка, как звали нашу корову, была стельная, шли последние недели, если не дни, перед отелом, и мать сильно опасалась, что перевозка коровы в грузовике по ухабистым дорогам может привести к тому, что корова скинет теленка, а это, сами понимаете, чуть ли не трагедия вселенского масштаба по тогдашним деревенским меркам.

Короче говоря, на семейном совете было принято решение, что мы погоним корову своим, как говорится, ходом. Мы – это мать и я. Так получилось, что больше было некому. Поначалу мне это даже как-то понравилось, польстило мальчишескому самолюбию, что мне доверили совершить такой длительный пеший переход. Сто километров мне тогда казались очень дальней далью. Вышли мы в дорогу через день после «военного совета». Кстати, нам даже малость повезло. Так уж совпало, что сосед поехал на лошади в одно село, лежащее по пути нашего следования, и отец договорился, что мы этот отрезок проедем вместе с ним, а корову привяжем за телегу. Так и сделали. Весь первый день прошел удачно, и к вечеру мы благополучно добрались до Красного, так называлось то село. Переночевали у знакомых этого попутчика. Народ тогда в деревнях был нрава простого, и путникам всегда оказывал помощь.

Утром встали рано, в пять утра. Нам предстоял длительный переход в двадцать километров до следующего села, где у мамы были знакомые, и где мы планировали совершить вторую ночевку. Наскоро перекусили и тро-

нулись в путь. Вот тут-то, буквально через пару сотен метров, и начались наши мучения. Субботка была вообще-то корова с буйным нравом, отличалась вредностью, своенравностью и упрямством и, почуяв слабость, начала свой нрав проявлять. За лошадьёю она шла более-менее покорно, поскольку та была гораздо сильнее и не очень-то позволяла Субботке упрямитесь, а тут, когда сила тяги резко упала, наша корова словно взбеленилась. Путь наш шел по проселочной дороге, по обеим сторонам которой росла сочная трава, и корова, как самое ненасытное, на мой взгляд, животное на земле, не могла спокойно проходить мимо такого изобилия любимой еды. Он утаскивала мать за веревку с дороги и начинала жадно хватать траву, набивая свою бездонную утробу с четырьмя желудками. Мать тащила ее, я сзади неустанно нахлестывал палкой – ноль эмоций – Субботка ни в какую не хотела идти. Нам удавалось с огромным трудом прогнать ее на сотню-другую метров и все начиналось сначала. К обеду стало жарко, оводы нещадно кусали и меня, и мать, Мы уже окончательно выбились из сил.

К счастью, попался какой-то придорожный ключ, и было решено устроить привал и передохнуть. Наша корова, как ни в чем не бывало, продолжила свою безостановочную работу по уничтожению травяного покрова земного шара, а мы, умывшись родниковой водой, перекусили и прилегли на травку. Прошло уже полдня, а мы с огромным трудом преодолели всего-то несколько километров, до предполагаемого ночлега было далеко, как до Луны. Мама моя приуныла, дескать, что делать будем, сын? Так мы ее никогда до места не догоним, да и где сегодня ночевать будем? Насчет ночлега были и у меня сомнения, но как пацан я не мог позволить себе показать слабость и солидно сказал, что не беда, переночуем и в

поле, первый раз что ли? Чай, в ночном не раз и не два ночевал.

Однако, друзья, я немного кривил душой...дело в том, что мы уже вступили в лес, по которому нам предстояло пройти где-то километров восемь – десять и который всегда пользовался дурной славой по части наличия в нем в те годы лихого люда. Я знал об этом. Знала и мать, потому и тревожилась. Короче, мы отдохнули, делать нечего, тронулись в путь. Снова начались наши мучения – противная корова никак не хотела нормально идти. Мать окончательно выбивалась из сил, а я об эту животину уже измочалил вторую палку. Бросив ее, я решил срезать себе что-нибудь типа гибкого ивового прута, он стегает гораздо больнее. Срезал, начал стегать – эффект почти нулевой. И вот тут, друзья мои, молвил Петрович, произошло чудо. При этих словах наш рассказчик как-то искоса глянул на свою жену, а та снова неодобрительно фыркнула и, поджав губы, демонстративно отвернулась и стала смотреть в сторону от мангала и стола.

Итак, друзья, продолжил Петрович, все мы люди взрослые и из песни, как говорит народ, слов не выкинешь. Все знают, что есть у коровы, да и не только у коровы, некий орган, который за неимением в нашем языке более приличного слова, все называют подхвостницей. В обычное время он у коровы практически незаметен, прячется где-то глубоко под хвостом, сморщенный, малоприметный и вечно испачкан навозом. Когда же корова стельная, да еще должна вот-вот отелиться, орган этот претерпевает значительные изменения, становится сочным и мясистым на вид, приобретает какой-то розоватый цвет, и малозаметным его уже никак не назовешь. Именно вот эта подхвостница маячила перед моим взором уже несколько часов этого нескончаемого и беско-

нечно трудного дня, а Субботка все никак не желала идти. И тут, в очередной раз хлестнув ее только что срезанным гибким прутиком, я совсем случайно задел этим прутиком ее подхвостницу...боже мой!.. что произошло!.. наша корова, резко поджав хвост, стремительно ринулась вперед. Метров через сто она начала замедлять ход, но я уже смикитил своим пацанячьим умишком, что надо снова так сделать. Только я уже чуток усовершенствовал метод, так сказать, воздействия. Осторожно, чтобы не сделать больно (как деревенский пацан я уже знал все хитрости-премудрости размножения животных) я ткнул кончиком прутика прямо в складку...корова вновь резко стартанула и дело пошло. Как только она начинала замедляться и проявлять стремление к вольности, мой прутик был тут, как тут.

Естественно, я о своем открытии ни словом матери не обмолвился, но наше продвижении заметно оживилось, и мать не могла на свою любимицу нарадоваться... ой, ты моя умница, поняла, наконец, что надо идти, ой, молодчина! Ну не корова, а чудо! Она уже забыла, что некоторое время назад эпитеты в адрес этого монстра непослушания летели несколько иные.

Короче говоря, благодаря моему нечаянному открытию, мы сравнительно успешно преодолели все трудности нашего путешествия. Особенно был труден последний день, в который мы прошли без малого тридцать километров. Можете судить, насколько эффективен был этот метод, если знать, что вышли мы из дома, где ночевали, в четыре утра и пришли к цели в одиннадцать часов вечера.

Естественно, ни в тот раз, ни спустя годы я так ничего и не рассказал матери о том, почему ее Субботка из вредной и несносной скотины превратилось в ми-

лое, доброе и послушное животное. А я из того путешествия сделал такой вывод: не сдавайся, и ты обязательно что-нибудь придумаешь, найдешь, приспособишь, чтобы успешно решить поставленную задачу. Этот вывод я потом всю жизнь использовал в своих делах, житейских проблемах и при решении рабочих вопросов.

Тут в разговор наш вмешались женщины, начали нас вытаскивать из-за стола, зазывая на прогулку вдоль вечерней реки, что мы с удовольствием и сделали, тем более, что шашлыки уже были успешно уничтожены, а пиво выпито.

ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК.

Читатель, я думаю, еще не забыл моего дачного соседа Петровича, байки которого я имел честь не так давно пересказать. В каком-то рассказе я, помнится, упомянул и второго моего соседа - отставного подполковника Николая Александровича. Человек он немногословный, всегда в ровном расположении духа, высокий сухопарый. Несколько напоминает сохатого: такой же сторбленный и неутомимый, хоть в ходьбе, хоть в работе. Заядлый рыбак и охотник, знает великое множество анекдотов и всяческих историй из воинской службы, но рассказывает их крайне редко и далеко не всем.

Сблизились мы как-то незаметно, процесс этот шел постепенно и без особой акселерации. В какой-то степени способствовали этому делу наши жены, которые общий язык нашли гораздо быстрее нас. Короче, не буду утомлять вас, друзья мои, ненужными подробностями. К той поре, о которой я хочу тут поведать, наши «дипломатические» отношения были уже на должном уровне.

Как-то в один из субботних дней запланировали мы с соседом сходить вдвоем на целый день на рыбалку. Казалось бы - обычное дело, но это только на первый взгляд. Мало кто знает, что на даче подавляющее большинство российских женщин превращаются во вреднючих гарпий, которые никуда не позволяют бедным мужичкам отлучаться, а немилосердно заставляют работать их у «тыбы». Не успеешь, бывало, проснуться, как уже слышишь: - ты бы сходил, воды принес...через минуту: - ты бы пошел, колья на помидорах подбил, да покрепче их привязал...И так целый день: ты бы, ты бы, ты бы, Вот я и прозвал это явление «работать у тыбы». Абсолютно идентичную картину я видел и слышал на участке у Петровича, да и у Николая все было так же, если еще не строже. «Обезвредить» женщину на даче - дело весьма непростое, скажу я вам, дорогие товарищи.

Поэтому с вечера пятницы мы с Николаем составили коварный план нейтрализации «трудовых токсинов» в организме наших жен. Коварство плана заключалось в следующем. Утром в субботу я должен был прийти к нему на участок, и произнести приблизительно такие слова: - уважаемая соседка, дорогая Татьяна Петровна, а не позволите ли вы мне забрать у вас на денёк несравненно-го вашего супруга по причине того, что очень мне хочется сходить порыбачить на пески, а без него я туды иттить побаиваюсь: неровён час утону, али еще какой другой медведь лихоманский меня задерет». Предполагалось, что мне она не посмеет отказать и мы, быстро захватив его снасти, переместимся на мой участок, где уже сосед в свою очередь произнесет аналогичную речь в адрес моей жены, после чего мы спокойненько пойдем по своим рыбацким делам без излишнего шума-гама и обычных в таких случаях выговоров в наш адрес, что мы, мужики,

- неисправимые лодыри, бездельники и фармазоны.

Короче, сказано - сделано, и утром следующего дня, провернув задумку в жизнь, мы быстренько навестили свои стопы на пески - симпатичное местечко на берегу реки в полутора километрах от наших дач, где очень неплохо, практически в любую погоду, ловилась разная речная рыбка: и сазаны, и верхогляды, и сомы, плети, касатки и так далее, и так далее.

Рыбалка случилась в тот раз очень даже приятственная, и к обеду мы наловили приличное количество рыбки разного сорта, вполне достаточное и для того, чтобы сварить ущицу на природе, и чтобы и домой принести, положить в холодильник в качестве доказательства потрясущей и неизбывной своей заботливости о хлебе насущном для жен, коих послала нам щедрая наша судьба. Для пущего умасливания своих «горгулий», мы предусмотрительно захватили еще некий солдатский термосок литра на три-четыре, дабы принести к вечеру своим половинкам свеженькой горячей ухи, до которой, кстати сказать, обе они были превеликие охотницы.

Вот с этого-то термосочка и начался наш разговор, в результате которого я услышал очень весёлую историю, ради которой я и затеял этот рассказик, чтобы поведать ее вам, дорогие мои читатели.

Дальнейшее - вольное изложение моими словами рассказа, который я услышал от своего приятеля, и который я поведу как бы от его лица.

В самом начале семидесятых служил я, начал свой рассказ Николай, в одном пограничном отряде, который притулился на южной оконечности одного из бесчисленных городков на великой транссибирской магистрали. Гарнизон наш был совсем небольшой, состоял в основном из одно и двухэтажных деревянных зданий по-

стройки тридцатых годов, и практически ничем не отличался от большинства остальных подобного рода воинских частей. Коллектив нашего отряда был дружный, все отлично знали друг-друга и по службе, и в быту, поскольку жили в домах офицерского состава, стоявших тут же рядышком за забором. Народ, я вам скажу, подобрался очень разный, всяк со своим характером и повадками, но это не мешало нам работать и нести службу по охране госграницы так, как этого требовала тогдашняя, прямо скажем, сложная оперативная обстановка, обусловленная действиями маоистских хунвэйбинов.

Был среди нас, офицеров, один майор с птичьей фамилией Филин, служил он в политотделе отряда, и ничем особым среди нас не выделялся, если не считать того, что за всю службу он ни разу на учебных занятиях по стрельбе из пистолета Макарова не только в десятку, вообще в мишень не попал - не давалась ему стрельба из этого вида оружия, хоть ты застрелись. Из автомата, вроде бы, на троечку стрелял, а Макаров для него - всегда была стабильная двойка. Не раз, и не два критиковали его начальники за это, да все было бесполезно.

Но однажды вдруг случилось чудо великое, которое не оставило равнодушным ни одного человека в отряде. Был наш майор в командировке на одной погранзаставе, дело было в конце лета. Как обычно, реки разлились из-за муссонных дождей, участки заставы стали непроходимыми и на их осмотр и проверку приходилось выходить на моторных лодках. Вот в такой лодке и плыл наш герой вместе со старшиной проверяемой заставы. Они уже подходили к стыку участка, как им наперерез стал приближаться огромный медведь, потревоженный, видимо, высокой водой. На беду случилось так, что старшина, сидевший за руль-мотором, смотрел в другую сторону, а

наш Филин растерялся, и молча смотрел, как зверь приближается к лодке. Вот он уже стал хвататься передними лапами за борт лодки и тут майор, вспомнив, что у него есть пистолет, выхватил его из кобуры, передернул затвор, и в упор выстрелил в голову медведя. Зверь сразу осел и стал тонуть, но практичный старшина мгновенно оценил обстановку, быстренько подскочил, ухватил медведя за загривок, переправил его по воде в сторону кормы, и тут же направил лодку к берегу - как можно было позволить хозяйственному человеку, чтобы пара сотен килограммов замечательного мяса и ценная шкура утонули в реке? Наши герои, причалив к берегу, с трудом выволокли огромную тушу на берег и вызвали подмогу с заставы - приехал вездеход ГАЗ-66 и наряд, тушу погрузили и повезли на заставу. Когда начали разделывать тушу, то стали искать след от пули. Все удивлялись, что такой здоровенный зверюга мгновенно погиб от легкой пули пистолета Макарова.

Искали долго, но так и не нашли. Только потом, когда уже все было окончательно разделано, обнаружили, что майор Филин практически не глядя, навскидку, всадил пулю медведю точно в правую ноздрю - пуля пробила тонкие кости носовых перегородок и поразила головной мозг зверя. Стало понятно, почему огромный зверюга, положить которого удастся не всегда с двух-трех пуль из Калашникова, так легко погиб. С тех пор за майором Филиным закрепилось прозвище «Ворошиловский стрелок».

Вот такую любопытную и веселую историю поведал мне Николай, пока мы, предварительно наполнив термосочек ухой для наших жен, не спеша хлебали своё варево, полулежа на берегу реки у костра. Да, говорю, случай любопытный, и что мне особенно понравилось - так это как

среагировали сослуживцы, до чего же, говорю, у нас народ меткий на слово - ворошиловский стрелок - не сразу и в голову такое придет.

Э-э-э, Георгий, где-то через полгода с этим Филиным еще забавнее казус случился, говорит мне тут Николай. Раз уж такое дело - поведаю и его тебе.

Управление нашего отряда размещалось в старом деревянном двухэтажном здании, Как строили в тридцатые годы, наверное, многие из нашего поколения знают, почти всем довелось в бараках тех времен пожить. Так вот, ближе к делу. Возвращается этот майор однажды из командировки с границы, забегает к оперативному дежурному сдать оружие, вроде бы, привычный ритуал разряжения оружия по правилам, но он и тут попутал: сначала передернул затворную раму, потом вынул магазин из пистолета, произвел контрольный спуск и тут - выстрел! Хорошо, что ствол он направил вверх, в потолок, и никто не пострадал в окружении. Но не тут-то было. На звук выстрела все стали выглядывать из кабинетов, спрашивать, что, да как и тут сверху, со второго этажа, быстро спускается начальник штаба отряда с окровавленной рукой. Надо сказать, что прямо над помещением, где размещался оперативный дежурный, располагался кабинет начальника штаба, и пуля, пробив хлипкий деревянный потолок, попала подполковнику в руку, легко поцарапав ее. Но и это еще не все: гневный подполковник заорал оперативному: медика немедленно ко мне в кабинет! Перепуганный дежурный звонит в санчасть, врач прибежал. Оказывается, что в тот момент, когда злополучный майор Филин произвел роковой контрольный спуск, в кабинете начальника штаба находилась секретчица с почтой, и пуля попала ей в мягкие ткани того места, на котором люди обычно сидят. Поначалу-то, в суете и спешке не все

сообразили, что одна и та же пуля попала и в руку начальника штаба, и в секретчицу, в ее мягкое место. Потом возник вопрос: а где была рука начальника штаба в момент выстрела? С этого момента слава Филина, как великого стрелка неизмеримо возросла, и все неустанно подначивали его: ну-ка, Расскажи нам, как ты, не глядя, одной пулей двоих ранил?

ПО-КОМСОМОЛЬСКИ, ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ!

Пару дней тому назад заскочил ко мне с визитом старый приятель, Николай Александрович, известный читателю по рассказу «Ворошиловский стрелок» - понадобились ему кое-какие гаечные ключи, коих у меня по старой памяти, пока еще великое множество имеется.

Разумеется, я усадил его попить чайку, потолковать немного «за жизнь, за слёзы за любовь». Обменялись новостями, что, где, когда, вспомнили прошлое. Я что-то из своей службы рассказал, а он мне выдал очередной перл из жизни доблестных пограничников. Привожу его рассказ практически в том виде, как услышал его сам.

С некоторых пор, Львович, перевели меня из отряда в управление, или как мы тогда говорили - в округ. На новом месте я довольно быстро освоился, тем более, что большинство офицеров мне были знакомы по прежним служебным делам. Народ я тебе скажу, интересный, каждый - целая история вместе с географией.

Не буду тебе говорить обо всех, но вспомнил я один смешной, почти анекдотичный, случай из прошлого. Был у нас в управлении один офицер, занимался он комсомольскими делами при политическом отделе округа. К тому времени он уже ходил в капитанских погонах. Зва-

ли его Володей Агафоновым. Сложный это был мужичок, доложу я тебе. Если он общался с теми кто старше его по должности, и от кого зависела его дальнейшая карьера - это был елейный человек, исполненный подобострастия, слащавости и почти неприятной умильности. В кругу равных он себя соблюдал в солидности, держа всех на достаточном удалении, но границы приличия не преступал. С теми, кто был по званию и должности ниже, разговаривал высокомерно, с видом важным авторитетным. Был весь исполнен апломба и многозначительного вида, дескать ему ведомы такие высокие материи, о которых вы, козявки, даже и не подозреваете. О его стремлении выделиться красноречивее всего говорит тот факт, что он, будучи младшим офицером, шил себе форменную одежду из ткани, которая была положена подполковникам-полковникам, покупая ткань за свой счет.

Политотделом тогда руководил генерал Гокань, человек уже немолодой. Роста он был невысокого, очень полный, особенно в животе, и когда садился в свою генеральскую «Волгу», этот живот не давал ему сидеть нормально, отчего голова его сильно отклонялась назад, и получалось, что он как бы излишне горделиво задирал голову, не глядя на простых смертных

С офицерами он себя держал строго, отчужденно, в его манерах не чувствовалось того, что было характерно тогда для многих политработников - некоего тепла. Голос у него был писклявый, немного с гнусавинкой, совсем не генеральский.

В тот день, Львович, - продолжил Николай - был я оперативным дежурным по округу - такое дежурство доводилось нести по очереди всем старшим офицерам управления, ну, вроде, как наряд....Утром рано, еще до начала официального рабочего времени к оперативному

в дежурку заходили начальники отделов, направленцы, оперативники, службисты, боевики, и так далее. Заходил и Агафонов...по штату ему этого делать было не обязательно, но придавая себе вес и важность, а так же с целью показать высокую степень служебного рвения, он тоже всегда заходил к оперативному узнать обстановку по комсомольской линии, хотя какая там обстановка? Обязательно заходил и Гокань. Оперативный дежурный должен был докладывать ему рапортом обстановку, как заместителю начальника войск округа, генерал выслушивал рапорт, если было нужно, задавал вопросы, забирал ключ от своего кабинета и уходил

В тот день моего дежурства зашел, значит Володя-комсомолец к нам в дежурку, с важным видом спрашивается об остановке по комсомольской линии, а тут заходит его непосредственный начальник - генерал...Я, как оперативный, докладываю ему обстановку, генерал выслушивает, я передаю ему ключ от кабинета, он уже вроде бы уходить начал, но оглянувшись на Агафонову, и так своим дребезжаще-гнусавым тенорком лениво спрашивает: - ну, как дела, комсомол?» Агафонов вытягивается в струнку, щелкает каблуками своих хромовых сапог, и с неистовым верноподданическим усердием докладывает: - по-комсомольски, товарищ генерал!!!

- По-комсомольски, говоришь, прогнул Гокань - ну, значит херово! Повернулся и вышел.

Немая сцена. Агафончик наш пулей вылетает из дежурки, мы с помощником начинаем сдавленно хохотать.

ПЕРВОАПРЕЛЬСКАЯ ШУТКА.

Для начала я должен открыть «военную тайну»: однажды я был молод. История, которую я хочу рассказать, имела, как говорится, место реально быть. В те далекие времена довелось мне служить в таких местах, куда не только Макар, но и никакой другой сказочный или фольклорный персонаж дороги не ведал. Многие люди, так или иначе задействованные в этих событиях, до сих пор живы, поэтому я не назову ни одного имени. История эта особого отношения к 1 апреля, на первый взгляд, не имеет, но случилась в дни, приходящиеся на эту дату. Гарнизон наш был маленький, состоявший в основном из молодых офицеров, людей в возрасте было, как говорится, раз-два и обчелся. Известно, где молодость, там любовь. А вот с этим делом у нас было весьма проблематично по причине очень небольшого количества представленных в части лиц прекрасного пола. Однако, спрячь за забором, как говорится. Километрах в пятнадцати-двадцати от части стояла глухая таежная деревушка

В деревушке водились люди и попадались девушки. Красивые, не очень. симпатичные и очень, короче - на любой вкус. Некоторые из них работали в части на гражданских должностях.. Все они были предметом пристального и постоянного внимания господ молодых офицеров. Вот среди этого-то контингента и находился центральный герой моего рассказика. Звали его Никитой, был он от природы потрясюще стеснительным парнем (я таких ни до, ни после не встречал) и в наших матримониальных делах не участвовал, отдаваясь службе, тем более его должность как бы этому способствовала. Вытащить его куда-либо на гулянку, будь то сельский клуб или дом офицеров, было совершенно нереальное дело. Сам по

себе паренек он был видный и девочки стреляли в него глазками, но либо выстрелы были слабомощными, либо броня его была крепка потому как все было в холостую. Однако мы с моим друганом засекли, что вроде одна девочка ему была как-будто по душе.

Начали мы с ним, Никитой, значит, всякие такие разговоры говорить, но он отмалчивался. краснел и быстро уходил от разговора. или вообще от нас. Решили мы с другом зайти с другого фланга. Подкатились к этой девушке, тары-бары, выяснили, что и он ей вроде по сердцу. Ну, раз такое дело, то помочь другу - святое дело для офицера. Пошел я к командиру, поговорил с ним по душам, обсказал все как есть и составили мы коварный план.

Неподалеку от основного ядра части был пунктик, который назывался у нас нижний объект, а по пути стояло старое добротное зимовье. Правильнее сказать, было это не зимовье, а подозреваю я, что в двадцатые годы скрывались в этом домике либо партизаны, либо еще какие лихие хунхузы, ибо дом был добротный, в окнах решетки, ну и сам был весьма внушителен. Вот и порешили мы устроить свадьбу нашему Никите в этом доме. Договорились с девушкой, завезли туда продукты и все необходимое, саму ее туда посадили.

На другой день, а так совпало, что это было первое апреля, оперативный дежурный отдает Никите распоряжение вместе со мной и еще одним офицером убыть на нижний объект для выполнения распоряжения командира. Никита, ничего не подозревая, вызванивает нас, мы быстро собираемся и выдвигаемся в заданном направлении. Доходим до зимовья, я начинаю жаловаться, что ногу натер, надо зайти переобуться, поднимаемся к двери, пропускаю Никиту вперед, он открывает дверь, заходит, мы быстро её закрываем, накидываем щеколду и вешаем

припасенный замок Дело сделано. Никита кричит, орет, ругается, мы хохочем и говорим, что у тебя есть отпуск на три дня. командир дал, вот и отдыхай на природе, ну, а чтобы тебе скучно не было, ты в дом зайди, да погляди, что мы тебе приготовили. Слышим, он вроде, в дом зашел. Постояли-постояли. Тишина. Мы и вернулись, доложили командиру, что птички в клетке. Через три дня пришли, выпустили. Дело срослось. Поженились они, и до сих пор живут вместе. Такая история.

МЕЧТА И ПРОЦЕНТЫ.

Василь Степаныч на деревне был мужиком приметным. Высокий ростом, широкий в плечах, торс могучий. Ходит неторопливо, но споро, не шибко говорлив, но и к молчунам его не причислишь. Кулаки здоровенные, как гири. Поговаривают, что он ударом кулака в лоб годовалого бычка укладывает на вечный отдых. Лицо простое, открытое. Глаза глубоко посаженные, взгляд прямой, располагающий к себе.

К водке не сказать, чтобы равнодушен, при случае опрокинет стаканчик-другой, однако же и в лишнем ее употреблении не замечен, пьяным, как иные мужики, нигде не шарахается и уж тем более, не валяется. От работы не уваливает, дело свое знает и делает его справно. Семья у него во всех отношениях благополучная, дети уже выросли, с женой отношения хорошие, уважительные и ровные.

Короче говоря, Василь Степаныч - человек во всех отношениях достойный, и авторитетом в деревне пользуется. По жизни он - человек без странностей, ровный, фортелей разных там, или еще каких вывертов, от него

ждать не приходилось - это знали все. Однако, была у него мечта, о которой знали многие. И мечта у него была самая на первый взгляд обычная и непритязательная: Василь Степаныч давным-давно, уже много лет, мечтал купить «Волгу». Никто не знает, откуда у него эта задумка появилась, но все зато знали, что она у него есть. В советские года эта его светлая мысль была у него чем-то вроде путеводной звезды, али еще какого знака, который его вел по жизни. Он понимал, что при тех финансовых возможностях, которыми обладал средне-статистический деревенский советский человек, покупка «Волги» была для него так же возможна, как например полет на Луну. Поэтому он жил себе, поживал, о «Волге» мечтал, но понимая, что ему ее никогда не видать, особо не грустил и не печалился. Короче говоря, была его мечта чем-то похожим на горизонт: вот она, видимая, вот он к ней идет, но она все время уходит, уходит точно так же, как линия горизонта. Вот таким макаром и жил-поживал наш герой в душевном равновесии с народом, женой, и мечтой своей.

Так бы и жил-поживал наш герой спокойненько, коли бы не приключилась в нашей стране перестройка. Как только она пришла, пошли в народе всякие слухи, толки, разговоры. Повеяло какими-то смутными ожиданиями на перемены к лучшему. Пошли рассуждения о кооперативах, о том, что разрешено все, что не запрещено. Короче говоря, воля пришла к советскому человеку от партии и советской же власти. Мало-помалу развалился совхоз, растащили его по паям. Василь Степанычу достался приличный надел земли, трактор, пара коров, уголья для покоса, ну и так кое-что по мелочи.

Поначалу как-то дивно было нашему герою: не надо никуда на работу рано вставать, никто тебе не приказывает-указывает, когда, как и что делать, но мало-помалу

ритм жизни стал налаживаться, устаканиваться, входить в берега, как входила в них, бывало, разгулявшаяся речка. Будучи мужиком с руками и головой, Василь Степаныч помаленечку стал налаживать свое хозяйство. Постепенно вошел во вкус, и такое положение дел ему даже нравится стало. Как-то вечером сидел он на скамеечке возле ворот, покуривал, мозговал...мысли в голове ходили туда-сюда разные. Откуда-то выплыла «Волга», новая, сверкающая, и непременно белая, точно такая, какую он видел давным-давно в каком-то кино на свадьбе героев.

Что-то вдруг как-то в голове его эдак сложилось, что оказалась эта «Волга» прямо в шаговой доступности, того и гляди, рукой можно дотронуться, пощупать. Показалось ему, что дело-то нынче это совсем не трудное, надо только работать, картошку разводить, сажать скороспелку-сорокадневку, возить ее в город и продавать, глядишь, денежки-то и потекут рекой, а там и на машину накопится, да и на стенку мебельную, о которой его жена всегда мечтала. Увидела она как-то, где-то, у кого-то в городе такую красивую стенку, что запала она ей красотой своей в душу, и стала его Аня о ей так же мечтать, как он о «Волге».

Как мужик основательный и не какой-нибудь там фармазон или пустобрех, Василь Степаныч принялся за дело со всем рвением и старанием. Выращивал картошку, нанимал грузовики, возил ее в город, возил в соседнюю область, даже в далекую Якутию возил. Отбивался от бандюков, от рэкетиоров, перекупщиков, и прочей швали, которые, как накипь в протухшем борще, когда его на плите разогреваешь, появились всюду в изобилии. Бывало, что пролетал он в расчетах своих, даже в долгах оставался, но все же мало-помалу, а денежки на машину копились.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается,

но все-таки нужная сумма приобрела, наконец-то, вполне реальные очертания, и лежала в банке, в ожидании заветного часа. Василь Степаныч планировал, что закончит в июле продажу очередной партии скороспелки, к этой поре уже все, как говорится, срастется, и даже будут кое-какие суммы на непредвиденные расходы. Однажды, вернувшись поздним вечером с полей, Василь Степаныч, сидя за ужином, повел об этом разговор со своей женой.

Та, конечно, обо всех его планах уже знала все давным-давно, но хотелось им этим погожим вечерком еще раз поговорить о мечте. Поговорить уже со знанием дела, что все реально, все уже практически сделано, осталось только поехать и купить эту самую белую мечту, нарядную, всю в хроме-никеле, с блестящими колпаками на колесах.

Говорили они эдак неторопливо, тихо, почти ласково. Тут, вдруг, жена его и говорит: - Вась, а давай-ка малость повременим с машиной-то. Зачем нам ее в зиму покупать? Давай положим все деньги в банк на особый вклад под проценты (она так и сказала с ударением на первую О) до весны, там чего-чего на эти проценты набегит, можа и стенку купим, как у городских, поставим ее, вот и будет у нас все, как у людей: и машина, и стенка красивая в хате стоять.

Поначалу-то Василь Степаныч вскинулся было возразить, уж больно ему не хотелось это приятное дело откладывать в долгий ящик, но, подумав секунду, остыл. Захотелось ему, чтобы и у Ани её мечта сбылась. Знал он об этой ее слабости, знал и решил, что она, как верная его помощница по всей жизни, тоже право имеет счастливой хоть какое-то время побыть. Согласился он, и порешили они так и сделать.

Поехал наш герой на другой в райцентр, деньги по-

ложил всей суммой на какой-то там особый вклад под большие проценты.

Вернулся, жизнь потекла своим чередом: дела, суета, заботы, то, да сё. Заканчивался июль 1998 года. В премьерах тогда сидел известный ныне всем Кириенко, которого потом прозовут киндер-сюрпризом. На горизонте уже маячил роковой август, но народ жил себе спокойно, отбрыкиваясь от повседневных дел и хлопот, как у кого получалось. И вот он настал, это роковой день. Он пришел, а вместе с ним ушла навсегда голубая и светлая мечта о белой сверкающей «Волге» - в один миг все сбережения Василь Степаныча вместе со всеми процентами сгорели, и на то, что от них осталось, смог он с женой купить только ту самую стенку, о которой его жена мечтала, да и то пришлось малость у двоюродного брата в долг взять.

Наш герой сильно-то горевать не стал, но все-таки крепко его эта неудача зацепила. С виду-то он не изменился, вроде в таком же остался, но как-то рвение и пыл его в работе приутихли. Однажды приехал я в ту деревню на рыбалку. Дело было вечером, вижу, сидит мой герой на скамеечке перед домом, курит. Остановил машину, подошел, поздоровался, поговорили малость, как водится о тем, о сем. Между делом каким-то образом разговор зашел за этот самый дефолт, тут мне Василь Степаныч и говорит: - знаешь, Львович, все вроде умом понимаю, но досада в душе сидит занозой. Иной раз, как выпью где с мужиками, домой приду, смотрю на стенку, что мы купили, и так мне хочется взять топор и размолоотить ее в щепки.

Ничего я ему тогда на это не сказал, а про себя подумал: ну вот, появилась у Степаныча новая мечта - стенку разбить вдребезги. Она ему мечту о «Волге заменила». Будет он так думать, но стенку-то, конечно, никогда не

сломает, не в его характере.

КРУТАЯ ПРОБКА.

Мой давний приятель, Николай Александрович, известный читателю по многим рассказам, года уже три, как покинул Хабаровск, перебрался на жительство в теплые края, на Кубань, но каждый год, глубокой осенью, приезжает в наши края - манит, зовет его тайга.

В городе у него осталась взрослая дочка, у которой он останавливается по приезду. Приезжал он и в этом сезоне, перед самым Новым годом. Крутанулся в городе день-два, и уехал в тайгу, к своим знакомым лесникам и егерям.

Недели полторы тому назад звонит:

- ты дома? жди в гости, сейчас заеду, расскажу тебе кое-что, думаю, тебе пригодится в твоей работе...

- давай, отвечаю, ставлю чайник, жду.

Минут через двадцать раздался звонок. Открываю, заходит мой приятель. Все такой такой же высокий, сухопарый, пышущий здоровьем и какой-то особой жизненной силой человека природы.

- Проходи, говорю, откуда и куда, каким ветром?

- Ну, ты же знаешь, я уж почти месяц, как в тайге шастал. Обитал то у Николаича, то у Семеныча. Охотился, отдыхал, с природой общался. Вот, вернулся в город, через два дня улетаю в Краснодар, но к тебе заскочил, уж больно историю хорошую услышал, не могу уехать, не поведав ее тебе.

- Ладно, говорю, соловья баснями не кормят, проходи, побалуемся чайком, заодно и расскажешь мне свою знаменитую очередную эпопею.

- Э, нет, говорит, тут не моя эпопея, тут гораздо интереснее. С этим словами мы прошли ко мне в кабинет, я принес чай и все, что к нему положено.

Расположились, отхлебнули каждый из своего стакана по глоточку. Ну что, говорю, что в этот раз хорошенького поведаете, рассказывай, не томи?

- Львович, не буду ходить вокруг, да около, сейчас все тебе расскажу, как на духу. - Николай отхлебнул еще чайку, призадумался, и повел рассказ.

Ты же знаешь, что я почти месяц сидел в тайге, на своем любимом Сукпае. В этот раз я все больше у Семёныча обретался, в районе Гремячего. Короче, отдохнул хорошо, и порыбачил, и поохотился, пришла пора ехать в Хабаровск. В день отъезда я малость припозднился, то то забыл, то это не сделал, короче говоря, собирал свои манатки. Семёныч с утра ушел в тайгу, а я только к обеду тронулся в путь. Идти мне до поселка не очень далеко, километров чуть больше пятнадцати, так что я рассчитывал еще засветло прибыть на место, а там меня должен был ждать товарищ с машиной, чтобы ехать в город.

Ну, стало быть, вышел я из дому, притворил дверь, сунул щепочку в щеколду, чтобы ее ненароком ветром не отворило, глянул окрест и направил стопы по тропе. Поначалу хотел было через сопку напрямки, но потом эту затею оставил, уж больно снег глубокий. Короче иду, песенку про себя мурлычу, настроение - хоть на Луну. Однако примерно через часик что-то я стал примечать, что погода начала портиться, как-то потеплело, потемнело и враз из-за перевала туча напоззла. Снег пошел. Поначалу редкий, потом все гуще, гуще, и в конце концов повалил такой, что в трех метрах ничего не видно.

Эге, думаю, эдак мне сегодня до поселка не добратся, тропу быстро замывает, видимости никакой, скорость

хода совсем упала. Досадно конечно, но критичного нет ничего. По ходу распадка, я знал, у Семеныча землянка есть, там всегда и дрова, и спички, и все, что путнику в тайге нужно, имеется. Решил, что доберусь до землянки, переночую, а утро вечера мудренее. Тропу уже конкретно заметало, идти становилось все труднее. Землянка эта была вырыта прямо в крутом берегу распадка, по которому бежал ручей Гремячий, я шел именно вдоль этого берега, и заблудиться никак не мог. Когда до землянки по моим расчетам осталось совсем не далеко, почуял я запах дыма. Ого, смикитил я, кто-то уже там обосновался. Это хорошо, приду прямо в теплое помещение. И что ты думаешь? - окошко светит, труба дымится, ...захожу, а там сам Семеныч и два еще мужичка из числа его закадычных друзей. В землянке жара, хоть до трусов раздевайся, на столе керосиновая лампа, пол-бутылки водки, разный немудрящий мужицкий закусон. Мое появление было встречено взрывом радостных и довольных голосов.

Само собой, меня тут же к столу, Семеныч откуда-то еще бутылку на стол выставляет и говорит, ну вот, Николай, утром говорили, что надо бы на посошок, да не получилось. Однако, судьба распорядилась по-своему, успеешь еще в свой город. Ну, куда тут деваться? Сел я к столу, «принял» рюмочку, тепло быстро разлилось по телу. Разговор шел всё за политику. То Америку обсуждали, то Украину, всяк свою линию гнул и спорили до хрипоты.

Мужики были уже весьма навеселе, и мне стало как-то скучновато слушать всю эту политическую болтовню, я возьми, да и скажи: - Семеныч, травани-ка лучше какую-нибудь байку интересную, ну ее к ляду, политику эту. Народ меня поддержал.

- Байку, говоришь - переспросил Семеныч,... хм... байку....Давай-ка я лучше недавнюю историю со своим

племяшом вам, мужики, расскажу. Знатная, однако история.

Бутылка пошла по кругу, стопки наполнились, выпили, закусили закурили.

- Ну, слушайте, мужики. Недели три или даже четыре тому назад, как-то под вечер, приехал ко мне племяш мой, Серега, из города. Да не один приехал, а с попутчиком. Причем, на двух машинах, Серега на своем Сафари-ке, а попутчик его на крутом Крузаке в двухсотом кузове. Когда они в дом зашли, я подивился на его товарища. Росточку он невеликого, ну, так, около чуть больше метра с кепкой, однако живот у него был необъятных размеров, куртка на нем богатая, распахнута, на груди крест золотой внушительных размеров. Повадки важного человека, не говорит, а вещает и так все важно внушительно, словно президент, али еще какая важная птица.

Ну, приехали, да и приехали, мало ли какой народ там в городе у Сереги в друзьях. Пока суть, да дело, потихоньку выпросил у племяша, что за птица такая? Это, говорит, депутат, человек важный и богатый. Я его малость обхаживаю, дело мне надо кое-какое сделать. Понял, говорю, тебе виднее, мешать не буду.

Перво-наперво, гостей, как водится, за стол. Сели, коньячок Серега достал заграничный, я - рыбки, икорки, сальца, огурчиков ну и все, что в таких случаях. Сидим, выпили, закусуваем, но только гость важный все какой-то хмурый сидит, вид у него недовольный, и всем видом показывает, что все ему не так. Я не встречаю молчу, племяш там что-то ему наговаривает. Потом меня спрашивает: - а что дядя, как насчет баньки?

- А что, говорю, насчет баньки, ты ж знаешь, сегодня суббота, у меня баня завсегда готова, можно и попариться.

Порешили пойти в баню. Наш крутой (как я его про себя окрестил) гость эдак важно вперед по тропе пошел, Серега за ним, я замыкаю. Паримся, раз зашли, два зашли, выскочили в предбанник малость охолонуть. Тут мой гость важно меня спрашивает: - а что, хозяин, нет ли у тебя возможности в прорубь окупнуться? Не люблю я без проруби баню, баловством ее считаю.

- Есть такая возможность, тока я, как человек пожилой, этим уже не занимаюсь, а вам - пожалуйста, спускайтесь по тропке вниз к речке, там прорубь, ныряйте, да и опять в парную. Разговор этот в предбаннике шел, Серега мой стушевался, говорит, я тоже не пойду, ну его. Крутой посмотрел на нас, как на козявок, пробурчал что-то под нос, и двинул стопы к речке, а мы с племяншом пошли в парную.

Паримся, паримся, опять вышли, а нашего крутого нет и нет. Серега, говорю, что-то мне это не по нутру, как бы там чего не случилось, пошли-ка сбегает. Спускаемся, как есть голышом, и что же видим: наш гость уже задубел, сидит в лунке и не вылезает. Я подхожу, живой, говорю? А у него уже губы свело и ничего сказать не может, только на лед показывает. Вижу, что-то тут не так, а понять не могу, хватаем с Серегой его за руки, тащим и ничего не получается: пузо огромное заклинило и не выпускает его. Туда-то, видимо как-то оно проскользнуло, а назад хода нет. Бегом бегу в баню, там ломик и пешня у меня стоят, прорубь-то каждый раз долблю, чтобы воды для баньки натаскать. Возвращаюсь, все это время голышом, уже и сам замерз, и Серега зубами стучит, что уж про крутого говорить. Лед долбить страшно, не дай бог промахнешься, распорешь живот человеку. Серега, кричу, беги в баню, тащи ватник мой. Короче, кое-как мы его, бедного, выдолбили, вытащили, а он уж совсем обесси-

лел, скорее под руки его, и в парную, сами отогреваемся, его отогреваем. Минут через пять-семь отошел, очухался.

Короче, мужики, вышли мы из бани, крутой наш как-то весь обмяк, вся важность его куда-то подевалась, молчит, ни слова не говорит. Вижу, не по себе ему, увел его спать. Наутро он встал чернее тучи, ни здрассти вам, ни до свидания, оделся, сел в машину, завел и уехал ни свет, ни заря. Такая вот вам история.

Вот тебе, Львович и весь мой рассказ - закончил повествование от имени Степаныча мой гость. И улыбнулся я, и грустновато чуть-чуть стало, как представил себе чувства этого пузатого депутата.

Рассказ получился без морали, но поразмыслить тут есть каждому над чем, как мне кажется.

САГА О ВАСЛЯЕ. ВЕЛИКИЙ ЧИТАТЕЛЬ ВАСЛЯЙ.

Он родился девятым, предпоследним, 29 февраля, и одним только этим фактом уже начал отличаться от обычных людей. До двух лет все его звали Васей, потом, не помню уже с чьей легкой руки, он стал Васляем, и так его звали и домашние, и соседские, и все, кто его знал.

Вторая его необычность проявилась где-то в трехлетнем возрасте. Заключалась она в том, что он, как бы это выразиться помягче, терпеть не мог какую-либо обувь на своих ногах и поэтому бегал босиком всюду с той поры, когда еще не весь снег стоял на улице и до тех пор, пока землю не сковывал мороз и не начинали летать белые мухи. Частенько, если мать не успевала уследить, он и зимой отважно выбегал на улицу и шпарил

с быстротой молнии по сугробам так, что только пятки сверкали. Все дети – народ подвижный. Назвать Васляя подвижным – это означало ничего не сказать о нем. Он был быстр, как ветер, шустр, как шарик ртути и отследить траекторию его движения, а тем более предугадать ее, было просто невозможно. В этом заключалась его третья необычность. Четвертая заключалась в его нраве. Он всегда был улыбчив, радостен, приветлив, и как-то по особенному добродушен. Никто никогда не видел его раздраженным, злящимся или еще как-либо выражающим свое неудовольствие. Пятая особенность заключалась в его каком-то удивительном, прямо таки наивном бесстрашии. Его не пугали ни высота, ни темнота, ни еще что-то, чего обычно побаиваются дети. Достаточно сказать, что он бесстрашно сигал в речку с высоченного моста, неустрашимо плавал в реке, нырял с крутых берегов, лазал по деревьям, строящимся зданиям, как угорелый носился босиком по кучам камней и битого стекла, и все ему сходило с рук. Даже упав однажды с третьего этажа на стройке на кучу кирпича, он отделался парой синяков и пустяковой царапиной. И все это проделывал человек, которому еще не было и семи лет.

Но главная его особенность заключалась в том, что в его присутствии все домашние животные начинали вести себя так, как будто Васляй для них – лучший друг. Это делали кошки, собаки, овцы, коровы и вся другая домашняя живность независимо от того, наши это были животные, или соседские. Более того, даже насекомые, казалось, относились к нему особенно. Я часто видел, как бабочки и стрекозы запросто садились к нему на руки и не улетали, если он их легонько трогал пальцем другой руки. Пчелы на пасеке как мне казалось, вообще считали его своим другом, и ползали по нему запросто, как по

цветам. Ни разу я не видел, чтобы пчела его ужалила. А он, внимательно разглядывая своих маленьких друзей, никогда их не обижал, не отгонял и относился к ним с каким-то особенным чувством, которое проявлялось особым выражением его лица, суть которого очень трудно передать словами.

Все свободное время Васляй проводил на улице, бегая неизвестно где, благо тогдашние условия жизни в нашем городке, который был больше похож на деревню, позволяли это делать без особых затруднений. Целыми днями он со сверстниками бегал по полям, пропадал на речке, бегал в соседскую рощу. Короче, найти его было днем очень трудно. Выбегал из дому чуть солнце встало, и появлялся в избе затемно. Все попытки и родителей, и нас, старших братьев, как-то зарежимить его неизменно терпели фиаско – Васляй улучал минутку, сбегал и...ищи ветра в поле. Так продолжалось до школы.

В школу наш герой пошел семи с половиной лет от роду. Зная его неусидчивость, страсть к свободе, мы с опаской ожидали бурных протестов с его стороны, но вопреки ожиданиям, он отнесся к ограничениям своей свободы как-то без особого сопротивления, вроде даже с некоторым проявлением интереса. Однако, как поется в известной песенке, недолго музыка играла. Нашему Васляю занятия в школе быстро надоели, и он стал к ним относиться, как к досадному и неизбежному злу, с которым нужно смириться, но которое при первом удобном случае нужно и можно было игнорировать. Начались проблемы и с посещаемостью (сбегал с уроков) и успеваемостью. Короче говоря, на семейном совете мне было поручено взять шефство над школьными делами Васляя.

Отныне я отслеживал его посещаемость, проверял, сделал ли он уроки, все ли взял с собой в школу и так да-

лее. Под мои контролем дела его стали как будто налаживаться. Он успешно решал примеры и задачки по арифметике, старательно рисовал каракули в тетрадках по письму... Ежедневно я заставлял его читать мне букварь. Обычно мы делали это ближе к вечеру. Я говорил, ну что, Васляй, давай почитаем. Давай, отвечал он, с готовностью доставал букварь, открывал его там, где они занимались в школе и, показывая пальчиком на каждое слово, читал, старательно выговаривая каждую буковку-звук. Обычно на этом все и заканчивалось и, проверив его тетрадки, я отпускал его гулять. Так дело шло у нас почти до конца третьей четверти, и я был вполне уверен, что наш Васляй уже умеет читать, так как он бодро и безошибочно читал мне все слова на любой странице букваря, на которые я ему указывал.

Однажды, в очередной раз проверяя его домашнее задание, я как обычно, заставил все прочитать. Он все мне точно прочел, но повинуясь какому-то неясному импульсу, я перевернул страницу букваря туда, где они еще не занимались. Там были написаны все те же слова, что и на предыдущей странице, и попросил его почитать здесь. Васляй, глянув на меня чистыми глазками, невинно заявил мне: а мы здесь еще не читали в школе, и я не знаю, как это читать.. Тут меня внезапно пронзила мысль, что наш братик до сих пор совсем не умеет читать. Я взял листок бумаги и начал писать печатными буквами все слова, которые он мне до этого исправно читал в букваре. Он не причитал ни единой буковки. Я понял, что у мальчика замечательная память, и что он буквально фотографировал в своем мозгу странички букваря, которые они читали в классе.

Не странно то, что я ничего не заметил и не заподозрил до сих пор, так как, чего греха таить, относился

к исполнению своих кураторских обязанностей в некоторой степени спустя рукава, но как этого не поняла его учительница, мне было непонятно. Короче говоря, дело свелось к тому, что мне пришлось уже самому ускоренными темпами учить чтению моего великого читателя, чтобы догнать одноклассников. Тут уже я был дотошным и к концу года мы все с ним успешно преодолели и нас перевели во второй класс.

САГА О ВАСЛЯЕ. ВАСЛЯЙ, ТАРАНТУЛЫ И ТАРАКАРНЯ.

Первое повествование о Васляе я закончил на том, что он перешел во второй класс, как помнит внимательный читатель. Дальнейшая учеба его проходила в Казахстане, куда мы переехали всей семьей в начале шестидесятых. Учился он ни шатко, ни валко, перебиваясь с двойки на тройку, а чаще и так, что, как говорят учителя, три пишем, два в уме. Однако, подстегиваемый периодическими «вливаниями» со стороны родителей и старших братьев, с грехом пополам перебирался из класса в класс, и по два года нигде не сидел. Книг не любил. Читал редко, только что-нибудь про природу, зверей, птиц.

Все свободное время проводил на улице, бегая по окрестным шахтам, лужайкам, терриконам вместе с такими же шустрыми стрижами, как он сам. Как я уже писал, животный мир к нему относился не так, как к обычным людям. Будучи второклассником, он начал заниматься голубями, в чем ему потворствовал отец, сам в прошлом, как он говорил, заядлый голубятник. Я частенько по выходным наблюдал за ними, как они, старый и малый, чувствуя себя практически на равных, гоняли своих птиц,

лихо насвистывая им, и бурно обсуждая достоинства какого-нибудь носочубого или турмана. Васляй часами возился со своими питомцами, разговаривая с ними, как с людьми. Любопытно, что голуби совсем не боялись его, позволяли себя гладить, кормились с рук. Некоторые, особо им любимые, даже целовались с ним, доверчиво вкладывая свой клювик ему в рот. Это был его мир, он в нем жил и никакого другого, казалось ему уже и не надо.

Как-то однажды летом заглянул я, уже не помню по какой надобности, в нашу баньку. Смотрю, Васляй сидит на корточках возле какого-то не то ящика, не то коробки, стоящей на скамье и что-то там высматривает в этом предмете... Васляй, говорю, а что это ты тут делаешь и что это за ящик у тебя? Это? Это - таракарня, отвечает мой братан... Что-что, говорю, какая таракарня? Самая обычная моя таракарня ...Да ты объясни толком, ничего, говорю, не понимаю..

А вот, смотри, отвечает Васляй и показывает мне свое сооружение. Смотрю, а это что-то похожее на комод небольшого размера, только ящички совсем маленькие, чуть больше спичечного коробка. Васляй выдвинул один ящичек, смотрю, а там сидит большой черный таракан, один из тех, что в большом количестве водились в те времена во всех квартирах, в том числе и в нашей. Жили мы в те годы в саманных полуземлянках, из которых состояли практически все поселки возле шахт. Насекомые эти были тихие, мирные, никому не досаждали. Днём их не было видно, и выползали они по своим тараканьим делам только ночью. Повадки у них были скромные, совсем не как у рыжих мелких тараканов, которых все знают и которых все зовут пруссаками. Ого, говорю, и это у тебя в каждом ящичке по таракану сидит? – Да, отвечает, в каждом. И что ты с ними делаешь? – Дрессирую...Как дрес-

сируешь? - Да очень просто, вот, смотри - говорит Васляй - и показывает мне спичечный коробок с какими-то ниточками. Это тележки для них с упряжью, я их запрягаю, и они возят их по моей команде, а еще я бега устраиваю.... Ну-ка, ну-ка, покажи мне, как это у тебя получается? - Погоди, говорит, я их сейчас кормлю, минут через тридцать приходи, я запрягу для тебя трех моих самых умных, посмотришь. Мне стало чрезвычайно любопытно и я решил проверить, насколько слова моего необычного братца соответствуют действительности. Когда я спустя некоторое время пришел в баню, у Васляя все было уже готово. На широкой банной лавке стояли три спичечных коробка, в которые были впряжены три приличного размера таракана. Смотри – говорит Васляй - и какой-то соломинкой начал по очереди трогать насекомых. Те дружно рванули с места и побежали по лавке к противоположному концу, а Васляй ловко манипулируя соломинкой, умело их направлял. Подивился я этому фокусу и спросил его, давно ли ты этим делом занимаешься, как ты их различаешь, ведь они все одинаковые, ну и все такое? – Ничего, говорит, подобного, они все разные, как и люди и у каждого свой характер, я их всех хорошо различаю, и они меня знают. Я решил проверить, так ли это и хотел было взять одного тараканчика в руки, однако тот резво побежал, волоча за собой спичечный коробок. Васляй подставил ему руку, тот смело заполз на нее и сразу начал прятаться в районе большого пальца. Васька распряг его и поместил в вольерчик. Точно так же он поступил с двумя оставшимися запряженными тараканами. Потом я некоторое время частенько спрашивал у брата, как там дела на таракарне? – нормально, отвечал, все хорошо... Месяца уже через два я опять поинтересовался, что да как, а Васляй мне ответил, что, дескать, он дал всем тараканам свободу

и отпустил их, и таракарня приказала долго жить, у него появились какие-то новые увлечения...

На следующий год весной, в мае месяце я, занимаясь в гараже, заметил, что Васляй что-то в один из дней снова зачастил в баню. Что, спрашиваю, Васляй, снова таракарню организовал? – нет, говорит, битву тарантулов провожу... Я чуть не сел там, где стоял.

Тарантул – это огромный ядовитый паук, живущий в норках. Вид у него устрашающий, весной они страшно агрессивные и могут запросто напасть на человека, так как имеют способность довольно высоко прыгать и обладают стремительной скоростью бега. Со стороны брюха они имеют очень черный цвет, а сверху окрас их серый, но напоминает несколько зебру: более светлые полосы серого перемежаются с более темными. Голова выдающаяся, и на ней расположено восемь глаз, четыре больших в виде квадрата сверху, и четыре поменьше в линию под квадратом, под глазами расположены устрашающего вида жвалы и хелицеры, на концах которых почти всегда виден черного цвета яд.

Стой, говорю, погоди, дай я сам посмотрю, чем ты там занимаешься. Васляй гордо ведет меня в баню и показывает. Скажу я вам, зрелище меня весьма впечатлило. В центре бани на полу стояла большая оцинкованная ванна, какие в те времена были практически в каждом доме. В ванну была налита вода сантиметров эдак на восемь от дна, по дну ванны ползали несколько огромных тарантулов, покрытые большим количеством пузырьков воздуха. Дело в том, что эти пауки покрыты чем-то похожим на шерсть и при погружении в воду они сразу покрывались воздушными пузырями, что давало им возможность дышать и жить какое-то время под водой. И вот эти монстры мало того, что ползали по дну ванны (вода не давала им

возможности прыгать) но и дрались между собой. Сцена, должен заметить, не для слабонервных. Ныне, смотря фильмы ужасов, я частенько вспоминаю этот случай и думаю, что при определенных технических приемах можно было бы все эти бои вставить в какой-нибудь жуткий «фильмец». Начал я его расспрашивать, как же ты ловишь этих пауков? Очень, говорит, просто. Беру литровую стеклянную банку и фанерку или кусок жести, наливаю в банку воды и иду на лужайку. Ищу норку, заливаю туда воду и накрываю норку банкой. Тарантул вылезает, убегая от воды, я под банку сую жестянку и все, паук пойман. Закрываю крышкой. Беру другую банку и так далее. Потом приношу их сюда, помещаю в ванну и смотрю.

Вот таким образом мой младший братец продемонстрировал еще одно свое природное развлечение. Для дополнения картины скажу еще пару слов о его собачке по кличке Липунька. Как-то наш Васляй вернулся с улицы, как обычно вечером, и принес с собой малюсенького щеночка неопределенной породы, которую в народе метко окрестили двортерьер и сказал, что это теперь будет его настоящий и верный друг. Был наш братик для этой собачонки и за папу и за маму, таскал его повсюду с собой. Незаметно щенок превратился в средних размеров собачку с очень веселым и добродушным нравом. Точь-в-точь, как у Васляя. Они даже внешне были чем-то схожи. Этот Липунька ни на шаг не отходил от хозяина. Когда Васька шел в школу, Липунька бежал рядом, садился возле школы и ждал, пока закончатся занятия. Дружба их была очень крепкая, но закончилась печально. Васляй вырос, его призвали в армию, он уехал, а Липунька остался... домой он не пошел...все время лежал возле крыльца и ждал..ждал и тосковал... Ел очень нехотя. Стал грустным, частенько выл тонюсеньким голоском. Ближе к зиме од-

нажды поутру мы обнаружили его мертвым возле бани, где они провели с Васляем вместе много весёлых минут.

САГА О ВАСЛЯЕ. ВАСЛЯЙ, ИНДЕЙЦЫ И СОФИ ЛОРЕН.

Как-то погожим июньским деньком, ближе к вечеру, сидел я на скамеечке возле нашей мазанки, поджидал своего товарища, с которым собирались поехать на вечернюю зорьку половить раков в Темир-Тау. День, хотя и клонился уже к вечеру, был еще весьма жаркий, царил тишина, весь народ с улицы куда-то подевался. Вдруг слышу женские крики, поднимаю голову и вижу картину: за соседским пацаном по имени Салават, закадычным дружком Васляя по проказам, гонится пожилая казашка с хворостиной в руке. Женщину эту звали Акпопе, но за ее заполошный характер и суетливость все, и взрослые и дети, за глаза звали её Апупейка. Сама по себе женщина эта была очень добрая, безвредная, но ей всегда и везде было до всего дело и чтобы ни случилось в поселке, она была тут как тут. Без ее участия не обходилось ничего. «Сволишь неаднакратный, карейка номыр адын» - кричала она вслед улепетывающему Салавату, и продолжала бежать за ним, размахивая хворостиной, хотя догнать быстрого Салавата этой уже почти бабушке явно было не под силу. Читателю, незнакомому с особенностями казахстанской жизни, я переведу эту фразу приблизительно так: ах ты, негодник этакий, настоящий кореец, вот я тебе задам! Тут опять требуются пояснения. Герой этого эпизода, пацан по имени Салават, ближайший друг, сподвижник и соратник Васляя, являлся сыном татарки и казаха, но обличем своим был вылитый кореец, поэто-

му все его называли настоящим корейцем, вот это и есть «карейка номыр адын».

Салават давно оторвался от грозной преследовательницы и уже сбавил темп бега, понимая, что он в безопасности. На нем, как практически на всех пацанах поселка, красовался головной убор вождя краснокожих из перьев. В поселковом кинотеатре несколько дней назад прошел фильм «Чингачук – Большой Змей», и вся пацанва, включая моего Васляя, вырядилась в индейские наряды, вооружилась луками и стрелами. Короче, все стали делаварами, апачами, алгонкинами и могиканами. Стал могиканином и мой главный герой. Я так и не понял, где они добывали такие красочные перья и прочие причиндалы, но индейские наряды у них были весьма впечатляющего вида. Васляй, как предводитель этой братвы, стал, естественно вождем, то бишь Чингачуком. Для того чтобы ни у кого не возникало сомнения, кто есть кто, он химическим карандашом на плече вывел крупными корявыми буквами слово «Ченгачук». Именно в таком написании, потому что грамотёшки у него правильно написать или выговорить это слово было явно недостаточно. Когда я увидел в первый раз его в таком наряде да еще с этим великолепно выписанным словом на плече, я долго смеялся. Потом мы все долго звали братана Васляй-Ченгачук.

Увлечение индейцами у пацанов длилось довольно долго, и мы постоянно сталкивались на улицах поселка с охотниками, стоящими на тропе войны, или раскуривающими трубку мира. У Васляя к концу увлечения даже откуда-то появился малюсенький топорик, который он гордо именовал томагавком. В этих играх участвовали практически все дети поселка подходящего возраста, включая девочек. Была даже Уа-Та-Уа, большеглазая девочка, смахивающая на лягушонка, по имени Ленка. Она

была маленькая, шустрая, смешливая и смышленная. Повсюду сновала за Васляем, как нитка за иголкой.

Постепенно увлечение индейцами стало затихать, в кинотеатре шли другие фильмы и мало-помалу все как-то выровнялось, вошло в обычное русло и воины и охотники ужасающего вида незаметно растворились в повседневной суете.

Спустя какое-то время на афишах появилось название фильма «Брак по-итальянски». Естественно, там же стояло рядышком сакраментальное «дети до 16 лет...», но Васляй, которому не было преград, умудрился каким-то макаром обмануть бдительную контролершу Наталью и посмотрел это фильм, кстати, он и Липуньку своего в тот раз сумел как-то протащить в кинозал. Естественно, ничего он в нем не понял, но реакция у него на него была весьма своеобразная и известна она мне стала совершенно случайно. Как-то, возвращаясь домой, я увидел, что в скверике возле поселковой школы, через который шел мой путь, сидят пацаны. В центре восседает Васляй и что-то рассказывает мальчишкам, поглаживая свое загорелое плечо и как бы демонстрируя его одновременно своим друзьям. Свернув с тропинки, и прячась за кустами акации, я потихоньку подкрался к сидящей ватаге. Васляй рассказывал, видимо, про фильм «Брак по-итальянски», потому что поглаживая и демонстрируя свое плечо, он важно говорил, что у него плечо, как у Софи Лорен... а пацаны, вытаращив глазенки, лупали на эти жесты, видимо потрясенные тем, что их Васляй имеет сходство с заграничной артисткой. Я не стал выдавать себя, потихоньку ретировался и отправился домой.

Вечером, когда Васляй появился дома, я подозвал его к себе и спросил, так на чье плечо похожи плечи Софи Лорен? Братец, нисколько не смутившись, тут же опять

продемонстрировал уже мне и другим братьям свое плечо и так же важно заявил, что вот, смотрите, мое плечо – это плечо Софи Лорен.. Всех это, конечно, рассмешило, мы стали его подначивать, говорить всякие шуточки и тут кто-то вспомнил про индейцев: - Васляй, а как же Ченгачук, как индейцы? Ведь у них нет имени Софи, тут скорее нужно говорить Сова. Почему-то это вызвало настоящий шквал смеха и веселья, и Васляй мгновенно превратился из Ченгачука в Сову Лорен. Так мы его и звали добрых полгода.

Заканчивая этот коротенький рассказа, хочу пару слов добавить про наш поселок, в котором мы тогда жили. Состоял он в основном из саманных бараков, хотя на соседней улице стояло несколько двухэтажных домов, из дерева, которые тоже были оштукатурены глиной и побелены, так что практически ничем не отличались от наших одноэтажек. Улицы, конечно, никакого покрытия не имели, и после дождя представляли из себя малопроходимые направления. В центре поселка размещался шахтный вентилятор, который ужасающе выл и день и ночь, но мы его не слышали. Мы его начинали слышать, когда он вдруг на пару часов останавливался для каких-то технических надобностей. Имелась школа, кинотеатр и пара магазинов. Все рядышком, все удобно. Люди были представлены самыми разными национальностями. В нашем шестиквартирном доме, например, жили русские, украинцы, казахи, немцы. В соседних домах было то же самое. Все друг друга знали, праздники встречали-отмечали вместе, друг другу помогали и никогда никаких проблем по национальному вопросу не возникало. Было много смешанных браков. В соседнем доме, например, была чета кореец и украинка. У них была двойня, но не близнецы. Один мальчик был жгучий брюнет, имел азиатский разрез глаз, но лицом и

повадками походил на мать, другой был рыж, конопат, обличьем - настоящий славянин, но был вылитый отец-кореец.... Такие вот у нас были достопримечательности. Впрочем, это уже другая тема, я несколько отвлекся.

САГА О ВАСЛЯЕ. ВАСЛЯЙ И МАРИНКА.

Дни идут, недели бегут, а годы летят. Эти расхожие слова справедливы всегда и везде. Как-то так незаметно, исподволь обнаружилось, что Васляй наш вырос, превратился из щуплого худого сорванца в крупного парня, ростом 187 см. с крепкими широкими плечами и пудовыми кулаками. Он стал как-то спокойнее в поведении, уже не бегал суетливо и стремительно, а спокойно и как-то с внутренним достоинством ходил, акцентируя каждый свой шаг. Однако в характере он изменился мало, оставался все таким же добродушным, улыбчивым и доверчивым, как ребенок. Как-то я с удивлением обнаружил, что он уже окончил восемь классов школы, отучился где-то в какой-то фазанке, и начал работать в литейном цехе одного из заводов Караганды. Не сказать, чтобы мы все это время не виделись или отдалились друг от друга, но произошло так, как и произошло и ничего я тут уже и сказать-то не могу. В то время, справедливости ради надо сказать, я был просто фантастически занят и дефицит времени у меня зашкаливал за все мыслимые пределы.

Как бы там ни было, но Васляй вырос, работал, и у него уже появилась девушка. Никто не заметил как, когда и при каких обстоятельствах они приглянулись друг другу, и почему вдруг сероглазая брюнетка-немочка, с которой он учился со второго класса вместе, и которая ров-

ным счетом никогда не попадала особо в поле его зрения, вдруг стала той, которая всех ближе и дороже.

Видимо, «индейское наследие» все-таки в нем сказалось, это проявилось в том, что их дружба как-то протекала совсем незаметно. Никто их особо нигде и никогда вместе не видел, тем не менее факт их особых отношений уже ни у кого не вызывал сомнения, хотя сам Васляй ни дома, ни друзьям ничего об этом не рассказывал. К слову сказать, и Маринка, так звали девушку, тоже не проявляла склонности к «обнародованию» их отношений. Короче говоря, в этом отношении они друг друга стоили.

Васляй работал и ждал, когда подойдет время службы в армии. К работе он относился очень серьезно и ответственно, в отношении трудовой дисциплины за него можно было быть абсолютно спокойным. Он сам вовремя вставал по утрам и никогда не опаздывал к началу рабочего дня, чем грешили многие его сослуживцы, если так можно выразиться. Однажды я, вернувшись с работы, а работал я в вечерней школе преподавателем, зачем-то заглянул в комнату, где спал Васляй. Видимо, услышав меня, он приподнял голову от подушки и спросонья спросил – что, уже утро? Я возьми и скажи - да, уже утро, чего ты спишь, ты же на работу опоздаешь. Надо было видеть, как он стремительно подскочил, побежал умываться, наскоро оделся и тут мы все, кто еще не спал, расхохотались. Он недоуменно глянул на нас, потом на часы, где стрелки показывали двенадцать ночи. Мы все хохотали...он, сообразил, что произошло, улыбнулся, пробормотал, что мы все дураки и ничего не понимаем в жизни, после чего спокойно отправился спать.

Подошло время службы в армии, Васляй уехал и только тогда, когда мы все прощались, на сцене, так сказать, тихо появилась сероглазая Марина. Потом она так

же тихо, незаметно и спокойно его ждала все два года. К слову сказать, в это время она училась у меня в вечерней школе, но ни словом, ни жестом никогда не проявила, что я имею к ней какое-то особое отношение.

Через год так получилось, что я вынужден был уехать далеко от тех мест, и дальнейшие дела васляйской жизни я узнавал только из подробных, обстоятельных и регулярных писем матери.

Вернувшись, из армии, наш герой прежде всего пошел работать в тот же цех своего завода. Второе, что он сделал - женился на Маринке. С остротой вставал извечный квартирный вопрос, но тут судьба немного улыбнулась молодоженам. В те годы в городе Братске открылся однотипный завод, и наш карагандинский шефствовал над его становлением. Для более быстрого продвижения дел руководство стало вербовать работников в карагандинского завода переехать в Братск, обещая работу и всяческие преференции и блага. Васляй и Маринка согласились и поехали. Им и правда сразу дали квартиру, все устроилось как нельзя лучше...

Так прошло много лет. Судьба не дала им детей... Они там что-то пытались делать, но все безуспешно. На нет и суда нет, они смирились и жизнь, как говорится, текла своим привычным чередом... В свободное время Васляй занимался охотой, рыбалкой и держал небольшую пасеку в тайге. Благо места было много, а судьба наделила его даром особого взаимоотношения с живой природой. Между Васляем и Мариной практически во всем царило единодушие и согласие, причем настолько, что они даже распоряжение денежными средствами на своих сберкнижках, куда перечислялась зарплата, спокойно доверяли друг другу.

Годы бежали, наши герои помаленьку старели. Рабо-

тали, ездили в отпуск то в Караганду, то еще куда, даже ко мне наш герой несколько раз приезжал.

Началась перестройка, страна забурлила, повеяли разные ветры и всевозможные брожения умов. Немцам разрешили уезжать в Германию. Начался великий процесс репатриации. Карагандинская родня Марины стала ее уговаривать уехать, тем более, что уже кое-кто из родни уехал и там устроился. Маринка стала уговаривать Васляя на переезд, но наш герой наотрез отказался покидать страну. Так между ними возникла трещина. Которую уже нельзя было заделать.

Прошло несколько месяцев. Все текло своим чередом, но тепла в семье уже не было. Как-то так однажды сложилось, что у Васляя накопилось несколько отгулов, и он взял себе что-то вроде мини отпуска и уехал в зимовье, в тайгу на неделю. Такое мероприятие он периодически практиковал, у начальства, как работник, он был на хорошем счету, так что ничего необычного в этом поступке не было. Необычное началось тогда, когда он вернулся. А вернулся он к пустой квартире, в которой ровным счетом, кроме голых стен, ничего не было. Услужливая соседка сообщила, что Маринка навсегда уехала в Караганду, все распродала и уже не вернется. Вскипела кровь у Васляя, кинулся он поехать вдогонку, в сбербанк прибегает за деньгами на билет, а на счету пять рублей. Все, что было там, беглянка сняла себе.

Вернулся Васляй в пустую квартиру ...что он там переживал, как все это переваривал – никому неизвестно, но треснуло у него что-то в душе, и стал он, как потом рассказывали люди, другим человеком, совсем нелюдимым. Замкнулся, ни с кем не контактил и общался только со своими собаками, сибирскими лайками, одну из которых звали Семеном, а другую Фёдором. Все время проводил

на работе и в тайге, либо на пасеке, либо в зимовье. Так продолжалось несколько лет, вплоть до его пятидесятилетия. Маринка вместе с родней благополучно уехала в Германию, и с тех пор никаких слухов и сведений о ней не было. Да Васляй ничего и не искал. Он ее отрезал в своей душе по живому раз и навсегда. Не говорил он мне этого, но так я думаю, зная его.

САГА О ВАСЛЯЕ. ВАСЛЯЙ, СЕМЕН, ФЁДОР И «БУРАН».

Вот так и случилось, что остался Васляй без самого своего верного, как казалось, друга. Теперь у него остались только Семен и Федор, шустрые и умные сибирские лайки. Так вот и жили много лет в полном затворничестве эти три существа... Верный природе Васляй и верные ему собаки. Герой наш продолжал работать, а все свободное время проводил в тайге. Там он чувствовал себя в душевном комфорте, там всё разговаривало с ним на понятном ему языке. В редкие наезды ко мне в гости в отпуск, Васляй рассказывал, как протекает его жизнь... особенно мне нравилось, как он говорил своих собаках. Пойду, говорит, днем на соболя, капканы проверяю. Следы отрабатываю, примечаю... Собаки со мной... наблюдаю за ними. Семен, тот старательный и дотошный. Все вынюхает, все четко заметит, ничего не пропустит, а Федор частенько любил, как говорится, иной раз посачковать... Я их не ругаю и ничего не говорю. Вечером вернемся в зимовье, приготовлю им еду и говорю: - так, Семен, ты сегодня хорошо работал, тебе и есть первому. А ты, Фёдор, лодырничал, поэтому доешь то, что тебе Семен оставит. Они меня с полуслова понимают... прищемится Федор, отой-

дет в уголок и ждет, пока его товарищ насытится, только после этого к кормушке подходит. Смотришь, на другой день он такой активный – куда тебе с добром...тогда уже его черед похвалу мою слушать и первым к кормушке идти. Вот так они у меня и соревновались друг с другом.

Наедятся они, прилягут на пол, я сижу, разговариваю с ними. В печурке дрова потрескивают. В землянке тепло, тишина, за окошком только сосны на морозе потрескивают, так незаметно и задремлю на табуретке, чую, сон уже забирает, ложусь на топчан и до утра.

Некоторое время спустя накопил Васляй денег и купил себе снегоход «Буран», чтобы легче было в тайге бродяжить. Страна уже всю катилась в пропасть, СССР развалился. Доживал последние дни и его завод. Хорошо, что как раз к этой поре у Васляя уже был наработан необходимый стаж на вредном производстве и он получил право на пенсию по достижению 50 летнего возраста. После выхода на пенсию он практически окончательно перебрался в тайгу, гонял на своем «Буране» промышлял белку, соболя, ну и все, что разрешалось...К слову сказать, никогда не браконьерил, и закона не нарушал. В один из морозных дней его настигла беда. Не заметил он на пути корягу лесную, снегом занесенную. Налетел своим снегоходом, упал и сломал ногу. Снегоход вышел из строя, и оказался наш герой в тайге, на морозе, со сломанной ногой. Хорошо, что перелом оказался закрытым, но тем не менее идти Васляй не мог. До ближайшей лесовозной трассы пять или шесть километров пути по глубочайшему снегу. Делать нечего, вспомнил Васляй про Маресьева, сказал магическое русское слово «хусим» и пополз, потому что понимал, если не поползет – верная смерть, а так есть шанс. Не буду говорить, как он полз и сколько времени, потому что сам он мне не рассказывал...Сказал толь-

ко, что к глубокой ночи выбрался на лесовозную трассу и там его подобрала. Васляй отморозил и руки, и ноги, и лицо, но степень отморожения везде была разная. Отвезли его в Братск в больницу. Вроде начал помаленьку отходить, но на левой ноге началась гангрена. Санавиацией отправили в Иркутск, где он провалялся два месяца в областной больнице. Ногу ему ампутировали, половину ступни. Послеоперационная рана продолжала гноиться, никак не заживала, но Васляя выписали и отправили долечиваться в Братск по месту жительства. Тамошние спецы ничем ему помочь не могли и Васляй впервые немного запаниковал. Собрал все деньжонки, какие были и поехал в Караганду. Оторвавшийся от реальной жизни человек не понимал, что ныне Казахстан – это чужая страна. Ни пенсии, ни какой другой социальной помощи ему, как гражданину России, никто не собирался оказывать, и он принял решение поехать в Волгоград к старшей сестре. У неё там имелся свой дом, и условия жизни были вполне подходящие, тем более, что сестра была ему рада. Казалось, все беды позади и осталось только залечить незаживающую рану. Однако жизнь рассудила по-своему. Его железный организм дал сбой, чему видимо немало способствовал надломленный недобрым поступком Марины дух. Месяца через полтора Васляй почувствовал себя плохо, ему вызвали скорую и положили в городскую больницу в коридор по причине отсутствия мест в палатах. Собирались лечить рану на ноге, но к утру Васляя уже не стало. Он тихо и незаметно умер в коридоре той злосчастной больнички, никому уже в этой жизни не нужный. Оказалось, что из-за этой раны у него началось заражение крови, присоединилась гнойная пневмония и все это сделало свое черное дело... Безусловно, болезнь его была серьезной, но не она, на мой взгляд была главной

причиной его смерти. Думаю, этой причиной было отсутствие желания жить на фоне того, что он волею судьбы был вырван из своей привычной среды обитания... Одинокий волк никогда не приживется вне природы... так и умер наш герой одиноким, подобно своему верному другу Липуньке.

НЕМНОГО О РОССИИ И РУССКОЙ ЖЕНЩИНЕ.

Когда я был очень маленький, я думал, что моя мама никогда не спит, что мамы – это такие все время работающие и никогда не лежащие спать люди. Я утром просыпался - мама уже хлопотала по дому, когда я, сморенный дневной бегом и играми, засыпал, она еще хлопотала по дому. Если я почему-то просыпался ночью, а такое случалось, когда я болел, мама не спала и была рядом, сидела на табуретке, поправляла мне одеяло, влажную тряпочку на лбу, если температурил, поила меня водой или чаем, давала какие-то порошки и микстуры, рассказывала сказки, напевала про серенького волчка. Когда я подрос, я понял, конечно, что мамы спят так же, как все люди, только спят они гораздо меньше остальных людей. Гораздо меньше.

Запад Россию не любит. Так было всегда, с незапамятных времен, так и сегодня. Я не историк, не буду вдаваться в научные исторические экскурсы, в документалистику, конкретные события и даты. Я попытаюсь объяснить причины этого взглядом со своей простой, житейской колокольни, опираясь на наблюдения, сопоставления и размышления. С незапамятных времен в Европе отношения между людьми строились, как мне кажется, с

индивидуалистических позиций. Там человек всегда и во всем заботился только о себе и до некоторой поры своих детей. О других он заботился только в той степени, чтобы не влезть, выражаясь простецким языком, в их жизнь. Выражение, мой дом – моя крепость отражало именно тот факт, что я не лезу ни к кому, не лезьте и вы ко мне. Я забочусь о себе вы – о себе. На этом и строилась вся тамошняя жизнь. Возможно, я чуток сгустил краски, где-то упростил, но канва европейской жизни была именно такова. Таков и сегодняшний менталитет европейцев и их потомков - американцев.

На Руси все было не так. Русские люди с тех же самых пор на первое место в своей жизни ставили общинные интересы, поэтому для нашего предка главным было не его семья, его дети (хотя и это не сбрасывалось со счетов) а благополучие общины, в которой он жил. Думаю, во многом это объяснялось суровыми природными условиями в местах проживания русичей. Всем известно, что и климат, и ландшафтные характеристики, и растительность наших мест весьма отличались от европейских условий, даже в те стародавние времена, и успешное выживание в этих условиях зачастую было просто невозможно без совместных действий людей.

Это первый фактор, который ставил европейца, попавшего на Русь, в тупик. Для его менталитета было странным, что наши люди были общинными и это его, европейца-индивидуала, настораживало и пугало. Второй фактор, который угнетающе действовал на жителя Европы – это наши пространства, природные условия, дремучие леса и могучие реки, размеры которых буквально парализовали страхом волю человека, не привыкшего к таким размахам жизненных пространств. У них там, в Европах, от Парижа до Берлина полтора дня на лошади,

а в России-матушке за два дня по ее лесным дорогам едва ли сорок километров проедешь. Третье, что буквально подавляло европейца - богатство территорий проживания русских. Здесь было все, о чем только тогда можно было мечтать, и было в таких количествах, которые заставляли кружиться головы жадных до богатств разных там немцев, французов или лживых англичан. Когда читаешь что-то об отношениях Англии и России, (и не только России, но и остального мира) то буквально поражаешься исключительной способности англичан к обману и лжи. Одно время я прямо даже считал слово Англия и слово ложь синонимами. В народе говорят, что нельзя верить цыгану, думаю, англичанину нужно верить еще меньше.

Получается, что иностранцы ничего не понимали в нашей жизни и стране. А все непонятное для человека всегда страшно. Поэтому они боялись и боятся нас до сих пор. Поэтому и не любят нас, ибо как можно любить то, чего боишься? К нынешним временам представления среднестатистических (а если говорить честно, то и не только их) европейцев о России и русских очень мало изменились, даже не смотря на налет цивилизованности, которой они так кичатся, заносчиво полагая, что они стоят неизмеримо выше нас в развитии и поэтому могут указывать нам, что демократично, что не демократично, что правильно, а что совсем не так.

Запад нас не любит. Не любит и боится. Для чего я это написал? - спросит читатель. Написал я этого для того, чтобы лучше пояснить свою мысль, о том, почему наш народ так разительно отличается от европейских народов, хотя исторически мы имеем где-то общего предка. Бесконечные нападения европейских стран на Россию с целью завоевания и присвоения ее богатств, привели не

только к отчуждению между европейцами и народами, населявшими нашу страну, но и к еще большему сплочению наших людей, что было необходимо для защиты от внешнего врага, и что значительно облегчалось наличием старинного фундамента общинных отношений, о которых я говорил выше. Вот это все и привело к созданию того загадочного русского характера, о котором до сих пор с оттенком какого-то чуть ли не мистического страха и восторга говорят европейцы и особенно, европейки, как я заметил из своего общения с представителями тамошних народов.

С тех пор так и кочует по Европе призрак непонятного русского, который живет в городах, где по улицами бродят медведи, который парится в ужасно жарких строениях, именуемых банями, а потом прыгает оттуда в снег (разве здравомыслящий человек такое делать будет?), который может сутками ходить по своим дремучим лесам и добывать там себе и пушнину, и золото, и самоцветы, и все, что только его душа пожелает. Для нас, русских, а здесь я этим именем называю всех, кто живет на территории нашей страны, на самом деле никакой загадки нет, и мы голову себе подобной чепухой не морочим.

Меня, однако, удивляет не факт нелюбви и страха Запада к нам, не загадочный русский характер. Меня удивляет, что есть в нашей стране феномен, который, как мне кажется, есть только у нас, и который почему-то до сих пор не замечен, а если кем-то и замечен, то не получил должной оценки. Вот именно это меня и удивляет – не замечен! Не могу сказать, намеренно, или нет. Я не социолог, терминов социологических не знаю, поэтому прошу меня простить за самовольство и некоторый авантюризм, если я введу термин феномен русской женщины.

Когда я чуток подрос, я, как говорил выше, по-

нял, что мамы все-таки спят. Но спят мало, меньше всех остальных людей. Спят мало, а работают много. Удивительно много. Работают столько, что становится иной раз непонятно, как может человек столько трудиться. Расходовать столько сил и физических, и душевных, и при этом оставаться в живых.

Мама работала всегда, мамы моих друзей, как я видел, тоже работали всегда. Они работали в колхозе, на очень тяжелых работах. Они работали у себя на огородах, чтобы хоть что-то вырастить, прожить на этом, и не умереть с голоду зимой. Пусть у читателя не кривятся недоверчиво губки. Это реально. Русская деревня сразу после войны жила просто фантастически тяжело и голодно. Буквально в нищете, на грани выживания. Так жили мы все: я, мои друзья, друзья моих друзей. Шикарной едой считалась полба. Полба – это каша, сваренная из зерен пшеницы без соли и на воде, потому что ни соли, ни молока в достатке не было. Далеко не каждая семья могла себе эту полбу варить часто. В большинстве случаев обходились щами из дикоросов, если стояло лето. Зимой, ближе к весне, жили вообще очень голодно. Мы, дети, как чуда ждали отела коровы, потому что на столе появлялось сначала вареное молозиво, а потом и молоко. Хлеб пекли из картошки пополам с отрубями. Был он черный и невероятно клейкий, его даже жевать было трудно. Мало, наверное, кто помнит, какой был вид русской деревни весной. Практически все дома, крытые, как известно, соломой, к весне оголялись, потому что солому с крыши скармливали домашнему скоту. И стояли эти дома до конца лета, до обмолота ржи и пшеницы, до новой соломы, наводя грусть и печаль своими жиденькими худыми стропилами...

Женщины работали всегда и везде. Нередкой была

картина, когда сельчанки впрягались в плуг по два-три человека, пахали свои огороды, потому что председатель колхоза не давал лошадь для вспашки, ибо лошади были заняты в хозяйстве колхоза. Меня спросят, а почему не мужчины впрягались? Отвечу, впрягались и мужчины. Те, которые вернулись с фронта, а вернулись далеко не все. В моем селе, довольно большом, было более, чем тысяча дворов, пять колхозов. Так вот, половина села были солдатки, так называли тех женщин, у которых мужья не вернулись с фронта. Эти солдатки и пахали на себе. У кого была корова, пахали на коровах, но это было рискованно: корова могла сдохнуть. Женщина, да простят меня за это слово, сдохнуть не могла. Не имела права. Она знала, что у нее дети, и она отвечает за них перед совестью. Общины, конечно, как таковой официально не было, но она была в менталитете народа. Была, я уверен в этом. Мало кто сегодня знает русское слово помочи. Когда, например, мой отец или кто-то другой затевал что-то крупное сделать, то собирались все, кто мог и был свободен, чтобы оказать помощь (вот она, община) Это и называлось помочи, видимо, от местного варианта слова помощь. Причем собирались сами, без дополнительной просьбы.

Помню, как убивалась в смертельном, неизбывном горе мать моего друга Вовки Солуянова, когда его отца, сельского кузнеца, вернувшегося недавно с войны, убил ударом в лоб копытом колхозный жеребец, которого почему-то небрежно привязали в станке, пытаясь подковать. А назавтра она встала в четыре утра и пошла на работу в поле. А вечером работала в своем огороде. Кормила детей, которых было трое, стирала, (прошу учесть, стиральных машин, порошков и даже мыла тогда не было, тогда стирали щелоком, сегодня мало кто знает, что это такое), варила, ухаживала за лежащей на печке пара-

лизованной матерью. И так каждый день. Из года в год. Каждая женщина. В каждой деревне, селе, хуторе на всем пространстве великой, величайшей и богатейшей в мире страны, народ которой веками жил в нищете.

Я был мал, но хорошо понимал все это, хотя бы потому, что и сам с малых лет бесконечно работал дома. И полол, и окучивал, и колол дрова, и носил воду, и поливал огород. Когда случалось и, как говорится, везло, занимался на лето подпаском в сельское стадо. Работа была это для мальчишки адская, но зато сытная. У нас был порядок, по которому пастухов и подпасков кормили по очереди утром и в обед хозяева тех коров, которых мы пасли, и нищие, полуголодные женщины, порой отрывая от себя и детишек, чтобы не ударить в грязь лицом перед соседкой, отдавали нам, пастухам, лучшие куски.

Вернемся к женщинам. Мне никогда не доводилось слышать от них жалоб, стенаний. Может, они и плакали ночью в подушку, но никто не видел их слез. Утром они вставали и шли. Вставали и шли, вставали и шли. Не смотря на такую страшно тяжелую жизнь, они никогда не падали духом, поддерживали друг друга в беде, коли такая случалась у кого, растили и воспитывали своих детей, любили оставшихся в живых мужей, обеспечивали жизнь стране, встающей из руин и развалин. Думаю, что подвиг этих простых женщин, этих людей изумительного мужества и стойкости, еще ждет своего художника, который сможет, сумеет описать все так, чтобы это стало ясно каждому из ныне живущих, дошло до сердца любого из нас. Лично я убежден, что наша страна вышла победительницей в этой жуткой бойне в наибольшей степени именно благодаря нашей женщине, русской женщине. Я не хочу обижать европейек, но пусть меня простят те, кого я называю еврофилами, я сильно сомневаюсь, что они,

взращенные на евроценностях индивидуализма, смогли бы выдержать такие испытания и остаться женщинами, прекрасными, красивыми и любимыми, как женщины России, наилучшие женщины в мире.

МАРЬЯ ГЕОРГИЕВНА.

Сам я уже лет пятьдесят, а то и побольше, как горожанин, но помню, что родом-то из села. По этой причине отношусь и к селу, и к его жителям по-особенному. Пусть меня простят горожане, люди в целом хорошие, но среди сельчан настоящих, целостных и колоритных фигур все-таки относительно больше, чем в городе. Город человека нивелирует, а в селе нет этого явления. У меня есть возможность постоянно общаться с селом, меня туда тянет по старой памяти, хотя это вовсе и не мое родное село. Там, в селе, я вижу больше той России, которую я познал в детстве, и которая сделала меня тем, кем я сегодня являюсь. Сельские жители мне роднее горожан. Я наблюдаю их, наблюдаю жизнь, которую они ведут, наблюдаю все, что их сопровождает и окружает.

Уже давно испытываю желание выразить на бумаге свое отношение к ним, пусть незамысловатое, краткое, не претендующее на исчерпывающее исследование. Да я такой цели и не ставлю. Это будут короткие рассказы, штрих-портреты реальных людей, большинство из которых уже ушли в мир иной. Предлагаю их вашему вниманию.

Марья Георгиевна.

Дом Марьи Георгиевны в селе самый последний. Дальше дороги нет, дальше только болота, мелкоколесная поросль, осинник, дубняк, травостой.

Стоит почти у самого берега реки. Перед домом - три могучие березы и скамейка возле палисадника. Берег напротив дома в идеальной чистоте, ни соринки, ни палочки, одна речная галька. В палисаднике и во дворе тоже идеальный порядок. На огороде вообще придраться не к чему, такого огорода в селе нет ни у кого. Абсолютно ровные грядочки, до последней травинки выполотые борозды посадок картофеля, все аккуратно подвязано.

Когда бы ни приехал, в доме чисто, уютно и по-особому тепло, хоть летом, хоть зимой. Всегда чем-то вкусно пахнет, Крашенные деревянные полы покрыты чистыми домоткаными половичками, кровати застланы на старинный манер, с подзорами. Простой стол, деревянные строганные лавки, старинный резной буфет работы безвестного местного мастера - вот вся немудрящая обстановка внутри. В углу с недавних пор появился простенький телевизор, накрытый какой-то накидочкой.

Сама Марья Георгиевна всегда с покрытой платком головой, в старомодном, длинного покроя платье и фартуке-переднике. Фартук всегда держит левой рукой за нижний край приподнятым. Правой рукой складывает в него то траву, то щепочку, то веточку от дерева, короче все, что увидит ее хозяйский взгляд. Ни разу не застал ее праздно сидящей, она всегда работает. Не знаю, почему, но ко мне она относится очень тепло и приветливо. Когда приезжаю в село по делам или на рыбалку, чаще всего останавливаюсь у нее.

Лицо у Марьи Георгиевны самое обычное, как у миллионов простых деревенских женщин. У нее до сих пор красивые вьющиеся волосы. Ей далеко за семьдесят, почти уже восемьдесят, но она подвижная, легкая на ногу, слегка сгорблена от многолетней работы на огороде. Словоохотливая, нрава добродушного, но немного скеп-

тического, особенно что касается сельских лодырей. Не прочь выпить. Я знаю ее эту особенность, и всегда везу с собой флакончик водки. Едва я останавливаю машину возле скамейки у берез, как Марья Георгиевна зазывает меня в дом, приговаривая при этом своим характерным говорком, что гостя за порогом держать не след, не там ему, дескать, место. Быстро, но без суеты на столе появляется всевозможная снедь и обязательная тарелка вкусной, свежесваренной ухи - непременно и коронного ее блюда. Она сама запросто рыбачит и зимой, и летом. Без рыбы не сидит, благо река под носом. Тут же и стаканчики маленькие граненые появляются - знает, что я привез. Когда все готово, садится за стол сама и приглашает меня. Присаживаюсь, отвинчиваю пробку, разливаю. Чокаемся, произносим приличествующие случаю слова, и с аппетитом уничтожаем вкуснятину. Немного погодя, наливаем по второй. Выпиваем, кушаем уже не торопясь, обстоятельно. На этом пьянство заканчивается. Марья Георгиевна всегда после второй говорит: ты мне оставь бутылочку-то, я завтра с утра рюмочку выпью, после нее так хорошо работается.

После обеда, если погода позволяет, мы всегда выходим с ней посидеть на скамеечке. Беседуем, потом как-то всегда получается, что разговор наш сводится к русской песне. Петь Марья Георгиевна мастерица, голос у нее высокий, поет она на деревенский манер, распевно, протяжно, на завышенных тонах. Я всегда ей подпеваю вторым голосом. Получается у нас, видимо, неплохо, потому что китайцы, день и ночь плавающие в своих джонках по реке, вылавливая рыбу, помаленьку подтягиваются поближе к нам, их лодки кучкуются, движки они глушат. Молча сидят и слушают. А мы поем. То скакал казак через долину, то про тонкую рябину, то по Дону гуляет. Песня

лется за песней. Наконец, притомившись, мы идем пить чай. Марья Георгиевна начинает после этого хлопотать по делам, я иду на речку, раскидываю снасти. Утром просыпаюсь в пять часов, хозяйка уже в огороде. На столе стоит что-нибудь поесть для меня, накрытое чистой белой накидочкой. Выхожу, поев, во двор, подхожу к моей хозяйке, справляюсь, не нужно ли что помочь. Чаще говорит, что не нужно. Иногда просит поколоть дровишек. Беру колун, принимаюсь за дело. Минут через тридцать иду проверять закидушки, тащу улов домой. Жарим рыбу, обстоятельно завтракаем и - каждый по своему плану.

Уезжая в город, прощаясь, я всегда думаю о том, что не смотря на тяжелую жизнь, не смотря на то, что в тридцать седьмом, оставшись без мужа, арестованного по навету, и безвестно сгинувшего в магаданских лагерях, с пятью детьми, она сумела их поднять, Несмотря на то, что ничего доброго и счастливого в жизни почти не видела, моя старенькая подруга осталась доброй, душевной, чистой в помыслах и делах обычной русской женщиной, женщиной, которую не сломала, не озлобила жизнь, и не может уже сломать ничто.

ТОЛЯН.

Толян - здоровенный мужик лет около пятидесяти. Фигура его нескладна, руки длинные, до колен, ладони, как лопаты, обувь носит сорок последнего размера, голова не пропорционально размерам тела мала. Трезвым бывает крайне редко, в основном только по утрам. Путем-добром нигде не работает, на что живет, и где добывает деньги на спиртное - одному богу известно. Жена его давным-давно оставила, и уехала жить в соседнее село

километров за 30. Есть у него дочка, тихая, очень добрая и спокойная девочка лет десяти-двенадцати со светлыми волосами и милыми конопущечками. Она живет с матерью, но часто приезжает навестить непутевого отца.

Если отец относительно трезв, они вместе рыбачат на речке. Наташа, так зовут девочку, рыбачка ловкая и везучая. Отец же ее, пока трезв, молчалив, а как кондицию наберет, становится шумливый, многословный, громко-голосый. Речь его скандированная, отрывистая, бывает и агрессию проявляет. Народ с ним не связывается, дочка его успокаивает, если он где начинает скандалить, и уводит от греха подальше. Дочку он слушается.

Я с ним в контакт практически не вступаю. Иногда только слушаю его пьяные речи о том, что он рыбный король здешних краев, и что его дедушка пришел сюда ровно сто лет тому назад. Других речей я от него не слышал.

Так бы он и пришел нераспознанным мимо глаз моих, если бы не случай. Приехал я как-то со своим приятелем на рыбалку зимой, а мой Гаврилыч меня, как говорится, подвел - уехал в райцентр, у Марьи Георгиевны был полон дом гостей, пришлось на ночлег проситься к Толяну - единственному холостому мужику в селе на данный момент, у которого была изба. Собственно, изба была его брата старшего, но тот был в отъезде на заработках, и Толян хозяйствовал, топил избу, чтобы не заморозить урожай в подполье, ну и все такое - живность, скотина, и так далее.

Когда мы к нему зашли, было уже порядком темно. В доме тепло, На удивление хозяин был трезв, принял нас не особо радушно, но и без неприязни, нормально, по-мужски, без «кудахтанья и рассусоливаний», которые так любят женщины в подобных случаях. Мы расположились, разделись, собрались поужинать, Быстренько спро-

ворили на стол. Толян метнулся в погребок за огурчиками и грибами, проявив несвойственную ему резвость, почуввав, видимо, что мы не пустые по части его любимого зелья. Так оно и было, была у нас с собой бутылка рисовой вьетнамской водки. Короче, начался ужин, потекла беседа. О чем говорить? - конечно, о рыбалке, о снастях. И тут моего Толяна словно подменили: передо мной сидел впечатляющий мужик, с горящими глазами, который ласково, нежно и очень толково рассказывал о каждой блёсенке, которую нам показывал. Крохотные блесны в его огромных ручищах ловко поворачивались нужной стороной и статью, когда он объяснял, как блесна играет в воде, как ее лучше дергать махалкой (вид удочки, чтобы рыба не оставляла эту блесну без внимания. Короче, за вечер мы с приятелем, оказалось, прошли полный курс ловли рыбы зимой на блесну. Нам рассказали великое множество секретов и особенностей подледной рыбалки в зависимости от погоды, времени суток, месяце, стоящем на дворе. Причем рассказали так, что даже мой приятель, человек не очень склонный к выражению удивления, был поражен и восхищен, причем весьма существенно. То же самое испытывал и я, и Толян для меня открылся как романтик, как человек с открытой природе душой, душой доброй и в чем-то бесконечно одинокой. Честно говоря, я даже огорчился тому, что был так невнимателен и равнодушен к этому человеку прежде.

В итоге всего мы договорились, что приедем на следующей неделе к нему и вместе пойдем на рыбалку, где он уже на практике еще и еще раз покажет и объяснит, что к чему в этой, казалось бы на первый взгляд немудреной науке.

Однако, нашим планам не суждено было сбыться. Перед самой пятницей, вечером которой мы договори-

лись встретиться, поехал наш герой в соседнее село в магазин, да там и запил горькую. Опоздал на автобус, пошел проситься ночевать к приятелю, да только жена того приятеля Толяна в дом не пустила, а отправила спать в баню. Ночью стало ему плохо, и как потом установило вскрытие, скончался он в пять утра от кровоизлияния в мозг. Так незаметно ушел из жизни наш Толян, у которого была, оказывается, чуткая душа человека природы, которую никто не понял, и который в силу каких-то неизвестных нам причин сбился, как говорят, с пути и ушел на пьяную тропу, что сегодня, увы, слишком часто встречается в нашей жизни. Говорят, что если есть явление, есть и причина, да кто ж их эти причины знает?

Похоронили Толяна на сельском кладбище, на отшибе от всех, как всегда он просил, будучи еще живым. Сегодня нет ни кладбища уже, ни могилки этого неизвестного миру поэта рыбной ловли - все унесла река в страшное наводнение тринадцатого года.

ФЕДЯ.

Федя - мужичок возрастом далеко за пятьдесят, но как далеко - определить не получается ни у кого. Ростом чуть больше, чем метр с кепкой, высохший, как стручок красного перца, провисевший не один год на солнышке и ветру. Лицо круглое, малюсенькое и все в неисчислимых морщинках. В любое время года Федя ходит в огромных, не по размеру, валенках, на которые надеты калоши, на голове - потрясающая шапка-ушанка, супротив которой даже издававшие виды ушанки выглядят молоденькими девочками в сравнении с дряхлыми старушками. Зимой на нем ватные штаны образца позапрошлого века и пу-

ленепробиваемый от заскорузлости полушубок эпохи царя Гороха; летом Федя облачен в холщовые штаны, и длинный, явно с чьего-то чужого плеча выдавший виды пиджачок, который придает ему облик человека во фраке из-за того, что спереди полы пиджака чаще всего заправлены под ремень штанов, а спинка свисает, почти как у дирижера, до земли.

Независимо от времени суток, наш герой пребывает всегда в отменно ровном и веселом настроении, говорлив, охотно вступает в контакт, ко всем приветлив и радушен. Точнее, почти ко всем. Не любит он только дальнюю, аж через два дома, соседку Верку. Раньше они были в хороших отношениях, а потом меж ними пробежала кошка. Отчего да как это случилось, не знает никто, я тоже не знаю. Однако есть у меня на этот счет подозрения. В прежнее время Федя нет-нет, да и заглядывал в рюмочку, а Верка - та вообще была большой любительницей дурной веселящей воды, как говорят наши земляки-нанайцы, и они, бывалоча, сиживали вечерами за бутылочкой, вспоминая дни минувшие. Однако, как-то под Новый год, Федя очень сильно простудился, шибко занедужил, болел долго и тяжело, а выкарабкавшись на свет божий, перестал спиртное даже на дух переносить, и до самой смерти лет пять-шесть ни грамма вообще водки не пил. Верка, бывало, по старой памяти заглядывала к нему на огонек в надежде на приятные минутки за рюмочкой, но Федя был тверд, как партизан на допросе, и не поддался на ее уговоры. Думаю, что они просто поссорились на этой почве при очередной Веркиной попытке склонить Федю на старую дорожку. Впрочем, это только мои домыслы, доказательств правоты моей досужей гипотезы у меня не было и нет.

Уже лет семь или восемь Федя живет один в боль-

шом старинном казацком доме. С тех самых пор, как померла его мать, баба Фрося, как все звали ее в деревне. К слову сказать, и обликом, и фигурой, и размерами они были абсолютно одинаковы, вся только разница, что баба Фрося была опрятна и одевалась, как женщина, а так - даже лица у них были практически одинаковые.

При доме огромный, в 30 с лишним соток огород, баня, хозяйские дворовые постройки, но Федя ничем не занимается. Во дворе - уныние и запустение. Огород отдал знакомому мужику, который обеспечивает нашего героя всем необходимым в качестве арендной платы, поэтому у Феди зимой есть и картофель, и огурцы и все остальные продукты незамысловатого деревенского хозяйственного земледелия. К слову сказать, консервирует все эти штуки Федя самолично, и это пожалуй, почти единственная деятельность, которой он занимается. Еще он время от времени топит баню, колет дрова, топит дома печку и ездит в соседнее село за «пенсией» и в магазин, отовариться на месяц. Иногда он немного рыбачит на удочку и подкармливает синявками и карасиками свою кошку Янку.

В описываемые времена деревня вступила в последнюю фазу умирания. Большинство жителей старшего поколения, дожив положенный срок, убыло в лучший мир, дети их, став уже тоже взрослыми или даже пожилыми, разъехались по белу свету. Дома осиротели, смотрели на мир подслеповатыми грязными окнами. Некоторые из них разбирали и увозили в соседние села дети прежних хозяев, другие были куплены приезжими людьми для ведения дачного хозяйства и общения с природой. Купил такой дом и я, аккурат в соседях с Федей. Раньше этот дом уже фигурировал в моих рассказах, я в нем встречался с рыбаком-романтиком Толяном. С этой поры я стал бывать в селе еще чаще, практически каждую неделю жил

там по два-три дня. Обычно это были пятница, суббота и воскресенье. Поэтому и встречи мои с Федей стали регулярными - хочешь - не хочешь, а сосед и никуда не денешься.

Приезжая в село, я обычно каждому из оставшихся жителей привозил какой-нибудь пустячный презент. Кому булку городского хлеба, кому батон, кому олюторскую селедочку. Не забывал при этом и Федю, естественно. Едва я останавливал машину перед воротами своей усадьбы, как в поле зрения появлялся мой герой. Картинно раскинув руки в сторону и приплясывая, он шутиливо запевал песенку «Выйду на улицу»... мы здоровались, я передавал ему подарочек. Перекидывались парой слов, пока я открывал ворота и загонял автомобиль во двор, после чего присаживались на скамеечку. Федя обстоятельно докладывал мне все деревенские новости, не забывая попутно вплести и несколько фраз о новостях мировой политики. Через пять-семь минут он уходил и, как обычно, спрашивал: Львович, баньку-то топить? Топи, говорю, Федя, топи, я внука привез, парить буду. Внуку тогда было чуток более четырех лет, но я его уже приучил к бане, и он понимал толк в паре не хуже бывалых мужиков. Федя уходил к себе, а я принимался за повседневные хозяйские дела. Тогда у меня еще своей баньки не было, и я при любой возможности с удовольствием парился в баньке своего соседа.

Ближе к вечеру сосед мой кричал из-за забора, что банька истоплена и можно идти париться. Мы с Дениской заканчивали дела, собирались, и важно и степенно шагали мыться. После бани Федя всегда зазывал нас попить чайку. Сам он пил чай неимоверной крепости, я ему охотно составлял компанию, а Дениске мы делали что-то подходящее по возрасту.

Во время чаепития Федя обычно рассказывал разные истории из своей жизни, где он бывал, кем работал, какие люди встречались ему на жизненном пути. Чуть было не забыл рассказать об одной важной черте его характера. Село, как уже знает читатель, стояло на берегу большой и рыбной реки, сюда ездило большое количество разного городского люда. Многие из них были постоянными гостями, хорошо знали Федю и так же, как и я, привозили ему разные гостинцы: печенье, конфеты, еще какие-то продукты и так далее. Так вот, Федя почти никогда ничего не съедал сам. Он угощал конфетами детишек, которые с ним охотно общались. Если ему привозили водку, то он угощал ей сельских мужичков, поскольку сам давно уже ее не употреблял. Моего внука он вообще любил очень и припасал для него всегда самые лакомые подарочки, легко догадаться, что Дениска тоже любил ходить к нему в гости. Полушутя-полусерьезно они считали себя друзьями, подчеркивая это при каждом удобном случае.

В последние годы, когда число так называемых дачников стало гораздо больше, нежели число коренных жителей, в селе сложилась традиция. По окончании сезона на берегу устраивался праздник. Люди собирались на берегу реки, разводили костер, приносили нехитрую закуску и выпивку. Шутили, смеялись, пели, разговоры житейские заводили. Посиделки затягивались до глубокой ночи: река, ночное небо, костер, душевные разговоры - все это создавало атмосферу обаяния, душевности и какого-то особого уюта, от которого становилось тепло на сердце, и совсем не хотелось идти домой.

В один из таких праздников мой Федя раскрылся совсем с неожиданной стороны. Если в будние дни он всегда, как я уже говорил, был весел и благодушно настроен, то на праздниках он обычно сидел где-нибудь молча на

бревнышке и слушал, что народ глаголит. В этот же раз, когда празднество пошло на спад, сосед мой вдруг попросил у гармониста его двухрядку. Присел на бревнышко, развел мехи, пробежался пальцами по клавиатуре, заиграл какую-то мелодию и вдруг запел. Голосок у него оказался слабенький, высокий, типа тенорка с хрипотцой, но довольно приятный на слух. До этого никто никогда его с гармошкой, да еще поющего, не видел. Народ притих, все стали слушать Федю. А он распелся, пел одну за другой какие-то незнакомые мне песни, по характеру напоминающие лагерный шансон. И слова-то у этих песен были самые простые и немудреные, но как-то по-особу вплетались в канву музыки и народ совсем затих, очарованный немудрящей прелестью простецких песенок, в которых переплетались и удаль, и веселье, и так характерная для многих народных песен тоска по хорошей счастливой жизни. Вот так он и играл минут, наверное, тридцать, потом сдвинул гармошку, вернул ее хозяину, встал и, прихватив свою кружку с чаем, попрощался со всеми и пошел. Люди еще минут двадцать сидели у костра, обсуждая неожиданное открытие Фединогo таланта, потом постепенно стали расходиться по домам.

После закрытия сезона дачники уже практически на свои участки не ездили, село пустело, и на зиму в нем оставалось всего четыре, иногда пять человек, среди них и Федя. В том году, когда сосед мой неожиданно запел на празднике, зима была холодная и снежная, за всю зиму я в деревню выбрался всего пару раз. В третий раз мне удалось поехать туда только в самом начале апреля. Помню, день этот был хмурый, ветреный и какой-то неуютный. Едва я успел подъехать к своим воротам, как увидел идущую со стороны Фединогo дома Верку. Вид у нее был какой-то печальный и на удивление, трезвый. Я вышел из

машины, поздоровался с ней, откуда, говорю и куда путь держишь? Да вот, от Феди иду. Что, говорю, помирились за зиму-то? Нет, отвечает, не успели, не помирились. Что-то меня в этом ответе насторожило, спрашиваю, а где тогда была, если не у него?(за домом Феди больше никто в селе не жил зимой, и дорогу там напрочь заметало, ходить было некуда)

- А у него и была, да не у него, а дом, печку топила, чтобы картошка не замерзла...А Федя где? - а нету больше Феди, хоронят его сегодня в Киинске (другое село, где Федин брат жил)

- Как, говорю, хоронят, что случилось?

- Сама, говорит, не знаю. Смотрю три дня назад - у Феди из трубы дыма нет. День смотрю - нет, второй смотрю - нет. Пошла узнать, не захворал ли, захожу, в избе холод, и он на кровати мертвый лежит. Ну, сообщила родне, приехали, увезли. Вот и все дела. Меня попросили за домом присмотреть, пока суть да хлопоты по похоронам.

Вот так тихо и незаметно ушел из жизни еще один, почти последний коренной житель села. Сказывали потом, что якобы сердечная недостаточность была причиной смерти. Но меня сомнение берет потому, как никогда он на сердце не жаловался. Ну да, бог его разберет, нынче у нас в девяноста процентах заключений о причине смерти именно этот диагноз фигурирует. И создалось у меня еще впечатление, что искренно огорчились его смерти только два человека - я, да внук мой Дениска, который даже заплакал, услышав от меня эту печальную весть. У маленьких души отзывчивее.

ГАВРИЛЫЧ.

Дмитрий Гаврилович - мужичок не шибко крупный, но впечатление маленького тоже не производит. Лицо круглое, улыбчивое, глаза васильково-голубые. Обликом и манерой поведения он напоминает мне бравого солдата Швейка в иллюстрациях Йозефа Лады. Дом у него знатный - большой рубленый пятистенник, стоящий перпендикулярно улице. В селе мало кто помнит, что у него есть имя Дмитрий, все его зовут Гаврилычем. Жена у него давным-давно померла по причине какой-то болезни, жил он бобылем, изредка к нему навещался сын. Гаврилыч - мужик хозяйственный, смекалистый и с руками, особенно по технической части. Я и познакомился-то с ним в самом начале 70-х по причине того, что увидел автомобиль самодельной конструкции, автором и создателем которого был мой герой. Была в хозяйстве Гаврилыча и другая «самопальная», как говорят в тех местах, техника: тракторчик махонький, плуги-сеялки-веялки разные, тележки и прочие механизмы, облегчающие сельский труд; огород у него большой, соток 60, не меньше, ему без техники никак нельзя.

В общении мой герой приятный, вежливый, практически никогда не употребляет бранных слов, несмотря на то, что в деревне мат употребляют практически все. Всегда спокоен, чуток улыбается, и на первый взгляд - рубаха парень. Но это далеко не так. Попробуйте к нему прийти и попросить какой-нибудь инструмент. Он даст, вроде как с ленцой, чуток вальяжно, кажется и с той же своей обычной улыбочкой, но весь его облик будет при этом таким, что ты уже больше никогда к нему с подобной просьбой не придешь. Позже, узнав его получше, я понял, что он презирал мужиков, у которых руки росли из известно-

го места, и которые сами ничего не имели и не умели по причине большой дружбы с водочкой.

Сам Гаврилыч водочку не игнорировал. Был не прочь выпить после баньки, или в компании таких, как я приезжих мужичков-рыбаков. Однако, меру знал и пьяным его никто никогда не видел. Словоохотлив, речь плавная, несколько с претензией на литературность. Частенько к месту и не к месту вставлял свое коронное «что характерно». К примеру, скажу я что-нибудь по текущим событиям в мире, сидя вечером после зимней рыбалки у него за столом, он выслушает, а потом скажет: «вроде ты, Георгий, все правильно говоришь, однако же я туточки выставлю тебе афронт...дела эти, что характерно, понимать нужно так, что в данном случае Америка, что характерно, никак не хочет замириться с Советским союзом и по такой причине завсегда у нас с ёй будет конфронтация, а другой раз, и ажитация всенепременная.» Вот и понимай, что он этим сказал. Историй занимательных Гаврилыч знал великое множество, рассказывал их с большим удовольствием. Частенько мы засиживались, слушая все эти житейские перипетии, далеко за полночь. При всем при этом сам он был скромный, о себе почти ничего не говорил, и я с удивлением узнал совсем незадолго до его смерти, что он воевал на фронте в одной батарее с Солженицыным, который до своего ареста был командиром его батареи. Когда он об этом как-то случайно обмолвился, я начал его расспрашивать подробности о том, каков был в жизни Солженицын. Гаврилыч как-то весьма сухо и совсем скупое его охарактеризовал, и увел разговор в другую сторону. Слов его уже точно не помню, но смысл их свелся к тому, что был Солженицын человеком сам в себе и по себе, с людьми сух и весьма необщителен. Держал начальническую дистанцию, и свой офицерский паек с

батареей не делил. Короче, люди его вроде бы и уважали, но не любили, и был он на отшибе в коллективе. Разговор о Солженицыне заходил еще пару раз, и как-то Гаврилыч даже рассказал, как происходил арест писателя. Опять было видно, что ему эта тема чем-то не особо приятна, и мы больше его не тревожили по этой части. К слову сказать, герой мой пережил своего фронтового командира года на полтора.

Общаясь с ним, я узнал великое множество подробностей жизни страны в военное время, поведано было столько жизненных историй, в которых во всем своем удивительном многообразии видна была жизнь народа нашей страны в его основе, в самых глубинах низового ее слоя, если так можно выразиться применительно к обществу.

БУМЕРАНГ.

Серафим Стольников помирал. Он только что понял со всей отчётливостью: он, Серафим Стольников, помирает в своем зимовье. В голове немного прояснилось, мысли немного устаканились, и он вспомнил, что лежит здесь давно, уж точно несколько дней. Лежит один, больной, беспомощный, и никому не нужный. В целом мире нет ни единой души, которая хотя бы немного встрепенулась, вспомнив о нем...если только Танькина. Да и то, где та Танька? И нужен ли он ей?

Серафим с трудом повернул глаза, пытаясь осмотреться. Да, это его зимовье, точнее его, и закадычного корифана Генки Завалишина. Они вдвоем больше десятка лет тому назад стогношили его в укромной рёлочке на Марьиной пади для своих браконьерских надобностей.

Генка, кореш его и погодок, давно уже служил в местном заповеднике егерем. Огромный заповедник, глухой, людей совсем нет почти, а угожья богатые, вот и пользовались они время от времени всем тем, что произрастало и проживало в этих глухих и бескрайних угожьях, а чтобы удобнее было скрывать следы своих темных дел, и сотворили они эту уютную земляночку. Замаскировали ее так, что пройди в ста метрах, и не заметишь ничего.

Серафим, сообразив, где находится, стал вспоминать, как он сюда попал. В голове гудело и шумело, мысли путались, переплетались, перескакивали с одной на другую. То лагерь, то сетевой балаган его, то дом родной - все мелькало перед глазами то в серо-белых цветах, то в красках непонятно какого колёру-коленкору.

Серафим попытался пошевелиться - острая боль резанула по всему телу, огнем полыхнуло в правой ноге, сознание от боли померкло. Очнулся через некоторое время, боль еще напоминала о себе весьма явно. Вспомнилось: он же ногу сломал на мари, на кочкарнике, когда шел сюда, в зимовье, чтобы отдохнуть, переночевать, добраться на другой день до Генкиного кордона, и там обмозговать сложившуюся ситуацию.

А ситуация у него, Серафима, складывалась прямо сказать, хреноватая, если не сказать хуже. Вышел он из лагеря, отсидев положенное, справку об освобождении получил, добрался почти до родного дома, но пограничники его в село не пустили. Не положено без паспорта и пропуска людей в погранполосу, на последние метры земли российской, пускать, не положено - так втолковал ему ефрейтор на шлагбауме. Еще он сказал, чтобы Серафим ехал в райцентр, в паспортный стол, хлопотал о паспорте и остальных документах. Говорить то он говорил, да только не знала его пустая военная башка, что ехать в

райцентр Серафиму было некуда, не к кому голову преклонить, негде ночлега найти. Пытался ему Серафим это толковать, да куда там - не положено, и дуй на все четыре стороны, пока тебя на задержали и протокол не составили.

Шибко психанул Серафим тогда, стгоряча хотел было обмануть погранцов, и пробраться в село в обход пропускного пункта. Знал он одно местечко, где можно было бы преодолеть инженерную систему так, чтобы система не сработала, и направил было стопы свои туда, но по дороге поостыл, понял, что в деревне его моментом вычислят, и уж тогда можно будет точно по новой в лагерь загреметь. Эти зеленопогонники такие, от них не откупишься, язви их в душу тудыттвоюмать.

Охолонув от злости, решил Серафим податься к Генке, корифану своему единственному и закадычному, прямиком на кордон. Далековато, оно конечно было, да и время уже клонилось за полночь, поэтому решил он махнуть прямиком через мари к зимовью своему, там переночевать, отдохнуть, а уж поутру направить стопы на кордон. В вещмешке-сидоре валялась у него краюха хлеба, небольшой шматок сала, пара огурцов, и кусок колбасы - с голоду не помрешь. Выбрал Серафим на обочине дороги в лесопосадке березку подходящую, срезал ее ножиком, остругал малость - получился добрый длинный посох, без которого путь по кочкарнику невозможен, постоял минутку, встряхнулся, поправил сидор за плечами, и двинул в путь-дорогу.

Тяжелое это дело, скажу я вам, идти по мари, по кочкам. Скорость движения бывает, порой, не больше километра в час, а то и того меньше. То там вода, то там бочага, обходить надо, осмотреться, выбирая ту кочку, куда следующий шаг направить - кто не ходил никогда такими

дорогами, тот счастливый человек, доложу я вам. Наш герой - человек бывалый, и марью этой ходил не раз, поэтому шел не торопясь, обстоятельно. Так прошло часа два-три.

Притомился Серафим, решил передохнуть малость, выбрал кочку посуше, да побольше, присел, переобулся, дал ногам на воздухе освежиться. До зимовья оставалось уже недалеко, даже рёлка заветная виднелась, и тут, то ли от усталости (ноги с непривычки уже дрожали) то ли от переоценки своих возможностей, и допустил Серафим свою роковую промашку. На пути увидел он какую-то корягу, довольно большую, а перед ней была небольшая бочажинка, вот и решил Серафим ее перепрыгнуть, да вместо прыжка нога предательски с кочки по мокрой траве соскочила, провалилась вглубь, голень аккуратно на кочку попала, и услышал он хруст кости, ощутил боль острую. Вдобавок, на коряге той, сук был острый, бедро правой ноги напоролось на него точно и аккуратно. По горячке, заматерившись, и еще не осознав, что случилось, дернулся он было, да и осел тут же. С сучка бедро соскочило, кровь ручьем хлынула в черную болотную воду, а голень беспомощно согнулась в месте перелома, отчего боль огнем полоснула по всему телу, и на какой-то миг Серафим потерял сознание.

Очнувшись, понял он всю незавидность своей ситуации и принял решение ползком добираться до избышки - иного пути не было. Там можно было отлежаться, и что-то придумать, как, каким макаром добираться до Генки. Сполз с коряги, пошарил руками вокруг, чтобы подобрать свой посох, но увидел, что далеко до него, отлетел он, когда Серафим, падая, инстинктивно его выпустил, пытаясь упасть на руку. Плюнул с досады, потом решил, что не нужен посох теперь ему, только обуза лишняя бу-

дет, и пополз. Каждый метр давался ему с огромным трудом. Каждое движение сопровождалось огненной болью, рана на бедре была довольно большая, кровь не останавливалась, и тянулся за Серафимом кровавый след. Через каждые два-три метра ложился он отдыхать. Очень скоро во рту все высохло, мучила жажда.

Преодолев безгливость, начал пить черную воду из болота. Становилось легче - Серафим полз. Заплечный мешок намок, все там, видимо, превратилось в кашу, поэтому Серафим его скинул. Сил оставалось все меньше. Радовало одно: землянка приближалась. Несколько раз впадал он в забытие, что-то ему мерещилось, мелькали обрывки мыслей и видения из прошлой жизни. Очнувшись, продолжал ползти. Наконец, уже почти затемно, дополз до землянки, толкнул дверь, вполз вовнутрь, хотел было забраться на топчан, но сил не хватило, так и остался, наполовину на топчане, ногами на полу.

Сколько он в этом положении пролежал, Серафим не помнил. Когда очнулся, было темно. В землянке стояла тишина, даже комары не гудели - видимо, все уже напились досыта его крови, и висели на потолке, или еще где, почему-то подумалось Серафиму; хорошо, что он как-то по привычке, автоматически, закрыл дверь, и новых не добавлялось: оставь он дверь открытой - вряд ли бы очнулся - всего бы выпили - опять подумалось Серафиму. Мучительно хотелось пить. Язык распух, и не помещался во рту. Начинался жар, в голове все кружилось, путалось. Ощупав место, где лежал, руками, Серафим сориентировался, и из последних сил перекатил тело полностью на лежанку. Стало удобнее, но боль в ноге опять отключила ему сознание. Так и лежал он, то впадая в забытие, то приходя в себя. Потом, как ему помнилось сейчас, он как бы не впал в забытие, а заснул. Сколько спал или лежал без

сознания, опять не понял, но когда очнулся в очередной раз, в оконце заглядывало небо, снаружи был день.

Осторожно, стараясь не шевелиться, Серафим осмотрел себя - картина безрадостная. Весь в высохшей болотной грязи, одежда скукожилась коркой, тужурка жестким воротником терзала шею. Хотелось есть. Серафим вспомнил о сидоре, пожалел, что выкинул его, но близок локоток, да не укусишь.

Правая нога распухла, горела огнем, но боль как-то немного притупилась. Попытался чуток приподняться, ощупать ногу - кинжальная боль пронзила все тело, в мозгу что-то вспыхнуло, и Серафим в очередной раз провалился в черную пропасть.

Сколько так продолжалось, Серафим сказать не мог. Сейчас вот, придя в сознание, вынырнув из очередного провала, он и понял, что время жизни его сочтено, никто сюда не придет, сам он выбраться отсюда не в силах, и если полезет куда-то, то подохнет еще быстрее, чем останется здесь лежать - такие вот невесёлые мысли бродили в голове нашего героя.

Мучительно хотелось пить, мучительно хотелось есть. Нога горела, жар полыхал во всем теле, голова время от времени наполнялась какой-то волной, и все плыло как в тумане. Вот Серафим вспомнил вдруг, как за его отцом, местным попом, приехали на катере чекисты. Хмурые, неразговорчивые, они быстро и привычно-сноровисто провели обыск в избе и церкви, все, что им глянулось, забрали, и уехали, прихватив с собой отца, враз как-то поникшего, и ставшего сторбленным и маленьким мужичком. Больше его Серафим никогда не видел. Мать его к той поре уже померла, измаявшись животом и антоновым огнем. Докторов из района отец не велел вызывать, сказав, что на все воля божья, и что не допустит он,

чтобы безбожники вмешивались в провидение господне. Перечить отцу сын не мог.

Оставшись один, Серафим, волей-неволей пошел работать в колхоз. Село его стояло на большой реке, и колхоз в основном занимался рыболовецким делом. С народом Серафим не особо якшался, не любил этих табачников и пьяниц, всегда их сторонился. Он хорошо умел плести сети, поэтому никто практически не возражал в правлении, когда он предложил такие свои услуги - специалистов по сетям всегда было раз-два и обчелся. Когда дело с работой определилось, наш герой за колхозной рыббазой соорудил себе приличных размеров балаган из жердей и корья, где и плел свои сети, развешивая их на вешалах. Так было подальше от народу, никто ему не мешал особо, и он работал себе, и работал. В селе уже все привыкли к такому положению, никто к нему особо в душу не лез. Более или менее водился он с Генкой Завалишиным, покуда того не призвали в армию. Серафима в армию не взяли - не прошел комиссию из-за отсутствия указательного пальца на правой руке, который ему еще в детстве нечаянно отрубила топором мать, забивая курицу, которую Серафим держал.

Года через полтора, как власти умыкнули отца неведомо куда, Серафим женился, взяв в жены неказистую, большого росту и некрасивую на облик поповскую дочку из соседнего большого села. Что некрасивая - не страшно, с лица же не воду пить. Зато молчаливая, покорная и работающая, да и силушкой бог не обидел, не всякий мужик с ней в работе тягаться мог. Дом-то у Серафима большой, огород, то, се...хозяйство..нужна, ох нужна была ему хозяйка. Так и зажил он тихо, спокойно, незаметно. Дети пошли. Первенец, Алексей, рос покорным и тихим, как мать его, а девки выросли непутевые, слабые на подол.

Старшую обрюхатил ефрейтор-пограничник, но Любка, девка боевая, буквально заставила его жениться, надавив на то, что парень партийный был. После службы он увёз её к себе на родину, куда-то на Урал.

Вторая дочка, Настасья, пошла по стопам первой: ей большой живот подарили сразу после окончания школы, и опять помогли пограничники. Парень, правда, оказался порядочный, женился сразу же, и сразу же и увез ее к себе в Татарию. Года через полтора к ним уехала третья дочка - Нэлка, как все ее звали в селе, где вскорости вышла замуж за брата мужа Настасьи. Поначалу что-то писали, потом ручеек писем иссяк. Леха, первенец, из армии вернулся каким-то дерзким, супротивным, неузнаваемым. Не успел прийти, как спутался с бойкой бабёнкой, фельдшерицей, которая была старше его лет эдак на пять. Бабёнка была себе на уме, разбитная, за словом в карман не лезла. Поговаривали, что нечиста она на руку, и занимается темными делишками, творя подпольные аборты, но не пойман - не вор. Роман их, однако, оказался недолгим, впутала фельдшерица Леху в темное дело с воровством икры на рыббазе, обставила все так ловко, что весь барыш достался ей, а Лёху «поехали» по суду на пять лет в магаданские края, где и сгинул он без вести. Ходили слухи, что он якобы, в тех краях и живет после лагерей с какой-то тамошней бабой, да путём-ладом никто так ничего и не сказал, а слух - он и есть слух!

Как-то вот так, промелькнула жизнь, разлетелись дети из отцовского дома. Остался Серафим со своей Пелагеей, да самой младшенькой - Танькой. Старшие девки были на вид неказистые, незавидные, малость кобыло-подобные что с лица, что с тела. Работу любую, как черти дуrolомили, уёму им не было, гульнуть по ночам любили. Однако хваткие получились к жизни, и все себе

устроили по своим представлениям.

Танька же, последыш Серафимовский, родилась неведомо в кого. Еще в малом возрасте все дивились на ее красоту, а уж как в пору вошла - глаз от нее нельзя было отвести. Не сказать, что высокая, но и не маленькая, стройная, быстрая, длинноногая. Кожа на лице чистая, с каким-то вроде малость шоколадным отливом и бархатная на ощупь, глаза - два черных бездонных полтинника царской чеканки. Не в пример своим старшим сёстрам строго себя блюла, по клубам-танцам не шастала, все больше, когда от школы свободная была, матери помогала или ему, Серафиму, с сетевым хозяйством управляться. Летом же, когда школы не было, с самого утра с матерью в огороде копалась, а после обеда всенепременно шла к отцу, сети плести училась, хотя и не бабское это дело.

Мысли Серафима сбились. Вспомнилось вдруг, как он, пацаном еще будучи, изловчился и оседлал коня - покататься ему вздумалось, а конь-то был не верховой, к всаднику не привыкший, возьми, да и понеси. Ухватился он тогда за гриву, страшно стало, земля стремительно неслась вниз. Буквально всей кожей ощутил тогда Серафим, как тонка она, стеночка, жизнь и смерть разделяющая. Неведомо, чем бы его затея кончилась, не окажись на пути бешеного коня здоровенный увалень Егор Шестаков: прыгнул он ему наперерез, ухватил за узду, и повис на ней, голову лошади набок сворачивая, Остановился конь, другие мужики подскочили, еле-еле оторвали Серафима от гривы - так намертво он в неё вцепился. Отец дома поставил его в угол коленями на горox и заставил сто раз читать «Богородица, дево, радуйся». Вспомнил, и прямо ощутил, как горошины в тело гвоздями калеными впились, хотел было стряхнуть наваждение, шевельнулся, да опять полыхнуло огнем в ногу, опять провалился

во мрак.

Очнулся, в землянке уже стемнело, оконце виднелось размытым пятном, которое было совсем немного светлее окружающих стен. Опять ощущалась страшная сухость во рту, язык стал подобен кирпичу, щеки одеревенели. Нога отдавала малиновым жаром, который расползался по телу, доходил до головы, вползал в нее огненной лавой. Силился Серафим стряхнуть эту муть из головы, пытался опять вспоминать жизнь свою неказистую и неприметную, в которой, если правду сказать, и пятнышка-то светлого не было.

Мысли опять вернулись к дому, к Пелагее, к Таньке. В последние года три стал герой наш примечать, что жена его вроде как слабеть начала. Что-то все на немочь телесную жаловалась, Серафима от ложа супружеского давненько напрочь отлучила. Работать стала по дому меньше, всю самую важную на плечи Таньки переложила. Все чаще после обеда ложилась она в кровать, брала библию, и читала ее, еле шевеля губами. С некоторых пор зачастила к сродственнице своей в соседнее село, тоже шибко богомольной старухе. Вместе по праздникам церковным ездили в дальний монастырь аж в Приморье, к тамошним святым отцам, воду оттуда святую монастырскую привозила, исцелять недуги телесные. Поездки такие порой больше недели длились. Оставались Серафим с Танькой одни-одинешеньки. Серафим порой и домой-то ночевать не приходил, спал у себя в подсобке на сетевом стане.

Так и текла жизнь его неприметная, скучно и однообразно. До обеда трудился он в одиночку у себя в балагане, после обеда приходила дочка, молча принималась за дело, с вопросами глупыми не лезла - смекалки у нее хватало. Однако, с некоторых пор стал за собой Серафим примечать, что мысли его о дочке не совсем чистыми ста-

новятся, и чем дальше время шло, тем чаще ловил он себя на том, что смотрит на нее с вождением. Гнал он мысли эти греховные из головы, работу, порой бросал, уходил на берег, чтобы остыть, образумиться. Мысли, однако, упорно сидели в голове, и никуда уходить не желали.

Случилось это тогда, когда он меньше всего ожидал. Танька, как обычно, пришла на стан, стали они вместе сложенные сети под навесы носить, последнюю сеть Серафим сплел по заказу корифана своего Генки, поэтому занесли ее в подсобку. Когда наклонились, чтобы положить груз на пол, увидел Серафим приоткрывшуюся голую Танькину грудь и тонкую жилочку, на шее бьющуюся - кровь бросилась ему в голову, застила глаза и разум. Не понимая, что творит, не помня себя от охватившего дикого желания, схватил он дочь, бросил на топчан, и овладел ей так стремительно и быстро, как и сам того не ожидал, да и Танька, ошарашенная таким поворотом событий, просто не успела никакого сопротивления оказать.

Когда все кончилось, ужаснулся Серафим сотворенному, вскочил с топчана, увидел наготу Танькину и капельки ее девической крови. Лежала она неподвижная, беззащитная, ошарашенная происшедшим, и тут в сердце Серафима толкнулось что-то щемяще-нежное, мягкое, обволакивающее. Это было чувство, доселе ему неведомое. Он наклонился, обнял дочку и, сам того не желая, сказал ей: прости меня, но теперь ты моя навсегда, до самой смерти моей. Ничего Танька не сказала, смолчала, оделась и ушла домой. Серафим остался ночевать на работе.

На другой день пришла она, как ни в чем не бывало, молчаливая, работающая. Ближе к вечеру не стерпел Серафим, и все повторилось. Танька была молчаливая, покорная и холодная. С этого дня Серафим только и ждал,

когда он может утолить свое ненасытное желание. Он весь растворился в этом чувстве. Так шло недели две, потом Серафим стал примечать ответную Танькину ласку, стала она смелее, уже и сама порой торопила этот миг. С этого времени потерял Серафим всякое представление о греховности этой связи - это новое, неведомое ранее ему чувство к Таньке заполонило все его существо. И дочь его, как обычно, молчаливая, стала такой смелой и горячей в ласках, что забыл наш герой о годах своих, и как молодой отдавался без памяти утолению страсти неуёмной своей, да и Танькиной тоже.

Вспоминая это, Серафим и сейчас, больной, умирающий, вновь ощутил во всем теле своем то великое чувство единения жарких тел их, счастье от трепещущего тельца дочки своей в руках, когда он неистово впивался в нее всем своим существом.

Говорят, что стены имеют уши. Это, наверное только в городе. Деревенские стены помимо ушей и глаза имеют. Поползли по деревне слухи. Вроде конкретно никто ничего не видал, не слышал, но шушукались бабенки меж собой, что не все чисто меж Серафимом и дочкой его - красавицей.

Однако, до наших героев слухи эти не доходили. Были они глухи ко всему. Дошли эти слухи и до Пелагеи. Случилось то, что должно было случиться. Однажды, в самый разгар их любовных ласк в подсобку вошла Пелагея. Вошла и встала, как столп укоризны и осуждения. Серафим вскочил, растерянно глянул на жену, и тут случилось чудо, которое навсегда сделало его, Серафима, самым преданным человеком своей Таньке. Она вдруг встала, молча шагнула к Серафиму, властно его обняла, и гордо, с вызовом глянула на мать. Глянула, как взрослая женщина, ощутившая свою полную победу над соперни-

цей, и свою полную женскую власть над своим мужчиной. Пелагея развернулась и вышла.

В доме, где и раньше-то особых разговоров не водилось, воцарилась полная тишина. Серафим старался домой приходить реже, а Танька не замечала мать и вела себя независимо и свободно, как человек, не имеющий за собой никакой вины.

К осени Танька понесла. Ситуация складывалась - не позавидуешь. Серафим хотел, чтобы Танька рожала, та с ним соглашалась, но все планы нарушила Пелагея. Однажды вернувшись с работы Танька нашла мать висющей в петле. Сбегала к отцу, поведала о страшной находке. Серафим, придя домой, трогать ничего не стал, вызвал участкового. Тот в свою очередь вызвал из района соответствующие службы. Дело завертелось. Через день Серафима арестовали. Мертвая Пелагея отомстила и Серафиму и сопернице-дочке. Перед смертью она в одежде своей спрятала записку, в которой поведала обо всем с беспощадной откровенностью.

На суде Танька вела себя скромно, но к отцу претензий не предъявила и только сказала:- тятя, возвращайся, я буду ждать тебя столько, сколько нужно. Суд был выездной, в родном селе. Народ на такую Танькину речь взъярился. Серафиму дали шесть лет лагерей, отправили в колонию, в Еврейскую область. Таньке же в селе бабы житья не дали, и она куда-то уехала.

Серафим, дойдя в своих воспоминаниях до этого места, попытался проглотить комок, застрявший в горле, но поперхнулся, сильно закашлялся, и от полыхнувшего огня в разбухшей, как бревно, ноге опять потерял сознание.

Так и лежал он, потеряв счет времени, то приходя в сознание, то погружаясь во мрак беспамятства. В очеред-

ной раз, очнувшись, почуял он приятное тепло во всем теле, боль куда-то исчезла, откуда-то брызнул яркий свет, и в нем возникла Танька, большеглазая, ослепительно красивая, с развевающимися от ветра волосами. Она бежала к нему, раскинув широко руки. Вот она подбежала, схватила его...свет вдруг погас, учуял Серафим Танькин волшебный запах... и волны реки сомкнулись над его головой...стало ему хорошо и прохладно, огонь исчез... Серафима не стало.

ВИКТОР НИКОНОВИЧ.

Среди мужицкой половины деревенского населения Виктор Никонич ничем особо не выделялся. Ну, может быть, одежка на нем сидела как-то слегка аккуратнее, чем на других мужиках. Вроде бы те же немудреные портки, та же телогрейка, или, если летом, пиджачок, а смотрелись как-будто «интеллигентнее», нежели у других деревенских мужичков. Еще он замечен был тем, что все без исключения его в селе называли полностью: Виктор Никонич, не по-литературному - Никоневич, а именно Никонич. Других мужиков кого просто Николаем звали, кого Толяном, кого ласковее - Федя, а его именовали только так.

Росту он невысокого, где-то под метр семьдесят, некрупного телосложения, в движениях несколько медлительный, я бы даже сказал, обстоятельный. Никогда ничего не делал торопливо или наспех. Лицо овальное, щеки розоватые, и подернуты проступающей сквозь кожу сеточкой мелких красноватых сосудов. Нос несколько уточкой, глаза небесно-голубоватого цвета. В солнечный день они были прямо пронзительно голубые.

Обращала на себя внимание и его молчаливость. Говорил он редко, очень негромко, но если говорил, то все слушали, и никто не перебивал. Ни разу не слышал, чтобы он повысил на кого-то голос.

Сказать по-честному, мне до поры до времени как-то не особо довелось с ним общаться, и, пожалуй, если бы не случайность, вряд ли он попал бы в мое поле зрения, как иные герои, о которых я говорил в других рассказах.

Случилось мне как-то ехать по служебным делам в село, в котором он жил. Проезжая по райцентру, заметил я знакомую фигуру среди толпы возле автовокзала. Стой-ка, говорю водителю, надо мне глянуть, кажись, человек там знакомый. Вышел, окликнул - точно он, Виктор Никонович. Привет, говорю, куда путь держим и откуда, коли не секрет? - Какой там секрет - отвечает - жду вечернего, ездил в поликлинику. Садись, говорю ко мне в машину, так быстрее будет, до автобуса твоего почти два часа, чего болтаться-то без толку!

Сели, тронулись.Едем. Спрашиваю: - так зачем в поликлинику-то мотался, что приключилось? - Да не знаю - говорит - немочь какая-то ко мне привязалась. Кашляю, особенно по ночам. С утра тоже , пока на улицу не выйду, кашлем исхожу... Худеть вот начал, и силы никакой не осталось. Полчаса поработаю - и никакущий.

И что доктора ученые тебе говорят? - спрашиваю.- Да ничего не говорят толкового, послали вот на рентген, на анализы, то, сё...Куды ни сунься - все по записи, а запись-то не каждый день, да еще и записывают на две-три недели наперед. Пока анализы сделаешь, того гляди и помрешь. Сказывают, хронический бронхит курильщика, курить бросать надо. А как я ее, заразу эту брошу, коли сызмальства, с шести лет ее смолю? В больницу не кладут, местов говорят, нету. Да я и не тороплюсь туды, там окро-

мя капельниц с глюкозой, как наши бабы говорят, ничего и не делают.

Такой вот неспешный разговор шел промеж нас, пока мы петляли по райцентру. По пути нужно мне было на пару минут заскочить в райвоенкомат. Зашел к военкому, переговорили, порешали дела. Между делом я спросил военкома: - ты часом, не знаешь ли вот такого человека? Вроде, по годам он у тебя должен в ветеранах войны числиться. - Как, говорит не знаю - очень даже знаю. Наш Виктор Никонович - герой. Танкист, механик-водитель, всю войну от звонка до звонка прошел, дважды в танке горел. Участник танковой битвы под Прохоровкой, войну в Кёнигсберге закончил. Ранения имеет, Орден Красной Звезды, медаль «За отвагу», и еще много каких наград. На всех торжественных мероприятиях он у нас в первом ряду.

Наговорил мне военком еще кучу всяческих подробностей, попрощались мы, и поехал я дальше. Едем, говорю своему попутчику: - слушай, Виктор Никоныч, есть у меня в Хабаровске один приятель, начальником госпиталя служит. Давай-ка я с ним поговорю, может он тебя, как участника войны, положит, обследует и полечит хорошенько. Все-таки госпиталь, это не ваша затрапезная развалюха-больница, там и доктора, говорят, грамотнее.

Э-э-э, - говорит - чего тебе со мной вошкаться у тебя и без меня вона сколько делов, а мое дело стариковское, и тута подлечусь, чё мне сдееется? Ну, нет - говорю - так дело не пойдет. Мне это нисколько не трудно, а тебе все-таки какая-никакая, а подмога. Короче, уговорил я его.

Через неделю положил я моего героя в госпиталь. Некоторое время спустя звонит мне начальник госпиталя, просит заехать к нему для разговора. Через пару

деньков заскакиваю. Захожу в кабинет, приятель угощает меня кофе, и так, вроде невзначай, спрашивает: а кто тебе этот мужичок-фронтовик, что ты меня просил положить? - Да никто, - говорю - просто мужичок сельский, из деревни, куда мне частенько заезжать приходится, вроде бы и давно его знаю, а, оказывается, совсем не знал ничего о нем, пока военком тамошний мне про него не рассказал, и кратенько передал начальнику госпиталя информацию, что мне военком говорил.

- Понимаешь - говорит мой приятель - рак легких у твоего мужичка, последняя стадия, оперировать бесполезно, метастазы кругом, долго не протянет. Мы его, конечно, поддержим, подлечим, станет ему получше, но это не на долго.

Ну что же, говорю, выше крыши не прыгнешь, и на том спасибо. «Короче, пусть он еще полежит, когда подлечим, я тебе позвоню» - сказал мне доктор. На том и порешили.

Дней через десять забрал я своего подопечного из госпиталя и повез в деревню. Ехали вдвоем, на моей машине, дело было вечером в пятницу. Я как раз собирался там порыбачить, попутно и Виктора Никоновича подвёз. Он был очень доволен тем, как его подлечили. Сказал, что чувствует себя хорошо, перестал кашлять, нигде ничего не болит, и даже «жизнь по-другому чуется».

На следующий день случайно встретил я возле речки взрослого сына моего героя, беспутного мужичка, которого редко можно было видеть трезвым.

Поздоровались, то, да сё, и тут я возьми, да и спроси: Колька, а твой отец воевал? А как же - говорит - воевал... - А кем воевал, где? - спрашиваю... - А! Не знаю где, он сказывал, что на танке поваром работал - так ответил мне его сын. И подумалось мне: как же мы, дети тех, кто

воевал, кто вынес на своих плечах всю тяжесть военного лихолетья и жуткой бойни, мало знаем о своих героических отцах..

Месяца через два, когда я был снова в селе, Виктор Никонович подошел ко мне сам, поздоровались, потолковали, покурили. И тут он, эдак смущенно, спрашивает: а нельзя ли мне еще разок подлечиться в том госпитале, уж так там хорошо лечат, а я вот опять что-то хворать стал.

- Не вопрос - говорю - позвоню сейчас из правления в город, начальнику госпиталя, попробую договориться. Позвонил, решил вопрос положительно, и сказал моему подопечному, чтобы готовился, завтра поеду в город, и заберу его на лечение. Когда ехали, я вдруг вспомнил про то, что сказал мне его сын, и спрашиваю: Виктор Никоныч, а что это твой сын мне говорит, что ты на войне поваром на танке работал? Это как понимать?

- Э-э-э, не люблю я про войну говорить, не люблю. А когда меня дети, пока малые были, спрашивали, дескать, ты кем воевал, папка, на войне? - я чтобы ничего не рассказывать, всегда им говорил, что я и воевать-то не воевал, и не стрелял даже, я на танке поваром работал, танкистов кормил ухой да икрой - вот и вся моя война.

Возвращались мы через десять дней. Герой мой был невесел, да я по его виду сам понял, что дела его окончательно плохи. Почти всю дорогу ехали молча, только где-то перед райцентром сказал он мне: - да, видать плохи мои дела, если даже в госпитале меня не смогли подлечить, как в прошлый раз. Ты мне скажи, что тебе начальник-то сказал, я хоть доживу еще до кетовой? Что я мог сказать ему? Дело было в мае, кетовая, как известно, в наших краях в сентябре-октябре. Смотрю на него, и фальшиво-бодреньким голосом, аж самому противно себя слушать было, говорю: ты не только до кетовой, ты

еще долго проживешь. Ничего он мне не сказал.

Умер он в начале июня. Мне позвонили. Я поехал с ним попрощаться, проводить в последний путь. Перед гробом несли его награды - целый иконостас. За гробом шли десятка полтора односельчан, несколько ребятишек. Вот и всё. Так провожала страна своего очередного безымянного и неизвестного героя. Шла перестройка, все катилось под откос, никому ни до кого дела не было.

Много лет прошло с тех пор, на могилку его никто не ходит - некому. И сын его, и жена тоже умерли. Один раз в год приезжаю только я, всегда 9 мая. Был там и сегодня, 9 мая 2016 года.

РОВЕСНИК МАО ЦЗЕДУНА.

Нил Захарович, очень пожилой мужичок, жил на самом краю деревни, в самом ее первом доме, аккуратно при въезде. Домик у него махонький, подслеповатый, наполовину в землю врос. Окна, считай, меньше метра от земли, на белый свет глядят своими мутными подслеповатыми стеклами.

Росту он, видимо, был среднего, или даже немного выше, но сейчас весь как-то усох, согнулся, и от былой его представительности остались только важнецкого вида буденновские усы, да выдавшая виды трубка времен Очакова и покоренья Крыма, которую мой герой всегда держал во рту, независимо от того, курилась она, или была потухшей.

Нил Захарыч редко выходил из дома на дорогу, или на берег речки. Чаще всего его можно было увидеть во дворе или возле калитки. Когда бы я ни въезжал в село - Нил Захарыч торчал в своей кепке, с трубкой во рту, опи-

раясь на частокол калитки. Я сказал кепке. Это не совсем так. На голове моего героя летом всегда была старинная казачья фуражка с лакированным козырьком и желтого цвета околышем, зимой он облачался в теплую папаху. И в жару, и в прохладное осеннее время на нем был выдававший виды пиджак старинного двубортного покроя и казачьи штаны с лампасами, тоже желтого цвета, то есть цвета Уссурийского казачьего войска. На ногах в любое время года, кроме зимы, красовались офицерские хромовые сапоги.

На первый взгляд Нил Захарыч ничем не отличался от других мужиков его возраста, но это только на первый. Прежде всего его отличало редкое имя - Нил, второе было то, что он родился в один день и в один год с Мао Цзедун-ном. Это все знали, и в народе как-то уважалось. Третья его особенность заключалась в манере разговора. Каждый слог каждого своего слова он произносил с неким акцентом, как бы с полу-выдохом. Если его предложение состояло, например, из пяти слов, то их обязательно сопровождали слов десять-двенадцать матерщинных. Пожалуй, должен признать, что в этом ему не было равных, по крайней мере, я за свою жизнь больше таких мастеров данного вида «художественного слова» не встречал. Говорят, что в науке такую речь называют скандированной.

Бывало, въезжаю в деревню, вижу, стоит, как часовой. Остановлюсь, подойду, поздороваюсь. Подарю какой-нибудь подарочек: то булку хлеба, то пачку сахара-рафинада, то еще что-нибудь - была у меня в те годы такая привычка, многим старикам и старухам привозил что-нибудь, когда приезжал. Ну что, спрашиваю, какие новости, Нил Захарыч?

- Да какие новости? - две звезды из волости, вот и все новости. Далее следовала длинная синусоида-тирада

тех самых высокохудожественных слов. Всякий раз набор их менялся, но всегда заканчивалась эта тирада слоганом: в крестителя господа-бога мать! Далее следовал смачный плевок на землю, трубка водружалась на место, и Нил Захарыч замолкал, чтобы перевести дыхание. Само собой, что словосочетание «две звезды» было несколько иное... полагаю, что читатель сам поймет, как оно звучало в оригинале.

До революции, сказывали, Нил Захарыч, будучи служивым казаком, лихо гонял всяких хунхузов, контрабандистов и спиртоношей. Спиртоноши - это были такие махинаторы, тайными тропами носили из Китая спирт и сбывали народу приграничных сел, имели на этом неплохой гешефт. Этим занимались и русские, и китайцы.

С установлением на Дальнем Востоке советской власти мой герой остался, как и большинство казаков, никем. Подался в рыболовецкий колхоз. Из казака превратился в рыбака. Само собой, сей факт его, потомственного гордого казака Уссурийского казачьего войска, глубоко оскорбил, и внутренне он презирал всё и вся, в особенности, начальство. Не признавал слов район, сельсовет. Всегда говорил уезд, волость. Надо сказать, что начальство само подавало повод к неуважению. Село стояло на последних метрах русской земли, дорога плохая, глухомань, отшиб, но места благостные, вот начальство и любило приехать сюда, попить в сторонке от лишних любопытных глаз. Интересно, что традиция эта сохранилась до последних дней советской власти. Я сам был свидетелем таких гулянок, устраиваемых районным, а иногда и краевым партийным и советским начальством. Помнится, народ подтрунивал над этим, даже, как-то песенку сочинили.. Слов уже не помню, крутится в голове только пара строчек:

А там за бараком вся бригада стоит раком,
Стоит сам голова, и с крайкома еще два.

Распевали ее под гармошку на мотив белорусской песни «Косил Ясь конюшину».

Жена моего героя никогда со двора на улицу не выходила. Ум давно покинул ее, и она жила неведомо в каком мире. Нил Захарыч, однако, ее не бросал, никуда не сдавал, и ухаживал за ней, как мог в силу своего понимания. Недуг ее психический был какой-то весьма необычный. Она постоянно ходила по двору и что-то бубнила себе под нос монотонным голосом. Слова сливались, и разобрать, что она говорит, было никак нельзя. По мере роста луны беспокойство бабы Лены (так ее звали) нарастало, в полнолуние, глубокой ночью она выходила из дома, шла на берег реки, садилась на большую толстую корягу, которую в незапамятные времена река приволокла в полую воду и оставила на земле, поднимала лицо к луне, и начинала выть. Была она тоненьким надрывным голосом, от которого у слышавших ползли мурашки по телу. Через некоторое время она, видимо устав, падала с коряги на землю. Тогда Нил Захарыч выходил со двора, подходил к ней, поднимал и уводил домой. Однажды я сам был свидетелем такой сцены. Сидел ночью, рыбачил, сияла огромная луна, погода была тихая, стояла глухая ночная тишина. Вижу, баба Лена, прихрамывая, идет к своей коряге... Зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. Интересно, что собаки, брехавшие целыми ночами напролет, в таких случаях напрочь замолкали, как будто их в селе и не было. После такой ночи старуха вообще не выходила из дома, и ее было не видно и не слышно до новолуния. Затем она начинала выползать на волю, ходить, бормотать и цикл замыкался новым ночным воем.

У Нила Захарыча было трое сыновей. Двое жили

где-то в дальних краях, и я их никогда не видел. Самого младшего сына мне как-то довелось повидать, он приезжал со своей женой на мотоцикле с коляской. В народе ходила молва, что Васька, так его звали, работал где-то на спиртзаводе и тайно приторговывал спиртом. Судьба здесь улыбнулась над моим героем. В молодости он воевал на границе со спиртоношами, а сын его встал почти на такую же тропу. Воистину, натура - дура, судьба - злодейка, а жизнь - копейка, как сказал лермонтовский драгунский капитан.

В селе Нил Захарыч ни с кем практически не общался. Был всегда молчалив, важен ликом и смотрел на мир полу-презрительно, полу-осуждающе. Расспрашивая о нем местный народ, я узнал, что он всю жизнь был таким нелюдимым. Под стать ему была и жена, пока находилась в разуме.

Как-то однажды в конце июля приехали мы с приятелем и женами по грибы. Переночевали, раненько пробежали по окрестным рёлкам, набрали грибов столько, что еле-еле донесли до дома, где остановились. Жены начали их обрабатывать, а мы, прихватив удочки, пошли на берег попытать рыбацкого счастья.

Решили порыбачить возле старой баржи, которая гнила себе спокойно на берегу уже много лет, брошенная за ненадобностью с конца шестидесятых годов, со времен событий на Даманском. Возле баржи со временем образовался уютненький заливчик, туда мы и забросили свои удочки. Я рассчитывал поймать совсем немного рыбы, просто чтобы сварить на берегу простецкую уху, однако судьбе было угодно порадовать нас на этот раз не только знатными грибами, но и очень неплохой рыбалкой. Не успели мы забросить удочки, как сразу у обоих началась поклевка. Клёв был просто фантастический, мы не

успевали забрасывать удочки и снимать с крючков рыбу. Ловился отменный чебак, крупный, размером с хорошую селедку. За суетой я все-таки заметил, что к нам подошел мой герой, и встал метрах в трех-четырех за спиной. Он сосал свою трубку, молчал, и неодобрительно смотрел на нашу суету. Минут через тридцать-сорок у нас с Николаем, так звали моего приятеля, наполнились два ведра отменного чебака. Тут уже не только на уху, но и на отличную жарёху было достаточно. Ради справедливости хочу сказать, что до этого раза за много лет я никогда ничего подобного на Уссури не видел. Рыбалка всегда была более или менее успешной, но чтобы вот так, как в сказке, да еще на самые простые удочки - ни разу не было.

Все это время Нил Захарыч стоял за спиной, попыхивал трубкой и молчал. Собрались мы идти домой. Я срезал тоненький ивовый прутик с развилкой на конце, очистил его от мелких веток и нанизал на него, как на кушан, десятка полтора чебаков, подал их деду и сказал: на, Нил Захарыч, или пожаришь, или уху сваришь, не помешает. Рыбу он взял, вынул трубку изо рта и сказал пару предложений. Если убрать высокохудожественные слова, то его речь была примерно такова: - ишь....городские... тут день-деньской сидишь, хоть бы кака дохла синявка (мелкая сорная рыбка) клюнула, а эти...тащут и тащут одну за одной... далее последовала известная читателю синусоида и финал про крестителя и господа.

На следующий год жена его тихо померла. Схоронив ее, Нил Захарыч совсем обирючился. На улицу выходил только чтобы дойти до магазина. Ради интереса, пытался с ним войти в хороший контакт, разговаривать его, но кроме новостей из волости ничего путного я так из него и не выжал.

Размышляя на его судьбой, анализируя события его

жизни, которые мне стали известны от других людей, я пришел к выводу, что жизнь его разделена глубокой бороздой на период до революции, когда это был лихой казак, жизнерадостный человек, рубаха-парень и на всю остальную жизнь после революции. Он, видимо, так и не простил новой власти расказачивание, не простил ей того, по его представлениям, позора, которому она подвергла его, потомственного казака, превратив в мужика, человека подневольного и бесхребетного. Понимая, что сделать он ничего с властью не может, и, понимая, что за открытое противостояние можно и жизнью поплатиться, он замолчал. Замолчал, но не смирился, и как мог по-своему показывал этой власти свое презрение и неуважение. Уж не знаю, прав ли я в своих размышлениях, но тот факт, что то, что мы когда-то называли великой октябрьской, глубоко и жестоко отразилось не только на стране, но и на миллионах простых ее граждан, исковеркав и традиции, и устои, и судьбы, как ни крути, неоспорим.

По воле рока или еще чего, умер мой герой 9 сентября 1978 года, пережив своего великого ровесника точно на два года. Мао, как известно, умер в этот же день в 1976 году.

ЖОРЖИК.

Случилось мне пару лет моей бродяжьей жизни провести в западных районах страны, бывших под оккупацией, в одном небольшом поселке, стоящем на высоком берегу красивой реки. Приехав на новое место, я как-то быстро познакомился с местными пацанами и девчонками, завел друзей. Одним таким моим новым другом стал паренек по имени Ким. Сдружились мы с ним на почве

общей любви к рыбалке. Днями и ночами пропадали на речке, ловили всякую рыбу, частенько лавливали и раков, которые, в тех краях были просто знатные. По большей части рыбачили с берега, но иногда нам давал свою малую лодку один мужичок неопределенного возраста, но уже за сорок, которого все в поселке от мала до велика называли Жоржиком. Был тот дядька невысокого роста, внешность его была настолько непримечательная и невыразительная, что и вспомнить-то сегодня ее просто невозможно, хотя я, как говорится, «тыщу раз» видел его в самой непосредственной близости. Единственное, что его выделяло среди людей, это незлобивость нрава: он всегда был в хорошем настроении, много балагурил, общаясь с людьми, и буквально сыпал всевозможными присказками, поговорками и прибаутками, которые так и лились серебром из его уст. Многие из них врезались мне в память, и я до сих пор отлично их помню. Жаль только, что не могу их здесь привести в качестве примера, ибо они все изобиловали словечками не нормативного, так сказать, характера. Однако в повседневной деревенской российской жизни на таких пустяках, как мат, никто внимания не заострял, эти слова произносились как нечто такое, на чем уважающий себя человек и заикливаться-то не будет.

Я тогда не задумывался, работал ли тот человек, да и вообще, чем он занимался мало меня занимало, если не сказать, что вообще не интересовало. Я только знал, что у него есть две лодки зеленого цвета. Одна побольше, другая поменьше. Кимка, как хорошо его знавший, нет-нет, да и просил дать нам лодку, чтобы мы могли уйти вверх или вниз по реке, подальше от людей. Бывало, придем к нему вдвоем, заходим в калитку за оградой, Кимка прямо сходу говорит ему: Жоржик, дай нам дня на два-три лодку маленькую, хотим вверх, в леса, порыбачить сплавать.

Он эдак хитро посмотрит на нас, скажет что-нибудь заковыристое, а потом вытащит из кармана ключ от замка, кивнет на вёсла - забирайте. Тока смотрите, через три дня чтоб мне, как штык, как отставной козы барабанщик тута были, чтоб я потом вашим папкам-мамкам не оправдывался, да не доказывал, што не дурак, «едриттвоявпонюхивкорень» тебя заberi! Возьмем ключи, весла, буркнем «спасибо», и бегом на причал, в лодку и «пошла писать губерния». Дома всегда знали, куда мы поплыли, никто нас не искал, и никто особо не беспокоился. Парни мы были уже вполне самостоятельные, и опыт по этой части имели, как бы это поскромнее сказать, уже солидный.

Несколько раз случалось так, что Жоржик изъявлял желание сплавать на рыбалку вместе с нами. Тогда он брал свою большую лодку, а нас, как обычно, баловал маленькой. С ним было плавать гораздо интереснее. Он превосходно знал местность, знал название каждой излучины, каждого переката, каждого плеса на реке. Подходим, бывало к плесу под названием Михалёвский, а Жоржик каждый раз говорил: вот тута у меня, ёшкин кот, завсегда щука и язь привязаны. У дальнего края щука, а по правому берегу, ближе к омуту - язь. Ставим сетки, стучим боталами, выбираем сети - точно, в той сети, что по дальнему краю - щука, во второй - язь-красавец, с ало-малиновыми плавниками.

Как-то раз поплыли мы за раками. Мы с Кимом ловили их рачильнями, а Жоржик, неутомная душа, лазил в воде, и ловил их руками, сует палец в норку, рак его за палец цап, тут-то и попался - Жоржик его на берег выкидывает. Вот так ловил он ловил, да вдруг как закричит, на все лады и бога, и черта, и еще каких-то леших и кикимор поминаючи, да еще свою непременно звезду Мессеферштейн. Смотрим, а у него огромный рак

впился громадной клешней между большим и указательным пальцем, и до крови распластал руку. Подскочили, рака оторвали от нашего Жоржика, давай ему чем попало кровь останавливать. Но рака не выбросили, привезли его домой, и отдали моему отцу. Он из него сделал отличное наглядное пособие для кабинета биологии в школе. Таинственная звезда Мессеферштейн так и осталась для меня таинственной. Что это такое, он нам так и не сказал, но она в его речи проскакивала практически через десять-пятнадцать слов, как и еще какая-то непонятная «церковная тушилка».

Ночевали на берегу, у костра. Ночью в лесу тихо, только разные таинственные звуки раздаются, к утру туман опускается, роса на траву садится. Частенько в костре запекали плотву в глине, наподобие того, как делают печеную картошку. Чистили рыбу, начиняли ее луком, солью, облепляли сырой глиной и клали в угли - вкуснотища необыкновенная. Пока возились с рыбой, пока ждали, когда она испечется, Жоржик рассказывал нам бесконечное количество разных смешных случаев про немцев из жизни под оккупацией. Я не спрашивал его, где он войну провел, но из его рассказов складывалось впечатление, что в армии он не служил, не воевал. Впрочем, честно сказать, тогда меня этот вопрос особо-то и не волновал.

Была за ним еще одна штука, которая меня восхищала. Всем знакома малюсенькая рыбка ерш. Колючая и костлявая неимоверно, но ловили ее обязательно, потому что юшка ухи, сваренной на этих ершах, считалась особо вкусной. После варки ершей, выкидывали из варева, закладывали нормальную рыбу, готовили дальше, а ершей, как правило, бросали в речку, на подкормку другой рыбы. Но так было только когда с нами не было Жоржика. Он их не выкидывал, а собирал в тарелку, садился и ел. Ел

особым, одному ему ведомым способом: закладывал ёршика в один уголок рта, что-то там делал с ним во рту, и из другого уголка губ выпадали только косточки.

Делал он это очень быстро, и ерши исчезали из тарелки - не успеешь глазом моргнуть - не Жоржик, а, прямо, ершеедная машинка какая-то. Ел, нахваливал, и всегда нам снисходительно говаривал: дескать, дурачки вы неразумные, а не рыбаки, раз не умеете самую наилучшую рыбу есть, довольно при этом похохатывая, и поминая свою звезду или тушилку, что нам за это в следующий раз и лодку-то давать не следует, потому как от нас никакой пользы на реке нету.

Так бы и остался в моей памяти Жоржик неким балагуром и человеком непонятного рода занятий, добрым, свойским, не отдаляющим нас пацанов, от себя, взрослого мужика.

Но однажды, несколько лет спустя, я поехал в те края, наведать своих друзей, и в первую очередь Кимку. Дело было в августе, захотелось мне снова, как в прошлые года, сплавать на рыбалку с Кимом в Жоржиковой маленькой лодке. Завел я разговор про рыбалку тогда, когда мы с Кимкой сидели в избе другого своего друга, Юрки Левченко. Дома, помимо нас троих, был еще и Юркин отец, дядя Коля. Ким в ответ на мое предложение сказал, что на рыбалку-то сплавать можно, только вот с лодкой проблема. Жоржик уже год, как помер, жена его лодки продала, а новый их хозяин совсем не Жоржик, и у него их просить, что у скупердяя прошлогоднего снега.

Удивился я, да и спросил, отчего же наш друг умер, ведь он же еще не такой старый, ему жить да жить? Тут в разговор вступил дядя Коля. Он-то нам и поведал, что известный всем, как простецкий мужик, Жоржик - герой-партизан. Разведчик и самый знаменитый в тех кра-

ях подрывник, отправивший под откос не один фашистский эшелон. Поведал нам он и о том, что в одном из боев был наш друг очень тяжело ранен взрывом гранаты, что ему изуродовало всю грудную клетку, и что вряд ли бы он выжил, но его удалось отправить самолетом на большую землю, где ему помогли врачи. Осталась у него в наличии всего половинка одного легкого, все остальное было удалено. Молча мы сидели, буквально сраженные открывшейся нам правдой. Я сидел и вспоминал наши поездки, его поведение, его прибаутки и веселый нрав. Но теперь мне были понятны некоторые вещи, на которые я не находил ответа прежде, да если честно сказать, и внимания особого тогда не обращал. Я вспоминал, что Жоржик никогда не раздевался, не снимал рубашки и брюки, и даже раков ловил, ползая по реке в штанах, которые на нём потом и сохли. Понятно мне стало и то, что он частенько заставлял то меня, то Кимку садиться к нему в лодку, и грести вместо него. Раньше я думал, что он этим просто пользовался, как хозяин лодок.

Теперь, по прошествии многих лет, вспоминая и те времена, и людей, которые меня окружали, и неунывающего Жоржика, дивлюсь я необыкновенному жизнелюбию наших людей, дивлюсь их умению запросто преодолевать трудности, их великой скромности и житейской неприхотливости, непритязательности и особой душевности.

Дивлюсь и думаю, в каком же мы все неоплатном долгу перед этими людьми, которые, если разобраться, ничего хорошего в своей жизни не видели, но были в ней людьми высшей пробы, людьми великой, и, не побоюсь этого слова, негибимой воли к жизни, людьми героическими, при всей их внешней непрезентабельности. Честь им и слава, безвестным героям войны.

БАРСКАЯ ВЕРШИНКА.

Ванька Калабин - невысокий, крепко сбитый паренек. Неторопливый, спокойный. Лицо круглое, чистое, нос слегка курносый, глаза серые, улыбчивые, с огонечками, и очень добрые. В компании его мало слышно, говорит редко, всегда немного иронично, и с особым, специфического деревенского оттенка, юморком. Народ его любит и даже уважает, несмотря на его молодость. Ванька - работяга, каких надо поискать. Трактор у него в колхозе самый лучший и фотография его, то бишь, Ванькина, не сходит с колхозной доски почета.

Ваську Пестрикова все село знает, как гуляку, разухабисто-веселого парня, всегда слегка поддатого, чаще всего с гармошкой в руках. Васька - непременный гость и завсегдатай всех сельских гулянок, пирушек и праздников. Он неплохо играет на гармошке-хромке, на мотив «Сормача» знает великое множество частушек, и похабных, и не очень, и даже, иногда, приличных.

Не сказать, чтобы он был драчуном или особым забиякой, но нет-нет, да и попадал по пьяной лавочке в разного рода скандалы и передраги. Дело даже иногда доходило до сельского участкового - анискина местного разлива - Степана Ерофеича Маслова. Степан Ерофеич, мужик крупный, медлительный, с усмешкой во взгляде, журил его в таких случаях, порой даже крепко поругивал, но к строгим административным мерам не прибегал - все Ваське сходило с рук по причине его ловко подвешенного языка, умению свести к шутке любую свою проделку. Надо сказать, что протрезвев, он почти всегда первым ходил мириться к тем, с кем повздорили по пьяной лавочке. Причиной таких раздоров чаще всего становились местные красавицы. Следует добавить, что как парень, Вась-

ка был собой видный: высокий, статный, с темно-русым заливчатого вида чубом, который выбивался из-под лакированного козырька его картуза. Носил он черный пиджак, черные же широкие штаны, которые напускал на начищенные до блеска хромовые сапоги, голенища которых были непременно приспущены гармошкой. Не удивительно, что девки частенько косили взглядом в его сторону, а уж когда в клубе выходили в круг петь частушки, откровенно намекали лихому чубатому гармонисту о своих «страданиях».

Васька гулял то с одной, то с другой, но особого предпочтения никому не оказывал.

Паша Драгунова - девушка невысокая, ладно и аккуратно скроенная. Волосы черные, как вороново крыло, из-под челки смотрели изумрудно-зеленые огромные глаза, красиво оттененные смоляными бровями. Ее никогда не слышать ни в компаниях ни в каких других присутственных местах. Тихая, скромная. Если где с кем остановилась поговорить, стояла, потупив долу взор, и было в этом жесте столько непередаваемого шарма и красоты, что мало кого оставляло равнодушным. Голос ее был мелодичный, с приятным грудным оттенком и вроде, как с серебристой хрипотцой, которая невольно вызывала у парней известного рода робость и волнение в груди. Мало было ребят, которые были к ней равнодушны, хотя недостатка в симпатичных девчонках в селе не наблюдалось.

Жила Паша в самом конце села, с матерью. Отец ее помер года два спустя после возвращения с войны, когда Паше было всего-то восемь месяцев от роду. Ни братьев, ни сестер у неё не было.

Ванька Калабин жил со мной в соседях, точнее, напротив, через улицу. Мы частенько виделись, немного прятельствовали. Особой, правда, дружбы не было, но

Ванька как-то тянулся душой ко мне. По натуре он был очень любознательный, однако скудость деревенского информационного поля не давала удовлетворения его интеесам. За пределы села он за свои двадцать лет не выезжал практически ни разу, если не считать учебы в ремесленном чилище на тракториста в райцентре.

Бывало, сидим мы с ним на завалинке его дома, болтаем о том о сем, а он мне сыплет вопросы, как из рога изобилия. Его интересовало буквально все, от астрономии, до литературы, музыки, географии. Много спрашивал о городах, в которых мне довелось побывать, о том, как и где живут люди. Как мог, я удовлетворял его любопытство, и наши разговоры зачастую затягивались далеко за полночь. Случалось, мы садились за стол на квартире у участкового Маслова, который тоже жил совсем неподалеку, вчетвером: я, Ванька, его отец, и хозяин дома, и резались в домино. Молодежь супротив старших. Во время игры тоже вели разные разговоры и о политике, и о жизни.

С Васькой Пестриковым отношения были у меня не то, чтобы натянутые, но, скажем прямо, холодноватые. Причина тут была, как говорится, на ладони. Я - человек в этом селе пришлый, живу совсем недавно, всего-то пару лет, но закавыка в том, что до моего приезда Васька был самый первый гармонист на селе, а я был баянистом, инструмент мой был не в пример Васькиному звучный, да и играл я грамотно и, хотя и нескромно про себя говорить так, гораздо лучше Васьки. Так что его ревнивое отношение было вполне понятно. Я, правда, старался не особо его давить своим музыкальным авторитетом, и мало ходил на посиделки в клуб, где он развлекал народ вальсами, фокстротами и частушками, чувствуя себя королем положения.

С Пашей я был знаком совсем немного. Общались мы редко и мало. Однако из того, что я вынес, могу отметить то, что была она человеком редкой душевной чистоты и порядочности. У нее было какое-то особое отношение к природе, животным. Во всех ее словах, жестах сквозило некое врожденное изящество и грация и, чего греха таить, я невольно с восхищением любовался ей, когда нам доводилось там или там встретиться и поболтать. Я не испытывал к ней влюбленности или еще чего-то подобного, просто любовался, как совершенным творением природы. Хочу еще добавить одну деталь, очень важную в тогдашней деревне: Паша была девушка ч е с т н а я. Так в Поволжских деревнях называли девушек, не имевших недозволенных этикетом тех времен связей с парнями. Нравы в те времена в этом отношении были очень строгие и блюлись неукоснительно.

Если же девушка по какой-либо причине оступалась на этом поле, и оный факт становился достоянием деревни, то всегда находился жестокий человек, который темной ночью пачкал ворота дома этой девушки дегтем. Этот знак был знаком вечного позора для виновницы, и практически всегда этим девушкам приходилось уезжать из села. Надо сказать, что такие случаи были исключительно редкие, их можно было перечесть по пальцам за несколько десятилетий прошлых лет.

Лето неторопливо текло. Детвора сельская купалась в прудах, коих в селе было несколько штук, бегала в лес по ягоды. Излюбленным местом, куда бегали дети, была так называемая Барская вершинка. Это было место, где до революции стояло имение какого-то помещика, от которого остался одичавший сад, тихий пруд, заросший кувшинками, и развалины барского дома. Вокруг были очень красивые холмы, поросшие живописным кустарником и

подлеском, в котором было много лещины, клубники и земляники.

С некоторых пор сосед мой стал меня зазывать на посиделки в конец села. Тут надо бы пояснить. Не все молодые люди ходили по вечерам в клуб. Со старых времен в селе сохранилась традиция молодежных посиделок. Парни и девушки собирались компаниями в определенном месте. Летом это происходило на улице возле какого-нибудь дома, а зимой посиделки устраивали в чьей-нибудь избе. Играли в разные игры: «испорченный телефон», «откровенное», «ручеек», «третий лишний». Иногда, если был гармонист, создавали нечто вроде круга, в центр которого выходили две-три девушки посмелее, и по очереди под незатейливую мелодию пели частушки и совершали простецкие танцевальные движения, типа два притопа, три прихлопа с поворотом, перемещаясь по кругу.

Вот на такие посиделки и стал меня зазывать Ванька. Честно сказать, мне эти посиделки нравились совсем мало, если не сказать больше, и я бы на них никогда не ходил, но Калабин почти каждый вечер прибегал к нам домой и настырно звал меня с собой, иногда просто умоляя. Я довольно быстро сообразил, в чем здесь причина. В ту компанию ходила Паша. Она всегда сидела где-нибудь в уголке, просто смотрела, как поют и танцуют девчонки, но сама никогда этого не делала. Ванька тоже, придя на посиделки, сидел всегда молча, но я замечал, как он нет-нет, да и стрелял глазками украдкой в том направлении, где сидела Паша.

Вечера через четыре я спросил его, когда мы возвращались домой, уж не влюбился ли он в Пашу? Засмутился мой друг, начал отнекиваться и быстро-быстро перевел разговор на другую тему. После этого сомнений у меня не осталось. Затем получилось так, что Ванька, освоившись

в компании, стал меня звать с собой все реже, а потом и совсем перестал, так что я мог посвящать свои вечера упражнениям на баяне, чтению книг, а иногда уезжал с малыми пацанами в ночное пасти коней.

Время шло, лето потихоньку утекало. Вот уже и август незаметно подкрался. Темнеть стало раньше, яблоки поспели, вечерами уже и прохлада чувствовалась. Как-то смотрю, Ванька мой опять направился в конец села, окликнул его: погоди, давай-ка я сегодня с тобой схожу, что-то настроение такое появилось. По дороге расспрашиваю, дескать, ну ты, парень, с Пашей-то поближе стал? Хоть погуляли где-нибудь разочек-другой вдвоем? - молчит, смущается. Отстал я от него с расспросами. Пришли. Всё, как прежде, пиликает гармошка, но в этот раз играет сам Васька Пестриков, который раньше в эту компанию не ходил, все больше в клубе светился или в другом конце села, возле дома дружка своего, Генки Бушуева. Паши нет. Ванька мой потускнел, поскучнел. Посидели мы минут тридцать-сорок, да и пошли восвояси. Идем, молчим. Потом спрашиваю его: а что это Паши-то сегодня нет? А! - отвечает Ванька, - это все из-за Пестрикова. - Что такое? - говорю, - при чем здесь Васька?

- Да дней десять назад пришел он пьяный, и начал к Паше при всех приставать, а ты знаешь, Паша - девушка не такая, она его оттолкнула, и домой ушла. С тех пор, если Васька здесь, она не выходит. Вот и сегодня ее не было из-за этого уroda.

- Да ладно, говорю, отстанет он от нее...не переживай, а ты и сам посмелее будь, покажи ей, что нравится она тебе, а то так и будешь ходить, да глазами стрелять, так ведь и уведут у тебя ее из-под носа.

Однако, события стали развиваться совсем не так, как я предположил. Через пару-тройку дней встретил

я случайно Таню Гаврикову, тоже знакомую девчонку. Остановились, поболтали о том, о сем. Между делом, она мне и говорит:

- Знаешь, Васька-то Пестриков, совсем распоясался. Вчера пьяный к нам на ферму пришел, и давай при всех к Пашке Драгуновой приставать, орал там всякие слова: -дура, чего кочевряжишься, все равно моей будешь, это я тебе точно говорю, а будешь упираться - пожалеешь, сама знаешь, все девки в селе мои, любую позову - пойдет, а ты локти кусать будешь, да поздно будет. Еле-еле мы от него отвязались, дурака такого.

Вечером того дня я все это соседу своему рассказал и самым жестким образом посоветовал ему брать ситуацию в свои руки, и обязательно поговорить с Пашей, а то все может повернуться плохо для них обоих, кто знает, что можно ждать от вечно полупьяного дурня?

Все однако повернулось самым неожиданным образом. В тот вечер Ванька мой на посиделки почему-то не пошел, где он был, я до сих пор не знаю. В суесть наступивших событий не спросил, а потом уже и возможности такой не было. Только думаю я, что ходил Ванька к Пестрикову и разговор у них был промеж собой какой-то, потому что Васька с того дня на ту посиделку больше не ходил.

Прошел почти месяц, Паша больше вообще на вечеринки не выходила, и Ванька зря бил ноги, бегая из вечера в вечер в Пашин конец села в надежде ее увидеть.

Как сейчас помню, стоял погожий сентябрьский денек, солнышко светило, было совсем тепло, летели паутинки. Я в тот день пошел в магазин зачем-то, возле магазина вижу, народ толкается, какие-то возбужденные разговоры...слышу, у кого-то ворота дегтем вымазали. Слышу, и ушам своим не верю: ворота вымазали у Паши

Драгуновой. Быть, говорю, того не может, Паша - девушка ч е с т н а я, кто-то напакостил из злобы или еще чего. Среди молодежи все подозрения сразу пали на Ваську, но тот клялся и божился, что никакого отношения к этому не имеет, и что вообще в тот день и ночь его в селе не было, и он может это доказать, потому что ночевал у своей знакомой вдовушки в соседнем селе.

Разговоры то разговорами, да вот только еще одно дело нехорошее обнаружилось: на другой день не вышла Паша на работу. Пошли ее домой искать, мать ничего не знает, встревожилась сразу. Туда, сюда, нету нашей Паши нигде. Уехать она не могла: ни денег у нее не было, ни ехать не к кому и некуда. Короче, пропала Паша. День второй, третий - ни слуху, ни духу. В милицию сообщили, сначала участковому Маслову, а он уж и в район - нет нигде человека.

Прошла ровно неделя, как опять все село всколыхнула страшная весть: пацаны нашли Пашу на Барской вершинке, утопшей в пруду. Приехали следователи, начались разборки. Увезли тело Паши в город. Установили, что признаков насильственной смерти нет, получалось, что девушка от позора сама на себя руки наложила, то есть утопилась.

Еще приезжали следователи, Ваську увозили в город, дня через три вернулся, отпустили его: вдовушка подтвердила его алиби. Дважды еще приезжали милиционеры, все чего-то выпрашивали, вынюхивали. Между делом один из них сказал, что вскрытие показало: Паша - девушка ч е с т н а я!

От всех этих событий село гудело, как потревоженный улей. Люди гадали кто же мог вымазать ворота бедной Паши. По всему выходило, что некому больше, кроме, как Ваське, но тот клялся и божился, что не делал этого,

признавался, что ругался с Пашей, дескать, даже угрожал, что она пожалеет о своей несговорчивости, но ворота не мазал.

Все это время Ванька, сосед мой и приятель, ходил чернее ночи, сам не свой. Сказать, что он переживал - это значит ничего не сказать, он просто убивался...

Мало помалу разговоры стали стихать, село только-только успокоилось, как новая весть громом среди ясного неба поразила народ: Ванька Калабин на плотине Майского пруда из ружья насмерть застрелил Ваську Пестрикова. Случилось это на октябрьские праздники. Пьяный Васька шел с друзьями по плотине, играл на гармошке и распевал частушки, как от уреза воды вышел навстречу бледный, как смерть Ванька, вскинул ружье и, сказав: - это тебе за Пашу, сука, ее нет, мне наплевать на все, но и тебе не жить - выстрелил почти в упор. Васька даже не дергался - умер сразу.

Ванька сам пошел к участковому и сдался. На следствии он рассказал, как сам установил, кто вымазал ворота Паши Драгуновой, и предъявил доказательства. Он хитростью вызнал у вдовушки, в какое время Васька в ту ночь, когда вымазали ворота, пришел к ней, оказалось, что времени у Васьки для того, чтобы совершить эту гнусность было больше, чем достаточно. Но самое главное, Ванька отыскал банку с дегтем, из которой Васька пачкал ворота. Тот ее попросту-напросто утопил в том самом пруду, на плотине которого и был потом застрелен. Рассказали Ваньке об этом мальчишки, которые случайно видели, как Васька что-то бросил в воду, показали место. Ванька долго и упорно ползал в воде, но банку отыскал.

Судили Калабина выездным судом в родном селе. К сожалению, я в то время был в отъезде, и не смог присутствовать там. Рассказывали, что народ горой стоял за

моего соседа, все ему сочувствовали и жалели... Однако суд есть суд. Дали моему герою пятнадцать лет, и увезли навсегда из моей жизни. Времена тогда были строгие.

Такие вот нешуточные трагедии шекспировского масштаба нет-нет, да и случаются в российской глубинке, а мы все говорим, что настоящая-то жизнь со страстями происходит где-то, то в Датском королевстве, то в итальянской Вероне, только не у нас, а мы? - мы живем скучно.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА.

Лет тридцать тому назад поехал я как-то в выходной по своим житейским делам в одно сельцо, отстоящее от города километров на пятьдесят. Деньёк был погожий, солнечный, июльский, но жары и духоты, обычной в эту пору, почему-то не было. Настроение у меня было отличное, я никуда не спешил, ехал не торопясь, и любовался цветущими окрестностями. Когда проехал село с благородным названием Князе-Волконское, где-то через километр, увидел я стоящий на противоположной обочине «Запорожец» с инвалидным знаком. Особого внимания на него не обратил, так как в этом месте были огородные участки для горожан, и я подумал, что кто-то просто приехал на свой огород.

Возвращался я часов через пять, подъезжаю к этому месту, смотрю, а «Запорожец» по-прежнему стоит на этом месте, но сзади него я увидел инвалида на малюсенькой колясочке-площадке. Человек этот просто стоял и смотрел на меня. Увидел так же, что его автомобиль стоит на домкрате и сообразил, что инвалид нуждается в помощи.

Я тут же принял вправо и остановился. Вышел из

машины, подошел, поздоровался. Что - говорю - беда? Помочь? «Да надо - говорит - стою уже тут полдня, ни одна машина не притормозила, ваша - первая...Я голосовал, голосовал, но безрезультатно, уже и голосовать устал».

Вижу - говорю - резина подвела?

«Да ездил за грибами по бамовской трассе, там колесо пробил, запаску поставил, досюда доехал, и ее пробил. В багажник кинулся, и вспомнил, что вулканизатор и сырую резину в гараже забыл. Делать нечего, стою и жду»

Не беда - говорю - сейчас починимся, есть у меня и то, и другое..

В те времена о таком сервисе, как шиномонтаж и слыхом не слыхивали, и духом не «духивали», поэтому каждый уважающий себя автомобилист всегда в багажнике возил вулканизатор и сырую резину, а так же набор инструментов для разбортовки-забортовки шины.

Смотрю, обрадовался мой инвалид, шустро так руками заработал, подъехал ко мне на своей тележке, подаю ему вулканизатор, монтiroвки, резину. Он все это берет, подъезжает к лежащему спущенному колесу своей машины, лихо на него вскакивает, и вонзает монтажку между диском и резиной. Вижу, что делает он это левой рукой.... смотрю, и глазам не верю: у него и правая рука покалечена, совсем нет кисти. Ног нет по самые коленные суставы, на правой руке нет кисти, как же он машиной-то управляет, думаю я, дай-ка гляну, какое там управление? Заглядываю в салон, и еще больше своим глазам перестаю верить, ибо вижу там обычные органы управления, точно такие же, как, например, на моей машине, и на автомобиле любого другого здорового человека.

Подхожу к нему, говорю: дай-ка мне монтажки, мне-то полегче, чем тебе будет справиться, посиди, я сам все сделаю. Начал работать, спрашиваю, как зовут, отвечает

- Валера. Ты, говорю, Валера, меня извини, но вижу я, что жизнь тебя круто поломала, большой урон нанесла.

Скажи-ка мне, пожалуйста, как же ты управляешь своей машиной с таким увечьем? Очень, говорит, просто. Загляни в салон, там увидишь палки с приспособой для крепления к ногам - я их нацепляю, и работаю с педалями, руль кручу левой рукой, а на правую надеваю петлю из ремня, (показывает мне ее) и с ее помощью переключаю передачи.

Посмотрел я на все эти штуки, посмотрел на него, и подумалось мне тогда: вот человек, покруче Маресьева будет, ведь у того только ступней не было, а этот весь перерезан...да еще машиной управляет, а это потруднее, нежели самолётом, особенно в нынешних условиях оживленного автодвижения.

Пока вот так мы с ним беседовали, я закончил вулканизацию, забортовал колесо, поставил его на автомобиль, уложил инструмент. Попрощались мы, напоследок попросил у него телефон. По номеру коммутатора понял, что он имеет отношение к железной дороге, стало ясно, откуда такая травма.

Уже в дороге я все сидел, крутил баранку, представлял себя на его месте и невольно думал о том, какие же бывают сильные духом и волей люди: этот человек весь искалеченный, не упал духом не спился, водит автомобиль, на какой-то самопальной колясочке не страшится идти в тайгу и собирать грибы. Невольно в душе моей возникло чувство глубокого уважения, даже преклонения перед мужеством этого человека. Велик бывает человек. Истинно велик!

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ИНСТРУКТОР.

Теща моя, ныне уже покойная, в целом была женщина с «положительным балансом». Принадлежала она к тому поколению, которое не умело, не могло жить «просто так», то есть без работы. Она работала всегда, порой даже приходилось ее слегка «укорачивать», потому что в своем рвении к работе она довольно часто делала работу ради работы, то есть, бессмысленную с точки зрения рациональности.

Сама по себе была она вполне безобидной, как и всякий человек со своими тараканами, но уживаться с ней было возможно, и в целом мы уживались удовлетворительно. Однако, был у нее один «пунктик», который меня иногда, сказать по совести, доставал: уж очень она любила инструктировать, давать всякие ценные указания, и поучать, как делать то, или иное дело. Причем не до того, как ты собираешься что-то сделать, а непосредственно под горячую руку, когда ты работаешь. Начну копать, подходит: не так копаешь, лопату держи вот так, копай на такую глубину. Возьмусь за столярные работы, обязательно начнет поучать, как держать рубанок, как стучать по долоту. Короче говоря, она везде и всюду лезла с поучениями. Иногда это надоедало, и я открытым текстом отправлял ее заняться делом, в котором она что-то понимает, и не лезть ко мне с глупыми поучениями.

Дело, порой, доходило до курьезов. Расскажу об одном таком случае. Прошел месяц с того дня, как я закончил строительство бани. Банька получилась вполне уютная, и удовлетворяла нас по всем статьям. Было очень удобно после рабочего дня помыться горячей водичкой, отдохнуть. По субботам, естественно, устраивали полноценный банный день с парной, вениками и прочими

атрибутами банной традиции.

Рабочие дни недели мы проводили в городе, а в пятницу, ближе к вечеру приезжали в свое хозяйство. Драгоценная теща жила там на постоянной основе. Однажды приезжаем, выходим из машины, наша мамочка нас встречает, но что-то, вижу, не очень нам рада, и как-то весьма с опаской поглядывает на меня, да и лицом смурная. Сразу сообразил: что-то тут не так..

- Ну, выкладывай, что тут у тебя случилось?

- Да вот баню чуть не сожгла, горько потупившись, сказала она, и сожгла бы, если бы не Райка. Райка - это старшая сестра моей жены, которая тоже иногда жила на даче и помогала матери.

- Идем, говорю, показывай свою работу, горемыка. Идет, трясется. Захожу - матушки-батьюшки: вся стена над топкой обугленная донельзя и некоторые доски прогорели насквозь.

- Как это случилось-то? - спрашиваю.

- Да как? - растопила печь, показалось, что дров мало, пошла за новыми, а оно возьмишь, да и запылай, дверцу-то я забыла прикрыть, а жара же, сушь дрова - как порох, вот оно и занялось. Пока дров охапку набрала, да пока еще кой-чего сделала, оно уже загорелось вовсю. Хорошо, Райка шла с речки, увидела, да давай водой все заливать, вот и спасла, иначе бы баня в момент вся сгорела.

Не стал я ее ругать, молча взял новые доски, сгоревшие оторвал, и за пару часов все исправил. Потом позвал свою «поджигательницу», показал ей, как правильно нужно разжигать и топить печку в бане. Объяснил всё самым подробным образом. Через несколько минут, натащав воды в баню, стал печку разжигать, чтобы вечером хорошо попариться.

Не успел дрова в печку положить и чиркнуть спич-

кой, как в проеме двери возникла фигура инструктора и с порога начала меня поучать, как правильно разжигать и топить печку в бане, чтобы она не сгорела.

Тут-то мне и подкрался карачун: давно я так не хохотал, как тогда, даже жена из дому прибежала, чтобы узнать, что тут случилось. Рассказал и ей...Хохотали уже все, в том числе и инструктор.

КАК Я «УБИЛ» КИТАЯНКУ.

Пару-тройку лет тому назад был в Пекине. Как-то поехали группой на экскурсию в зимний императорский дворец. Там есть место, которое китайцы считают центром мира. В прежние времена на это место имел право вставать только император. Делалось это один раз в году, осенью после сбора урожая. Император докладывал богу об успехах страны, и просил содействия бога на будущий год. Теперь это разрешено любому, кто пожелает. Наша очаровательная гидша предложила членам группы встать на этот круг и попросить у бога все, что захочешь. Считается, что если это сделаешь искренне - сбудется. Время пребывания на круге - 30 секунд. Было интересно смотреть на лица людей, когда они вставали, закрывали глаза и обращались с просьбой. Огромная, разнообразнейшая гамма чувств! Словами не описать!

Дошла очередь до меня. Я встал, постоял и сошел. Девушка-гид спросила меня: а можно узнать, что вы попросили? Я ответил: встав на круг, я сказал богу: мужик, отдохни хотя бы эти тридцать секунд от бесконечных просьб, мне ничего не надо. Гид несколько секунд ошеломленно молчала, хлопая глазами, потом сказала: никогда ничего подобного не слышала.

НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД.

Как-то однажды были мы у себя в загородном доме. Мы - это я, жена, и наш внук Дениска, которому было тогда что-то чуть больше четырех лет. Весь день, как обычно, мы хлопотали по огородным и другим очень важным и нужным хозяйственным делам, Дениска активно помогал то мне, то бабушке.

Вечером, как водится, истопили баньку, но что-то париться в тот раз особого желания не было, и мы с Дениской, наскоро смыв пот трудового дня, сели в летней кухне ужинать.

Пока ужинали, болтали о всякой важной всячине: о том, что у ос, которые сидят в гнезде возле туалета, очень злые глаза, и они всегда подозрительно следят за Дениской, когда он идет мимо; что наверху, возле конька крыши, висит огромное гнездо, где живут не менее огромные и страшные шершни, которые даже скворцов выгнали из скворечницы - короче, темы для разговора двух мужчин были самые животрепещущие и важные.

После ужина мы вышли посидеть на крылечко, посмотреть, как из-за синего дальнего леса в деревню приходит ночь. Она крадется вслед за солнышком, которое каждый вечер уходит спать на китайский берег. Сидели, наблюдали, как летучие мыши носятся в воздухе и ловят комаров, как на небе то там, то там вспыхивали звездочки, как серебрилась вода в речке. Быстро темнело, откуда-то из-за китайского горизонта незаметно выскочила луна и повисла желтым фонарем прямо над речкой.

- Дениска, говорю, а давай-ка мы с тобой поставим парочку закидушек (род местной донной удочки) да ляжем спать, а к утру, возможно, нам повезет и попадется какая-нибудь вкусная рыбка.

- Давай, дедушка, пойдем и поставим.

Сказано - сделано. Забираем закидушки, берем приманку, и шагаем на берег. До него совсем недалеко, от ограды палисадника метров 20 - 25. Пока я разматываю снасти, насаживаю приманку, Дениска, как обычно, занимается своим любимым делом: кидает в речку мелкие камушки и смотрит, как из воды выскакивают капельки серебра. Я забрасываю снасти, ставлю каждую удочку на свой сторожок, на пару минуток теряю внука из виду. Когда все закончил, оглядываюсь, а его нет...Смотрю налево, вижу, шагает мой мужичок по самому краю берега откуда-то слева, с лунной стороны, вроде, как грустный...

- Ты куда ходил - спрашиваю...

- Дедушка, я увидел, как лунная дорожка подошла к самому берегу вон там, сказал Дениска, и показал рукой ...

- И что, говорю, ты там делал?

- Я хотел по ней пройти.

- Куда пройти, спрашиваю его, как и положено, самым серьезным тоном, каким разговаривают настоящие мужчины.

- Мама мне читала какую-то книжку про девочку, которая однажды пошла по лунной дорожке, и попала в волшебную страну.

- И что же, говорю, ты не пошел в эту волшебную страну счастья по этой дорожке, а вернулся ко мне?

- Эта дорожка какая-то хитрая, я к ней иду, а она от меня уходит, а Луна на месте стоит, так у меня и не получилось на нее ногой ступить, а если бы я наступил, то тогда бы и попал в эту страну счастья.

Погладил я его по голове, да и говорю: пойдем-ка, путешественник, в нашу страну счастья - спать, я тебе расскажу сказку про Илью-Муромца и Соловья-разбойника.

- А песенку споешь про казака, который по Дону гуляет?

- Спою, говорю, спою.

Посмотрели мы еще разок, как у нас закидушки стоят, не упали ли со сторожков, да пошагали к дому, а там уже и бабушка нас ищет, навстречу идет..

Все у нас в этот день хорошо получилось, кроме путешествия по лунной дорожке.

ВОТ ЭТОТ – ЛИШНИЙ.

Пришла пора Дениске идти в школу. Повела его мама записывать в гимназию. Помимо всех бюрократических процедур, сопровождающих этот важный момент в жизни маленького человека, там было еще так называемое тестирование. Слово это мудреное, не всяк его понимал, и потому народ почтительно и почти трепетно относился к этой процедуре - непонятное всегда пугает. Мамы в коридоре тревожно-загадочно шушукались, высказывали самые жуткие и страшные предположения, что дескать, от того, как ребенок пройдет тестирование, зависит чуть ли не судьба и будущее любимого чада.

Подошла и очередь нашего героя. Дениска к этой поре уже был вполне смысленный пацанчик, бегло читал, бредил греческими мифами, палеонтологией и всяческими плезио, стего и прочими тираннозаврами, поэтому, когда он зашел к «тете проверятьнице», то предложенные картинки-тесты его совсем не смутили, а посмотрев на последнюю, он вообще громко расхохотался, чем очень удивил эту самую тетю проверятьницу.

Заинтригованная психологиня спросила его:

- Дениска, что ты там смеешься, покажи мне, что там

такое веселое?

Мальчик показывает ей тест. Там картинка, где нарисованы птицы: воробей, сорока, голубь и дятел, и стоит вопрос: какая птица лишняя?

- Ну и что тут смешного? как ты ответил?

- Дятел!

- Правильно, а почему?

- Ага, такого заведи дома, он все стены издолбит, поэтому он - лишний.

- Так при чем здесь дом, ведь тут нарисованы птицы, три из которых живут в городе, а дятел - птица лесная?.. Ты правильно ответил, но не правильно объяснил.

- Я правильно объяснил: у нас дома всегда живут и попугаи, и ежики, и черепахи, даже голуби жили, и никто ничего в доме не ломает, а дятел все стены свои клювом исключает.

Говоря эти слова, Дениска продолжал заразительно хохотать.

- И что тут смешного? - спрашивает проверяющая

- Представляете, как бабушка будет ругаться, что все стены у нас в дырках.

Потом началась учеба, долгих 11 лет. Первая учительница у нас была очень старая женщина, уже давным-давно суперзапенсионного возраста. Она, кстати, работала последний год, и очень строго, как ему казалось, относилась к Дениске, была излишне придирчива именно к нему, и никогда не проявляла доброжелательности, только суровую строгость.

Каково же было наше удивление, когда гимназическая директриса уже после вручения Дениске медали, после блестяще им сданных ЕГЭ по разным предметам, сказала:

- десять лет назад Тамара Александровна (так звали

первую нашу учительницу), уходя из гимназии, привела этого мальчика ко мне в кабинет и сказала:- знакомьтесь, этот мальчик - будущая гордость гимназии и будущий медалист. Так оно и случилось. Одно только, например, звание «гимназист года» наш Шароголовик, как мы его звали, завоевывал семь раз.

ШАПКА КОМАНДИРА.

Рос наш Дениска, рос, и незаметно подрос до того, что его стало можно отдать в детский садик. В те годы шустрые российские либералы и демократы, присосавшиеся к власти, распродали все, что можно, и все, что нельзя, дабы набить свои карманы, пользуясь неразберихой, царившей в стране победившей демократии и рынка. На волне этой базарной распродажи все бывшие детские садики города стали частной собственностью разного рода прохиндеев и прохиндейчиков от игрового бизнеса, сомнительного рода торговли, и прочей малопонятной деятельности, у которой было две цели: обмануть доверчивого обывателя, и набить карманы тем, кто этими сомнительными делами занимался. Вышло так, что в городе практически не осталось государственных дошкольных детских учреждений, поэтому пришлось нам нашего Шароголовика отдавать в частный детсад. Нам повезло, ибо хозяйка садика, куда мы пристроили нашего героя, оказалась человеком на своем месте. Вот так и двинулся Дениска маленьким, новым, но важным шагом в дальнейшую большую жизнь за пределами родного дома.

Паренек наш оказался коммуникабельным, контактным и не очень робкого десятка, ибо почти с первых дней посещение садика стало для него нормой жизни. Он

быстро освоился с новыми условиями, детьми, хорошо поладил с Инной Васильевной, как звали хозяйку и одновременно главную воспитательницу садика.

Потекли обычные размеренные будни. Утром я по дороге на службу завозил его в садик, вечером мама забирала мальчика домой. Условия в садике были хорошие, атмосфера отношения к детям была отличная, детки были все очень милые, шустрые, любопытные и коммуникабельные. В группе имелись различные игрушки, среди которых была одна особая, которую дети почему-то не особо жаловали. Это была сделанная из картона или папье-маше гусарская фуражка. Черного цвета, с очень высокой тульей и блестящей кокардой, она чаще всего сиротливо лежала на полочке шкафа для игрушек, и никто на нее внимания не обращал.

Но так было, как нам потом рассказала Инна Васильевна, только до прихода Дениски в группу. С первого дня, сказала нам воспитательница, он эту фуражку возлюбил, назвал ее шапкой командира, и каждый раз, приходя в группу, сразу же надевал ее на голову и не расставался с ней до конца дня.

Самое интересное, что другие детки тоже стали ее жаловать вниманием и там среди них установился такой порядок, что с утра, пока Дениска еще не приехал, детки, приехавшие раньше, надевали ее и носили до приезда нашего героя. Как только он заявлялся в группу, он сразу же спрашивал: - Где моя шапка командира? - и тут же забирал ее у кого-то. Как рассказывала потом воспитательница, никто особого внимания на это не обращал, потому что как раз в это время детей оставляли в комнате на несколько минут одних, и уходили в другую комнату накрывать на стол завтрак.

Обычно, как рассказала Инна Васильевна, после того

как стол был накрыт, детей звала к столу Юля, дочка хозяйки и по совместительству младшая воспитательница. Она им весело кричала: - дети к столу дети, завтракать! - и малыши шли на этот зов. Как-то однажды когда Юли по какой-то причине не было дома, Инна Васильевна, накрыв стол, сама пошла в зал за детьми и увидела там картину: все дети, выстроенные в колонну по одному ходили строем по комнате, а Дениска, надев шапку командира, важно командовал: раз, два, три!, раз, два, три!

Картина была уморительная: один важно командовал, другие старательно шагали. Потом оказалось, что с тех пор, как наш герой, облюбовал гусарскую фуражку и завал ее шапкой командира он каждый божий день командовал своими одноклассниками и занимался с ними маршировкой, пока в столовой шли приготовления к завтраку.

Когда его стали спрашивать, кто его этому научил, и зачем он так делал, Дениска, ни мало не смутившись, ответил, что никто его не учил, он видел по телевизору как командиры командуют солдатами, а раз шапка командира у него, то значит, он командир и должен командовать. Такая вот, детская логика.

ХОР КРОМЕ ПЯТНИЦЫ.

Дениска пошел учиться в школу. Прошло недели две, мама приводит его из школы и объявляет нам, что наш мальчик будет учиться пению в музыкальной студии «Гармония». В школе было прослушивание, и проводился отбор мальчиков и девочек в эту студию. Когда Денискина мама пришла за ним чтобы забрать его домой, руководительница, которая отобрала нашего мальчика, сообщила

ее об этом факте..Наша мама засомневалась и спросила:

- Вы уверены, что вы именно этого мальчика отобрали?, На это важная на вид дама сказал, что она уже сорок лет руководит коллективом музыкальной студии «Гармония» и сорок лет занимается отбором талантливых детей, поэтому в случае с Дениской ошибки нет и не может быть.

- Ну, раз такое дело, значит будем учиться петь - ответила мама.

Когда они, вернувшись из школы, рассказали нам об этом факте, я в шутку сказал:

- ну что, Дениска, будешь теперь петь в хоре имени Пятницкого..

- Да, дедушка,- ответил мне Денис - будем петь в хоре каждый день недели, кроме пятницы.

ЯМЩИКА ЖАЛКО.

Уезжая в деревню, я всегда брал с собой своего внука Дениску. Целыми днями мы занимались разными очень важными делами: пололи, окучивали, убирали, топили баню и так далее. Летом дни длинные и очень жаркие. Вечером нужно было обязательно хорошо помыться. Для этого мы с внуком всегда топили баню. После работы с удовольствием парились, ужинали всякими разными вкусностями, которые нам непременно готовила бабушка. После ужина ложились отдыхать, немного смотрели телевизор, потом свет выключали. Перед сном, так уж было нами с давних пор заведено, я обязательно тихонечко, вполголоса пел Дениске какую-нибудь народную песню, то «По Дону гуляет», то «Славное море, священный Байкал», то еще какую-то. Обычно я спрашивал: - Дени-

ска, какую тебе сегодня песню спеть? - и он мне называл, что хочет слышать. Однажды, вот так, вечером, после всех дел, запел я ему песню «Степь да степь кругом». Пою первый куплет, второй, третий...слышу, что-то мой внук вздрагивать начал, как-будто плачет. Остановил песню, смотрю, а он и точно плачет горькими слезами. Дениска - говорю - что с тобой? Ты почему плачешь? - Жалко ямщика, говорит, как он умирает в глухой степи, и никто ему не поможет. Вот тебе раз, думаю, начал его успокаивать, прижал к себе, слов всяких успокоительных наговорил, слышу: замолчал, засопел, затих. Проходит минута, ну, думаю, уснул, а он тут как вдруг заплачет снова. Что такое, что случилось, ты почему опять плачешь? Эх, дедушка - говорит он мне - ты уже старенький, вот умрешь ты скоро, и некому мне будет вечером песенку спеть. Ни про ямщика, ни про по Дону гуляет. Тут уж у меня в горле комок вдруг откуда-то появился.

ПЯТЬДЕСЯТ СЕМЬ КОПЕЕК.

Собрались мы как-то всей семьей поехать на автомобиле в одну деревеньку. Мы - это наша семья, то есть моя жена, она же мама, моя дочка, она же Иринка, ну и я, он же папа, он же водитель, он же руководитель экспедиции. Ехать было нам, честно сказать, совсем недалеко, всего-то семьдесят пять километров. В той деревеньке жила одна важная особа - комендант целого совхоза - мама моей жены. Она же бабушка Иринки, и моя, как вы понимаете, некоторым образом, теща. Получается, что хотя мы все трое ехали в одной машине, но у каждого из нас была своя цель. Жена ехала навестить маму, Иринка ехала навестить бабушку, ну, а на меня, как руководителя

экспедиции, была возложена самая трудная, почетная и, сами понимаете (особенно мужчины) миссия - нанести официальный визит теще.

Денек был погожий, с утра на календаре высвечивалось слово суббота, настроение у всех было просто великолепное, то есть все располагало к приятному и не очень утомительному путешествию. Поэтому после завтрака мы, не теряя времени, быстренько погрузили необходимое в багажник, еще раз проверили, не забыли ли часом самого чего-нибудь главного, заперли двери своего жилища, и тронулись в путь. Минут через сорок езды по городу мы, наконец, его миновали, и выбрались на природу. Дорога наша шла на юг. После очень крутого змееобразного зигзага шоссе, называемого в народе тещиным языком, трасса устремляется прямо в гору - это подъем на перевал Большой Хехцир. После перевала шоссе резко сворачивает направо, сбегает по склону гор вниз, и бежит-бежит ровной лентой в сторону Владивостока. Справа рядышком вдоль дороги тянется синяя громада угрюмого хребта Большой Хехцир, а слева открываются безбрежные мари, на которых местное население в летнее время берет в пользование и продажу несметное количество всяческих дикороссов, от черемши, до папоротника, голубики и клюквы. Мари это довольно долго сопровождают путешественников, они обширные, ровные и заканчиваются где-то далеко, на самом горизонте, очертаниями темно-синих гор знаменитого хребта Сихоте-Алинь. Упомянутый выше хребет Большой Хехцир - это крупный западный отрог Сихоте-Алиня.

Ездить мне по этой дороге приходилось довольно часто в течение многих лет, и я быстро заметил за Большим Хехциром характерную особенность. Он являлся, некоторым образом, чем-то вроде погодного-климатиче-

ского водораздела: если с северной стороны хребта погода была солнечной, то южная сторона плавала в туманах и дождях, и наоборот. Так случилось и в этот раз. Выезжали мы из города солнечным погожим утром, а перевалили за хребет - сразу попали в туманную морось.

Короче говоря, идет дождь, видимость плоховатая, мурлычет приемник, нам тепло, полегоньку болтаем о всякой чепухе, дочка на заднем сидении наводит порядок в своих игрушках. Приличные девочки ее возраста играли в куклы, пупсики, тряпочки, наша же дартаньянка ничего, кроме собак, лошадок и сражений на шпагах не признавала.

Движение по случаю выходного дня не очень оживленное. Вижу, на автобусной остановке пригородного сообщения стоит женщина с маленькой девочкой, примерно такого же возраста, как наша Иринка. Дождик идет, им холодно и неуютно, вот я и говорю: Иринка, давай-ка вон ту тетеньку с ее девочкой заберем и подвезем куда им надо, а то им совсем тут плоховато. - Давай, говорит, папа, конечно, заберем. Останавливаюсь, открываю окно спрашиваю, куда вам? Опасливо и недоверчиво смотрит, видит женщину, девочку, успокаивается...Отвечает: «до райцентра» .. Садитесь говорю. Села, поехали

Минут через сорок подъезжаем к райцентру, добираемся до центральной площади, где и попросила наша попутчица их высадить. Останавливаюсь, выходят, вежливо говорят: -»спасибо». Мы трогаемся, едем. Впереди - переезд через транссибирскую магистраль. Как всегда, шлагбаум закрыт. Торможу, глушу двигатель. Сидим. Вдруг, сзади тихий голосок моей девочки: пап, а зачем мне эта тетенька денежки дала?

Оборачиваюсь - какие денежки? - а вот - протягивает мне мелочь. Пересчитываю - ровно пятьдесят семь ко-

пеек. Именно столько стоит билет на рейсовом автобусе, это я знаю точно. Ну, говорю, Иринка, ты же давала свои игрушки ее дочке, пока ехали? - да, говорит, она играла моей собачкой. Ну вот, тетенька тебе за твою доброту и дала денежки на мороженое, сейчас до бабушки доедем и сходим с тобой в сельмаг.

Оставил я мелочь в руке дочки, тут как раз и шлагбаум отворили, то бишь, подняли, поехали мы. Езды оставалось всего ничего - двенадцать километров. Жена молчала, дочка молчала, молчал и я. Молчал и думал: какой же все-таки наша попутчица оказалась хорошей женщиной. Она не хотела поставить нас в неловкость своими маленькими деньгами - с одной стороны, но с другой - ее совесть и честность не позволяли принять оказанную ей услугу бесплатно: как всякий небогатый человек она, видимо, имела свою настоящую гордость, в которой смешивалось и уважение к себе и уважение к нам, как людям, которые ей помогли. И она нашла, как мне кажется, весьма дипломатичный с житейской точки зрения выход, дала деньги дочке и жестом попросила ее молчать. Об этом мне уже потом рассказала Иринка.

Тут наша дорога кончилась, жена пошла радовать свою мамочку, а мы пошли с Иринкой в магазин за мороженым, но уже для всех. Надо же было чем-то дополнительно умаслить тещу, чтобы блинами угостила.

ЭТО НЕ ВАТАКА.

Дочка подросла, пошла в садик. Каждое утро веду ее туда, вечером забираю. Здание садика расположено в небольшой низинке, на ровной площадке. Сразу за калиткой в заборе есть небольшая лесенка, рядом с лесенкой

- тропинка. Когда идем в садик - сбегает по лесенке, идем обратно - взбегаем в горку по тропинке. Перед тем, как взбегать, беру дочку за руку и говорю - пошли в атаку, после чего быстро взбегаем наверх. Так каждый день.

Как-то летом собрался на рыбалку. Дочка начала капризничать: - пап, возьми. Решаю взять, но тут в дело вступает мама: - никаких рыбалок, нечего ребёнком комаров кормить и вообще, маленькая она еще! Понимающе переглядываемся и начинаем осаду крепости... Усилия не пропадают даром: стены маминого Карфагена дрогнули и рассыпались.

Подъем в пять утра, быстро собираем поклажу и идем в гараж. Приезжаем на место. На рыбалке очень много разных дел, но три - самые важные. Первое - это снасти, второе - палатка, третье и самое наиважнейшее - костер. Разбираемся с первыми двумя и приступаем к третьему. Для костра нужны дрова. Говорю: айда за дровами! Идем к зарослям кустарника, где можно набрать валежника. По дороге попадаетесь невысокий бугорок, аккурат, как в садике при выходе. Беру дочку за руку и говорю: пошли в атаку. Она смотрит на меня и говорит: а это не ватака. Что ответить?

Долго смеюсь, потом объясняю, теперь уже смеемся вместе. А костер у нас получился знатный. И рыбок тоже поймали, и даже уху варили.

ВОТ ТАК ПОЖАЛЕЛ!

История, которую я хочу вам поведать, приключилась со мной глубокой осенью то ли 85, то ли 86 года. На первый взгляд она совсем пустяковая и ничего особо примечательного в ней нет, вроде и рассказывать-то ее бы

не стоило, но что-то не дает мне её забыть. Время от времени я вспоминаю ее, перебираю в памяти, и размышляю над ней. Вот я и решил рассказать ее вам, друзья, представить, так сказать, на ваш суд.

В самом конце октября довелось мне по служебным делам поехать в один район края, не так уж далеко, что-то чуток больше ста километров. Возвращался я уже поздно. Погода была мерзкая, дул ветер, шел мокрый снег пополам с дождем. В машине было тепло, мурлыкал приёмник, и я размышлял о том, что часика через полтора приеду домой, приму ванну, с аппетитом поужинаю и с чистой совестью человека, добросовестно исполнившего свой долг, завалюсь спать.

Вдруг в свете фар я увидел в будке остановки рейсового автобуса две маленькие, почти детские фигурки. Ночь, холодно, снег с дождем, тайга, рейсовые автобусы уже все прошли - откуда здесь дети? Я тормознул, сдал немного назад и, точно, увидел двух девчушек лет тринадцати-четырнадцати, скукожившихся от холода и похожих на воробьев под застрехой. Девочки, куда вам - спросил я? Дяденька, довезите нас до Третьего километра, мы там живем, нам туда..Садитесь, говорю. Девчонки быстренько запрыгнули на заднее сиденье.

До Третьего километра было около полусотни километров пути. Отметив про себя, что детям в такое время положено бы быть дома, я, однако, не стал их ни о чем расспрашивать, а снова погрузился в свои мысли. Минут через пятьдесят мы подъехали к поселку, я высадил девочек на остановке, они, выходя, сказали мне вежливо спасибо, и я поехал дальше. Получилось, что за весь путь я и парой слов с моими юными попутчицами не перекинулся.

Доехав до гаража, привычно повернулся к заднему

сиденью, где на полочке перед стеклом всегда лежала моя сумочка-визитка, в которой хранились все мои документы и ключи от гаража, но сумочки на привычном месте не было. Сначала мелькнула мысль, что я забыл ее там, куда ездил, но потом, покопавшись в памяти, точно понял, что ничего я нигде не забывал, и сумочку положил на обычное место. Стало ясно, что мои милые маленькие попутчицы помогли мне с ней расстаться. Сумочку было не жаль, денег там не было, но там лежало мое офицерское удостоверение, партбилет, водительское удостоверение и регистрационные документы на автомобиль. Утрата этих документов означала для меня то, что в моей служебной карьере возникли суровые обстоятельства, очень даже грозившие мне крупными последствиями вплоть до увольнения и исключения из партии. То есть нелицеприятный финал всей моей прежней карьеры.

Я понял, что тут как раз тот случай, про который говорят: куй железо не отходя от кассы. Быстро заскочил домой, позвонил оперативному по управлению, обрисовал ситуацию, попросил его позвонить дежурному по краевой ГАИ, чтобы меня выпустили из города ночью (а ночью тогда все машины без исключения на выезде из города проверялись). После чего сел в автомобиль, вспомнил тихим добрым словом всех мыслимых и немыслимых богов и чертей и поехал в райцентр, в милицию. Через час я был там, обрисовал ситуацию, вызвали оперов, я коротенько рассказал все, что мне запомнилось в их внешности. К чести милиции, должен сказать, что в том райотделе они ели свой хлеб не зря.

Товарищ подполковник, - говорит мне один из них, - кажется, я знаю этих девиц - едем в Кругликово - это село рядом с Третьим километром! Приехали, сержант показал мне дом, к которому нужно подъехать. Была уже

глубокая ночь, шел второй час. Стали стучать, разбудили хозяев, нашли одну из девиц - я ее опознал. Дальше - дело техники, раскололи ее в шесть, как говорится, секунд. Она во всем созналась, свалив вину на свою подругу.

Спросили, где сумочка? Отвечает: - а мы ее там, на остановке выкинули, где вы нас высадили. Когда мы увидели, какие там документы лежат, а денег нет, то сильно испугались и бросили ее тут же. Поехали искать, в свете фар побродили и отыскивали мою пропажу. К счастью все оказалось на месте.

После всего поехали ко второй девице, забрали ее с собой и вернулись в райотдел. Это уже было в начале четвертого. Еще раз все проверив, я поблагодарил сотрудников милиции за помощь, и поехал домой. Вернулся уже в пять утра.

Вот так мои поэтические мечты о горячей ванне, вкусном ужине и теплой постельке разбились о суровую прозу жизни. С тех пор я навсегда оставил модную тогда привычку все носить в сумочках-визитках, выкинул их, и все документы теперь ношу только в карманах.

Однако есть маленький штрих. Уже дома, рассматривая внимательно содержимое сумочки, я все-таки обнаружил некую пропажу. В правах у меня лежал лотерейный билет. Его не было. Вот эта маленькая деталь больше всего ужаснула меня, я реально ощутил всю глубину испорченности этих маленьких школьников. Гнилая страсть к наживе уже прочно поселилась в их юных душах. Вот так и думаю до сих пор: откуда же в людях этот страшный порок?

Мозги у меня устроены странно. Там, где нужно что-то соображать - я еще маленько мерекаю, а вот где нужно зубрить, механистически запоминать - там я туп, как три сибирских пима сразу.

Короче, дело было на третьем курсе. Есть такая дисциплина в медицине - фармакология. Она из себя представляет набор сведений о лекарствах, то бишь конгломерат информации, которую нужно было только тупо заучивать, извилинами шевелить не требовалось. Весь год я изнывал на занятиях от тоски и смертельной скуки, сил моих зубрить эту голубую муть не было, да и желания тоже. Время от времени я с тоской вспоминал о том, что в конце года еще предстоит сдавать экзамен, что меня повергало вообще в уныние, ибо я, как никто другой в целом мире, понимал, что я его не сдам, потому что я его не сдам никогда.

Время помаленечку бежало вперед и пришел момент, когда по фармакологии, как, впрочем, и по другим предметам, читалась последняя лекция. На курсе у нас существовала традиция: на последней лекции староста потока Миша Фаликович, разбитной мужичок, преподносил преподавателю, читавшему данный курс, букет цветов и произносил какую-нибудь приличествующую случаю речь. Когда же была последняя лекция по фармакологии, Фаликович захворал, и букет дарить было некому. Народ пометался, пометался, и одна наша активисточка комсомольская начала прессовать меня, дескать, давай, Герка, выручай, говори за Фаликовича речугу и дари букет.

Лекция прошла, я с букетом выхожу на кафедру, дарю его нашей профессорше и толкаю какую-то пламенную речь, где, как в добром винегрете, все перемешалось:

и благодарность за науку, и слова о великой пользе науки наук - фармакологии, и так далее, и так далее. А закончил я свой поздравительно-благодарственный «гейзер» словами о том, что, дескать мы, вооруженные передовыми знаниями науки, будем всегда отдавать свои силы *Scientiae et patriae*. То бишь, родине и науке. (Тогда я этого перевода не сказал) Наша пожилая бабулька-профессор растрогалась, и даже малость прослезилась. На этом все и завершилось, и я через пару дней уж благополучно забыл сей момент, меня больше волновал вопрос, как я буду сдавать фармакошу, коли я в ней - ни в зуб ногой?

И вот он, роковой день, наступил. У меня робко теплилась надежда, что я как-нибудь прошмыгну сдать экзамены нашему ассистенту, который вел группу. Все-таки она меня знала, и это играло определенную роль, а уж что-нибудь промямлить по билету я с грехом пополам смогу. Но все рухнуло в один момент. Я уже сидел с билетом в аудитории, чего-то там готовился, писал. Помню, первым вопросом у меня были камеди, или гумми арабици по латыни, вроде по расчетам выходило, что я попал к нашей ассистентке, как вдруг входит профессорша, оглядела нас поверх очков и, показывая на меня пальчиком, говорит: - а вы, молодой человек, ко мне!

Ну, приплыли, мелькнуло у меня в голове и сразу подумалось - вот она, пересдача на осень, и прощай, стипендия.

С видом гордым и независимым (врагу не сдается наш гордый Варяг) подхожу, сажусь, раскладываю свои цыдулки, и начинаю что-то блекотать про гумми арабици. Профессорша послушала минутку, а потом говорит: - молодой человек, а не вы ли это мне дарили букет на последней лекции? Ну все, думаю, приплыли, сейчас она мне что-нибудь напомним-припомним. Однако форс дер-

жу, и солидно говорю: - да, было такое дело. Так вот,- говорит профессорша - вы там все так хорошо говорили, а в конце что-то сказали по-латыни. Я везде искала, что это такое, но так и не нашла. Уж будьте столь любезны, сделайте мне перевод. Ну, это не вопрос, я быстренько все сказал и перевел. Посидела она секунд пятнадцать-двадцать, помолчала, потом говорит: - ну надо же, какая у нас хорошая молодежь пошла, прямо замечательная... так что там у вас ?- притянула мои бумажки к себе, посмотрела и, тихо, - четверки хватит? - За глаза! - отвечаю, а сам ног не чую: неужели фарт такой? - да такого же не бывает!! - а голосок тихонечко: бывает-бывает, вишь, и подпись в зачетке появилась, и четверочка. Вылетел я из аудитории, дух перевел и тут же забыл все, что знал я по этой фармакологии, а заодно и все, чего я в ней не знал и не ведал. Вот тебе и Gummi arabici, вот тебе и scientiae et patriae.

ЧИМАЙДАНЫ.

Октябрь 1965 года. Вечер. Холодно. Темно. Возвращаюсь из Темир-Тау в Караганду рейсовым автобусом номер 107. В автобусе традиционно под завязку народа. Кондуктора нет. Я сижу на самом заднем сидении, в углу. Неподалеку сидит махонький мужичок помятого вида, без ноги и с костылем... В проходе стоят чьи-то чемоданы. Въезжаем в Караганду. Первая остановка «Новая Тихоновка». Водитель останавливает машину, и по громкой связи объявляет: - «проходим в переднюю дверь, предъявляем билеты». Мне выходить на следующей остановке, я сижу, прижавшись к стенке, греюсь. Заднее сидение - самое теплое место в автобусе ЛАЗ. Народ медленно толкается, протискиваясь к передней двери. Тихо, толь-

ко чуть слышно урчит двигатель. Стоим,... и тут возглас тоненьким надтреснутым гнусавым голосом: - «шофёр!, открой заднюю дверь!» - это одноногий мужичонка. «Я сказал - выход в переднюю дверь» - отвечает водитель. Мужичонка: - «да тут чимайданы, не могу!» Мужик с кондукторского сиденья: - «да открой ты ему, у него одна нога». Следом за ним паренек с бокового сиденья, подражая гнусавому голосу: - «да открой, открой,.. у него одна нога и два чимайдана». Автобус почти лежит от смеха. Водитель открывает заднюю дверь, мужичонка бодро вскакивает, помогая костылем, хватает два чемодана и выскакивает по ступенькам - автобус лежит пластом.

НЕРАВНОДУШНЫЙ.

Студенческие годы, несомненно, как ни крути, лучшие годы в жизни подавляющего большинства людей. Не знаю, как в других странах, но в стране моей молодости, СССР, так оно и было. С ними связано огромное число воспоминаний. Хороших, романтических, приятных и переживательных и, конечно, смешных. Как же студентам, да не посмеяться? Вот об одном таком забавном эпизоде я и хочу рассказать.

Был у меня в студенческие годы очень хороший друг. Собственно, мы с ним начали дружить еще до института, дружба наша продолжалась и в годы учебы, и долгие годы после окончания института, вплоть до его кончины три года назад. Звали его Александром Сурковым. В быту - Саня или Санёк. Человек он был замечательный, добрый, как все большие и толстые люди, всегда пребывающий в хорошем расположении духа, замечательный аккордеонист, классный ценитель и рассказчик анекдотов. Сам

был весьма и весьма остёр на язык. Вот с этим его последним качеством и связано мое воспоминание.

На пятом курсе имели мы дело с кафедрой акушерства и гинекологии, изучали всякие тонкости и премудрости этой сложной науки. Процесс обучения состоял из двух циклов длиной дней по 12 - 15. Один цикл в осенний семестр, другой - в весенний. И надо же так сложиться, что когда был первый цикл, у Сани над правой бровью вскочил маленький, но вредный фурункул, поэтому на занятия Саня ходил с забинтованным правым глазом, а перед вторым циклом, уже весной, возвращался мой друган с какой-то свадьбы у родственников, где он веселил народ игрой на аккордеоне, и в узеньком местечке, еще в светлое время суток, встретили его какие-то хулиганы, да вздумали отобрать аккордеон. Естественно, Санёк его им не отдал, завязалась драка, и хотя было их трое, получили они по первое число. Однако Сане тоже малость перепало: под правым глазом засветили ему красивый фингал - дело житейское. На занятия Саня пошел опять с забинтованным глазом. На первом же занятии ассистент спрашивает его:

- Сурков, а что это у вас, как цикл акушерства, так глаз перебинтованный?

Повисла секундная пауза и Саня выдаёт:

- не могу я равнодушно двумя глазами на голых женщин смотреть, вот и завязываю один.

Народ - упал, в том числе и преподаватель, со смеху.

ЖАМАН ЖОПЫР.

Читатель, вероятно, помнит мой рассказик «Забавные кражи». Там упоминалось немного про то, как я однажды летел из одного поселка в Караганду. Так вот, у этой истории есть некое продолжение. Прямое отношения к теме того рассказа оно не имеет, но так или иначе, обе истории, и старая, и та, что собираюсь сейчас рассказать, меж собой некоторым образом связаны.

Через пару дней я летел этим же рейсом, но уже обратную сторону. В самолете пассажиров было всего человек десять, не более. Молодая пара, несколько парней, колоритный старик-чабан и я. Естественно, все пассажиры, за исключением меня, были казахи. Дежурная по аэропорту отвела нас к самолету, мы расселись. Несколько минут летчики что-то там у себя в кабинке делали. Парни громко разговаривали по-казахски, я мало что из их разговора понимал. Старик-чабан молча сидел, опираясь на посох. Парочка, видимо молодожены, сидела напротив меня. Было видно, что девушка нервничает, а её спутник что-то ей потихоньку говорит, вроде успокаивает.

Наконец, пилоты запустили двигатель, дверь пилотского отсека открылась, летчик положил на свободное место пачку гигиенических пакетов. Дверь захлопнулась, двигатель взревел, потихоньку самолет поехал, вырулил на полосу и, разбежавшись, взлетел. Еще не успели набрать высоту, как первой пакетик взяла молодайка, затем за ней следом по очереди потянулись все, в том числе и дедушка, сидевший возле меня. Чтобы не выглядеть белой вороной, взял пакет и я, хотя знал, что он мне не нужен, полеты в таких самолетах я переносил без последствий. Через десять минут вся компания дружно исполняла «арию Риголетто». Сильнее всех рвало девчонку и еще

одного паренька, дедок тоже время от времени прикладывался к пакету.

Минут через сорок самолет приземлился в промежуточном аэропорту, если так можно назвать самый простой аэродром, все оборудование которого было представлено черно-белой «колбасой» и грунтовой полосой.

Молодая пара покинула нас, по девушке было видно, что она это делала с великой радостью. Вместо них сел мужичок лет сорока. Пилоты выгрузили какой-то груз, что-то, наоборот, погрузили, и самолет стартовал. Через пять-семь минут началось дружное повторное исполнение «арии Риголетто» в полном составе. Так продолжалось минут около десяти. Многие очень мучительно это переносили, их буквально выворачивало наизнанку. Тут случилось что-то весьма непонятное: мотор самолета вроде начал сбиваться с ритма работы, чихать, его обороты упали. Надо было видеть, как вся компания моментально прекратила «пение» над гигиеническими пакетами и испуганно вперила глаза в дверь пилотской кабины. Через пару секунд работа мотора выровнялась, и народ вспомнил о своих «обязанностях». Однако, через пять-шесть секунд двигатель вообще заглох. Пассажиры с остекленевшими глазами растерянно смотрели друг на друга.

Самолет планировал, было даже слышно, как свистят расчалки между крыльями нашего кукурузника. Я как-то еще испугаться не успел, вроде даже спокойно и отстраненно думал, что такие самолеты не падают, они планируют и мы благополучно сядем в степь. Пилоты, видимо, что-то там делали, потому что мотор вдруг ожил, чихнул еще пару раз, и заработал уверенно и басовито. Публика облегченно вздохнула и дружно вернулась к полюбившемуся занятию с пакетами.

Один только старик-чабан наклонился ко мне и ска-

зал, показывая на пилотскую дверь: -»ол жаман жопыр» - он плохой шофёр, на что я ответил ему: - жок, ол оте жаксы жопыр - нет, он очень хороший шофер. Народ добросовестно отдавал дань великой опере.

Минут через тридцать наш самолет благополучно приземлился в аэропорту Актогая, пассажиры, не глядя друг на друга, молча двинулись в сторону поселковых юрт. Я поздоровался со своим уже старым знакомым немцем-начальником аэропорта, и тоже направил стопы в центр, там был штаб нашего стройотряда, и там мне должны были помочь с возвращением в Сарытерек.

ПРОСТИ, Я НЕ ЗНАЛ.

Вот уже неделю, как я учусь в шестом классе. Стало быть, не какая-то там козявка из начальных, уже взрослый, как-никак - почти старшекласник.

У меня сложились твердые и несокрушимые убеждения. Например, в жизни есть полезные штуки, а есть совершенно бесполезные. Есть - которые полезнее, и нужнее - это рыбалка, география, походы в лес и так далее. К бесполезным относятся мытьё посуды, домашние задания, разные там нравоучения от учителей и родителей. Но самая бесполезная штука на свете, даже вредная - это девочки.

Нет, конечно, есть и среди них нормальные люди, как, например, Нэлька Дмитриева - не скулит, не визжит, не ябедничает и запросто с нами по садам шарит, но таких - одна штука на тысячу штук. Большинство же - пропащие люди: куклы, тряпки, шушуканье. Кривляются, как макаки, дразнятся, ехидничают и ябедничают. А самое противное - во все нос свой суют, хотя абсолютно

ничего не смыслят в наших пацанячьих делах. Нет-нет, да и выпросят у пацанов на орехи - бабахнет доведенный пацан такой вредине по башке портфелем - на душе радостно становится - думаешь: так и надо, этой плаксе!

Вообще-то, я стараюсь на этих писклей особого внимания не обращать, но ведь они сами нагло в глаза лезут. Сидел я, например, нормально на одной парте с Лехой Тарасенко, никому не мешали и ничего плохого не делали. Подумаешь, малость на уроках шептались, так классная нас назло рассадил. Ко мне вместо Лёхи села противная белобрысая Нэлька Рослова. Вся такая чистюля, нос кверху, тетрадочки аккуратные, дневничок обернут, заполнен, фыркает презрительно, а не разговаривает. Вот, хоть и Нэлька, но совсем не Дмитриева - так бы и дал по башке. Еще и косы противные с белыми бантами в стороны торчат, какой нормальный пацан за такие не дернет? Сами понимаете, совсем тоскливо на уроках стало сидеть из-за этой Рословой.

Короче, любому пацану ясно, как божий день, что девчонки - существа никчемные и только мешают нормальным людям жить. А тут еще недавно в пятом «В», что по соседству с нашим классом, откуда-то появилась новенькая. Худющая, как глиста, чернявая, нос длинный, уши лопухие. Короче - противная донельзя. Ну ладно, была бы тихая, скромная, так нет - везде лезет, ведет себя как настоящая воображала: выпендривается, язык показывает, рожи корчит и слова ехидные противным голо-сочком говорит.

На переменах она постоянно попадалась мне на глаза, выпендривалась, как могла и всем своим видом показывала, что презирает и меня, и моего друга Витьку Павлова, который с ней в одном классе учился. Он терпеть не мог эту кривляку, и каждый день мечтал её отменно

вздуть. Все эти ехидные ужимки и кривлялки так мне однажды надоели, что я не стерпел, подошел к ней, и вмазал ей кулаком по животу. Так, слегонца, не сильно, просто чтобы не выпендривалась и поняла, что может ей быть и хуже. Неожиданно после моего удара она сильно побледнела, и как подкошенная упала на пол. Лежит, бледная, глаза зажмурила, не стонет, не скулит, не плачет, только видно, как зубы сжала. Тут же, как воробьи на пшено, налетели ее подружки, и закричали на меня: ты что, дурак? ты не знаешь, что она после аппендицита? Утащили ее в класс, вызвали их классную и школьную врачиху. Тут уже я прилично струхнул, потому что понял, что влип в неприятность, и что мне конкретно не поздоровится и в школе, и дома, так как отец уж точно все узнает, как директор школы.

Вечером пришел отец. Посмотрел на меня так внимательно, постоял и говорит: - я думал у меня сын мужчиной растет - повернулся, и ушел. Мне от этих слов стало как-то совсем неуютно и тягостно на душе. Отцовским уважением я дорожил.

Лежа перед сном в кровати, я вспоминал, как ударил её, как она молча лежала бледная на полу. Представил, как ей было больно, и думал, что она молодец, не заскулила, как все остальные девчонки в таких случаях.

На другой день я подошел к ней на перемене сразу после первого урока. Она стояла у окна в коридоре. Ты, это, - говорю я ей - не обижайся и не злись на меня. Я же не знал про аппендицит, прости, не буду больше тебя трогать. В ответ она неожиданно светло улыбнулась мне и ответила: - да ладно, бывает, я сама тоже хороша, нарывалась, вот и получила. Смотрю, улыбается она, и совсем уж не такая противная, и улыбка хорошая у нее, и уши вовсе не лопоухие. Короче, обычная девчонка и ничего

в ней особо противного нет. Больше мы с ней не ссорились, но и друзьями не стали. После школы летом попали даже вместе в поход, и я её вроде, как оберегал, памятуя о том, что она - молодец, не скулила, а терпела боль, когда я ей вмазал. Впрочем, девчонки, они и есть девчонки, что с них взять? Даже костер в лесу разжечь не могут, и вообще, ничего не умеют. Ну разве не самые бесполезные на свете существа?

Однако батины слова про мужчину я запомнил, очень хорошо запомнил.

СТРАННИК И КОЛХОЗНЫЙ.

Сразу после войны по городам и селам бродило много разного рода людей, которые жили подаванием сердобольных, и которых в народе называли странниками. Среди этого люда народ был самый разношерстный. Тут были и калеки, изувеченные войной, и старики и старухи, одетые в немыслимое тряпье, и детвора разного возраста. Через наше село странники проходили довольно часто, так как оно стояло на оживленном тракте. Окна нашего дома выходили прямо на этот тракт, и нам всегда было видно, кто идет или едет мимо по своим «странственным» делам. Бывало, заходил этот люд и к нам во двор, прося подавание. В доме всегда было голодно, но мать ни разу никого не прогнала со двора, ничего не подав, это я хорошо помню. Мне всегда было жалко этих людей. Глядя на них, я больше всего думал не о том, что они голодны, мы сами всегда были голодны, самым страшным мне казалось то, что они и на ночь оставались без крова над головой. Сама мысль о ночном холоде, темноте, ужасала мое детское воображение. Оно рисовало мне и лихих

разбойников, и волков, и другие страшные картины бедствий, которые могли обрушиться на головы этих таинственных людей.

Как-то однажды летом, ближе к вечеру, с улицы прибежали мои старшие братья, Эрик и Валерка:

- Мама, мама - закричали они – там, у крыльца стоит странник, мальчишка. Он сирота, и у него есть аккордеон, он здорово играет. Мам, пусть он поест у нас, он сильно есть хочет.

Мы вышли на улицу. Возле крыльца стоял вихрастый пацан, по виду ровесник Эрика. На плече у него висел на ремне маленький аккордеончик, четвертушка.

Мать позвала его в дом, дала ему чего-то поесть, а сама вышла. Пока пацанчик ел, братья расспрашивали его, кто он, откуда он, куда и зачем идет. Мальчишка, а звали его Юрка, охотно отвечал. По его словам выходило, что родом он откуда-то из-под Калуги, что родителей его убило в войну, и что он с тех пор мыкается по дорогам страны, зарабатывая себе кусок хлеба игрой на аккордеоне и пением песен. Так, странствуя, он добрался до наших краев. Дальше, как он говорил, путь его лежал в южные края, где сытнее, и теплее зимой.

В это время пришел из школы отец. Братья все ему рассказали, отец поговорил с Юркой сам, попросил его что-нибудь сыграть. Пацан выполнил просьбу отца. Видно было, что он от природы талантлив и игра его это доказывала. Вернулась мать, родители вышли в другую комнату и о чем-то поговорили, после чего отец, возвратившись, сказал Юрке:

- Вот что, парень, не дело тебе мыкаться по белу свету, и жить беспризорником. Оставайся-ка ты у нас, будешь и жить у нас, и есть у нас, и в школу пойдешь, тебе учиться надо.

Не помню уже, обрадовался ли Юрка такому повороту дела, но братья мои горячо эту идею подхватили, стали его уговаривать на все лады, а Валерка взял в руки его аккордеон и сам стал что-то наигрывать. Короче, Юрка остался у нас.

Отцу, директору школы, не составило большого труда оформить на Юрку документы и записать в школу. Так Странник стал жить у нас. Пришла пора, он и в школе стал учиться вместе с Валеркой. Время шло, Юрка уже стал полностью своим в нашей семье. Учился неплохо, был сообразительным, работающим, во всем помогал нам: и дрова пилил, и за водой ходил, и в доме убирался. Вечерами он нам играл на своем аккордеончике. Играл он просто здорово, любую мелодию схватывал на лету, и уже через пять минут играл так, как будто знает ее сызмальства. По всему было видно, что к музыке у парня талант.

Через два года Валерка и Юрка окончили семилетку и получили свидетельства о неполном среднем образовании. У отца были хорошие связи в Москве. Он съездил туда. Чем там занимался, я не могу точно сказать, но вернувшись, он сказал Юрке:

- Собирайся, поедem в Москву на прослушивание.

Из Москвы отец вернулся один. Юрку приняли в Московское музыкальное училище имени Гнесиных. Через два года он один раз приезжал к нам в гости, а потом уже мы его никогда не видели. Отец, правда, позже ездил в Москву, наводил о нем справки. Вернувшись, рассказывал, что Юрка с отличием окончил училище, и поступил в консерваторию по классу народных инструментов.

Дальнейшая судьба нам его полностью неизвестна. Доходили обрывочные слухи от отцовского брата в Москве, что все у Юрки благополучно, и он нормально устроен в жизни.

Не успел Юрка уехать в Москву, как в нашей многочисленной семье снова появилось пополнение. В селе был местный паренек-сирота. Отца его убило на войне, а мать померла сразу после окончания войны от какой-то хворобы. Витька, как звали этого мальчика, остался сиротой. Фамилия его была Орлов, но так его звали только в школе. В селе, где у каждого помимо официальной, была обязательная уличная фамилия, он был известен как Витька Колхозный, потому что его на кошт взял колхоз, и определил на жительство в дом колхозного бригадира Андрея Зубанова. Уже не могу точно сказать, сколько в этом доме прожил Витька, но однажды, холодным, дождливым и ветреным октябрьским вечером появился с гуляния наш старший братец Эрик, и привел с собой этого самого Витьку. Дома из родителей была только мама, отец где-то был по делам.

- Мама - заявил Эрик - пусть Витька Колхозный живет у нас вместо Юрки. Его дядя Андрей Зубанов сильно бьет. С этими словам он подтолкнул Витьку к свету, стало видно, что все лицо у него в крови, что он заплакан, и весь трясется от страха.

Мать ничего не сказала, кроме того, что вот папа придет, там и решим. Когда пришел отец, Эрик сам все ему рассказал, и отец, ничего не ответив, снова ушел. Оказалось, что он пошел к Зубановым, благо, что жили они всего-то в двухстах метрах от нас.

Через какое-то время папа вернулся и сказал, чтобы Витька оставался у нас, а там видно будет. Короче, так у нас опять появился новый член семьи. Жил он у нас не очень долго, всего-то до следующей осени. Дело в том, что он к той поре учился в седьмом классе, после окончания которого отец устроил его в Ремесленное училище на механизатора широкого профиля. Училище, которое на-

ходило в районном центре за пятнадцать километров от села, полностью содержало своих учеников на государственном обеспечении, в том числе и жили они при училище. Наш ремесленник приезжал несколько раз на каникулы и праздники. Училище он закончил хорошо, и отец определил его на целину, которая к этому времени гремела на всю страну призывами и песнями. Попал наш Колхозный куда-то в Кокчетавскую область. Несколько раз от него приходили письма, где он писал, что живет и работает в совхозе, что все у него хорошо, но что он скучает по нашему селу и по нам. Потом письма стали приходить все реже, и их тоненький ручеек постепенно иссяк окончательно.

Такая вот музыкально-целинная эпопея имела место быть в нашей многодетной семье. Много раз в жизни я вспоминал эти события, и уже, будучи взрослым, совсем по-иному оценивал действия своих родителей. Возможно, это будет нескромно, но должен сказать, что я преклоняюсь перед ними за все, что они сделали для своих десяти детей, и для этих двух беспризорников-сирот, Странника и Колхозного.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ.

Дом, в котором мы живем - большая пятистенка, рубленная из добротного кругляка. Западная сторона дома выходит на озеро, до которого от стены метров пятнадцать-восемнадцать. Озеро хорошо видно из окошек. Точнее, к дому подходит не собственно озеро, а его залив. По урезу воды отец поставил мостки, с которых удобно ведрами черпать воду для разных домашних нужд.

Я люблю летом заходить на эти мостки, лечь на

доски и смотреть в воду. Там очень интересно: плавают всевозможного вида жучки от каких-то крохотных, до солидных и таинственных жуков-плавунцов. Эти плавунцы очень хитрые. Прячутся на дне и ловят других зазевавшихся жучков поменьше. Время от времени они всплывают, выставляют заднюю часть на поверхность и запасаются воздухом, потом опять ныряют в глубину. По дну медленно ползают какие-то личинки, которые живут внутри соломинок. Мы их называем шитиками. Если такого шитика потрогать другой соломинкой, он мгновенно прячет голову внутрь и долго не подает признаков жизни. Время от времени по своим делам проплывают водяные клопы и жуткого вида личинки стрекозы. При их появлении всякая мелкая живность старается спрятаться - челюсти этих подводных монстров не знают усталости и пощады. Там и сям плавают шустренькие головастики на разной стадии развития. У них изумительно красивые глазки-пуговицы. Я их частенько ловлю, разглядываю глаза, а потом отпускаю. По поверхности воды лихо несутся неутомимые водомерки. Над водой реют неисчислимые стремительные стрекозы, они летают, как угорелые, делая в воздухе немыслимые пируэты, и ловят комаров.

На мостках можно лежать очень долго и столько же смотреть в воду - картина подводной жизни очаровывает, навеивает какое-то спокойствие и умиротворение.

Как-то погожим июньским деньком я как раз занимался созерцанием картины водных глубин, как во дворе появился батя. Он нес небольшой деревянный бочонок, литров на сто. Уж где он его надыбал - не знаю, но бочонок был почти новёхонький, досочки светлые, и обручи совсем не ржавые. Пахло от него солёной селедкой. Вот, сын - говорит мне батя - надо его вымочить. Я его чуток притоплю возле мостков, пусть он лежит на боку,

а ты будешь его раза два в день переворачивать, чтобы он равномерно вымачивался. С этими словами он погрузил бочонок в воду, распугал всех моих жучков-паучков. Делать мне там было больше нечего, и я ушел по своим пацанячьим делам.

Наутро проснувшись, вспомнил про батин наказ, и первым делом пошел к мосткам, чтобы перевернуть бочонок. Как только я к нему притронулся, вода в нем прямо закипела от кишевшей в бочонке рыбы. Я мгновенно поставил его на попа, чтобы отрезать путь рыбе к бегству. Бочонок был практически на половину полон отменными озерными карасиками, самой вкусной рыбой.

Не теряя времени, сбегал домой, взял нож и небольшой тазик, сказал матери, что скоро вернусь с карасями и будем делать знатную жарёху. Заканчивая чистить рыбу, я проявил небрежность при чистке одного карася: желая отрубить ему хвостовой плавник, я как-то не аккуратно сработал ножом, разрубил карася наполовину тела возле прихвостового нижнего плавника, рыбка извернулась у меня в руках, упала в воду и была такова. Улыбнувшись удачливому карасю вслед, я его еще и пожалел, подумав, что вряд ли он выживет, разрубленный-то.

Вообще-то, живя возле озера, я, конечно, занимался не только наблюдениями за подводной живностью. Время от времени я еще и рыбачил. У меня была примитивная лодка-долбленка, которая представляла из себя три скрепленных между собой скобами бревна, внутренности которых, если так можно сказать, были выдолблены. Отсюда - долбленка. Отталкиваясь от дна шестом, я плавал на ней по озеру, ставил мерёжи - плетеные из особой нити снасти, которые представляли собой несколько колец разного диаметра, согнутых из ивы. Эти кольца связаны были вкруговую плетеной, как я уже сказал, сеткой.

С одного конца мережа заканчивалась тупиком, а второй конец был похож на воронку, обращенную узким горлышком внутрь. К мереже привязывалась длинная веревка, на конце которой обычно болталась крашеная дощечка. Накидав внутрь мерёжы (в некоторых местах подобная снасть называется мордуша) хлеба, вареной картошки, я бросал снасти в воду, потом регулярно проверял их через пару-тройку дней. Таких мереж было у меня четыре штуки, и я практически бесперебойно снабжал семейство рыбой.

Через пару-тройку недель после того, как я «поймал» бочонком знатную кучу карасей, поплыл я на своей лодке проверять снасти. В тот раз в мерёжу, которая стояла на самом глубоком месте, в отличие от остальных трех, попало много рыбы. Вытаскивая улов из снасти, я вдруг увидел карася, разрубленного именно так, как получилось у меня на мостках некоторое время тому назад. Место разреза с обеих сторон срослось, но почему-то еще было облеплено чем-то очень похожим на тину. Карасик мой был бодр и свеж, полон сил и трепыхался у меня в ладонях. Я понял, что это мой старый знакомец, тот самый везунчик, ускользнувший от участи оказаться на сковороде. Само собой, рука я меня не поднялась положить его в сетку, и я снова, но уже сам, выпустил его на свободу.

Вот так довелось мне дважды подержать в руках одну и ту же живую рыбку из природного водоема. Сколько я потом ни ставил свои мерёжы по заливу, больше мне мой крестник не попадался.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА И ГРЕЦКИЕ ОРЕХИ.

Значительную часть своего детства я провел в городке, в котором имел честь юридически родиться, и который считаю своей малой родиной. Городок наш малый, точнее, совсем крошечный, тихий и захолустный. Стоит из двух частей: собственно город и Станционный поселок - часть города при железнодорожном депо. Автобусного сообщения нет, улиц с покрытием - булыжная мостовая - всего две. Остальные улочки - тихие, тенистые, покрытые толстым изумрудным ковром травы-муравы. Домики в основном в три окна, редко - пятистенные, при домиках палисаднички с ягодным кустарником, мальвами и прочими цветами. У многих сады с яблонями, вишнями и терновником. В огородах всяческие овощи, картошка и вкуснейшая клубника, которую народ называл «викторией». Есть стадион и колхозный рынок. Ткацкая фабрика, которую все почему-то звали Дунькиной, паровозное депо и крошечный заводик автозапчастей. Было еще кооперативное предприятие по пошиву одежды, которое называлось «Солмокс», в переводе с мордовского - челнок.

Дед мой был паровозных дел мастером первой руки, мать работала на железной дороге, так что мы жили в Станционном поселке или, как все говорили в городке - на Станции. Домик наш стоял на самой окраинной улице с очень необычным романтическим названием: улица Первого августа. Далее шли огороды, луга и речка, в которой мы купались до синих подбородков и трясучки, рыбачили, вылавливая вьюнов, огольцов и пескарей. При домике был палисадник, в котором буйствовали дикие заросли крупной и вкуснящей малины, пара больших вишен, со стволов которых я очень любил сковыривать

прозрачно-красноватую смолу и съедать ее, да две старых липы, на которых после цветения образовывались мелкие липовые орешки, бывшие, наравне с вишневой смолой, тоже моим излюбленным лакомством.

В доме имелся радиорепродуктор в виде черной большой тарелки. По нему говорила Москва, а вечером говорило местное радио и сообщало все новости районного масштаба. Однажды эта тарелка нам сказала, что благодаря неустанной заботе партии, правительства и лично товарища Н.С.Хрущева, в нашем городе построен и открывается новый универмаг.

Назавтра все население городка, свободное от работы, было в этом магазине. Прибежали туда и мы, любопытные пацаны. На фоне неказистых старинных строений, здание универмага показалось нам дворцом, а уж невиданная роскошь внутреннего убранства, крашенных перил лестничных маршей, осветительные люстры и прочая-прочая, поразили наше воображение не хуже дивных описаний дворцов и убранств сказок тысячи и одной ночи.

Толкаясь в толпе, я оказался в отделе игрушек и там увидел то, что окончательно меня сразило. Нам, пацанам послевоенной поры, изобилие игрушек, как известно, не угрожало, мы их практически не видели. Нашими игрушками были рогатки, проволочные обручи, которые мы гоняли с помощью специальных крючков, да самодельные пистолеты, которые мы называли поджигами. Еще иногда, если у кого-то появлялся настоящий мяч, мы играли возле речки в футбол.

Так вот, вернемся в универмаг. В отделе игрушек я увидел игрушечную настоящую (если так можно сказать) железную дорогу. Там были рельсы, шпалы, два паровоза и к ним прицепленные вагоны, то есть два поезда.

Один товарный, другой пассажирский. Были семафоры, стрелки, крошечные фигурки стрелочников и дежурных по станции в красных фуражках. Все это реально двигалось. Это было шикарно, это было волшебно. Я был сражен, я намертво заболел этой железной дорогой самым форменным образом. Днем и ночью я думал о ней, видел в бесконечных мечтах, как я играю, как мы с братом Мишкой водим эти поезда...но....Цена этой игрушки была для меня заоблачной - целых сорок рублей. Сталинских рублей. Дать такие невероятные деньжищи на игрушку мать наша никак не могла. Почти каждый день я бегал по два километра до универмага, и подолгу любовался этим чудом.

Каждое утро я отводил самого младшего братика Вовку в садик, а вечерами забирал его оттуда. Это было моей обязанностью. В остальное время мы пропадали на речке, стреляли из рогаток или поджигов, рыбачили, купались, загорали. Но где бы и чем я не занимался - железная дорога не шла у меня из головы. Фантазируя и мечтая о сорока рублях, я то видел, что мне их дарит волшебник, то мама откуда-то найдет такие деньги и даст их мне, но проходил день за днем, я бегал в универмаг, смотрел на мечту и уходил восвояси не солоно нахлебавшись: мечта была недостижимой.

И вдруг. Невозможно поверить, но это вдруг на самом деле произошло. Я, как обычно, вечером пошел в детсад за Вовкой, метрах в ста от садика в траве увидел свернутые деньги. Я быстро их схватил, сунул не глядя в карман штанов, оглянулся воровато, не видел ли кто? Никого не было, зашел в ограду садика, забрал братика, и не мешкая отправился домой. Чтобы быстрее дойти, я даже взял его на руки. Дома, сдав Вовку старшим, быстро залез на «марс» - так мы называли настил из досок под

самым коньком крыши, где мы спали в летние месяцы, нечто вроде обычных полатей, только не в доме, а в сенях. На марсе я, переведя дух, вытащил деньги из кармана и развернул: там было ровно сорок рублей - четыре аккуратных десятирублевых купюры. Сердце мое бешено застучало от радости, даже прямо зашлось, да так, что и дыхалку перехватило. Есть! Есть! Есть! - бешено кололось в мозгу, она моя...завтра она будет моей!!! Ощущение непередаваемого счастья охватило все моё существо. Пацаны все где-то гуляли, на марсе я был один...Лег, мало-помалу успокоился, радость приутихла, пришло осознание, что мечта сбылась. Я лежал, представляя, как завтра приду в универмаг, выложу денежки продавцу, и возьму в руки...даже представить невозможно...возьму в руки свою мечту !!

Так я лежал, крутил эту ситуацию в голове и так и эдак, как вдруг откуда-то стали появляться мысли о том, что дорога дорогой, но нужно бы деньги отдать маме, они бы нам пригодились на жизнь. Мама, может быть, купила бы пряников или конфет, мы бы все попили с ними чаю.

Может быть, мама еще бы что-то важное купила для семьи, для всех нас. Я гнал эти предательские мысли, убеждал себя, что если бы я этих денег не нашел, мы все равно нормально так бы и жили, как живем сейчас, зачем их отдавать? Так я лежал, гонял свои мысли по голове и незаметно уснул.

Утром мои сомнения выветрились, я дождался половины десятого (универмаг открывался в десять) и побежал в город.

По дороге, пока я бежал вдоль речки, сомнения снова закрались в мои мысли, они нашептывали: ты уже большой, скоро пойдешь в пятый класс, зачем тебе эта игрушка, отдай деньги маме. Отгоняя эти мысли, я про-

должал идти к цели. И вот - универмаг. С бьющимся сердцем я захожу, иду в отдел игрушек. В голове мысли: ладно, я сейчас посмотрю на дорогу в последний раз, сознавая, что я могу ее запросто купить: вот они, денежки, и уйду, не буду покупать. Через секунду - нет, я все-таки ее куплю, мама не будет меня ругать, и не обидится, она поймет.

Подхожу к витрине, смотрю и не вижу никакой железной дороги. Спрашиваю продавщицу: а где железная дорога?

- а нету её, мальчик - отвечает та, вчера ее купили и больше нет таких... Мир рухнул. Сжав в кулак деньги в кармане, медленно и потерянно выхожу на улицу. Досадно, что я опоздал, досадно, что ее у меня уже никогда не будет. Горько, но где-то в уголке души, в самой глубине и некоторая радость, и чувство облегчения, что теперь уже нет сомнений, и деньги я отдам маме.

Домой я отправился длинным, кружным путем, по главной улице города. Шагал по дощатому тротуару, на душе было как-то опустошенно и пасмурно. Тут мне отчего-то в голову пришли грецкие орехи. Недавно я увидел их в магазине, и мне очень захотелось их попробовать. Попробовать очень хотелось, но я даже не намекал маме про них, знал, что денег все равно нет. И тут я подумал: я, конечно, деньги маме отдам, но все-таки куплю себе грецких орехов и попробую, что это за заморское яство такое, ведь, в конце концов я же нашел эти деньги, а не кто-нибудь другой. Пока так размышлял, как раз и до продмага с этими орехами дошел, зашел, посмотрел, купил. Купил целый большой кулек, который мне из серой бумаги свернула продавщица. Сунув сдачу в карман, зашел в скверик при железнодорожном клубе, сел в кустах так, чтобы меня никто не видел, и расколол два ореха,

выковырял ядра, съел. Орехи были очень вкусные, невообразимо вкусные. Посидел, подумал, вспомнил Мишку, Витьку, Таньку, Ваську, маму, и подумал, что им бы тоже захотелось поесть таких орехов. Завернул кулек, и пошел домой.

Дома были только дети, мама на работе, бабушка куда-то ушла. Я всех позвал, высыпал орехи на стол, и мы их честно поделили. Каждому досталось по два ореха, включая меня. Про свои съеденные я промолчал. Вечером, когда пришла мама, я все ей честно рассказал, и отдал оставшиеся деньги. Забыл добавить, что пока мы ждали маму с работы, я сбегал в магазин и купил конфет, ведь маме мы забыли оставить орехов. Вечером мы пили чай с шоколадными конфетами.

ДВЕСТИ ТРЮШЕК И ТРИСТА ДВУШЕК.

Феденька Луконин учится в восьмом классе. Сверстники с ним не дружат. Он с ними тоже не дружит. Феденька дружит со мной и такими, как я, а я учусь в третьем классе. Он странный мальчик, в народе про таких говорят, что он с придурью. Высокий для своего возраста, худенький и весь какой-то сублильный. Волосы светлые, почти соломенные, нос тонкий, ровный, несколько великоват. Зубки ровные, белые. Феденька очень красиво улыбается. Голос гнусавый, тихий, и когда он что-то рассказывает, речь его монотонная, эмоциями не окрашена. Несмотря на то, что у Феденьки, как говорят, «не все дома», учится он хорошо, гораздо лучше многих тех, у кого дома «все».

Уже и не помню, как мы с ним незаметно сблизились. Скорее всего на почве моего увлечения в то время астрономией. Дело в том, что у Феденьки неистребимая тяга к

вещам необычным, которых он не видит в окружающей жизни. Он читает приключенческую литературу, воображает себя то пиратом, то путешественником, то исследователем пещер и белых пятен на земном шаре. Еще у Феденьки золотые руки и удивительное хобби: он где-то непостижимым образом добывает тонкие листовые пластинки металла, который он авторитетно называет цинком, и мастерит из него всевозможные штампы и печати. Оттиски от этих поделок на бумаге выглядели просто удивительно настоящими. К слову сказать, он смастерил штамп, повторяющий печатную часть входного билета в клуб на сеансы кино, и мы с ним запросто проходили на сеанс, предъявляя эти подделки контролеру. Штамповали мы их на последних страничках-корочках учебных тетрадей, потому что они синенького цвета, точь-в-точь, как у настоящих билетов.

У меня есть дома телескоп, который я смастерил сам по чертежам из какой-то научно-популярной книжки по астрономии, и мы частенько сидим с ним ночами либо на крыше церкви, либо на чердаке нашего дома, и ведем наблюдения. Разговариваем в это время на разные темы, чаще всего мечтательно-приключенческого характера.

Тогда я не задумывался, почему Феденька так привязался ко мне, ведь у нас была разница в годах в пять лет, то есть весьма ощутимая для нашего школьного возраста. Не часто ведь в жизни встретишь друзей восьмиклассника и третьеклассника. Сегодня я понимаю, что Феденька скорее всего в дружбе со мной спасался от одиночества, ибо все остальные смеялись над его фантазиями, дразнили его, а я его почему-то жалел и никогда не смеялся и не дразнил его.

Как-то утром он пришел ко мне. Мы собрались в тот день пойти на речку, на песчаные отмели, искать

«чертовы пальцы». Честно говоря, уже не помню, зачем они понадобились тогда Феденьке. До отмелей было где-то около километра и по дороге мне Феденька поведал «страшную тайну». Оказывается, он решил стать пиратом и для этого копил деньги, чтобы зарыть их в клад, ибо что это за пират, если у него нет клада? Для этого он сначала копил деньги, а копил он их из тех медяков, что давали ему родители на билет в кино. Поскольку в кино мы благополучно проникали обманным путем, денежки мой друг аккуратно складывал в банку. Как он сказал, у него скопилось «двести трюшек и триста двушек», то есть, двенадцать сталинских рублей. Этих денег, по мнению Феденьки, вполне хватало для настоящего пиратского клада. Вот мне мой друг и поведал под большим секретом, что сегодня утром он вышел за околицу и закопал этот клад в укромном месте, положив в маленький деревянный сундучок, который сам же и смастерил. Таким образом, можно было уже считать, что Феденька - без пяти минут настоящий пират: клад имеется, осталось сделать черную повязку на глаз и найти меч, а там - побег и...дальние страны, моря, штормы и абордажи.

«Чертовых пальцев» мы тогда нашли штук семь, и расстались где-то в обед. Вечером прибегает Феденька, весь бледный и трясущийся. Я его таким никогда не видел. Он рассказал мне, что решил проверить, как лежит его клад. Пошел к тому месту, а там все разрыто и клада нет. Хрустальная мечта стать пиратом вдребезги разбилась - какой же пират без клада? Самое примечательное, что Феденька не жалел денег, его потряс сам факт исчезновения клада. Как мог, я его успокоил, пообещал, что мы сделаем новый клад, я помогу ему скопить деньги, и уж тогда мы зароем его так надежно, что никто не найдет ничего.

Дня через два шел я домой от своего друга Вовки Чиркова и, проходя мимо церкви, увидел, что там собрались пацаны. В центре сидел Ванька Чугурнов и захлеб, вдохновенно и со смехом рассказывал, как он выследил Феденьку, закапывающего свой клад, как потом его выкопал и купил себе сигарет в сельпо. Этот Ванька Чугурнов был чуток старше меня, в школе учился с двойки на двойку, хулиганил, как мог, учителя склоняли и спрягали его фамилию по всем существующим и не существующим падежам и спряжениям. Рожа у него была, как мне казалось, самая воровская: замызанная кепка, торчащие из-под нее вечно грязные волосы, огромные конопушки на носу и дымящаяся цыбарка, приклеенная к уголкам губ. И вот этот Ванька сейчас издевательски смеялся над Феденькой, называя его полудурком и хвастался тем, что объегорил дурачка. Я вспомнил, как мой незадачливый друг расстроился из-за исчезновения клада и крушения светлой пиратской мечты, и такая меня взяла досада на этого Ваньку, что я заступился за Феденьку, а Ваньку назвал дураком и скотиной. Ванька, конечно, взъерепенился, и мы с ним жестоко подрались. До сих пор вспоминаю с каким-то удивительным самому себе удовольствием, что трепку я ему задал знатную: расквасил не только нос, но и губы до кровянки. Тогда было у нас незыблемое правило: лежачего не бить, и драка до первой крови. У кого кровь потекла, тот и проиграл драку. С тех пор стали мы с Чугурновым заклятыми врагами и он всячески старался мне навредить: врал пацанам, что накомистил мне у церкви. Пришлось вызвать его «на любака», как у нас говорили, прямо на большой перемене в школе. И второй раз я его принародно изрядно отлупил, и опять разбил ему сопатку, но тут мы оба с ним попались учителям; потащили нас в учительскую и стали ругать и выпытывать, что

да почему, но ни я, ни Ванька ничего не сказали, и этот факт удивительным образом примирил нас с ним. Когда мы вышли из учительской, он сказал мне, что считал меня ябедой и подлизой, потому что я был отличником, а папка мой был директором школы. Факт, что я не выдал ничего в учительской так возвысил меня в его глазах, что он сменил гнев на милость и больше мы с ним не враждовали.

ГОРЬКО!

Был я совсем маленький, в школу не ходил еще, но на мир смотрел уже открытыми глазами. Понимал, где плохо, где хорошо, какой человек добрый, а какого лучше сторониться, и без нужды ему на глаза лезть. Знал, что такое праздники, видел, как гуляет народ, имел понятие о водке, (или белом вине, как у нас его называли), о пьяных и трезвых, свадьбах и так далее.

На гулянки смотреть было интересно: там плясали, гармошка играла, частушки пели, ходили по селу из избы в избу. Мужики пили стаканами гранеными белое вино, кричали, закусывали соленым огурцом, или занюхивали хлебом. Бабы чинно, для приличия прикрыв ладошкой рот, подносили к губам стаканы с красным вином, и жеманно выпивали, оттопырив мизинец в сторону - культурность соблюдали, стало быть, как объяснял мне дедушка Павел.

Взрослые как водится, либо плясали, либо сидели за столом, выпивали, ели, пели хором всякие разные песни, а мы, пацанва, если было лето, глазели на это с улицы в окошко, а зимой или осенью в непогоду, стоя сбоку у входной двери, что вела в избу из сенцев, чтобы не ме-

шать взрослым и все хорошо видеть. Вот таким макаром я повидал уже знатное количество гулянок, но свадьбы видеть пока как-то не доводилось. Свадьба - дело не такое частое, играли их, как правило, поздней осенью, когда все полевые и огородные работы были справлены.

Как-то сидел я дома, то ли читал, то ли рисовал, как в комнату с улицы зашел старший брат Валерка и говорит: - Герой, (так меня все дома звали) чего сидишь? Пойдем, позырим, как Андрюха Зубанов женится на Таньке Фомичевой!» Пойдем, говорю. Накинул что-то на себя, дело-то было уже осенью, и мы побежали в сторону Зубановых. Погода была не совсем еще холодная, можно было бы и в окошки поглядеть, да только у Зубановых это не получалось сделать: дом у них справный, большой, высокий и крыт железом. Один только такую крышу в селе имел, если не считать школу. Даже наш дом, тоже не совсем бедный, тесом был крыт.

Заходим, стало быть, в дом, становимся рядышком с другими пацанами и девчонками, глазеем. За столом чинно сидят еще трезвые гости, как водится, принаряженные, особенно девки (у нас в селе не знали слова девушки, как впрочем и слова юноши, у нас были только девки и парни). Во главе стола стоит Андрюхин батя, дядя Ваня, мужик здоровенный, представительный. По случаю такого дня из сундука достали пахнувший нафталином черный двубортный габардиновый пиджак и такие же широченные брюки к нему.

Дядя Ваня держал стакан с белым вином в руке и говорил торжественным тоном всякие важные слова молодым, которые стояли в другом конце стола, и чинно внимали отцовскому наказу. Потом все дружно выпили, несколько минут стояла почти тишина: народ усиленно работал челюстями, закусывая. Далее речь держали ро-

дители Таньки Фомичевой. Её отец, дядя Абрам, человек сухонький, маленький и шустрый, говорил что-то долго и сбивчиво, путаясь в словах, а потом еще и почти заплакал. На мой взгляд, его речь была плохой, ни в какое сравнение с дядьваниной не шла, но народ почему-то на его слова отреагировал гораздо живее, загудели, заговорили, затем разом выпили и опять заработали челюстями. Потом что-то еще сказал председатель колхоза, а следом за его речью жених с невестой пошли танцевать вальс. Местный гармонист, Петька Занозеев, мужичонка лет тридцати, одетый по тогдашней моде в хромовые сапоги гармошкой и в брюки на выпуск, заиграл «Дунайские волны», молодые чинно закружились.

После вальса девки вышли вперед, встали в круг и начали под «Сормача» петь частушки. Когда гости, наплясавшись и напевшись, снова сели за стол, слово взяла какая-то тетка, ужасно противная на вид, с визгливо-скрипучим, как мне показалось, голосом. Она начала говорить какую-то ерунду: всё говорит, дорогие хозяева, у вас хорошо, но вот вино у вас плохое, пить я его не могу, оно горькое, и никак в горло не лезет. Народ, смотрю, молчит, на нее глядит. Я сам про себя думаю: вот, зануда противная, и рожа противная, и слова противные говорит, и голос какой-то, как у скрипучей телеги. Бывают же такие гадкие люди! Сидела бы дома и не воображала, что она одна такая умная, всем хорошо, одной ей плохо. Так я думал, глядя на нее, как вдруг увидел, что жених-то с невестой встают, все начинают кричать «горько», «горько!!» Смотрю, а они начинают целоваться, а народ все кричит «горько, горько».

Вдруг кто-то начал невпопад кричать «сладко», «сладко», молодые целоваться перестали, все дружно выпили и свадьба уже загудела во всю ивановскую по на-

езженной колее. Дальше уже другие люди тоже кричали горько, и я сообразил, что тетка эта совсем не противная, что так положено делать зачем-то на свадьбах.

Вот так я и познакомился впервые с народным обычаем кричать «горько» на свадьбах.

АТМАХ.

Мой отец был не только заядлый охотник, но и большой любитель охотничьих собак. Собаки сопровождали мою жизнь с малых лет. У нас всегда было пять-шесть собак. Отец ходил с ними на охоту. Занимался он только двумя породами: русская псовая гончая и русская псовая борзая.

О собаках можно рассказывать день и ночь, настолько интересны эти существа. Мне вспоминается случай, когда одна из собак по существу, спасла мне жизнь ценой своей жизни.

В тот год, как я пошел в школу, в наших краях широко распространилось среди лис, волков и собак бешенство. Народ только и толковал: то там собаку бешеную застрелили, то там собака человека покусала. Случалось, что и среди людей отмечались факты смерти от этого страшного заболевания, Нас, детей, особо никуда не отпускали, от греха подальше. Батя, помню, собрал всех собак и куда-то увез. Дома остался только Аتماх - красавец-кобель, чистокровная борзая. Сильный, быстрый и неутомимый на охоте. Почему его отец оставил дома? - я не знаю, мал был еще, чтобы достаточно понимать такие вещи.

Я соображал, что на улице опасно, и никуда, кроме школы, не ходил. А школа - она вот, рядом, пятнадцать метров от крыльца. Дом-то наш при школе.

Был теплый воскресный сентябрьский денек. Все куда-то ушли, я один куковал дома, со мной остался Атмах. Он вообще почему-то меня любил больше всех. Безусловно, он и других детей жаловал своим вниманием, но при всяком удобном случае больше ластился ко мне. Мы некоторое время, помню, сидели дома. То есть, я сидел, чем-то занимался, а Атмах лежал рядышком на полу, время от времени посматривал на меня, и опять ронял голову на лапы. Потом мне дома надоело, и я вышел на крыльцо, выводящее в школьный двор. Денек был какой-то особенно приятный. Как сейчас помню, ясное, пронзительно-синее небо, неяркое осеннее солнышко, никакого ветерка. Летали паутинки.

Я сел на крылечко, вытащил перочинный ножичек и начал стругать какой-то прутик, стараясь сделать стрелу для своего лука. Мы любили играть в Робина Гуда, и у меня был знатный, как мне казалось, лук с настоящей витой тетивой. Атмах сидел возле крыльца, справа от меня. Через какое-то время я увидел, что во двор буквально залетела какая-то дворняжка, ужасно неряшливого и грязного вида, не останавливаясь и ни на кого, кроме меня, не глядя, она понеслась прямо ко мне, намереваясь, как я до сих пор думаю, что-то сделать со мной. Пасть ее была оскалена, с языка и зубов обильно стекала слюна и пена. Если бы не было Атмаха - мне бы, конечно, несдобровать, и кто его знает, чем бы эта эпопея кончилась, но Атмах, ни секунды не раздумывая, прыгнул на нее, схватил своими мощными челюстями и буквально переломил собачонке хребет. Та дернулась раза два и издохла. Атмах тут же бросил ее, я испугался, позвал его, и тут же мы зашли в дом.

Само собой, я догадался, что эта собака - бешеная, и что нашему Атмаху конец, он тоже заболит. Мне его

было жалко, и я по-детски надеялся, что придет папа и что-то придумает. Потом я сообразил, что отец ничего не сделает, и сам пристрелит Аتماха. Все мое существо восстало против этой мысли. Я стал лихорадочно соображать, как выйти из положения? Ничего лучшего я не придумал, как происшедшее утаить от всех, я сильно хотел верить в то, что наш Аتماх не заразится. Я запустил его в другую комнату, прикрыл дверь, быстренько вышел во двор, кочергой от голландки зацепил сдохшую собаку и выкинул ее за забор в проулок. Довольный вернулся домой, и стал гладить Аتماха и говорить ему, что все будет хорошо, и что он не заболает.

Так прошло довольно много дней. Однажды, когда я вернулся из школы, то увидел, что Амах лежит почти без сил на полу, у него обильно текла слюна. Я понял, что он болен. Подошел к нему, ласково ему говорю: Аتماх, Аتماх, не болей, не умирай. Он буквально нежно взял меня своей пастью за руку, отвел её в сторону, из последних сил встал на все четыре ноги, и вышел из дома. Я - за ним. Падая через два-три шага, он двинулся в сторону околицы. Ему было плохо, несколько раз его рвало, он опять падал, с невероятным, буквально последним, усилием вставал и шел дальше. Сразу за околицей стоял длинный стог соломы. Аتماх подошел к нему, упал и затих. Я стоял поодаль и смотрел. Через какое-то время его судороги прекратились, все его тело выгнулось дугой, он дернулся и перестал дышать. Я вернулся домой, взял лопату, и закопал его в землю. Когда приехал отец, я ему все-все рассказал. Он вызвал сельского фельдшера, и началась моя эпопея с уколами. Целых тридцать, кажется, шесть дней, точно не помню, мне каждый божий денечек делали болючий укол в живот. И мне, и всем братьям, и отцу, и маме.

БАНЯ.

Баня в моих детских воспоминаниях занимает особое место. Отрывочные воспоминания о бане сохранились у меня с самого раннего периода жизни. Помнится, например, как отец обливает меня прохладной водой из шайки с головы до ног, что-то помнится об ощущениях нестерпимой жары, которая мне ужасно не нравилась, что-то еще необъяснимо смутное, связанное с запахом дыма, черной сажей, и особым ароматом веника и каких-то трав.

Испокон веков баня на селе топилась по черному. Банный день - суббота. С утра мать затапливала в бане печку, а мы, детвора, дружно носили воду в котел и бочки для холодной воды. На банные нужды брали воду из озерной проруби. В печку был встроен большой котел, казан, как его называли, там нагревалась горячая вода. Рядом стояла специальная емкость для щелока - особого раствора, которым пользовались вместо мыла. Мыло в сельмаг привозили редко, стоило оно дорого, и мало кто им из простого люда мылся. Щелок варила мать, секрет его изготовления мне так и остался неизвестен. Этим раствором мыли голову, в нем стирали одежду, и так далее. С другой стороны от казана возле топки имелась каменка - груда камней, которые в процессе топки бани сильно раскалялись и очень долго оставались в таком состоянии.

Топилась баня долго. С самого утра и до вечера. Особенно долго - зимой. Наконец, когда уже темнело, эта процедура заканчивалась, и дверь в банное помещение закрывалась. Некоторое время все оставалось в таком положении - шел процесс нагревания воздуха в бане. Наконец, начинался великий ритуал банного волшебства.

Первыми в баню шагали мужики - отец и все бра-

тъя. Отец заходил в предбанник первым, мы оставались на улице. Батя открывал дверь в помывочную, набирал в ковшик горячей воды, и плескал ее на каменку. Дверь оставалась открытой - раскаленный пар вырывался на улицу, унося весь угарный дух.

Дверь закрывалась, мы все заходили в предбанник раздевались и забегали в тепло - в предбаннике тепла не было, там была почти такая же температура, как и на улице, может только чуток теплее.

Но вот заходит последний из нас, дверь плотно прикрывается, мы все залезаем на полок, батя поддает ковшиком водички на каменку, пар стремительно летит в высоту, бежит под потолком, становится жарко. Некоторое время греемся, потом начинаем хлестать друг друга вениками, Напарившись до изнеможения, гурьбой вылетаем на улицу, ныряем в глубокий сугроб, валяемся-барахтаемся секунд пятнадцать-двадцать, залетаем в баню на полок, греемся чуток, и снова паримся вениками. Эта нехитрая процедура повторяется раза три-четыре.

Наконец, напарившись вволю, разбираем шайки, моемся мочалками, трем друг другу по очереди спины и, распаренные, красные, как раки, выбираемся в предбанник. Наскоро одеваемся и бежим по тропке домой. Разогретое тело совсем не чувствует мороза.

Дома на столе уже стоит горячий самовар, в центре стола - большое блюдо с моченой брусникой. Начинается «послебанное» чаепитие, которое продолжается довольно долго. В доме одни мужики - женщины ушли в баню.

В теле становится как-то по особому легко и тепло, дышится свободно. Приятная истома разливается по рукам-ногам.

Спится после бани легко, в сон проваливаешься, едва голова касается подушки, ночь пролетает мгновенно

кажется, только заснул, а уже утро...

В жизни довелось мне мыться в разных банях, и простых, и финских, и даже шикарных. Слов нет, удовольствие мыться в подобных банях огромное, но простая русская незамысловатая банька, стоящая в конце огорода, вся черная от сажи и копоти, занимает в моих воспоминаниях особое место. Когда мне случается увидеть где-то в глухих деревеньках подобные строения, в душе сразу возникает особое, щемяще-теплое чувство, даже банные запахи мерещатся.

КАЛЛИСТРАТ И КАЛЛИСТРАТИХА.

Никто не видел, откуда он взялся на школьном дворе, да еще в трех-четыре метрах от крыльца нашего дома. Собственно, никто бы и не увидел ничего, день был сыкотный, прохладный. В такую погоду лучше сидеть дома, да и мать не пускала на улицу: нечего последние ботинки в грязь молотить! Просто мы слышали, что лают наши собаки. И тут бы все ничего, лают, да и лают, мало ли чего взбредет им в их собачьи головы...но вместе со всеми лаяла Динка, умнющая тварь, знаменитая любимица моего отца, русская псовая гончая, предмет зависти всех окрестных охотников. Она никогда и нигде, ни при каких обстоятельствах голоса не подавала, лаяла только тогда, когда гнала зверя, идя по его следу на охоте. Дома Динка всегда молчала. Еще она иногда «пела», когда старший брат Валерка играл на аккордеоне. Она садилась рядом, и время от времени выдавала рулады, повергавшие всех нас в восторг. Вообще-то отец не поощрял собак в доме. Дозволялось в комнаты заходить только Динке, Атмаху и Хватайке, собаке с обликом благородной старой англий-

ской леди. И то редко, в минуты особого настроения у домашних, когда все после ужина становились ленивее и добрее.

Так вот, услышали мы Динкин лай, выбежали, и нашему взору представилась диковинная картинка. В нескольких метрах от крыльца, в центре возбужденного собачьего круга, сидел крошечный грязный котенок. Точнее, он не сидел, а вертелся вокруг себя, фыркал и грозно скалил мордочку. Собаки наши, существа добрые, его не трогали, просто им никогда раньше не доводилось видеть такого диковинного зверька в нашем дворе, они недоуменно крутили головами, взвизгивали и лаяли, но не сердито, а от возбуждения, вроде, как подлаивали.

Появление этого симпатяги вызвало среди нас оживление, кто-то из старших братьев шуганул собак, забрал котенка, и мы занесли его в дом. Мама, естественно, особого восторга по поводу появления нового члена семейства не выразила, но мы так дружно встали на его защиту, что ее сопротивление было вмиг сломлено, и махонький кошачок остался в доме. Очень скоро он подсох, мать его напоила молоком, и он незаметно превратился в очень симпатичного темно-серого котенка. Кто там и как смотрел, уже не помню, но все его признали котом, и дали ему почему-то кличку Каллистрат.

Время летело быстро, Каллистрат заметно подрос, стал похож на настоящего взрослого кота. В семье он признавал и любил всех, но спал только со мной, в ногах. Однажды наш кот пропал, его не было день, второй, третий. Мы забеспокоились, начали его искать, но все было тщетно. На четвертый день прибегает с улицы домой сестра Наташа и кричит: «ура, я нашла Каллистрата, только его надо вытащить, он упал в колодец».

У нас во дворе за школой, в саду, имелся старый за-

брошенный колодец, воды в нем давно не было, ни ворота, ни каких других приспособлений у него уже не было, просто торчал себе в уголке сада полусгнивший сруб. После слов сестры все подхватились и дружно побежали к колодцу, заглянули: колодец был достаточно глубокий, метров десять. Внизу слышно было, как отчаянно мяукал наш Каллистрат. Посовещались, решили спускать в колодец сестру, как самую легкую. Старшие братья Эрик и Валерка сбегали на конюшню, принесли веревки. Тут же подыскали толстый короткий кол, привязали веревку к нему, Наташа уселась на кол, а руками держалась за веревку. Стали ее потихоньку опускать. Все шло хорошо, но когда до дна осталось метра полтора, веревка с треском оборвалась, из колода донеслось тоненькое испуганное «ой» Наташи, звук упавшего тела и отчаянный визг Каллистрата.

После этого воцарилась тишина. Все испуганно смотрели друг на друга, не знали, что делать? Других длинных веревок больше не было. Тут я вспомнил, что на пожарке (так называлось у нас пожарное хозяйство в селе) есть вожжи, длинные, добротные и крепкие. Говорю братьям, что надо бы на пожарке попросить. Эрик говорит - они не дадут, там сердитый дядька дежурит. Отвечаю: ничего не сердитый, это дядя Степан, я его знаю, он добрый. - Ну, раз знаешь, то иди, и сам проси - отвечает брат. Делать нечего, беру с собой младшего брата Витьку, и мы бежим с ним на пожарку.

Прибегаем, объясняем дяде Степану ситуацию, смотрит он на нас спросонья мутными глазами, потом до него что-то доходит, встает, и молча дает мне несколько длинных новых вожжей. Мы с Витькой хватаем их, и бегом к колодцу: как же, там же Наташка сидит, ей же страшно, да не дай бог, папка увидит, нам всем тогда на

орехи достанется.

Возвращаемся, братья крепко связывают концы веревок и опускают их в колодец, там Наташа привязывается сама к ним и конец крепко привязывает к колу, на котором она опускалась. Начинаем подъем. Все идет хорошо, через минуту-другую из колодца появляется Наташина голова, потом Каллистрат, мертвой хваткой вцепившийся в ее плечи, подтягиваем Наташу к краю сруба, кошак мгновенно прыгивает с неё, и, задрав хвост, пулей несется к дому. Отряхиваем испачканное платье сестры, успокаиваем ее, развязываем вожжи, и относим их на пожарку.

Потом Наташа рассказывает, что в колодце сильно холодно, что она замерзла, и что когда она упала, Каллистрат запрыгнул к ней на плечи, вцепился в платье, и она никак не могла его отцепить, чтобы просто взять его себе на руки. Так и сидел, вцепившись, пока не попал на поверхность. Все наперебой возбужденно разговаривают, рассказывают, кто что почувствовал, подумал... постепенно успокаиваемся, вся радуются, что Каллистрат нашелся.

Больше с нашим Каллистратом никаких происшествий не случилось, если не считать, что через некоторое время он попросту-напросто зажрался, стал толстый, ленивый, и неповоротливый. Спал по-прежнему со мной. Однажды, глубокой ночью я услышал, что Каллистрат в ногах моих что-то беспокоится, как-то неестественно двигается, там, в ногах, что-то мокрое и непонятное. Я окончательно проснулся и кричу: мама-мама, вздуй лампу (вздуй - местное - зажги) тут что-то с Каллистратом. Заходят мать и отец с лампой, обнаруживается картина: в ногах у меня Каллистрат и четверо крошечных котят. Каллистрат их вылизывает и испуганно смотрит на ро-

дителей. Мать всплескивает руками, говорит: вот тебе и Каллистрат! Какой же это Каллистрат, это же Каллистратиха.

Куда уж потом делись эти котятки - не помню, но вместо Каллистрата у нас стала жить полноправная Каллистратиха, которая так и спала всегда на моей кровати у меня в ногах.

КИСЕЛЬ-ЩАВЕЛЬ.

Село наше большое, больше тысячи дворов. В селе пять колхозов. Позже их объединили, получилось два. Еще несколько лет спустя из двух сделали один, и дали ему имя Калинина. Впрочем, это так, для общего сведения, и к рассказу имеет самое малое отношение.

На зиму колхозники выкопанный картофель по причине полного отсутствия овощехранилищ укладывали в большие длинные ямы-рвы. Их выкапывали, помещали туда картофель, сверху всё тщательно засыпали большим слоем грунта, и картофель так зимовал. Укрытый толстым слоем земли, и еще более толстым слоем снега, он не замерзал.

Весной, когда сходили снега, картофель выкапывали и сдавали государству. Так делали всегда. Но однажды, не знаю по какой причине, картофель в одном бурте (так называлось это хранилище в народе) просто-напросто замерз, и пришел в негодность. Когда хранилище вскрыли, то увидели, что картошка гниет.

Колхозное начальство, с дозволения районного, разрешило жителям его использовать по своим нуждам. Каждый мог взять столько, сколько сможет, или сколько ему угодно. Все стали набирать этот картофель. Набира-

ли его и мы всей семьей. Точнее, родители не участвовали в этом деле, работали только дети. Мы ведрами носили этот картофель к дому, а старший брат затаскивал ведра на крышу дома. Она была тесовая. Брат вынимал картошку из ведра и достаточно сильно кидал ее на доски крыши, клубни расквасившись от удара, прилипали к доскам. Их оставляли в таком состоянии на некоторое время, дня на два-три. Картошка на солнышке высыхала, становилась каменной, и уже так противно не воняла, как сырая. Не помню точно как, но мать добывала из этих сушеных гнилых клубней крахмал, из которого варила нам кисель, добавляя туда сахар и щавель, который мы же и собирали, как это водилось, каждой весной, как только он вылезал из-под земли. Это было очень вкусное блюдо, называли мы его кисель-щавель

Крахмала мать добыла тогда очень много, и его хватило до созревания красной смородины, однако название кисель-щавель не менялось. Такие вот вкусные десерты сопровождали наше детство.

РЯБЧИКИ.

Зимы на моей малой родине во времена моего раннего детства были холодные, снежные и длинные. Солнышко на небо редко выглядывало, всё больше по небу плыли серо-свинцовые тучи. Светало поздно, темнело рано. Уже в четыре часа пополудни стояла практически ночь.

Дом, в котором жила наша семья, был большой и старый. Когда-то очень давно в нем жил священник местного церковного прихода. Фамилия его была Добролюбов, и он приходился родным отцом известному литературному критику. В доме было несколько комнат, имелось две

печки. Одна называлась русской, другую именовали голландкой. В русской печи мать варила еду, ее разрешалось топить один раз в сутки очень ранним утром, когда еще весь народ был в домах, и не ушел на работу. Так диктовали тогдашние противопожарные правила. Голландку топили вечером, чтобы в комнатах было теплее ночью. На кухне рядом с русской печкой отец поставил еще одну небольшую железную печку, которую называли буржуйкой. На ней мать готовила иногда жареную картошку к ужину. Эта же печка давала дополнительный подогрев дому.

Зимой всегда было холодно, и всегда хотелось есть. Конечно, есть хотелось всегда, и летом, и весной, но зимой есть хотелось почему-то сильнее всего. Особенно чувство голода давало о себе знать долгими зимними вечерами. Электричества не было, свет давали керосиновые лампы, все собирались там, где была лампа.

Когда мама вечером разжигала буржуйку, мы собирались на кухне. Старшие братья и сестры чистили картошку, которую потом мама жарила в огромной черной сковороде. Очистки от картофеля тщательно мыли, и они тут же шли в дело.

Рядом с буржуйкой было очень тепло и уютно. Если садиться совсем близко - становилось даже жарко. Мы, пацаны, брали очистки, и клали их на раскаленную поверхность печки. Очистки шкворчали, румянились, и моментально подгорали. Требовалось не зевать и уловить момент, когда они становились уже поджаренными, но еще не обуглились. В этот момент нужно было их сбросить в мисочку, и тут же съесть, пока они были горячие, и пока их не съел кто-нибудь из более проворных братиков.

Очень была это вкусная штукавина, доложу я вам, и называли мы эти жаренные очистки почему-то рябчиками. Пока мама жарила картошку, мы успевали мал-мала

заморить червячка этими самыми рябчиками.

Наконец, картошка в сковороде делалась готовой, все садились ужинать. После еды становилось особенно тепло и хорошо. Глаза слипались сами собой, я забирался на лежанку русской печки, укрывался, и мирно засыпал под пение ветра во вьюшке.

ДОЖДИ.

На улице дождь. Я сижу на лавке у окошка и смотрю на улицу. Там идет дождь. Мелкий, косой, идет с самой ночи. Значит, на улице осень. Я уже знаю, что такое осень. Осень - это когда становится холодно, желтеют и опадают листья, помидоры с огорода заносят в дом и рассыпают на пол под кровати и лавки, чтобы они доспели. Осень - это когда земля раскисает от дождя и превращается в непролазную грязь, это когда меня не пускают на улицу, чтобы я не портил еще вполне хорошие ботинки, как говорит мама. Поэтому я сижу дома и смотрю в окно. Это довольно скучное занятие, но время от времени смотреть в окно осенью становится очень интересно. Через село по моей улице проходит автомобильная дорога, раза два-три в неделю по ней едут новые автомобили из Горького в Саранск. Так говорит папа. Я уже знаю, что Горький и Саранск - это такие большие города, даже больше нашего села. Там есть заводы, где делают эти машины. Автомобили новые, без кузовов. На каждом автомобиле сзади полупогружен еще один автомобиль. Я спрашиваю папу, почему этот автомобиль не едет сам. Папа говорит, это чтобы надо было меньше шоферов. У шоферов интересная работа, они далеко ездят. Вырасту, стану шофером и буду ездить, думаю я. Интересно смотреть из окна имен-

но осенью во время дождей, глина на дороге раскисает, становится скользкой, и машины буксуют. Совсем не могут быстро ехать, часто застревают. Особенно здорово, когда машину стащит в кювет, до краев наполненный водой. Тогда шофера выходят из машин, о чем-то говорят, достают веревки, лопаты, прицепляются машинами друг к другу, газуют, никак не могут выбраться, снова что-то говорят. Опять буксуют. За всей этой картиной спокойно и с интересом через окошко я и наблюдаю.

В доме тепло, а на улице противный холодный, косящий и нудный дождик. Дождики бывают летние и осенние, зимних дождиков я пока не видел, зимой бывает метель и вьюга. Я знаю, чем они отличаются. Когда вьюга - ветер завывает во вьюшке у печки, а в метель он там не воет, летает где-то в другом месте. Во время вьюги, особенно ночью, так уютно спится на лежанке русской печки. С вечера, еще не уснув, можно слушать песни ветра. Круглую чугунную штуку, которой закрывают дымоход трубы печки, называют вьюшкой, я думаю это потому, что когда она закрыта, слышна песня вьюги. Вьюга - вьюшка.

А летние дождики совсем не такие. Они из крупных капель, струи дождя не косые, а падают прямо, создают лужи с пузырями. Осенью на лужах пузырей нет. Летний дождик начинается долго. Сначала светит солнышко, но видно, что на краю неба вылезает что-то черное или темно-синее. Потом оно растет, закрывает все больше неба, скрывает солнце. Становится душно, но тут откуда-то налетает ветер, кружит мусор и пыль. Потом на секунду все стихает, сверкает молния, раздается оглушительный гром, стремительно нарастает шум дождя, и вот уже капли весело барабанят по крышам, окнам, тропинке. Дождь все усиливается, молнии сверкают, гром раскатами носится между туч, деревья шумят. В такое время так здоро-

во носиться под дождем по лужам, и совсем не страшно, что весь вымок, и совсем не страшно, что молнии и гром, даже наоборот, весело и азартно, и мама потом не ругает, журит только маленечко. Еще чуть-чуть, дождь стихает, туча куда-то улетает, солнышко заглядывает в каждую каплю, воздух свежий и пахнет по особому. Папа говорит, что это какой-то озон. Вот и получается, что летний дождь - это вам совсем не противный косой мелкий осенний дождь. Я летний дождик люблю, он веселый, струи прямые и сочные, короткий, и можно бегать по лужам, а осенний мне не нравится, во-первых, он идет и день и ночь, а во-вторых - гулять не пускают.

ДРОВА ВОРУЮТ.

Зимы у нас лихие, снежные, с буранами и метелями. Дома есть две печи, русская и голландка. Русскую можно топить только раз в день, так требуют пожарные начальники, голландку топим два раза. Дров нужно много. Каждую осень мы с братьями пилим дрова, колем их и укладываем в аккуратную поленницу вдоль забора. К весне от поленницы мало, что остается. Дрова убывают очень быстро.

В одну из зим отец заметил, что дрова убывают как-то особенно быстро. Пару вечеров специально примечали, как лежат поленья... Утром конфигурация изменялась. Ясно, дрова воруют. Решили караулить... Это почетное дело было возложено на старших братьев. Установили порядок несения караула, но....две ночи ничего не принесли: никакого шума, а дрова опять убыли, выяснилось, что и тот и другой бессовестно проспали. Собрали семейный совет. Старший брат Эрик предложил устано-

вить нечто вроде датчика на вора. Датчик - это громко сказано. Электричества в селе нет, что делать?

В школе была автомашина полуторка. Сняли с нее аккумулятор, возле поленницы положили друг на друга две доски с оголенными проводами, но так, чтобы провода не касались друг-друга, протянули провода к аккумулятору и электрическому звонку, который взяли у учителя физики в школе. Доски уложили у поленницы, припорошили их снегом, провода скрыли. Первая ночь прошла спокойно, дрова остались целыми. На вторую ночь около пяти утра, в самую зимнюю темень и глухое время, в доме раздался звонок, отец и старшие братья мгновенно выбежали и тут же поймали вора. Им оказался один мужик совсем не с нашей улицы. Он увозил дрова на салазках. Когда его завели домой, он показался мне страшно испуганным и умолял отца пожалеть его, дескать, у него трое детей и только нужда крайняя толкнула его на это. Мне его было жалко, очень жалко. Когда все делалось для того, чтобы вора поймать, я прямо горел от желания наказать жулика, а теперь - теперь он был жалок, стоял, как пришибленный и мял в руках свою старую шапку. Радость от того, что мы перехитрили вора и изловили его куда-то делась..

Я хоть и был мал, но уже знал, что по тем временам ему грозил приличный срок. Отец завел его к себе, они о чем-то долго говорили, потом мужик ушел. Наутро он пришел к отцу, но уже с женой. Опять долго говорили. В итоге, отец его простил. А я? - я с восхищением смотрел на братьев, которые так ловко все придумали, и сам очень хотел так же хорошо учить физику, как они. Впоследствии я так и сделал, и судьба даже сложилась так, что мне довелось преподавать физику в школе в течение шести лет.

ЖИЗНЬ УШЛА.

Отец мой был заядлый охотник и великий любитель и знаток охотничьих собак. В разные годы у нас жило пять-шесть, а иногда и более этих красивых и умнящих животных. Водил он только две породы: русская псовая гончая и русская псовая борзая. Надо сказать, что и мать была в этом плане ему соратница. Некоторые собаки, жившие у нас, считались лучшими экземплярами породы в СССР. За щенками к нам ехали из Сибири, Казахстана, Эстонии. Когда-нибудь я попробую их описать в отдельном рассказе. Сейчас же речь пойдет обо мне и моем отношении к охоте.

Отец не только сам был страстным охотником, но и нас, сыновей, приучал к этому делу, причем с самых ранних лет. Мне было всего шесть лет, а я уже умел лихо снаряжать патроны, катать дробь, чистить ружья. Старшие братья всегда с ним охотились. Я рос помаленьку, пришла и моя очередь приобщиться к этому таинству. Сначала просто ходил с отцом, наблюдал за работой собак, когда собака гнала зверя по следу, одновременно отец рассказывал мне о тонкостях собачьего лая. К 9 годам, ко дню рождения, папа где-то мне спроворил ружьецо. Небольшое, 36 калибра, но, тем не менее, это было настоящее ружье и стреляло оно настоящими патронами. Было оно не новое, но еще в очень хорошем состоянии. Теперь это был не только предмет моей заботы, но и предмет гордости перед соседскими пацанами, которые не отрывали завистливых глаз от моего ружья и просили дать им поддержать его в руках.

Отныне и я, уже наравне со старшими братьями, стал ходить с отцом как заправский охотник, чувствуя себя с ними почти на равных. Довольно быстро освоился,

и у меня неплохо получалось стрелять уток. Так шло до зимы. Однажды я пошел с отцом, как обычно, в лес, но охотиться в этот раз мы должны были на зайца и лису. Через какое-то время подала голос наша Динка, гончая, выдающегося ума собака - предмет зависти и восхищения всех охотников не только района, но и области, не побоюсь преувеличения. По характеру гона было понятно, что взяла она след зайца. Мы распределились по позициям шагах в тридцати друг от друга. Стоим, слушаем. Как ни пытается заяц крутить след и делать скидки, по нарастанию слышимости голоса собаки было понятно, что она уверенно выгоняет его на нас. Буквально через десяток минут я увидел, как заяц выскочил из кустов и остановился всего в нескольких шагах от меня, в очень удобной позиции для выстрела. Не теряя времени, я вскинул ружьё и выстрелил, заяц подпрыгнул на месте, упал на бок, начал брыкаться, в азарте я кинулся к нему и...вдруг увидел его глаза. Они были очень большие, налиты слезами, которые скатывались на снег и оставляли в нем дырочки. Затем глаза начали тускнеть, тускнеть и из них стала уходить жизнь. Еще чуток, и это были абсолютно мертвые стеклянные глаза. Я молча смотрел на эту картину, и мной овладевало чувство острой вины и сострадания к этому несчастному зверьку, который лежал теперь бездыханный у моих ног. В это время ко мне подскочил возбужденный отец, горячо начал меня поздравлять с первых добытым настоящим зверем, но я в ответ молча протянул ему свою одностволку и сказал: вот, возьми и девай ее, куда хочешь, больше я никогда не буду стрелять по живому существу. Потом повернулся и пошел в направлении села. Было мне в ту пору ровно десять лет. Больше я никогда не ходил на охоту, и ни разу не взял в руки ружья для стрельбы по живой цели. До сегод-

няшнего дня.

КАК Я РАЗОЧАРОВАЛСЯ В СТАЛИНЕ.

Случилось это то ли в 51, то ли в 52 году, точно уже не помню, а уточнить не у кого, все уже ушли. В начале ноября поехали мы со старшим братом Эриком в Москву, к папиной маме, то бишь бабушке. Из поездки помнится только полумрак вагона, большое количество дяденек и тетенок с узлами и баулами. Сам приезд в Москву не помню, помню только, что это была почему-то не Москва, а какие-то Люберцы. Рядом с бабушкиным домом за очень высоким забором был военный аэродром. Оттуда постоянно с ревом взлетали самолеты, тетя Нина, папина сестра, называла их Дугласами. Что это такое, я не знал, но в этом слове мне слышалось что-то типа тяжелых мыльных пузырей, которые солидно лопаются.

Каждый день мы садились на электричку и ездили, как все говорили, в Москву. В Москве было шумно, кругом толпились люди и по улицам гоняли машины. Пахло невкусно, чем-то едучим, не то, что у нас. На третий день тетя Нина подняла меня очень рано, и мы поехали на демонстрацию, на Красную площадь. Я уже знал, что такое мавзолей, Красная площадь. Знал, кто такой Сталин. В моем представлении это был огромный силач, который запросто мог всех победить одной левой. Я так думал потому, что все о нем говорили очень уважительно, а у нас в селе уважительно говорили только о кузнеце Солуянове, мужике очень сильном и огромного роста, и о моем папе. Папа тоже был высокий и очень сильный, запросто подкидывал меня высоко в воздух А Сталин был самый сильный, его все боялись. Помнится, что мы куда-то приеха-

ли, очень долго стояли в какой-то толпе. Наконец, пошли. Через некоторое время подошли к Красной площади, тетя Нина мне сказала: Гера, смотри, вон Сталин, и показала на мавзолей. Там стояли какие-то люди. Портрет Сталина я уже видел, поэтому узнал его не только по лицу, но и по фуражке. Он был самым маленьким среди стоявших людей. Это меня просто сразило наповал и я, не сдержав эмоций, громко сказал тете с оттенком недоумения, недоверия и даже какого-то возмущения: это Сталин?! Это не Сталин, это не Сталин! Тетка зажала мне зачем-то ладошкой рот и, дернув за руку, увлекла в толпу, в которой мы шли. До самого возвращения домой к бабушке я все переживал своё разочарование: могучий силач Сталин на самом деле оказался совсем не силачом. Было очень непонятно, почему все боялись такого маленького дяденьку.

КАК Я ТУШИЛ ЛАМПУ.

Мы жили при керосиновой лампе. Лампу я очень любил. Мне нравилось, что у нее внутри горит огонек, от которого светло. А еще есть колесико на оси, можно его покрутить и света становилось то больше, то меньше. Тушить лампу было очень просто: дунул в дырку поверху стекла и все. Как-то летом мама поехала в город, в райцентр. Это было очень далеко, целых пятнадцать километров. Она взяла с собой старших братьев, Эрика и Валерку. Глядя на то, как ни собираются, я начал канючить, чтобы меня тоже взяли в город. Мама не хотела брать, но братья за меня заступились и мы поехали. В городе жили бабушка и дедушка. Мы приехали к ним. Дома была одна бабушка, дедушка был на работе. Мама с бабушкой о чем-то поговорили и ушли. Мы остались дома..На стен-

ке в зале висела черная тарелка, и в ней говорили люди и играла музыка, Эрик сказал, что это репродуктор. Что это такое, я не понял, но было очень интересно: как эта штукавина умела говорить и играть музыку. Бабушки и мамы не было долго, стало вечереть и братья включили свет. Лампа висела на какой-то веревочке, привязанной к потолку и светила очень ярко. Никаких колесиков у нее не было, и я не видел, чтобы братья зажигали спички. Увидев мое удивление, Валерка поднял меня на руки и говорит: а ну-ка, потуши лампу. Я дунул - лампа даже не моргнула. Я дунул сильнее, она продолжала гореть, я стал дуть изо всех сил, братья смеялись, а лампе хоть бы хны.. Долго они еще дурили мне голову, а потом Эрик сказал, что эту лампу надо тушить вот так, и показал на черную кнопку на стенке, нажал на нее и она погасла. Я тоже захотел так сделать. Меня поднесли к выключателю и научили с ним обращаться, так я познакомился с электричеством.

ДЕДУШКА ПАВЕЛ.

Школьный двор очень большой. По краям его - забор. Вдоль улицы стоит наш дом, перпендикулярно улице стоит здание школы, за школой - огромный школьный сад. Напротив школы, через двор - группа хозпостроек. Там есть конюшня, где живет школьная лошадь Машка, есть хлев, где живут две школьные коровы и одна наша. Есть еще здание с непонятным названием кубовая. Там греют воду, готовят корм животным. Заведует этим хозяйством тихий и добрый дедушка Павел. Он очень старый, я запомнил, что ему 81 год, так он мне сам говорил. Каждое утро он приходил на работу, ухаживал за животными, чистил их, убирал навоз, доил школьных коров,

кормил-поил Машку. Закончив дела, он обычно заходил в сарайчик с сеном и ложился немного отдохнуть. Почти каждое утро я забегал к нему, крутился возле него, мы разговаривали о разных важных делах, он мне даже про японскую войну рассказывал. Потом я убегал, а он оставался при своих пестунах, как он их почему-то называл. Я этого слова тогда не понимал, но запомнил его именно от дедушки Павла. Ближе к осени я зашел как-то к нему в сенной сарайчик, но он спал. Через час домой пришел папа и сказал маме непонятные слова: дедушка Павел умер. Оказывается, он не спал. Он уже умер. Как обычно пришел на работу, все сделал, всех накормил-обиходил, прилег не сенце полежать и тихо ушел. Так я узнал, что люди умирают.

ВОН ОН, ПРОХВОСТ-ТО СИДИТ!

Пришли с мамой в сельсовет. Я остался в коридоре, а мама пошла в комнату с таинственным названием «канцелярия». Дверь оставила приоткрытой. Заглядываю туда, там за столами сидят женщины, что-то пишут. Одна крутит ручку машинки, с мудреным названием арифмометр, я его знаю, мне раньше мама говорила. На стене висит предмет моего тайного обожания - черный телефон. У него есть рукояточка, ее можно покрутить, чтобы она жужжала, а потом говорить в трубку разные слова. Чуть поодаль сидит дядька, которого все зовут Васька Жучкин. Он продавец в сельпо и всегда ругается на детей. Одна из женщин, веселая и смешливая тетя Шура Кантерина, увидев меня, кричит: Герка, ты что там стоишь в коридоре? Иди сюда! Я смотрю на нее, потом говорю: ага, не пойду, вон он сидит, прохвост, и показываю на продавца, он

ведь не посмотрит, что в сельсовете, сразу ругаться будет! Мне совсем не понятно, почему вдруг все громко расхохотались, я смутился и отошел от двери. А телефон-то так хотелось покрутить!

СИДИ И СОХНИ.

Многие считают, что человек не может ничего помнить из раннего детства. Может, кто-то и не помнит ничего, а у меня очень многое сохранилось из самого раннего детства, правда, отрывочно. Эти отрывочные воспоминания я называю микровспоминашками. Предлагаю кое-что вашему вниманию.

Сиди и сохни!

На улице гремит гром, идет дождь, бушует гроза. Смотрю в окно. Дождик стихает, затем прекращается. Прощусь у мамы на улицу. Разрешает. Выхожу во двор, все мокрое, но веселое и чистое в лучах солнышка. Иду к школе (живем в школьном дворе). Подхожу и вижу, что возле стенки сидит лягушка и таращит на меня свои глазёнки. Беру ее в руки, она мокрая и грязная, рядом лужа, полощу лягушку в луже, держа за задние лапки. В это время из дома выходит мама и кричит мне весело: Герка, пойдем со мной в сельсовет! Кладу лягушку на откос фундамента школы, придерживаю ее рукой и говорю: сиди и сохни, а я пошел с мамой.

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ.

Ах, февраль! То улыбочка солнышка,
Словно выглянул буйный апрель,
То бураном гуляет по полюшку
Разудалая девка-метель.
А по крышам кучкуются стёклышки,
В них рождается тайно капель,
Воробышки в снегу чистят пёрышки,
Там где март себе стелет постель.
И уже робко плавает в воздухе
Тонкой струйкой весенний хмель.
Радость в солнышке, радость в облаке,
Ах, февраль, ты весны колыбель!

* * *

Контракты и баксы, законы, заборы.
Условности, быт, политес, этикет.
Чиновники, воры, менты, прокуроры.
А вот человеку нигде места нет.
Погожим денечком я выйду из дома,
На небо взгляну, отключу телефон.
На поезд идущий, чужой, незнакомый,
Успею запрыгнуть в последний вагон.
Уеду неспешно в далекие дали,
Которым названия в памяти нет,
И в мире без радости, и без печали,
Бесследно исчезнет мой след.

* * *

Может, ранней порой предрассветной,
Или в поздний полуночный час,
Светлой струйкой дождя неприметной
Жизнь покинет тихонечко нас.
И сгорит под печалью ухода
Страх от смерти волшебным огнем,
В этот миг, обретая свободу,
Мы за жизнью той в вечность уйдем.
И в безбрежных просторах Вселенной,
В бесконечно грядущих веках,
Будем мягко душою нетленной
Вечно людям светить в небесах.

* * *

Как мягкий шарм таинственной красоти
Пронзает сердце и волнует грудь,
Неуловимый ритм её походки
Потом полночи не дает уснуть!
И каждым мигом сладостных видений
Пока живой, я буду дорожить,
Ведь только ради эдаких мгновений
На белом свете стоит, братцы, жить!

* * *

Твой лик, прекрасный и печальный,
И лучезарные глаза,
И стан, изящный, как лоза,
Влекут восторгом страстной тайны.
И сокровенье тайны этой
Во тьме бесчисленных веков
Словами разных языков
Не раз пленительно воспето!
О, женщина, волшебна твоя суть,
Извечно жизнь в ней пребывала,
И твоим жертвенным началом
Очерчен всей Вселенной путь!

* * *

В интеллигентах, как всегда, бушуют страсти,
Позвольте мне о них поговорить:
Кого когда ни посади в стране у власти -
Интеллигенты будут рыло воротить.
Им посади в правители хоть бога,
Всё будут блять, что опять дурак убогий.

* * *

Покой и тишина.
Чуть слышно шепчет дождь.
Сквозит в душе осенняя усталость.
Давно прошла весна,
Отколосилась рожь,
И до зимы рукой подать осталось.

* * *

Спокон веков у русского народа
Все то, что было дорого ему,
Все пряталось на донышко комода,
Неведомо зачем и почему.
Зато потом, случайно обнаружив
Какое-нибудь фото иль письмо,
Душа отгадывает от житейской стужи,
И в прошлое откроется окно.

* * *

Проходит день за днем,
Минует ночь за ночью,
И так уже восьмой десяток лет.
Ищу я днем с огнем
И в мыслях, и воочью,
Но старости во мне в помине нет.
Останусь молодым,
Задорным и веселым,
И так и не сумею повзрослеть.
Обычный ученик
Вполне обычной школы,
Последний класс которой - просто смерть.

* * *

Что-то стройное, тонконогое,
Что-то нежное и изящное,
Что-то гордою недотрогою
Независимо проходящее.

Ты постой, постой, свет красавица,
Расскажи-ка мне, тонконогая,
Отчего тебе сильно нравится
Всегда выглядеть очень строгою?

Может в девичьем сердце льдинкою
Прихватило злым холодом кровь?
И в ней спряталась невидимкою
Твоя первая в жизни любовь?

Полно ежиться, птаха малая,
Не кручинь-ка зря ты головушку,
Повстречаешь ты парня славного,
Он зажжет тебе твое солнышко.

И растает под ним твоя льдиночка,
Побежит огоньком в жилках кровь,
Позабудешь свою кручинушку,
И вернется к тебе счастье вновь!

В душе моей давно нет радости,
Но и печали тоже нет,
Горит в ней мягко тихой старости
Нетленный и спокойный свет.
Ушли куда-то прочь волнения,
Страстей житейских суета,
Былые мне смешны сомнения,
Их маета и пустота.
С улыбкой новый день встречаю:
Теперь любой день - день весны,
И благодарно принимаю
И солнца свет, и свет луны.

* * *

Дождик мягко шуршит
По оставшейся снежной постели,
Словно шепчет земле,
Что давно просыпаться пора,
Говоря, что зима,
Подобрав свои полы-метели,
Как боярыня,
Гордо ушла со двора!

* * *

Предзакатной порой,
Когда солнце склоняется долу,
Когда киноварь неба
Сгущается в ультрамарин,
Начинает звучать
Где-то робко мотив невесёлый,
Порождая в душе
Ностальгический сплин.
Выплывают из сердца
Сакрально манящие степи,
Льются звуки домбры,
Слышен топот бегущих коней,
И ковыльные повести
Канувших в Лету столетий,
Что спрессованы в генах
До нескольких дней.
И баюкаясь в этом
Чарующе-сказочном сплине,
Что мне ближе гораздо,
Чем тот древнегреческий миф,
Ощушаю себя
Я праправнуком славянина,
Но и чую, что где-то
Притаился во мне
Древний скиф!

* * *

За жизнь немало женщин повидал,
Живущих рядом, проходящих мимо,
У многих неизменно отмечал
Особый знак неповторимый.
Уже давно смущает мысль меня одна,
Мне кажется она неоспоримой,
Что женщина безвозрастно юна,
Пока она желанна и любима.

* * *

Андрей Кравченко. Благая весть.
Зима. Но я не торжествую.
Не из крестьян. И нет причин
Среди морозов весть благую
Искать наивно. Низок чин
Надежд и радужных мечтаний.
Нет перспектив и близок срок,
Когда, средь вьюги завываний,
Зароюсь в нору, как сурок.
Отклик.
Среди морозов и средь лета,
И грусть осеннюю любя,
Не жди благую весть с приветом,
Сегодня ей не до тебя.
Сегодня нет ее в знаменьях
Ни от земли, ни от небес,
Её без совести зазренья
Всю сторговали на развес.

* * *

В каких бы ни жил я краях,
И кем, и где бы ни был,
Вкушая яства на пирах,
Я помнил запах хлеба.
На свете множество чудес:
Дворцы, моря, деревья,
Но мне милее русский лес
И русская деревня.

* * *

Задремала на ветвях сорока-птица,
Сунув голову под сизое крыло.
Ей, наверное, тепло и лето снится,
А с утра опять, как с вечера, мело.
И деревня, как сорока, задремала,
Только брешет приглушенно старый пёс,
И, укрыв всё снежным одеялом,
Сном сковал округу дедушка мороз.
Под мороз и я вздремнул немного,
И сквозь дрему тоже видел сны,
Что иду я зимнею дорогой
В направлении танцующей весны.

* * *

Плеск волны и тихий ветра стон,
Тишина, и только слышен где-то
Серебристый колокольный звон -
Весточка от умершего лета.
Дождь косой, раскисшие дороги,
Голый сад и дремлющий погост,
Этот вид, осенний и убогий -
Лучший для меня пейзажный холст!

* * *

И дым из труб, столбом встающий в небо,
И самоцветами горящий белый снег,
И свежий запах маминого хлеба -
Все кануло, увы, в ушедший век!
А в новом веке места нет деревне,
Она правителям сегодня не нужна,
Завет отцов мы позабыли древний,
Что без села не может жить страна.
По всей стране хиреют нынче сёла,
Живут там сплошь больные старики.
И видится вердикт мне невеселый:
Живет село последние деньки.
Садится солнышко, и небосвод темнеет,
И в темноте мне истина видна:
Умрет последний старичок в деревне,
И вместе с ним скончается страна.

* * *

Уже давно меня не называют папой,
Всё больше меня дедушкой зовут,
И в этом качестве, друзья, я тихой сапой
Уже и соли съел, пожалуй, целый пуд.
Теперь уж редко меня можно видеть с книжкой,
Компьютеры заполонили Русь,
Но не старею я, и глупеньким мальчишкой,
В душе по-прежнему я в сути остаюсь.
Пусть многие меня за то осудят,
Мол, дескать, не к лицу в твои года
Морочить голову стишками добрым людям,
Но я на то отвечу им всегда:
Я прост и весел в праздники и будни,
Живу с улыбкою, легко, и не спеша,
Своей забавой не мешаю людям,
И делаю, что требует душа!

* * *

Исчезло все в туманно-серой дымке,
Забылось напрочь в прошлого далеком далеке,
Лишь трогательный вид пульсирующей жилки
На тоненькой твоей руке,
Да глаз восточных грустная усталость
И запах черно-смоляных волос -
Вот все, что от тебя во мне осталось,
Вот все, что в сердце вдруг отозвалось.

* * *

Бабье лето стоит у двора,
Днем тепло, и летят паутинки,
А под утро - налет серебра
И на лужицах тонкие льдинки.
Хороводы кружит листопад,
В небе - грустный романс журавлиный,
И осенний багровый закат
Брызнул охры на ветки рябины.

* * *

Отбросив шелуху приличий,
Я истину открою, не стыдясь:
У Дьявола есть множество обличий,
Но Женщина особо удалась. (Алекс Эль)

* * *

А я слышал глагола мощный слог,
Что женщина - суть настоящий бог.
Все сложим, подведем итог:
В ней все едино, сатана и бог!

* * *

Я бога в даме не люблю, скажу вам честно!
Когда в ней бог, она моральна и скучна,
Но как она пленительно прелестна
Когда на первый план выходит сатана.

* * *

Бог, дьявол, женщина - прямая нить,
В которой есть такой секрет:
Без дьявола и бога можно жить,
А вот без женщин жизни нет!

* * *

У дам категории «Синий чулок»
Особенно в облике смотрится бог,
Но снимешь чулок, и картина ясна:
Там безраздельно царит сатана.

* * *

Вот и август ушел, и унес с собой запахи лета,
Землю кроет листвы одеялом туманный сентябрь,
Ветер тихо поёт под коньком одинокою флейтой...
Слышу сказки из детства в печальных осенних дождях.
Власть таинственных глаз расцветающей майской порою
Полонила меня, увлекла в упоительный раж.
Что там было потом в этом бешеном танго со мною,
Я не помню совсем, все растаяло, словно мираж.
Жизнь неспешно ушла вместе с этим танцующим летом,
И её не вернуть, как ты этого, брат, ни желай...
Но я ей благодарен навеки лишь только за это,
Что в ней был обжигающе-бешеный май!

* * *

Когда бы юности мятежной
Пора беспечная вернулась,
И красотой вашей нежной
Меня нечаянно коснулась,
Уверен я, мой друг прекрасный,
Меня б иной постиг удел:
Любуясь вашим взором ясным,
Я б никогда не постарел!

* * *

Кто знает «да», не знает «нет» едва ли,
Тот не ходил назад, кто не ходил вперед,
И тот, кто сути не познал печали,
Тот сути радости сердечной не поймет.
Рождение твое и есть начало тризны,
Основа бытия - двойная круговерть..
Как невозможна смерть без предыдущей жизни,
Так жизнь всегда собою порождает смерть!

* * *

Облака, облака!
Вечно куда-то бредущие странники.
Каждый их знает,
Но лично никто не знаком.
Что из того,
Что мы чьи-то по жизни избранники?-
Как облака,
Мы не знаем, куда мы идем..
Призрачно все,
Как поют, в этом мире бушующем.
Прошлого нет,
И не будет уже никогда...
Что же нас ждет
В непонятно-таинственном будущем?-
Вряд ли расскажет
Бегущая в речке вода.
Время идет
По незримой тропе мягкой поступью,
День постепенно
Сменяет глубокая ночь..
Так незаметно,
Секундно-минутною россыпью,
Жизнь с облаками,
Куда-то уносится прочь!

* * *

Богатство, власть, влияние и слава
До той поры, мой друг, имеют вес,
Пока, скажу не мудрствуя лукаво,
Ты не утратил к жизни интерес.
Когда ж постигнешь жизни этой бренность,
Когда уйдет желаний маета,
Поймешь, что только мысль имеет ценность,
Все остальное - прах и суета!

* * *

Любая женщина, принцесса или баба,
Непостижима в сути, как сама вселенная,
Она способна чепуху мгновенно
Раздуть в трагедию вселенского масштаба,
И тут же, походя, непостижимо как,
Проблему важную вмиг превратить в пустяк,
Одновременно делая полсотни дел при этом.
Я, грешным делом, и люблю их именно за это!
Без женщин мне не нужен даже рай,
Без них - тоска, ложись и помирай!

* * *

Сколько хочешь мне ври, о пустом и порожнем,
Много мне говори, слов своих не жалея,
И своим разговором, как костром придорожным,
Мне остывшую душу согрей.
И тогда под мелодию речи напевной,
Льдинки стылой души поплывут не спеша,
Прочь уйдет мишура суеты каждодневной,
И отгадет навеки душа.
И под ту же мелодию, этой же речи,
Что-то дрогнет в душе. Что? - не знаю пока,
Но расправятся сами согбенные плечи,
И душа полетит к облакам.

* * *

Вчера твое сегодня было будущим,
А завтра оно точно станет прошлым.
Такое положение вещей
Мне представляется весьма хорошим.
Ведь лишь по небольшому «размышлизму»
Получим удивительный ответ:
Сегодня есть основа нашей жизни,
Ни прошлого, ни будущего нет.

* * *

Бушуют в мире бешеные страсти,
Мир корчится от судорог в огне...
И, как всегда, достойных нет у власти,
Жирует падаль, а народ сидит в дерьме.
Зачем все так? - скажу: уже давно,
Суть этого понятна стала мне:
По верху плавает всегда дерьмо,
А золото покоится на дне.

* * *

Американский миноносец «Дональд Кук»
Однажды в Черном море заварганил трюк,
Он вознамерился у берегов Тавриды
Военно-ужасные сделать виды,
Мол, дескать, погляди-ка, Рашка,
Ты супротив Америки - букашка!
Но тут откуда-то, как будто между дел,
Российский самолётик прилетел.
Он безоружным был, и в том весь сказ,
И просто облетел корабль 12 раз.
И тут для янки откровение явилось:
Вся электроника на судне отключилась,
У моряков - истерика случилась.
И вот, истерики финал:
На судне был большой аврал,
Подштанники весь экипаж стирал.

* * *

Кичливая Европа нескромно возомнила
Себя культурным мировым Мессией,
При этом как-то скромно позабыла,
Что даже мыться научилась у России.
Кому на это доказательства нужны,
Пусть вспомнит имя русской киевской княжны,
Которая, эскьюз ми, вуаля,
Французского отмыла короля
И научила тамошнюю знать
Белье стирать и тело омывать.
До сей поры культурная Европа
Не мыла ни лица, пардон, ни ж...ы,
Все нечистоты выливала у порога,
А вшей считала милостью от бога.
Мораль:
Кичась высокородною культурою своей
Не стоит забывать учителей!

* * *

Я солнышка лучик поймаю с утра,
Неспешно пройду по тропинке двора,
Прохожей молодке тайком улыбнусь,
Холодной воды из колодца напьюсь...
На речку погляну, на тын обопрусь:
Вокруг все родное, вокруг моя Русь.
Теплом обольется вдруг сердце моё
И радостно что-то в душе запоёт.
Ей-богу, не надо мне жизни в раю,
Оставьте мне лучше земную мою.

* * *

Коль мудрость смолоду давала бы природа,
То жизнь была бы, возможно, не плоха,
Но мы не ведали бы радости свободы
И счастья первородного греха!
И уж, конечно, не имели бы понятия
Поймать кураж и сердцем ощутить,
Что нет на свете лучшего занятия,
Чем глупости по глупости творить!

* * *

Когда ощущаешь, что недалеко
Осталось до собственной тризны,
Становится ближе и как-то теплей
Голос родной отчизны.
И шепот листвы, и журчанье ручья
Звучат для души, как мелизмы...
Острей и пронзительней ценится жизнь
На самом излёте жизни.

* * *

Желаю женщинам
От имени мужчин
Отсутствия душевного ненастья,
А так же просто
Счастья без причин
И тысячу причин для счастья.

* * *

Ток времени бежит за веком век,
Ничто не остановит его бег,
Меняются эпохи и столетья,
Но неизменен в сути человек.
За пестрой культуральной мишурой,
Ты только чуть завесу приоткрой,
Узришь неандертальское обличье,
Клыки, оскал и шерстяной покррой.
Кому-то не понравится мой взгляд,
Но я, клянусь, совсем не виноват,
Что до сих пор во всех углах планеты
Грызет, как зверь, за доллар брата брат.

* * *

Я против всяческих свобод не возражаю,
Известно мне, что жизнь сплошной базар,
Но я за то мужчин не уважаю,
Что превратили женщину в товар...
Мне кажется, что это так несложно
Любому раз и навсегда понять,
Что Человеку просто невозможно
Купить за деньги дочку или мать!

* * *

Палитра золота на ледяных тропинках,
И неожиданно зеленая трава.
Там паучки на серебристых паутинках,
И мокрые от дождика дрова -
Дорогой в детство сладостно-щемящей
Нас балует октябрь уходящий,
Еще чуть-чуть, и год закончит путь,
Пришла пора природе отдохнуть.

* * *

Часто мы, перепутав систему отсчета,
Расставляем ошибочно вехи в судьбе,
В неудачах виним непременно кого-то,
А успех зачисляем в заслугу себе.
Кто стоит на ступеньках подобных позиций,
Вряд ли правильный путь в своей жизни найдет:
Всяк упертый адепт непомерных амбиций
К неизбежному краху в финале придет!

* * *

Привычно нам рисуют смерть
Всю в черном, и с косой,
Но нынче чаще видим мы ее
Портрет совсем иной...
Сегодня это наглый тип мордатый,
Весь в грязных долларах, крови,
И звездно-полосатый.

* * *

Вот опять собираюсь в дорогу,
Возле дверцы машины стою
И не знаю, к какому порогу
Проложу нынче тропку свою?
Но я точно одно понимаю:
Только тот свою цель обретет,
Кто настойчиво, страха не зная,
К своей цели спокойно идет.

* * *

Как много в мире истин есть простых,
Которые лежат перед глазами,
Но мы намеренно не видим их,
И заблуждения лелеем сами.
На это есть сравнение одно,
Судите сами, сколь оно уместно,
Как мухи, долбимся настойчиво в окно,
Нам в форточку лететь не интересно.

* * *

Ты - как нитка серебристая,
Я - как плохонький шпагат.
Ты вся белая, лучистая,
Черный я, как чёрный гад
Из-за этой мега-разницы
Я давно уже хотел
Лишь с тобой, с тобой, моя проказница
Свить клубок из наших тел.

* * *

Богословы! Прервите исканья!
Дайте мне однозначный ответ
На вопрос, на который в писанье
Не написан пока что ответ.
Почему, мне скажите хотя бы,
Бог терзает, как лютый злодей,
За ошибку одной глупой бабы
Миллионы невинных людей?

* * *

Сегодня в мире разных отношений
Такой я вижу основной момент:
Нет совести, нет чести, нет сомнений,
Всё выгоды затмил эквивалент.
В решении проблем в своей судьбе
Рассчитывай всегда лишь на себя,
Друзья и близкие вмиг предадут тебя,
Как только минет надобность в тебе.

* * *

Когда господь вселенну сотворял,
На все имел расходный матерьял,
К финалу израсходовался малость,
Вот только много глупости осталось.
Остатки глины в Адама он вложил,
Жену ему из кости сотворил,
И в щедрости своей душевной
Всю глупость махом людям подарил...
С тех пор вот так, несметными веками
Живем, ребята, откровенно дураками!

* * *

Полжизни смысл жизни я искал
И поиск, наконец, принес ответ.
Дал голос внутренний такой совет:
Зачем ты ищешь то, что не терял?
Кто только смысл постоянно ищет, тот
Жизнь в вечный поиск превращает, не живет!

* * *

Тебя подменяли немецким, французским,
Английским ныне травят рьяно,
Но ты, мой добрый славный русский
Встаешь с колен упрямо.
Слону пред моськами неведом страх,
Ты будешь вечно жить в веках....
Тебя не победить врагу,
Вот все, что я тебе сказать могу.

* * *

Как рьяно женщины кричат:
Все мужики - козлы!
Других для них нет больше слов!
И тут же радостно спешат
Всенепреренно выйти замуж за козлов....
Иной, друзья, в том тайны нет:
Зарыт здесь женской логики секрет.

* * *

Важен, осанист, на вид недоступен...
С богом повсюду молитву творит....
Только реально опасность наступит -
Вмиг бога забудет и «мама» кричит
Вывод из оных простецких речений
Каждый, подумав, сказать бы мне мог
Без заковыристых рассуждений:
Мама - единственно истинный бог!

* * *

Неутомимый жизни бег.
Вчера цвело все, ныне выпал снег,
Но за снегами мне видна
Идущая на смену им весна.
В рожденье - смерть, а в ней - рожденье...
Основа сущего – движенье.

* * *

Барабанит дождь без устали в окно.
От тебя нет весточки уже давно.
С кем и где ты, мой старинный друг?
Почему совсем исчез из виду вдруг?
Но молчит опять в ответ мой старый друг,
Тесен мне совсем без друга жизни круг.
Пасмурно иль ясно - все равно
Барабанит дождь без устали в окно.

* * *

Взгрустнула природа,
И небо тоскливо
Льет слезы горячие ночью и днем.
Грядущая осень
Уже опалила
Цветы и деревья холодным огнем.
Как быстро весна
Пролетела, и лето
Промчалось кометой в бездонной дали
И так же стремительно
Лучшие годы,
Как струйки воды сквозь песок утекли.
А что же осталось?
Заботы о ближних,
Да прожитых лет вечно давящий гнет...
Болезни и старость,
Ведь даже всевышний
Мне юность былую уже не вернет.
И сердце не дрогнет
При встрече с девчонкой
От вида которой занялся бы дух,
Надежды растаяли
Дымкою тонкой,
Огонь ожиданий и тайны потух.
Не часто и муза
Меня посещает,
И редко случайный рождается стих.
Осенний мотив
Колыбель мне качает
И ждет, чтобы я в ней навечно затих.

* * *

Пронзительным цветом
Осенние клены
Рисуют на сопках волшебный узор
И нежно, но властно
К себе привлекают
Усталого путника вдумчивый взор.
И каждый отыщет
В узоре неброском
Кто радость былую, кто нежный укор,
Кто мыслей упрямых
Своих отголоски,
Ведущих в душе нескончаемый спор.
Красавица- осень!
Нет времени года,
Когда бы природа была так грустна
И той же порою
Душа человека
Бывает подчас безмятежно ясна.
И все равновесно
На сердце покойном:
И радость от жизни и грусть о былом,
И дышится ровно,
Легко и привольно
И правит любовь в этом мире большом!

* * *

Осень печальные пишет картины,
Листья играют минорные гаммы,
Молча сижу в своем кресле старинном,
Зябко укутавшись плотно в пижаму.
Тихо мерцают поленья в камине,
В чашке уютно дымит кофеек
И под влияньем осеннего сплина
Воспоминаний течет ручеек.
Где ж вы, весны босоногое детство,
Лета минувшего буйные краски?
Минуло все и осталось в наследство
Осени тихой несмелые ласки.
И как в двенадцатимесячной сказке
Жизни ручей ускоряет свой бег..
Осени тихой несмелые ласки
Сменит холодный безжизненный снег.

* * *

По забытой дорожке,
Рассыпая печаль,
Шла волшебница-осень,
В неизвестную даль.
А печаль по асфальту
Нежно ластилась золотом
И по лету звонил
Тихо благовест-колокол.
И пока не скуют
Землю снегом морозы,
Листья будут шептать
Нам осенние грезы.

* * *

Над рекою белой вьюгой
Зарождается туман.
Проплывает в небе к югу
Журавлиный караван.
Дальний берег в мгле белёсой
Окончательно исчез
И листвою разноголосой
Шепчет стих осенний лес.
Что-то в жизни моей странно
Изменилось, вот беда!
Навсегда с рекой туманной
Утекли мои года.
Грустный клекот журавлиный
Жар душевный остудил,
А туман сменивший иней
Серебром виски побил.

* * *

Коль бог силен в делах мирских и ратных,
Коль он спасет весь мир не на словах,
Зачем нас убеждать тысячекратно,
Что он непобедим в своих делах?
За мишурой поповскою помпезной
Для здравомыслящего истина видна:
Потуги боженьки сегодня бесполезны,
Надежно миром правит сатана.

* * *

Все ниже и ниже к югу
Голову солнце клонит.
Скоро под сизую вьюгу
Жалобно лес застонет.
Лягут поля пустынно,
Небо туман закроет,
Ночью осенней, длинной
Волк одинокий завоет.

* * *

Вечер года - осень
Ночью холода,
Утром - неба просинь,
Стылая вода.
Солнышко не греет,
Голые поля,
Дождик мелкий сеет,
Мокрая земля.
Утром сладко спится,
Днем на сердце грусть,
Ночью лето снится,
Шепчет: я вернусь!

* * *

Лето умчалось в осень,
Осень умчалась в зиму.
Года времен хоровод,
Так и проносится год.
Вот пролетает год,
Время летит - держись.
Десятилетье, вперед! -
Так пролетает жизнь...

* * *

Как печален был тот листопад,
Как гуляло вовсю ненастье,
Но я был всему этому рад -
Та пора подарила мне счастье.
Ты явилась мне из непогоды,
Откровенья и тайны полна,
Оказалось, в любой поре года,
Непременно найдется весна!

* * *

Леса и просёлки, холмы и поля,
Как море волнуется рожь,
И речка на солнце блестит, словно нож,
И в мареве дремлет земля.
Исконной России полуденной вид,
Домишки, деревья, собор...
Неспешная жизнь и небесный простор,
Увидишь, и сердце щемит.

* * *

Пролегла дорога меж полей пустынных,
Худенькие столбики как слепцы поют.
У дороги кустики на морозе стынут,
Да сугробы снежные на пути встают.
Эх, дорога дальняя, нет конца и края,
Кто тебя здесь в древности
В поле проложил?
И как-будто тайну эту охраняя,
Ты лежишь усталая
У моста, перил.
Небосвод с землею совершенно слился,
Только чутко дремлют огоньки вдали,
Запоздалый ворон пролетел и скрылся,
Утонули в сумерках
Дальние огни.
И село притихшее спит в снегах глубоких,
Только слышен где-то полусонный лай,
Вот и завиднелись в иное окошки,
Просыпайся, мама, и меня встречай!

* * *

Ну, здравствуй, здравствуй, старая дорога!
Не виделась с тобой полсотни лет....
Да, времени прошло, конечно, много,
И прежнего в тебе от той дороги нет.
Тогда была проселком прозаичным,
Покрытием твоим был чернозем...
А ныне, я смотрю, асфальт отличный,
И даже трещинки не видно мне на нем.
Куда-то сгнули все столбики худые,
Стоят бетонные везде богатыри,
Но не поют, как странники слепые,
Что по Руси моей вели поводыри.
Все тот же мост, но новые перила,
Вот вдалеке мелькают огоньки,
Но все не так, совсем не так, как было...
Исчезли в прошлом юности деньки.
А вот село - спасибо, хоть жилое...
Людей, считай, в три раза меньше в нем,
И поросло крапивой с лебедою,
То место, где стоял мой отчий дом.
Дорога! Ты живешь обычной жизнью,
Иные времена, и жизни ритм другой.
Чужие песни слушает отчизна,
Давно не нужен ей бубенчик под дугой.
С грустинкой я смотрю на это дело,
Но рад, что я сказать тебе успел,
Что неприлично ты помолодела,
А я, увы, прилично постарел.

* * *

Я в зеркало гляжу из амальгамы,
Проснувшись тихим ранним утром,
И вижу, как в просвет оконной рамы
Мерцают звезды в снежном перламутре,
В блестящей амальгаме отражаясь.
За ними, вдалеке за горизонтом,
Полоской алой проявляясь,
Идет заря на мир широким фронтом.
Уже видна мне зимняя дорога,
Бесшумно уплывает ночи тень,
И нежно, робко, понемногу
В права вступает, улыбаясь, новый день,
Еще мгновение, и солнышко придет!
Что миру этот новый день несет?

* * *

В подбрюшьи Скифии бескрайней,
Морями вся окружена,
Полна таинственных преданий
Лежит прекрасная страна...
Царит природный там уют,
Её Тавридою зовут.
И бездны времени витают
По-над просторами Тавриды,
А душу каждого пронзают
Там потаенные флюиды...
И, сочетаясь, старь и новь,
Рождают дивную любовь.
Так, лежа дома на диване,
Я о Тавриде размышлял...
Поскольку, ни гроша в кармане,
Я в той Тавриде не бывал...

Нет, я бывал, но лишь в мечтах,
Не сбывшихся, увы, и ах.

* * *

Сегодня на веру народ в эпатаже,
Грибов стало меньше, чем новых церквей,
И в каждой загробное счастье в продаже
За тридцать библейских рублей.
Друзей не осталось, есть бизнес-партнеры,
Все рвутся наверх, что есть сил,
Меж душами строим из денег заборы,
А секс нам любовь заменил.
Циничный расчет, равнодушие к людям -
Вот все, что принес новый век...
Мне кажется, скоро мы спрашивать будем:
Куда же пропал человек?

* * *

Курится инеем вершина у Парнаса,
И мглой седой уже почти закрыта,
К тому же у любимого Пегаса
Разбились вдрызг подковы и копыта,
И стерлось напрочь верное перо,
Подохли мухи в высохших чернилах,
И на табло вдруг выпало «зеро»,
А у Пегаса выпали удила...
Пора, мой друг, мой старенький Пегас,
С тобою нам давно утомониться....
Штурмует молодость решительно Парнас,
Уступим путь, куда нам торопиться?

* * *

Что смерть? - лишь краткое мгновенье
Перемещения из бытия в небытие,
А жизнь - десятилетия мученья,
Терзавшего существование твоё.
Дарует смерти миг нам избавленье
От бесконечного мученья...
Эй, праведник, ложись, и помирай,
Обещан праведникам рай!
Казалось бы, к чему сомненья:
Смерть предпочтительней должна бы быть?
Но что-то я не вижу к ней стремленье,
Предпочитают люди мучиться, но жить.

* * *

Куда пропала прыть моя,
Души восторженной порывы,
И где сейчас, в каких краях
Звучат молодой поры мотивы?
И почему уже давно
Не тянет к подвигам меня,
Лишь воду пью, не пью вино
И нет совсем в душе огня?
Года небрежно на лицо
Морщин набросили каналы,
Замкнулось славных дел кольцо
В биографических анналах.
Когда-то был я удалец,
Пахал, чудил и жил на славу,
Но в жизни есть всему конец -
Венец любым делам по праву.

* * *

Как крымские ночи порой хороши,
Покрытые тайною сказки,
Как трогают нежно глубины души
Какой-то неведомой лаской.
В ней все растворяется, радость и горе,
Проблемы, тревоги, грехи,
А в берег тихонечко плещется море,
И шепчет бессвязно стихи.
Вдруг сердце наполнится сладкой тревогой,
Веселье смешав и печаль,
И что-то внезапно потянет в дорогу,
В неведомо дальнюю даль.

* * *

Я помню глаз прикрытых длинные ресницы,
Луной умытое любимое лицо,
И спящих окон темные бойницы,
И в дом ведущее высокое крыльцо.
Тебя, стоящую у стен родного дома,
В неясной дымке пелены ночной,
И облик твой, чужой и незнакомый,
Но все ж неумолимо так родной!
Текли стремительно минуты расставанья,
Безмолвно плакала ночная тишина...
К чему слова? К чему все обещастья?
И я один, и ты теперь одна!
Нам больше не встречать у стен родного дома,
Ни звон вечерний и ни утренний рассвет;
Не передаст ни мой, ни твой знакомый
Ни твой, увы, да и не мой привет.

* * *

Прихватив с собою солнце,
По деревне прошлось утро.
Разбудило утро солнышком народ.
Облака принарядило
Серебристым перламутром,
Баб отправило работать в огород.
Куры землю разгребают,
Добывая себе пищу,
Рядом важно охраняет их петух.
Помогая себе матом,
А где надо, кнутовищем,
Гонит стадо деревенское пастух.
Спохмела, не оклемавшись,
Неуверенно, несмело
На причале грузят лодки мужики.
С их отъездом все стихает,
Остаются не у дела
На деревне пацанва, да старики.

* * *

На накрашенных тушью ресницах
Бриллиантом повисла слеза..
Что сидишь ты печальна, девица,
Кто обидел тебя, стрекоза?
Глядь, она уж улыбкой сияет,
Огонёчки сверкают в глазах,
Весела, и печали не знает,
И куда-то исчезла слеза.
То молчит, то ручьем говорлива,
То опять беспричинно грустна,
То безумно храбра, то пуглива...
Покраснеет, и снова бледна!
Все мне ясно с тобою, сестрица,
И хвороба твоя мне ясна,
Довелось тебе, видно, влюбиться,
Поселилась в сердечке весна.

* * *

Мучительно для нашего сознания
Покрытого невежественной мглой,
Что тайны жизни, смерти, мироздания
От нас сокрыты темной пеленой.
Всю жизнь сознание личности обидает:
Зачем природа так неравенство творит?
Животное все знает, но сказать не может,
А человек не знает, но прекрасно говорит.

* * *

Сквозь нежный шепот волн морской равнины
Я слышу шустрых чаек голоса,
И вижу Грэя у штурвала бригантины,
Несущей алые в закате паруса....
Форштевень рвет волну морскую в брызги,
И на зубах хрустит морская соль.
Грей держит курс всей прежней своей жизни
К тем берегам, где ждет его Ассоль.
А где-то далеко, на каравелле,
Идущей отыскать пиратский клад,
Коленопреклонен пред Арабеллой,
Стоит пират-красавец, Питер Блад.

* * *

За жизнь немало женщин повидал,
Живущих рядом, проходящих мимо,
У многих неизменно отмечал
Особый знак неповторимый.
Уже давно смущает мысль меня одна,
Мне кажется она неоспоримой,
Что женщина безвозрастно юна,
Пока она желанна и любима.

* * *

Полжизни смысл жизни я искал
И поиск, наконец, принес ответ.
Дал голос внутренний такой совет:
Зачем ты ищешь то, что не терял?
Кто только смысл постоянно ищет, тот
Жизнь в вечный поиск превращает, не живет!

* * *

Над тобою века, словно тучи летают,
Затмевая порой солнца блеск.
Ты сегодня известен, как город Тутаев
(Иль Романово-Борисоглебск)
Отражается в Волге весною и летом
Твой волшебный зеленый убор,
И почти у любого при взгляде на это
Вдруг подернется влагою взор.
Иностранщина прет ныне валом огромным,
А все русское топчется в прах,
Сохраняется русское лишь в этих скромных
Не забытых забытых углах!

* * *

Небо в воду упало, с рекой уплывает
Вместе с небом купается в Волге Тутаев...
Над собором висит облаков пестрый пух
И сквозь воду глядит на меня русский дух!

* * *

Душа моя - пустынная земля,
Там неуютно жить, порою очень сложно...
А почему так? - объяснить нельзя,
Скорее даже, просто невозможно.
Там солнца нет почти и всё черно
Благих поступков нет и нет уже грехов.
Иссякли реки жизни там давно,
Остались только ручейки стихов.
Я знаю точно. Когда высохнут они
И всё навек уйдет в немую высоту,
Свой бег приостановят жизни дни
И я шагну за крайнюю черту.

* * *

Грустно под солнечным светом
Лотос цветок опускает
И боязливо и скромно
Ночи приход ожидает.
И лишь луны появление
Явит таинственный миг,
Он в дивном любовном томлении
Поднимет божественный лик.
С восторгом немым он находит
Глазами ее в высоте,
Дрожит и слезами исходит
В любви и любовной тоске.
перевод Гейне.

* * *

Еще далеко май от нас отстоит
И где-то гуляет апрель,
Но нас о приходе весны известит
Хрустальная марта капель...
А солнышко ласково так припечет,
Что сердце тревожно замрет,
И, пущенный детской рукой в ручеек,
Кораблик весны поплывет.

* * *

Ныне в статусе жулика всяк олигарх,
Стать богатым в трудах невозможно.
Как же стал богачом славный наш патриарх?
Я спрошу у людей осторожно.
Почему осторожно? - пусть люди поймут:
Меня могут за это упрятать в тюрьму.
Скажут, дескать, что я, атеист и дебил,
Чувства верующих сим стихом оскорбил.
А что я беспределом ворья оскорблен,
Вот на то депутаты не примут закон.
Чтоб на нары не сесть, я скажу многократ:
Патриарх олигарху - друг, товарищ и брат!

* * *

А где-то планету списали в запас,
Одной стало меньше планетой у нас.
Однако, друзья, нам расскажут едва ли,
За что ее власти по тихой списали?
Открою, ребята, сей важный секрет,
На эту проблему простой есть ответ...
Планеты, известно, имеют вращенье,
И в этом вращении есть направление:
Вершат все движение слева направо
Начальству на радость и богу на славу.
Сия же, сиречь, дерзновенно посмела
Вращаться по кругу, но справа налево,
И левым своим самовольным вращеньем
Иные планеты ввела в искушенье.
Чтоб в корне пресечь к вольнодумству стремленье
Бог строго велел своему окруженью
Ослушницу эту за шаг дерзновенный
Списать и задвинуть на свалку Вселенной.
Мораль: повсюду, везде и во все времена
Ослушникам дерзким есть участь одна:
Тащить, не пущать, хватать и вязать,
Всех в ссылку отправить и всех наказать!

* * *

Сторона ль моя, сторонushка,
Хороша во все века...
Средь берез стоит Аленушка,
Что-то шепчет ей река.
По-за речкой небом кроется
Стороны родимой даль,
И волною речки смоеся
Тихо девичья печаль.

* * *

Когда смотрю на фото друга,
Воспоминанья давних лет
Бегут стремительно по кругу
И шлют из юности привет.
Вращенье жизненного круга
Напоминает властно мне:
Нет никого дороже друга,
А друга старого - вдвойне!

* * *

Уж десять веков на Руси нет покоя:
Пожары и распри, набеги врагов....
За что нам, друзья, наказание такое?
За то, что мы предали русских богов!
Сионский же бог научил нас обману,
Разврату, наживе, вранью и коварству...
Я все перечислить могу, но не стану...
Вам славить дары Иудейского царства.
Слюнявые притчи о мерзких деяньях
Библейских блудниц, стариков и мальцов
Затмили нам ум, уничтожили память
И начисто выжгли обычай отцов.
И будем мы жить, лобызая иконы,
И жалким рабом будет нынешний росс,
Пока при нерусской Российской короне
Царить будет сын Иудеи Христос.

* * *

Я пришел ниоткуда
И уйду в никуда...
И уход этот будет
Печален и светел.
Мне могилы не надо,
Сожгите меня
И развейте по свету
Оставшийся пепел...
И скажите мне слово,
Прощаясь со мной,
Повседневным, обычным,
Не пафосным слогом,
Что я был, как и все,
Абсолютно земной,
И что не был рабом,
Ни у черта, ни бога.
И душа моя с пеплом
Уйдет в высоту,
Над землей необъятной
Свободно летая.
Я с людьми жизнь прожил
И останусь с людьми...
Мне не место в аду,
Но не нужно и рая.

* * *

Ночь за окошком
Тиха и черна,
Где-то за тучами
Бродит луна.
Ветер не веет,
Лес не шумит,
Только чуть слышно
Речка журчит.
Дремлют ракиты,
Затихли кусты,
Окон глазницы
Черны и пусты.
Ты лишь одна
Во всем мире не спишь,
Бродишь по берегу,
Будишь камыш.

* * *

Месяц среди туч летит,
Закусив удила:
Ошалело от весны
Древнее светило.
Звезды водят хоровод,
Прячась друг от дружки..
Видно тоже отхлебнули
Из весенней кружки.
Мне вот тоже почему-то
Ночью все не спится,
Так и чудится, что кто-то
В окна постучится.

* * *

Мы - стадо, миллионы нас голов.
Пасемся дружно мы и дружно блеем,
И ни о чем на свете не жалеем,
Всегда быть в стаде, наш удел таков.
В загон нас гонят, мы идем в загон,
На выпас гонят, мы спешим на выпас.
Быть вечно в стаде - основной закон
И страшно лишь одно - из стада выпасть.
Когда приходит время, нас стригут.
Зачем стригут, нам это не понятно,
Но всех стригут - куда ж деваться тут?
Хоть процедура крайне неприятна.
Пастушья власть дана нам, якобы, в подмогу,
А пастухам она дарована от бога,
Так и живем, не зная тех тиранов,
Что превратили нас давно в баранов.
Мы - стадо, миллионы нас голов,
Идем-бредем, качая курдюками,
Неведомы нам планы пастухов,
Бараны мы, что хочешь, делай с нами!

* * *

На пригорок домишки упорно ползут
Лентой пестрой, как россыпь цепей.
Бирюзовые дали в дорогу зовут
Колокольнями старых церквей.
Окоем от тенил Кудеяровский лес,
Под пригорком петляет река,
Жаворонок роняет аккорды с небес
На хмельной шепоток ветерка.
По проселкам трава-мурава косы вьет,
Паутинки блестят на кустах,
В палисадниках яростно мальва цветет,
Да антоновка спеет в садах.
Край, ты мой! Как же так я тебя потерял,
Позапутавшись в дебрях судьбы?
Птицу синюю я на чужбине искал,
А она была в шаге ходьбы.

* * *

Уж кануло в Лету
Полвека без малого,
Как я попрощался с тобой,
Красивою девочкой
С улицы Чкалова,
Не ставшей моею судьбой.
С тех пор прошагал
Я немало дорог
В чреде быстро мчащихся лет,
Но в сердце хранится
Родной городок
И глаз этой девочки свет.

* * *

Небо тускло хмурится,
Сдвинув брови-тучи.
Это все проделки
Зимушки дремучей.
Только ей
Не заглушить
Воем злой метели
Звонких колокольчиков
Радостной капли.

* * *

Над рекою белой вьюгой
Зарождается туман.
Проплывает в небе к югу
Журавлиный караван.
Дальний берег в мгле белёсой
Окончательно исчез
И листвою разноголосой
Шепчет стих осенний лес.
Что-то в жизни моей странно
Изменилось, вот беда!
Навсегда с рекой туманной
Утекли мои года.
Грустный клекот журавлиный
Жар душевный остудил,
А туман сменивший иней
Серебром виски побил.

* * *

Ночь тихо дремала над старой дорогой
И спал вместе с нею родной городок,
Лишь я все сидел со своей недотрогой-
Никак я с девчонкой расстаться не мог.
Скучала луна на полуночном небе,
Сочился смолою укрывший нас сруб
И пахло смородиной и свежим хлебом
От милых, еще не целованных губ.
Уж нет тишины над той старой дорогой,
А сруб тот - давно уже чье то жилье.
Пропала куда-то моя недотрога,
Полвека почти не видал я её.
Уж выросли дети и внуки взросят
И близок к финалу мой жизненный путь.
Я стар, и давно ни о чем не жалею,
Но кто б хоть на миг мне ту ночь мог вернуть?

* * *

Волшебной порой расставания с детством
Ты мне подарила однажды стихи.
Подернуты легким налетом кокетства,
Они были, в общем, совсем неплохи!
Я слов их сегодня не помню, конечно,
Лишь помню, что были они про любовь,
Про наши нечастые тайные встречи
И что-то про сердце еще, и про кровь.
Плескалось в них море лазурного цвета
Возникшего чувства наивной любви,
Да чудились запахи солнца и лета
И виделись длинные косы твои.

* * *

Вид челки задорен,
Немного причуден.
Под челкой блестят малахитом глаза
И словно ласкаясь
На девичьи груди
Ручьем серебристым стекает коса
И гибок твой стан,
Словно ветка лозинки,
И губы прохладны, как в речке вода.
Всегда весела,
Но во взгляде грустинка -
Такой ты запомнилась мне навсегда.

* * *

В ночи горит
Костер призывно,
Манит настойчиво к себе
Мечтой надежды
Неизбывной,
Идущей нитью по судьбе.
Уйдут друзья,
Покинут дети,
Чужою станет вдруг жена,
И только звездочка
Надежды
Всю жизнь одна тебе верна.

* * *

Обычный день,
Каких уже немало
Мне подарил прошедшей жизни путь.
Сморился я,
И пот, смахнув устало,
Присел неспешно на скамейку отдохнуть.
Плыл по реке,
Бортом с волной играя,
На самовар похожий пароход.
По палубе,
Под музыку гуляя,
Слонялся праздно отдыхающий народ.
А поза речкой,
Где конец у неба,
Построил кто-то разноцветный мост
В страну чудес,
Где я ни разу не был,
Хотя и путь туда всегда казался прост.
За воробьем
Следила сонно кошка,
Невесело пиликала гармонь
А девочка,
Увидев в поле лошадь,
Кричала радостно и звонко конь, конь, конь.
Как мало все же
Человеку надо:
Корабль, речку, солнышко, гармонь
И руку дочки -
Высшую награду
Судьбой врученную навек тебе в ладонь.

* * *

Дождиком мелким, как мягкой попоной,
Осень хозяйски накрыла мой двор,
И стуком дождинок по стеклам оконным
Тихо со мной повела разговор.
Холод вокруг, а в твоей комнатенке
Чисто, уютно, и даже тепло,
А разделяет нас стеночкой тонкой
Льдинкой прозрачной простое стекло.
Я же подумал: вот сказано верно!
Как хрупок нас окружающий мир,
Грани природные так эфемерны,
Что даже теряешь ориентир.
Нам никогда не понять, может случиться,
Фразу от Гамлета «Быть иль не быть?»
Что заставляет внезапно порваться
Жизни и смерти незримую нить?

* * *

Струн проводов коснулся робко ветер
И песнь про одиночество запел,
Про то, как плохо одинокому на свете,
Что одинокий вечно не у дел.....
Нет одинокому нигде на свете места,
Не существует для него приют,
Нет ни жены, ни друга, ни невесты,
И одинокого совсем нигде не ждут...
Быть одиноким - вечно быть в исканьях...
Товарища, опоры и семьи...
Вот потому в бесчисленных скитаньях
Проводит ветер постоянно дни свои.

* * *

Закатилось солнышко
Пятаком за круг,
В небесах играют юркие зарницы,
Занавески вешает
Темнота вокруг,
И народ усталый тихо спать ложится.
За окном танцует
Ветерок с осинкой,
Где-то над болотами густо зычет выпь.
Купол неба сочной,
Дивною картинкой
Звездная мозаикой украшает сыпь.
В камышах тревожно
Квакают лягушки,
По реке морщинками пробегает дрожь,
И, зевнув, поспешно
Крестят рот старушки,
Спи, моя деревня, завтра будет дождь.

* * *

Воля вольная в небе высоком,
Колоколенок жалобный звон
И неясный в болоте глубоком
То ли шум, то ли вздох, то ли стон.
В сарафанах березки-девчонки,
Красок леса мудреная вязь,
Дождь косой и кривые избенки,
Чернозема раскисшая грязь.
Сиротливо родные проселки....
Что родней? Я сказать не берусь....
Знаю я, никогда не умолкнет
Моя боль - уходящая Русь!

* * *

Уж минул август, сентябрь на смену
Спешит вступить в свои права,
Листву деревья сбросят, изменит
Свой цвет усталая трава.
Застынут, вспаханные зябью,
Квадраты черные полей,
Подернет ветер воду рябью
Под грустный клекот журавлей
И с каждым часом все печальней
Камыш качает головой,
Холодный ветер, странник дальний,
Играет мертвою листвою.
Путру - иней, неба просинь,
Короче день, длиннее ночь.
Посол зимы, седая осень
Тепло и солнце гонит прочь.

* * *

Рощи, поля, буераки, просёлки,
Вольно растущий повсюду бурьян.
Нищие села, деревни, посёлки,
Встречный любой спохмела или пьян.
Сонмы убогих, забитых людишек,
В лицах которых мольба и укор,
И оттеняет убогость домишек
Новый церковный собор.
Грязь на дорогах, дырявые крыши,
Сгнившие бревна, гнилые пеньки,
Мертвенно тихо, не слышно детишек,
Возле домишек одни старики.
Кто вынул жизнь из исконной России? -
Этого я вам сказать не берусь.
Найдет ли когда к возрождению силы,
Или умрет деревенская Русь?
Нынче на эти вопросы ответа
Вряд ли кто даст, у кого ни спроси.
Правду сыскать в стороне беспросветной
Не может, как прежде, никто на Руси.

* * *

Здесь никто не живет,
Только травы, деревья, и птицы,
Да веками несет
В океан свои воды река.
Здесь лет двадцать назад
Я решил навсегда поселиться
И дороги ко мне
Не развели люди пока.
Я живу в эмпирее,
Обычном жилище блаженных,
Я давно убежал
От трясины мирской суеты.
Ни богатств мне не надо,
Ни славы, ни денег презренных,
Мне достаточно хлеба,
Воды и заветной мечты.
Воздух здесь напоён
Хрусталём и полынным настоем,
Окоема палитра
Безудержных красок полна,
Здесь мгновение каждое
Дышит вселенским покоем
И на тоненькой нотке
Струною звенит тишина.
Слава богу, здесь нет
Ни попсы, ни тяжелого рока,
И долдонистый реп
Костыли не вбивает в мозги.
Меня радует Моцартом
Умная птица сорока,
И Бетховеном плачут
Глубинные струйки реки.
Здесь душа растворяется

В сути бескрайнего мира,
И вливается в тело
Былинная сила земли.
Вечерком иногда
Забредает капризная лира,
И прощальную песню
Роняют с небес журавли.

* * *

Что же есть счастье?
Спросили меня.
Долго я думал,
Целых три дня...
Затем еще день
И целую ночь.
Потом я ответил:
Твой сын, твоя дочь.
Большого счастья
Нет в целом свете,
Чем рядом с тобою
Живущие дети...
Дал вот такой вот
Я другу ответ.
Как вы считаете,
Прав я иль нет?

* * *

О! Как ты стар, мой старый друг!
Ужель и я такой же старый?
Как посмотрю с тоской вокруг,
Нигде не зрю подобной пары.....
Какая пара? Где мой друг?
Что так смутило мысль мою?
Что приоблазнилося мне вдруг?
Ведь я ж пред зеркалом стою!
А друг мой спит последним сном
В стране таинственной и дальней...
Вчера поведал мне о том
Церковный колокол печальный.
Еще сказал он мне: немного
Там грустно другу одному,
И что пора и мне в дорогу...
Пора, пора идти к нему.

* * *

Под действием какого колдовства
Страна повергнута в пучину воровства?
Воруют все, от дьякона до патриарха,
От сторожа до местечкового монарха.
Министры, генералы, бизнесмены,
Солидные профессора и члены-
Корреспонденты академии наук,
И даже депутат - народа друг.
Воруют всё, от гаек до дворцов,
По вкусу всё ртам жадных подлецов,
И только утешает мысль одна:
Россия - сказочно богатая страна....
Насытится ль когда ворья утроба?
Иль доведет оно страну до гроба?

* * *

У ворот забытая
Бабушкой метла,
К речке наклоненная
Воду пьет ветла.
Где-то за околицей
Слышен тихий смех,
Душу из гармоники
Вынимает мех;
Звуки переливами
Льются не спеша,
Как девчонка юная,
Ночка хороша.
Ветер травы вольные
Напрочь укачал,
Тихо струйки сонные
Трогают причал.
Неба звездным бисером
Вышиты края,
В речку опрокинулась
Вся вселенная.
От волшебной красоты-
Радостная грусть...
Если есть на свете рай,
Имя ему - Русь!

* * *

Что будет душу мне целить холодною зимой?
Наверное, бальзам воспоминаний,
Усиленный настойкою хмельной
Былых надежд, любви, и начинаний.
И этот курс, прописанный не мной,
А опытом седых тысячелетий -
Как сон целительный душе моей больной,
Без патетических тирад и междометий!
Когда ж придет славянская весна
И гусями рассыплется капель,
Душа моя воспрянет ото сна
И новой жизни в ней опять забродит хмель!

Бокал любви наполнен через край?
Но все, что слишком, плохо очень это,
Излишество - во всем совсем не рай:
Слепым стать можно от избытка света.
Расплещешь, братец, ты свою любовь,
Останется лишь муть на дне бокала...
Былое счастье не вернется вновь -
Не сделаешь улыбку из оскала.

Когда кипят нешуточные страсти,
Она в экстазе и в экстазе он,
Мне видится сюжет старинной сказки,
Где действуют кольцо и Соломон...
Во тьме веков и в безвременьи света
На каждый случай был ответ таков:
Чтоб ни было с тобой - пройдет и это,
У всех, и мудрецов, и простаков.
Поэтому, умерь души волненье:
Спокойствие - здоровью в зачет.
Все суета, сердечное томленье,
Собака лает, караван идет!

* * *

Ожидает опять нас туннель мишуры с конфетти,
И на ёлках бесчисленных блеск разноцветных огней,
Из нарядов и масок причудливое ассорти,
И приятные хлопоты спешки предпраздничных дней.
Предвкушение интриги страстишек в игре карнавала,
Вид сулящих отраду, и сердце волнующих глаз,
Ощущенье, что сбудется все, что еще не бывало,
Все до капли, как грезилось, именно на этот раз.
Оживают надежды, смешные немножечко пусть,
И чарует снежком нас волшебным погода..
И тревожит легонечко светлая, нежная грусть
По еще не ушедшему в прошлое старому году.

* * *

Все чаще в безвременье, прочь уходящем,
Мне снится ночами родной городок,
И слышится ясно тревожно-манящий
Ночной паровозный гудок,
А стук от колес поездов проходящих
Зовет возвратиться на отчий порог.
Напоминание о предстоящей
Поездке в последний чертог?

* * *

Туманный горизонт, размытый ватным небом,
Густая, как кисель, глухая тишина...
Я так и не пойму, я был там или не был,
И где сейчас лежит туманная страна.
Корявые дома, разбитые дороги,
Не выспавшийся люд, свет тусклых фонарей...
Обшарпанные двери и грязные пороги,
Когда все это было, не помню, хоть убей!
Не помню ничего, зачем там оказался,
Как будто грязный дождик из памяти все смыл
Когда туда приехал, и чем там занимался,
Но только сердце помнит: я был там, точно был.
И помню, ты была в той серой круговерти,
Как тонкий лучик света, как полевой цветок,
Который вырван был из жизни глупой смертью,
Что под недолгим счастьем нам подвела итог.
Размылся горизонт, и потемнело небо,
Ночным дождем упала глухая тишина...
Неважно мне уже, я был там или не был,
Мне только важно очень, что там была она.

* * *

В тумане таинственно плакали липы,
На дальнем болоте им вторила выпь,
И хлопья тумана, как ватные кипы,
Окрест одевали в кисельную зыбь.
На землю тихонечко падали капли,
Траву покрывая обильной росой,
И важно стояли у берега цапли,
Уснувшей реки охраняя покой.
Плач лип, мой целитель душевный недавний,
Куда-то тревоги и горести прячет...
Нельзя затворить в свое прошлое ставни,
И липы в тумане по прошлому плачут.

* * *

За яркостью обложки - пустота,
За пустотой - благие намеренья,
Бесплодные духовные томленья,
И вечная по жизни маета.
Увы, вся наша жизнь - сплошной базар,
Блестящая неоном панорама,
Играя кучерявою рекламой,
Плешивый предлагает нам товар.
Мы гонимся за блеском мишуры,
Старательно ползем к вершинам славы,
Играем в честность, действуем лукаво,
И нарушаем правила игры.
Бессмысленны и зло, и доброта,
Когда на самом пике самомненья
Внезапно наступает отрезвление
И мысль - все в этом мире пустота.

* * *

Мельканье дней в калейдоскопе лет
Сливается в привычную картину,
В обычную и серую рутину,
В которой счастью, как бы, места нет.
Так мелочны проблемы бытия,
То радости, то разные напасти,
И в шелесте обыденного счастья
Течет неторопливо жизнь твоя.
И жизни той неторопливый бег
Тогда лишь сокровения исполнен,
Когда твой дом любовью наполнен,
И в нем звенит счастливый детский смех.

* * *

Надоели мне сны полосатые в мягкой постели.
Если честно, давно надоело ночами мне спать,
И делишки житейские, смерть, как давно надоели,
Так и хочется все основательно на хрен послать!
Всё послать, завершая посыл этим ласковым словом,
Но, послав, что же ты получаешь при этом взамен?
До тебя посылали - все это, конечно, не ново,
Становилось лишь хуже от тех волевых перемен.
Потому и не шлю, и неделя летит за неделей,
Пролетает вся жизнь, как стрела в небесах, посмотри!
Надоели тебе эти сны в твоей мягкой постели?
Не скули! Дело делай, и сопли при этом утри.

* * *

На старом доме,
На обшарпанных дверях,
Намазанную пальцами невежды
Прочел я фразу:
Что там пишут в букварях
Про наступившую весеннюю надежду?
Пахнуло холодом,
И стынут ноги
В разбитых катанках, подшитых фетром.
Стою привычно
У раздолбанной дороги,
Дышу задумчиво весенним ветром.
А мысли в голову
Приходят, как во сне,
Которые, бывало, приходили прежде:
Удастся ль
Наступающей весне
Вселить в меня на что-нибудь надежду?

* * *

Весна! Я прячу зимние одежды
Не дожидаясь, когда солнце победит.
С весною оживает вдруг надежда
На что-то лучшее в далекомпереди.
Но опыт говорит, что зло сурово,
Что мало ныне под луной совсем добра,
И нету для добра сырья иного.
Пришла добро творить из зла моя пора,
И я в своей безбашенной манере
Ищу добро в полуночной репризе,
Подобно живописцу на пленэре,
Творящему спонтанные эскизы.

* * *

Пустая штука, эта жисть,
Того гляди, убьют, держись!
Сегодня был, а завтра - нету,
И наплевать на это свету:
Чихал на это белый свет,
Что есть ты, брат, что тебя нет.
Лишь суетой весь мир загружен,
В нем никому никто не нужен.
Струится времени поток,
В толпе всегда ты одинок...
Того гляди, убьют, держись -
Пустая штука, эта жисть!

* * *

В изящной и раскованной манере,
Как вирус сексуального миазма
Она, творя эскизы на пленэре,
Мужчин ввергала в жуткие оргазмы!
При этом пароксизмы буйной страсти
Разили всех буквально наповал.
Никто такой разительной напасти
Досель в краях окрестных не видал.
Пока она писала и творила,
Рисуя небо, травы и кусты,
Окрестных мужиков слепая сила
Влекла к ней чрез овраги и мосты.
В толпе и корифеи, и невежды,
В глазах мольба, отчаянье, укор,
И каждому не раз дана надежда
Поймать случайно благосклонный взор.
Но в той же возбуждающей манере,
Закончив все дела свои она,
Собрав в пакет эскизы на пленэре,
Ушла, загадочна, мила и холодна!

* * *

Отшумели, отгуляли
Вьюги, бури и морозы,
И уже синеют дали,
И блестят дождинок слезы.
Отошли от зимних буден
Разнокрылые букашки,
Скоро-скоро все мы будем
Полевые рвать ромашки.
Мягко солнышко играет,
Гнёзда вьют поспешно птицы.
Сердце сладко замирает,
До утра ему не спится.

* * *

Весь облик ее трогательно нежный,
Изящен в линиях почти точеный стан...
А взгляд ее сулил страстей безбрежный
Волнующий любовный океан.
Но тут,дохнув нежнейшим перегаром,
Она вульгарно вдруг произнесла:
Я ублажу тебя почти что даром,
Пять тысяч два часа, и все дела!
Сей стих печальный, спешно завершая,
Скажу, что каждый должен понимать:
Не то добро, что внешностью сверкает,
А то добро, что страшно потерять!

* * *

Леса и просёлки, холмы и поля,
Как море волнуется рожь,
И речка на солнце блестит, словно нож,
И в мареве дремлет земля.
Исконной России полуденной вид,
Домишки, деревья, собор...
Неспешная жизнь и небесный простор,
Увидишь, и сердце щемит.

* * *

Когда к тебе пришла любовь,
И сердце радостно ликует,
Не трать, счастливец, лишних слов,
Тем более, не говори их всеу.
Но если вдруг любовь ушла,
И радости твоей порвалась нить,
Несчастный, придержи слова:
Ушедшую любовь не возродить!

* * *

Внимая милой смелости твоей,
Я улыбаюсь грустно и устало.
Смешная! Между нами бездна дней,
Лет сорок пять, ни много, и ни мало!
Я не могу понять, ну хоть убей,
Зачем меня преследуешь упрямо?
Я старше даже бабушки твоей,
Не говоря про папу и про маму.
Твои глаза - открытое окно,
В них вижу я - в душе твоей неладно,
И понимаю только лишь одно:
Любовь - она слепа и беспощадна!
Она разит и мужа, и юнца,
Старуху, и невинную девицу,
И сокрушает души и сердца
Своею равнодушною десницей,
И нет в подлунном мире существа,
Которое ей было б неподвластно,
Любовь - она основа естества,
И это и ужасно и прекрасно!

* * *

Дождливым вечером в ненастную погоду,
Когда змеёю заползает в душу сплин,
Так нужен друг, умеющий невзгоды
Прогнать, как ветер прогоняет черный дым.
И если радость душу наполняет,
Нежданно привалило счастье вдруг,
Вдвойне приятно, коли это разделяет
С тобой все тот же самый верный друг.
Не знаю, как в других далеких странах,
Но на Руси из незапамятных времен
Считают друга родичу на равных,
Дороже жизни друг - неписанный закон!

* * *

Крадется вечер, как медведь, на мягких лапах,
Дождь шелестит размеренно листвою,
А в воздухе плывет дурманный запах...
Неспешно в душу поселяется покой.
И вереницей предо мной проходят люди,
Чреда событий, планов и свершений,
И ломка радостных и страшных судеб
В конфликтах и страстях всех поколений.
Мелькнут в туманной дымке города,
Мосты, дороги, страны и народы.
Былое в гости забредает иногда
Дождливым вечером в ненастную погоду.

* * *

Он автор превосходных изречений,
Речист, как всем известный Цицерон,
Апологет нотаций, наставлений,
Нет темы в мире, где не сведущ он!
Он учит всех, как шить, варить, работать,
Какие всем продукты покупать,
Как правильно носить тулуп и боты,
И как красиво шапку надевать.
Нет мастера ловчее и умнее,
Когда ты внемлешь словесам его,
Но попроси - гвоздя вбить не сумеет,
Совсем не может делать ничего!
Любой из нас встречал таких по жизни,
Таких, считай, один из четырех.
Ни людям пользы нет, и нет отчизне,
Название такому - пустобрёх.

* * *

Мне попало забытое фото...
Вспоминаю прощанье, вокзал,
Как твой голос оборванной нотой
Что-то главное мне не сказал...
В пестроте суеты каждодневной
Голос твой незаметно пропал,
Иногда лишь, в томленьях душевных
Той оборванной ноткой всплывал.
Века прошлого нет и в помине,
Миром правит мне чуждый народ,
Но в душе голос твой и поныне
Недосказанной ноткой живет.

* * *

Дойдя до точки, ставлю запятую,
Еще не кончена история моя...
За запятой пишу опять строку другую
О перипетиях мирского бытия...
Живу беспечно я, не ведая заботы,
И твердо знаю лишь один урок:
От понедельника пирую до субботы,
А в воскресенье отсыпаюсь мирно впрок.
На днях гадалщик выкинул мне кости,
Поставить точку выпадет мне срок,
Когда сионский дед ко мне заглянет в гости,
И мы вдвоем зараз раздавим пузырек...
Пусть это будет недругам примером,
Я буду этому почти безмерно рад,
Что как венец всей моей жизненной карьеры,
Мне выпадет билет бесплатный в ад!

* * *

Мы вчера с ней гуляли по лесу,
Лес хорош, и она хороша.
Вились кудри ее мелким бесом,
А от глаз холодела душа!
Я смотрел и мечтал: вот мой гений,
Думал: лучше ее не найду.
А она, вдруг, а сколько дашь денег
Мне за то, что с тобою иду?
Посмотри, я стройна и красива,
Не простушка какая-нибудь...
И, к цветку наклонившись игриво,
Невзначай показала мне грудь.
Я с небес опустился на землю,
И сказал, боже мой, о-ля-ля,
Я, пожалуй, судьбу не прогневолю
И за все дам тебе три рубля.
Рубль за мерзкую твою душу,
Рубль за грязное тело твое,
А последний - за то, что порушил
Я к тебе отношение своё.
Так случайно я, вдруг, обнаружил,
Помнить нужно, смотри, не смотри:
Не всегда, что красиво снаружи
Точно так же красиво внутри.

Мой старенький чёлн
Скользит по воде
Куда-то в туманную даль.
Неважно,
Куда приплыву я, везде
Меня ожидает печаль.
Печаль по пропавшей
Людской доброте,
Достоинству, чести, любви.
И ныне в циничной
Мирской суете
Все в грязных деньгах и крови.
Отныне быть добрым -
Чудовищный грех,
И сколько радей, не радей,
Добро вызывает
Презрительный смех
У всех современных людей.
Планета свихнулась,
Греши, не греши,
По страшному мчится пути,
А нежных и чистых
Движений души
Сегодня почти не найти!

* * *

Что может быть прекрасней,
Чем осень на дворе,
Когда стоят деревья
В волшебном янтаре,
Когда печальной песней
Курлычут журавли,
Неспешно проплывая
В синеющей дали.
Пичуги улетают
В заморские края,
В полет уходят стаи
Печали не тая,
И только на рябинах
Пируют снегири,
Да где-то филин стонет
До утренней зари.
Вон, в школу потянулась
Привычно детвора...
Вот так и начинается
Осенняя пора!

* * *

В лабиринте иллюзий подгнивших
Я брожу уже тысячу лет,
Захожу в коридоры и ниши,
Но ни входа, ни выхода нет.
Отовсюду идет запах гнили,
Под ногами, на стенках труха:
То ли лобии, толь чахохбили,
Толь куриные, блин, потроха...
Полу-звери ползут, полу-люди,
Непонятный клубится туман,
Одуревший шаман лупит в бубен,
Негр свирепо стучит в барабан.
Тянут лапы когтистые звери,
Хороводы ведут упыри,
Что-то смачно мусолят химеры
И плюют изо рта пузыри...
Я рванул, побежал,
Полетел в пустоту,
Все круша и ломая, как слон...
Закричал и.. проснулся
В холодном поту!
Вот такой приоблазнился мне сон.
Чтоб не снились кошмары, хочу я сказать:
Не ложитесь голодными спать.

Религия с наукой спор пространный
Ведут неистово уже который век:
От бога или обезьяны
Произошел вдруг всё же человек?
Я разрешу тот диспут стародавний:
Был всяк из них немножечко лукав,
И в споре том английский дядя Дарвин
Наполовину только, братцы, прав.
А почему всего наполовину? -
Бог был немножко в это время пьян,
И мужика слепил господь из глины,
А женщин сделал все ж из обезьян!

* * *

Тот молится всю жизнь,
В молитвах не смыкая глаз,
Тот ударяется в загул,
Погрязнув в пьянстве и страстях.
Когда ж приходит срок,
То, независимо от чина,
Земли получит всяк
Лишь два аршина.
Мораль проста: не нам с тобой судить,
Кому и как на свете жить.
Всяк волен жить, как хочется ему,
Но, только не мешая никому.

* * *

Уходят годы напрочь,
За ними не иду,
И счета не веду ушедших дней,
А что случилось в прошлом,
Я вижу, как в бреду,
Играю в жмурки с памятью своей.
Былое все ушло,
Оно уже далёко,
Что было там,
Того давно уж нет,
А память сердце рвет
Бездумно и жестоко,
Не лучше ль сбросить гнет ушедших лет?
Давно уже живу
Я только днем текущим,
И что беру, то сразу отдаю.
Пусть бедноват мой скарб
И скуден хлеб насущный,
Я душу сохранил, и честь свою.

* * *

Вот мокрые крыши, вот дождик косой,
Пожухла трава под обильной росой.
Вот небо, покрытое стаями туч,
И нежно сверкнувший вдруг солнышка луч
В бездонном окне ослепительной просини -
Все это картины красавицы-осени.
Стоит опустевший любимый мой сад,
Деревья раздел донжуан-листопад.
Под вздохи и слезы осенней печали
Опавшие листья мне сказки шептали,
А запах коры и таинственной прели
Похож был на звуки далекой свирели.
Я помню, еще в молодые года
Мне этот период был близок всегда.
Хотя он и грустен, но дорог и мил,
К природе особые чувства будил,
К тому же, великий российский поэт
Писал, что прекраснее времени нет.

* * *

Смотрело солнышко осенними очами
На чахлых листьев остывающую медь,
Пытаясь слабыми неяркими лучами
Листву озябшую немножечко согреть.
Но ветер, тучи нагоняя день и ночь,
Перебивая постоянно солнца свет,
Куда-то гонит неустанно листья прочь,
А осень тихо плачет дождем им вслед!

* * *

Порой осенней, сказочно прекрасной,
Когда покой царит в людских умах,
Под флюиды мелодии ненастной
Рождается гармония в словах...
И часто в тех словах неторопливых
Мы можем истину случайно уловить,
К ней прикоснуться тихо, молчаливо,
И бережно в тайник души сложить...
Все верное всегда немного грустно...
В слегка печальных, сумрачных тонах,
Как ветра посвист истиной изустной
Гуляет где-то в мокрых проводах.

* * *

Все реже вижу я друзей живых,
Все меньше я встречаю лиц родных,
Все чаще ухожу в воспоминанья
О прожитом, и днях моих былых.
Пришла моя «унылая пора»,
Стоит подруга-осень у двора,
Прохладой омыла мои чувства
И бросила пригоршню серебра.
Все больше тяжесть жизненной суммы,
Все меньше света и все больше тьмы,
Я чувствую совсем без сожаленья:
Недалеко осталось до зимы.
Мне кажется, вот-вот, и я пойму
Всю тайну бытия и жизнь саму,
И переход в иное измеренье
Спокойно, и как должное, приму.

* * *

Отчего ты, друг, так молчалив?
А с чего я должен быть говорлив? -
Все, что нужно сказать - я сказал,
А где нужно смолчать - промолчал.
А куда бы ты хотел? - Никуда.
А чего бы ты хотел? - Ничего!
У тебя вот так было всегда?
Нет, последние полвека всего...
Ну, а как же было раньше? - Забыл...
Нет, ну что ты, в самом деле? - Забыл!
Что там было давно - из того
Я не помню совсем ничего!
Мне ушедшее не нужно давно...
Что там ждет впереди - все равно.
Чтоб спокойным и радостным быть,
Нужно, друг, днем сегодняшним жить!

* * *

В погоне за химерой призрачного счастья
Проходим мимо неизбывной красоты.
Спасаясь от душевного ненастья
Не видим настоящей доброты.
Сиюминутные капризы ублажаем,
Не сознавая их бесплодной маеты,
Потом жалеем мы, что поздно понимаем
Никчемность каждодневной суеты.
Вот так, привычно, день за днем
Химерами всю жизнь живем,
И редко посещает мысль нас,
Что ведь живем-то только раз.

* * *

Нынче мне не пишется, не читается,
И о будущем не мечтается.
Что-то тянет смотреть больше в прошлое,
Вспомнить, что там, плохое-хорошее.
Всех простить, кто обидел невольно-вольно,
Попросить прощения, кому сделал больно...
Сердцем легким ко всем прикоснуться,
И кто жив, и кто умер уже - улыбнуться.
Все мы в мире подлунном странники,
Не хозяева и не изгнанники.
Мы частицы мира огромного
Сверхвеликие и никчемные.
В суете и великих подвигах,
В беспримерном геройстве и подлостях
Мы стремглав пробегаем свой век.
А куда мы бежим, человек?

* * *

По библии народы Иудеи:
Филистимляне, ханаане, фарисеи,
Все были сплошь злодеи,
И лишь богопослушные евреи
Являли собой гордость Иудеи.
Мне ясно все,
Одно лишь объяснить не смог:
Зачем, чтоб обижать евреев,
Огромное количество злодеев
Вдруг создал бог?

* * *

Струился вечер,
Проснулись звезды,
Багровым небо красилось закатом.
Тихонько птицы
Шуршали в гнездах,
Ты в это время мимо шла куда-то...
Тебя увидел
Совсем случайно,
Все это длилось какой-то краткий миг,
Но облик твой
Волшебной тайной
Непроизвольно мягко в душу мне проник.
Внезапно сердце
Забилось часто,
Тревожно-сладко что-то ёкнуло в груди,
Души коснулось
Ладонью счастье,
И что-то нежное мелькнуло впереди.
Но ты прошла
В тот давний вечер,
Не состоялся даже краткий разговор...
Прошли года,
Но эту встречу
Зачем-то сердце вспоминает до сих пор.

Еще вчера она казалась совершенством,
Сегодня ее видеть не могу...
Мне прежде каждый миг с ней был блаженством,
Сейчас стремглав я от нее бегу.
Другая ж дева мне казалась незаметной,
И не входила в мой общенья круг.
Она сегодня мне мечтой заветной,
Желанным идеалом стала вдруг.
Какой из этого мы можем сделать вывод?
Скажу сто раз и повторю вам вновь,
Что нужной, милой, ласковой, красивой,
Желанной даму делает любовь!

* * *

Пространство жизни мне - кровать
Чуть меньше метра,
Но как мне хочется дышать
Весенним ветром!
Уж много лет вот так лежу,
Один, как прежде,
И день, и ночь в руках держу
Огонь надежды.
И этот робкий знак огня
С неровным светом -
Залог того, что ждет меня
Весенний ветер.

* * *

В краях, цивилизации не знавших,
Жил в джунглях жизнерадостный народ.
Жил просто, мирно, хорошо, но вот,
Был бога тот народец не познавший!
И вот вчера пришел к народу пастырь.
Народу слово божие принес,
И на любой простой людской вопрос
Лепил его, как на болячку пластырь.
Он всем поведал слово о Христосе,
О матери его, и об отце,
Что, дескать, вы всегда в его лице
Найдете враз ответ на все вопросы.
Он строго божьи заповеди молвил,
Не пожелай, мой сын, не укради,
А к богу сразу поскорей приди,
Чтоб он мечты твои тотчас исполнил.
Теперь средь простодушных дикарей
Библейские вовсю пылают страсти,
Убийства, войны, воровство, напасти,
Короче, стало все, как у людей.
А пастырь мирно окормляет паству,
Проводит справно требы и, конечно,
Готовит души тихо к жизни вечной,
Подряд всех избавляя от богатства.

* * *

ХОККУ

Ночью цикада -
Скрипка ковыльной степи,
Тревожит печаль.

* * *

Лето в разгаре.
Ночи прохлада - обман!
Зной воцарился.

* * *

Ветка сирени
Робко стучится в окно.
Сердцу тревожно.

* * *

Мягкий стук сердца,
Шаги в ночной тишине.
Вестники счастья.

* * *

Утром прохладой
Речку укутал туман.
Лето уходит.

* * *

Будет ли солнце? -
Ночь бесконечно длинна.
Старость, однако!

* * *

Хмурое небо,
Капает тихо капель,
То плачет зима.

* * *

Старые тропки
В полузабытом саду,
Помнят ли меня?

* * *

Осень рососою
Кинула горсть серебра
На паутинку.

* * *

Желтые листья -
Охра на черных ветвях.
Где же ты, лето?

* * *

Снег, словно саван,
Бережно землю укрыл.
Траур по лету.

В традициях востока белый цвет - цвет скорби и печали.

* * *

Смерть означает
Жизни грядущей приход -
Вечности символ.

* * *

Душу пленяет,
Жалуясь мягко в ночи,
Плач саксофона.

* * *

КАПЕЛЬКИ.

Уже желания совсем скупы,
И где-то рядом ждет реинкарнация,
Но глазки, хоть совсем слепы,
Все смотрят вслед идущим грациям.

Нажива нагло вылезла на сцену,
Пропиты честь и совесть в кабаках.
Да! В мире все имеет свою цену,
Но, слава богу, не всему пока в деньгах!

В страстях народ погряз. Разврат бушует,
И очевидна только истина одна:
Сегодня бог небрежно мир крышует,
А правит миром точно сатана.

Он скромно жил от января до декабря,
И на грехи не тратил ни рубля.
Короче, жил он праведно, безгрешно,
Похвально жил, но, думаю, что зря!

Чтоб в радости жила душа, старайся меньше знать,
Об этом пожалеешь ты едва ли...
Нам мудрецы в Писании изволили сказать,
Что знания умножат нам печали.

Что-то мой старый и верный Пегас
В поступи нынче сбоит,
Ему не взобраться уже на Парнас,
Нет ни подков, ни копыт.

Когда в душе покой и лад,
Не до житейской кутерьмы.
В ладу с собой хибаре рад,
В разладе - рай страшной тюрмы.

В известных отношениях полов во все года
Стоят проблемы сплошь одни и те же.
Телами совпадают все почти всегда,
Но, душами, увы, гораздо реже.

У лжи и правды разная приправа
Среди простолюдинов и вельмож,
И то, что одному - святая правда,
Другому - омерзительная ложь!

Чужой и свой-
Две стороны одной монеты.
Из нас практически любой
Одновременно то и это.

Скажу друзья, пусть это и банально,
Тоскливо что-то стало нынче жить,
Особенно мне то всегда печально,
Что не с кого за всё-про всё спросить.

Даже пусть прослышу невежей,
Но скажу вам простое слово:
Чтобы рыба всегда была свежей,
Отрубайте ей сразу голову!

В словах политиков всегда есть хитрый блуд,
Но хитрость эта умному видна:
Вам разных правд с три короба наврут,
А истина останется одна!

Случайности случайно не случайны,
Они закономерны чрезвычайно,
И если кто-то не совсем туда идет,
То он туда никак не попадет!

Юнец! Не задавай вопросов богу,
И будет счастлива твоя стезя!
Сам выбирай себе всегда дорогу,
Рази без страха пешку и ферзя!

Улыбка - это лучшее лекарство,
Подаренное нам гением людей!
Где улыбаются, там процветает царство,
И добрым от улыбки становится злодей!

Причудливы, твои, создатель, чудеса,
Понять умом простым их невозможно,
Поэту денег не даешь за словеса,
Торгаш с людей за все дерет безбожно!

Пришел победный день, и вместе с ним
Прошедший всю войну простой солдат,
Который жив, хоть умирал стократ...
Поклонимся ему, и помолчим!

Считает гением себя юнец,
Ума палатой хвалится глупец.
Народ, однако, их не ценит почему-то,
Он ждет, не скажет ли хоть что-нибудь мудрец.

Состарился? - о прошлом не жалея,
Не трогай пепел от костра минувших дней!
И каждый день остатка своей жизни
Достойно проживи среди друзей!

«Эта истина, друг мой, на все времена:
Вот гончар, день работы и чаша одна.
А иной до полудня их делает сотню,
Но скажи мне, какая им будет цена?»
Дервиш.

Коли глине для чаши мастер душу отдал,
И тем самым ей формы живые придал
То неважно тогда, сколько дней он работал,
Важно то, что он людям той чашей сказал.

Живое все прекрасно, но недолговечно.
Жизнь человеческая слишком быстротечна:
Теряем время дорогое мы беспечно,
И во Вселенной растворяемся навечно!

Поведай, товарищ, в каких палестинах
Сыскать бы мне царство без лжи?
Я нищим пошел бы туда паладином,
Ты только мне адрес скажи.

Всевышний сам установил такое право,
В котором невинный отвечает за неправых:
Запретный плод дал Еве хитрый Змей,
А бог за это покарал людей!

В старости время меняет течение,
И ускоряет значительно бег -
В детские годы, год - это век,
В старости год - лишь мгновение!

«Не зря ли знаньем бесполезным
свой дух дремотный мы тревожим?
В тех, кто заглядывает в бездну,
она заглядывает тоже.»

Игорь Губерман.

Пусть бездна смотрится в меня,
Без знаний человек - ходячий труп.
Вреда бывает много от огня,
Но без огня, увы, не сварить суп!

«Я это давно от кого-то услышал,
и сам убедился не раз:
несчастья на нас насылаются свыше,
а счастье – зависит от нас.»

Игорь Губерман

Я помню, всегда говорил мне отец:
Не жди раболепно погоды у моря,
Несчастьем и счастьем ты сам, сын, кузнец,
Достойно прими и радость, и горе!

«Я в фольклоре нашел враньё,
Нам пословицы нагло врут,
Будто годы берут своё.
Это наше они берут!»

Игорь Губерман.

Говорят нам: - Вот время придет,
Кто-то в том утешенье находит,
Только зря в это верит народ,
Время лишь безвозвратно уходит.

О пользе знаний на досуге размышляя,
Спонтанно уловил такой предел:
Я много раз жалел, что я не знаю,
Что знаю - никогда не пожалел!

Народ грешит исправно и надежно
И лишь когда в грехах берет отгул,
Он в храм шагает, матерясь безбожно,
Чтоб батюшка не засчитал прогул.

Грех Хайям совершил и совсем занемог,
Пребывает в плену бесполезных тревог,
Верь, господь потому и грехи позволяет,
Чтоб потом нас простить он по-божески мог.

О.Хайям (пер. Стрижкова)

Нам Хайям показал здесь поповский расчет,
Прочитавший его, очевидно, поймет:
Коль всех грешников враз отлучить от прихода,
Кто же деньги в карманы попов принесет?

Свечку поставят, да крестик наденут,
И думают: всё, оплатили грехи!
Имидж невинных и даже блаженных,
Да вместо души в них - одни кошельки!

Волхвы с пророчествами на устах
Сулят нам кары, гнев и божий страх,
Но все их вещие посулы и проклятья
Лапшой висят у паствы на ушах!

Спокойно внемли словесам пророка,
Но знай при этом грани бытия:
Пророк зовёт идти одной дорогой,
А нам нужна - для каждого своя!

Как много великих и в мире известных
Есть в сути своей проявление дьявола,
И множество смертных, простых и безвестных
Сравнимы в величии с богом без малого!

Кто понял жизнь, тот не спешит,
Не суетится понапрасну,
Тот каждый миг смакует жизнь,
Ведь каждое мгновение - прекрасно!

Один мужик, ученое светило,
Суть женскую единожды постиг.
Картина сути так его сразила,
Что богу душу подарил он в тот же миг!

Мне кажется, что у любви, прощения и веры
Не может быть какой-то меры.
И коли есть необходимость их измерить,
То стоит ли любить, прощать и верить?

Всё мы меряем долларом, все друг другу враги,
Уповаем на боженьку, не включая мозги,
Проповедуя заповедь, врем себе век за веком,
И давно позабыли, как же быть человеком.

Любезный пастырь, ответь мне на вопрос,
Дай объяснение такому чуду:
Уж сотни лет к нам не является Христос,
Но каждый день являются Иуды.

То жизни нет без мужика,
То есть мужик, а жизни нет..
Никто не объяснил пока
Сей женской логики секрет.

У зеркала есть качество отменное:
В него глядится каждый индивид,
И зеркало всех видит, несомненно,
Но ни о ком и ничего не говорит.

На свете есть множество градусов и весей,
Куда можно просто уехать, уйти.
Куда б от себя убежать-подеваться,
Ты, как ни старайся, не сыщешь пути!

Из тех, кто вечно жизнью недоволен,
Ворчит, брюзжит, имеет желчный вид,
Заметил я, никто по своей воле
Особо в гости к богу не спешит.

Я не верю Всевышним, Всенижним,
Ни в стихах, ни в мистической прозе,
Верю я только милой Отчизне
Да обычной российской березе.

Сколько на дереве листиков? -
И каждый мнит себя деревом.
Сколько людей, столько истин,
Опытом жизни проверено.

Давно известно знающему миру:
Мозги от золота затягивает жиром,
А это - очень страшная болезнь,
Она не убивает только спесь!

Мы ломимся в разверзнутые двери,
Где надобно стоять - стремглав бежим,
И неприятной правде меньше верим,
Чем откровенной, но приятной лжи.

Зачем искать? Живите ровно, без забот.
Что Исконно твое - само тебя найдет.
Спокоен будь, и в этом - верный прок...
Твоё к тебе придет, и точно в срок!

Если стоишь на развилке тропы,
То направление сам выбирай.
Помни, что пастве талдычат попы:
Вольному - воля, спасенному - рай!

Когда вкушаешь мед на чьей-то тризне,
Не забывай, ты в этом мире - гость!
И знай, что никому из этой жизни
Живым пока уйти не удалось!

В любые времена, неспешно, век за веком ,
Идут зигзаги жизни по судьбе.
Известно, что судьба играет человеком,
А человек, зато, играет на трубе.

На свете все, буквально, относительно,
И то, что для кого-то тяжкий грех,
Другой воспринимает упоительно,
Как самый удивительный успех!

Один - зигзаги вьет, другому - не свернуть,
У третьего - дорога из цветов!
У каждого из нас свой в жизни путь,
Да верно ли идем - не ведает никто!

Достойных есть на свете много дел,
И есть для дела очень много мест.
Но каждый сам находит свой удел:
Кто дело делает, а кто целует крест!

Чтоб жизнь была насыщенной и длинной,
Учили древние терпение иметь,
Ведь тот, кто жизнь свою торопит сильно,
Мне кажется, торопит свою смерть!

Известно точно с давних пор,
И все доказано стократ:
Другим - судья и прокурор,
Себе - добрейший адвокат!

Читая многомудрые куплеты
Я четкий вывод сделал только в том,
Что важно слушать умные советы,
Но жить полезней лишь своим умом!

Согласно мудрости восточной
Жизнь предстает нам в том лишь виде,
В котором денно или ночью,
Мы только сами её видим.

Печаль и радость разделить порой нельзя,
Меж ними грань проходит очень тонко.
Но нет на свете большей радости, друзья,
Чем радость накормить голодного ребенка!

Кляня правительство, чиновников, дороги,
Зарплату, нищету и молодежь,
Спать все же не ложись, не заплатив налоги:
Разбудят, брат, да так, что не уснешь!

Пускаясь вплавь по океану жизни,
Всяк твердо помнить должен лишь одно:
Нет дела до тебя ни богу, ни отчизне,
Коль сам не выплывешь - удел твой дно!

Да, жизнь есть смерть, а смерть есть жизнь -
Две стороны одной монеты,
Но за какую ни держись -
Финал один, и... наше вам, с приветом!

Напакостил? Да полно, брат, прошу, не убивайся!
Твоя беда, брат, вовсе не беда, ты так и знай.
Зайди к попу, поставь свечу, и истово покайся...
Поспи, и пакостить по новой начинай!

Любое «здравствуйте» сулит нам «до свидания».
Все так, но я еще замечу,
Что вовсе не любые расставания
Нам предвещают встречу.

И тем, и этим угодить желая,
Ты должен истину одну в уме иметь,
Что даже знаменитому ковбою
На двух мустангах враз не усидеть!

В лечении любой душевной скверны
Здоровый смех - вот способ самый верный.
Поэтому мне истина видна:
Смех человеку нужен в любые времена.

Советам внемли по отдельности и вместе,
Но принимай решение своё.
Не сможешь ты сказать ни слова о невесте,
Покуда не увидишь сам её!

Жизнь к каждому из нас весьма строга,
Но ты ее за это не вини...
Увидеть хочешь главного врага? -
Тогда быстрее в зеркало взгляни!

Известно, раб не любит господина,
Насильно никому не будешь мил.
Неволя и любовь не совместимы,
Потребовал любовь - любовь убил!

Язык нам дан, чтоб говорили правду,
Но чем-то сей закон нам не хорош,
И постоянно, надо ли, не надо,
Мы правду редко говорим, все больше - ложь!

Сударыня, как много вижу я
Поклонников у ваших ног!
Сколь много счастлив был бы я
Коль между ними оказаться б смог.

Коль хочешь быть счастливым - ничего не жди,
Умей прощать, трудись, людей люби.
Живи сейчас, душой не кисни в прошлом,
И не загадывай, а что там впереди?

Не всякому дано прослыть героем,
Творить великие и громкие дела.
Но чтобы человеком быть достойным,
Вполне достаточно, мой друг, не делать зла!

Не всякому дано прослыть героем,
Творить великие и громкие дела.
Но чтобы человеком быть достойным,
Вполне достаточно, мой друг, не делать зла!

Не сетуй, друг, что мимо жизнь проходит.
Она идет, и это - хорошо!
Важнее то, как говорят в народе,
Чтоб сам ты мимо жизни не прошел!

Коль не просят тебя, ничему не учи,
Не встревай в разговор, не дави, не кричи,
И пока у тебя не попросят совета,
Будь приветлив, спокоен, и скромно молчи.

Не ходи за счастьем никуда,
Не ищи его нигде, оно в тебе.
Ключ к нему отыщешь, и тогда
Станешь повелителем Судьбе!

Куда бы колесо судьбы ты ни крутил,
Тебе с твоей дороги не свернуть.
Не трать, приятель, понапрасну сил,
Иные заняты пути, тебе свободен лишь твой путь!

Не верь любым словам подряд,
И действуй осторожно.
Те, кто красиво говорят,
Обычно, врут безбожно!

Безмолвие рабов, безропотность овец -
Все так, как повелел небесный наш Отец.
Так где же тот, что Образу подобен?
Где творчества Творца венец?

Обычно гений - категория посмертная,
Его не чествуют в житейской суете.
При жизни гений трудится усердно,
В безвестности и полной нищете!

Мир нынче ценит все лишь в извращенном виде,
На всем, увы, лежит безумия печать.
Здоровому умом так много нужно видеть,
Чтоб научиться ничего не замечать.

Предвидение мрачной перспективы
Не повод безнадежно ныть - капут!
Из тех людей, что нынче пока живы,
Все знают, что умрут, но все живут!

Вчера велик он был, а ныне он ничтожен...
Примеров множество таких из века в век.
Вот странно мне, как в личности одной возможен
Такой величия и подлости разбег?

Один ввергает мир в войну,
Другой цепляет цапку на запястье.
И первый, и второй имеют цель одну:
Деянием своим достигнуть счастья.

Коль проиграл, то не впадай в кручину,
Бывает в жизни все, на то - она игра...
И помни: за горой всегда идет низина,
А за низиной - новая гора!

И в прошлом, и сегодня, всегда был неизменно,
Неважно, у порога стоял который век,
Во всех своих поступках и мыслях сокровенных,
Во всём, брат, одинаков, по сути человек.

Слышал я в юности о правиле таком,
А жизнь мне подтвердила - это так:
Уж лучше умного иметь своим врагом,
Чем другом будет у тебя дурак.

Как делать жизнь? - Да делай без затей!
На равных будь с судьбой в своей судьбе...
Свои провалы ставь в вину себе,
За свой успех благодари друзей!

Упорство дурака достойно сожаления,
Недаром их в народе «упёртыми» зовут.
Упорен всяк дурак до умопомрачения,
Попытки вразумить их - артель «Мартышкин труд»

Кто в жизни следует тому, что сказано молвой,
Тот просто ставит крест на собственной судьбе.
Где времени найдет он думать о себе,
Коль думать будет только чужою головой?

Печаль без мудрости живет,
И в этом нет печали,
Но мудрость без нотки печали, мой друг,
Услышишь ты где едва ли.

В грехах ты жизнь провел, иль праведником был,
За все свои труды одно ты заслужил,
И в этом все равны, рабы и короли,
В награду нам дают один аршин земли!

Рубайю написать - совсем не пыльный труд,
Нет дела, братцы, более простого:
Беру пригоршню букв, мешаю пять минут,
Расставляю по порядку - и готово!

Когда стоишь ты у порога,
То сердце наполняют чувства...
Да, впереди приятная дорога,
Но расставаться очень грустно!

И когда к тебе тихонечко в оконце
Рано утречком заглядывает солнце,
Отпускают вдруг тебя ночные муки
И опять перо ласкают руки.

Юнец! Не думай о спасении души и святости,
Лови от жизни всё, что может она дать,
Святым ты сможешь стать легко и в старости,
А вот с грехами сладкими ты можешь опоздать!

С утра до вечера день длится бесконечно,
А старика спроси - жизнь пролетела вмиг.
Пока еще никто сей парадокс извечный
Из мудрецов великих не постиг.

К тому, кто слишком хвалит свой товар,
Не торопись, приятель, на базар.
Имей в виду, чем кучерявее реклама,
То тем плешивее, как правило, товар.

Количество ума Вселенной - постоянно,
А население стремительно растет.
Приходится признать, хоть это не гуманно:
Глупеет нынче, господа, народ.

Отдельно доброго и злого в мире нет,
Все сущее несет в себе добро и зло,
Ведь никому пока из множества монет
Одностороннюю найти не повезло.

Как молния тиха и страшен гром!
Всяк, слыша гром, от страха обмирает,
И невдомек нам в парадоксе том,
Не гром, а молния нас убивает!

Зло есть добро. Добро есть зло.
Мы эту истину постичь должны.
Без холода не ощутить тепло,
И даже бога нет нигде без сатаны.

Привычное, но важное в быту,
Не видим, погрузившись в суету.
К примеру, мы тогда лишь вспоминаем свет,
Когда его, вдруг, почему-то нет.

Стремясь старательно кому-то угождать,
Имей достоинство в своем старании,
Иначе твое доброе внимание
Цинично перестанут уважать.

Политики сулят нам множество свобод,
Реестр посулов фантастически огромен.
Все ложь! Среди живых свободен только идиот,
Средь мертвых только тот, кто похоронен.

Все время совершенствуя наряды,
Стремится женщина к одной лишь цели,
Чтоб за труды её в награду
Быстреей раздели.

Иной кичится (не без основания):
Дипломов, дескать, у меня сума!
Отвечу так: учеба иногда дает нам знания,
Но не всегда дает она ума.

Стремясь повсюду навести порядок,
Смотри, мой друг, не рассерди судьбу.
Чрезмерное затягиванье гаек,
Как правило, срывает в них резьбу.

Призрачно многое в нынешней жизни,
Много пустых и бессмысленных дел.
Важным вдруг стало не дело, а имидж,
Главное, брат, чтоб костюмчик сидел!

К чертям в крошечный ад попасть легко,
Достаточно одну из трех избрать дорогу,
Через церковь и мечеть совсем недалеко,
И ровно столько же туда через синагогу.

Идущий в храм, благих исполнен намерений,
Но кто тогда, скажите, виноват,
Что в ракурсе библейских наставлений
Ведёт его дорога эта прямо в ад!

Безразличны эмоции наши Вселенной,
Для нее ты никто, хоть ты плох, хоть хорош!
Равнодушен был мир при твоём появлении,
Так ничто в нем не дрогнет, когда ты уйдёшь!

Деньги и ум - короли дефицита,
Всем не хватает того и того,
Но денег нехватку признают открыто,
Нехватку ума не признает никто.

Пророки долго не живут.
Пророком быть - опасное занятие.
В отечестве своем их принародно жгут,
А отличившихся особо, ждет распятие!

Подчас, легко поверив злым наветам,
Мы рвем бездумно старой дружбы нить.
И, ослепленные, не думаем при этом,
Как будем мы потом без друга жить?

Разинув рот, на внешность не смотри.
Заметен средь людей такой пассаж,
Что чем беднее содержание внутри,
Тем вычурнее внешний антураж!

Довольно средь поэтов говорливых
Умеющих изящно речь связать.
Но мало тех, кто в словах красивых,
Способен настоящее сказать!

Мы средь людей и для людей всю жизнь проводим,
Но все ж в кипеньи жизни не забудь:
Мы в первый путь из одиночества приходим,
И в одиночестве идем в последний путь!

В миг откровения не говори неосторожно о себе.
Живя среди людей, давно заметил я,
Что лучше всех дурную славу о тебе
По свету разнесут твои друзья!

Не жди добра за добрые дела в ответ.
Коль ждешь, добра в твоих деяньях нет.
Не место торгу в добрых начинаньях,
Доволен делом будь своим, вот мой совет.

Какой бы за окошком ни маячил век,
Всегда был так устроен человек:
Он падко верит сладкому вранью,
А правде говорит - не признаю!

Как быстро день прошел, привычно скажешь ты,
Перебирая в памяти текущие дела.
Вдруг, мысль внезапная почти из темноты:
Притель! То не день, то жизнь прошла!

Увещевают нас отцы святые:
- не грешите,
Богобоязненно и праведно живите!!!
Послушал эти речи я, и так решил:
Кто не грешил - тот пресмыкался,
- но не жил!

В жизненное море отправляясь,
Курсов проторенных не держись:
С неизвестным не соприкасясь,
Не познаешь, что такое жизнь.

Ты приезжай, хотя бы не надолго,
Согреем души у сердечного костра.
Хоть жизнь порой длинна, как Волга,
Но и как волжская вода быстра.

Невинных в этом мире, друг мой, нет.
У каждого из нас - грехов букет.
У тех, кто корчит из себя святого,
Поверь, грехам конца и края нет!

Меняют деньги человека!
Все четко знают эту сказку.
А я считаю, не меняют,
А лишь с него снимают маску.

Как хороши твои глаза,
В них красотой блещет Север...
Упасть бы мне с тобою в клевер,
А там - хоть разразись гроза!

Разумным будь, и в жизни следуй
Старинной мудрости примерно так:
Позавтракай своим, накормит друг обедом,
А ужин принесет тебе твой враг.

Мы каждый день ведем незримый бой,
С проблемами, что посланы судьбой.
С трудом дается каждая победа,
Но всех трудней - победа над собой!

Проходит год, и что-то забирает,
Но что-то новое дает взамен.
Природа неуклонно выполняет
Закон конфуцианских перемен.

Задремала на ветвях сорока-птица,
Сунув голову под сизое крыло.
Ей, наверное, бедняге, лето снится,
А с утра опять, как с вечера мело!

Тебя не поняли? - спокоен будь,
Случившегося вспять не повернуть.
Поверь, кому ты нужен, тот тебя поймет,
И к сердцу твоему отыщет путь!

Пока ты жив, не страшно ничего,
Когда есть ты, все остальное будет,
Ведь счастье лишь к тому прийти не позабудет,
Кто любит жизнь и точно ждет его!

От крокодила не дождешься доброты,
А из гадюки льется только яд.
Кто в помыслах своих чернее черноты,
Тот льет хулу на всё и вся подряд!

Какой бы ни был ты проказник,
К жене вернись, но так,
Чтоб у жены был праздник,
Тогда не попадешь впросак!

На склоне лет я понял, наконец:
Не спорит умный, спорит лишь глупец,
А в споре истина не только не рождается,
Наоборот, находит свой конец!

Беду и радость принимай с рассудком ясным,
Овладевать собой страстям не позволяй - опасно!
Печаль лелея, ты себя в болезнь загонишь,
А с радости, в загул уйдя, жизнь проворонишь!

Заслугами былыми возгордясь, умерь свой пыл,
Оценят их едва ли.
Вон, говорят, Христос, безгрешным был,
Но и его распяли.

Зла не твори, не делай и добра.
Храни в душе спокойствия уют:
За зло придет отмщенья пора,
А за добро всю душу заплуют!

Кляня судьбу, не торопись вину валить на ближних, друг..
Никто, поверь, не виноват перед тобою, друг..
Высоко в гневе вознесясь, спустись на землю, друг..
Во всех несчастьях своих виновен только ты, мой друг!

Средь многих дел достойного мужчины
Я выделяю главное одно:
Он должен вырастить мужчиной сына,
И цели той должно быть все подчинено!

Страшна не смерть, а жизнь страшна,
Хотя одновременно и прекрасна..
А смерть? - она всех дел твоих цена..
Проста, мгновенна, безопасна.

Богомол, лоб вбивающий истово в пол,
Много ль проку, приятель, в молитвах нашел?
Ты бы лучше земле от души поклонился,
Чтобы было, что детям поставить на стол!

Достоин сожаленья тот, кто сути не поняв,
Свой вывод объявляет громогласно!
Поспешность в выводах порой смешна, порой вредна,
Всего же чаще попросту опасна!

Кто рвется в первый ряд - с тем осторожен будь!
Кто обещает всё подряд - того гнилая суть...
Достойный человек, обычно, неприметен,
Кто дело делает - молчит. Иди с такими в путь!

Полнейший беспредел с молитвой неременной -
Примета главная сегодняшнего века.
Всему есть место в этом мире, несомненно,
И только места нет для человека.

Будь ты хоть трижды царем иль четырежды богом,
Пусть твоя жизнь - баснословный фурор и успех!
Счастье в твой дом никогда не отыщет дорогу,
Коль в доме этом совсем не звучит детский смех.

Между добром и злом нет разницы, пойми.
Они - суть грани одного явления:
Всю жизнь идет война с ожесточеньем
За право первым быть во всем между людьми.

Мне странной кажется доверчивость людская,
Как дети верим в то, что нам глаголит поп.
Кто был в аду хоть раз? Кто видел прелесть рая? -
Молчат все, как один, кто лег однажды в гроб.

Что накопил - раздай налево и направо,
Единым днем живи, отринь заботы прочь,
Ведь наша жизнь - всего лишь день, да ночь,
А наш огромный мир - недолгая забава.

Любитель посудачить о грехах людских!
Позволь, единственный совет тебе дам я:
Ты обсуждения начни с грехов своих,
Пока их разберешь, глядишь, жизнь кончится твоя.

Как призрачна, мой друг, земная круговерть,
Опоры нет в космическом эфире...
Все относительно, увы, в подлунном мире,
Все относительно, мой друг, и даже смерть!

Дышу я упавшей осенней листвою,
Купаюсь в осенней прохладе,
И растворяюсь в купели златой
Подобно прелестной наяде.

На пенсию вышел вчера генерал,
И двинулась цепь назначений.
В итоге бесчисленных повышений
Вдруг кто-то ефрейтором стал.

Жизнь в России сегодня - циничный базар,
Где ведущей валютой стал черный пиар...
Тот в чести, кто делами совсем не прославлен,
Но сумел обналичить валюту в товар.

В исканьях истины истратишь жизнь, пока поймешь:
Напрасны поиски, ты истин не найдешь...
Казались ценными сегодня найденные мысли,
А завтра сам не дашь за них и грош!

За восходом - закат. Нарождаются люди
И уходят во мрак в чередѣ пестрых дней.
Ничего не меняется в мире безумном,
Только мир постоянно становится злей.

Сегодня на веру народ в эпатаже,
Грибов стало меньше, чем новых церквей,
И в каждой загробное счастье в продаже
За тридцать библейских рублей.

Оскудела сегодня людская порода...
Самородков в ней мало, я так бы сказал.
Отыскать средь людей человека сложнее,
Чем в грязи придорожной алмаз или лал.

Не в чести нынче честь, и водой стала кровь,
Продаются с размахом и честь, и любовь...
Даже бог на развес у попов продается,
Бог сегодня - к зеленому баксу любовь.

Камин. Пью чай. Былой роман.
Уютно погружаюсь в грѣзы,
А на дворе густой туман
Накрыл любимые березы.

Заглянуло солнце
К попу в оконце,
А мне попова дочка
По сердцу очень. Точка!

Красота твоя мне так по нраву,
Ты в нее положила отраву.
Думал я, я к тебе на минутку -
Оказалось, что влип не на шутку.

Мудра и Библия, и мудр Коран,
Полны премудростей Талмуд и Тора,
Но их мудрее всех Хайям,
Скажу без лишних разговоров!

Не осень в нашей грусти виновата,
А лишь в душе отсутствие весны...
Увы, весна потеряна когда-то,
Но в этом нет ее вины.

Непроизвольно будни наблюдая,
Такой, вот, я увидел переплет:
Тот больше всех законы нарушает,
Кто их же для народа создает.

Зима. Мороз. Капель...
Все это дарит нам апрель -
Весенний месяц, где погода
Показывает сущность года.

Ежесекундно мысль рождая,
Какую ждешь себе награду?
Преодолеть нельзя преграду
Себя за это же карая.

Когда над нами ночь раскинет зонт,
Взойдет на западе волшебная звезда,
И даже, уходя за горизонт,
Любовь она нам дарит навсегда.

Шел осенним перелеском,
Осененным листопадом,
Желтых листьев занавески
Говорили мне - ты рядом!

Теперь моя пора. Я не люблю весны,
Мне по душе покой осенних дней,
Объятья тихие несмелой тишины,
Дождем размытый блеск далеких фонарей.

Я не могу понять с начала до конца,
Мой разум не вникает, хоть убей,
Откуда у такого беспорочного Отца
Порочных изобилие детей?

Когда выходим за порог,
Нам истина видна:
Из дома множество дорог,
А в дом всегда одна!

Нет нового совсем в подлунном мире,
В событии любом подставь лишь имена.
И что сейчас звучит в любой квартире,
Звучало многократ в иные времена.

Все в призрачном подлунном зыбком мире
Уходит в прах и возникает вновь,
И лишь всегда жива в космическом эфире
Основа сущего и мать всего - любовь.

Вечер, тихо, сижу у окна.
Дождик шлепает нежно по лужам.
Не нужны мне ни солнышко, ни луна,
Да и я никому уж не нужен.

Цветистая опасна похвала,
За ней, обычно, следует опала,
И головы как будто не бывало,
А вроде бы вчера еще была.

Дорогая моя рыбка,
Как мила твоя улыбка...
Быть с тобою - счастья доля,
Только мне милее воля.

Я хотел ей помочь -
Прогнала меня прочь,
Ей по сердцу был вун,
Щеголь, ферт и болтун

Шумит, как пьяная братва
На ветках новая листва.
Возьму-ка тихо в свою кисть
Зеленый, мягкий, чистый лист.

Все раньше солнышко уходит спать домой,
Все дольше ждем его мы до рассвета,
Все чаще вижу я, как ветер озорной
Кружит листву в осеннем менюэте.

В параде пакостей мирских безбрежном,
Мне кажется, я чую мысль одну:
Уж не проводит ли всевышний неизбежно
Все помыслы чрез друга-сатану?

Окончен марафон багряных листьев,
Морозами закрыт сезон дождей,
И выпитый коктейль осенних мыслей
Открыл счет веренице зимних дней.

Чти прошлое, но в нем не зависай,
На будущее меньше уповай.
Чтоб дело быть всегда творящим,
Дню настоящему ты душу оставляй!

Впереди где-то бродит неясный рассвет,
И рассвету тому каждый рад,
Но при этом из нас никому дела нет,
Что рассвет этот - чей-то закат.

Будь трижды праведник ты, или трижды грешник,
На то вселенной трижды наплевать,
Едва родившись, неуклонно и неспешно,
Ты начинаешь постоянно умирать.

Ничто не вечно в этом зыбком мире:
Любовь - вражда, рождение - смерть, унынье - пир...
Все сущее лишь прах во временнОм эфире,
И только бесконечно вечен мир.

Минуло время, в небытие ушли прожитые года,
И вновь туда вернуться мы не сможем никогда.
Приятель, никогда об этом не жалея,
Смотри, там, впереди, есть много славных дней!

Глупец, умерь скорее спесь! Твои старанья тщетны,
Коль превосходство в чем-то есть, оно и так заметно.
Кто глуп, тот об уме своем на целый мир кричит,
А кто действительно умен, как правило, молчит.

Известно женщинам, источник зла - мужчины!
Тогда поведайте мне, дамы, наконец:
Вот по какой неведомой причине
Так страстно женщины стремятся под венец?

Уходя в мир иной, что возьмешь ты с собой?
Как ни тщись, ни кичись, не копи к грошу грош,
Не изменишься ты, и не станешь другой,
С чем пришел в этот мир, с тем уйдешь!

Мой друг, коль ты собрался в путь,
Еду и воду взять не позабудь,
Да не расходуи всё и разом!
Но, главное, возьми с собою разум!

По-разному мы видим мир, мой друг!
Но нам не стоит быть на то обиженным,
Что некто видит мир весь стриженным,
А кое-кто - все выбритым вокруг.

Пути-дороги для тебя - весь белый свет,
И только от себя, мой друг, дороги нет.
Из всех живущих никому не удалось найти
Начала и конца того пути.

Слепая вера заведет тебя в тупик,
Сомненья породят страстей лавину.
Лишь тот вершины истины достиг,
Кто выбрал между ними середину.

Отдавая дитяти безмерно себя,
Ублажая капризы и слабости,
Не ропщи, когда сын или дочь позабудут тебя,
Будь готов к одиночеству в старости.

Едва родившись, мы учиться начинаем,
И каждый шаг - по существу - урок!
За жизнь мы море знаний выпиваем,
А смерть - последний знания глоток.

Анализируя цепь жизненных событий,
Такой вот уловил я в ней момент,
Что грабли - замечательный учитель,
И самый лучший для учебы инструмент!

Приятель мой, коль думаешь ты вдруг,
Что ты себе по жизни первый друг,
Скажу, что это, брат, не так...
Ты - первый, но не друг, а враг!

Жизнь быстротечна, знают все прекрасно,
Не жди беды и зла, твори при жизни рай!
Что за чертою? - никому не ясно,
Поэтому - твори и вытворяй!

Не верь хвалебным одам и речам,
И не рыдай от града оскорблений -
Все в крайности впадают сгорая
От разных там «чуйствительных» волнений.

В глазах наивность, радость, безмятежность,
Романтика, невинные мечты...
Ах, молодость, доверчивость и нежность,
Как жаль, что быстро так уходишь ты.

Как много мест прекрасных на планете,
Но, думаю, уверен каждый в том,
Что лучше места нет на белом свете,
Чем наш, всегда любимый, отчий дом!

Простор России, он и волен и широк,
Прекрасен, не сыскать красивей.;
Пусть мал совсем, родной мой уголок,
Но в нем живет душа моей России.

Гипноз честолюбивых устремлений
К богатству, славе, почестям и власти
Подарит море острых ощущений,
Но не подарит капли счастья.

Коль выяснять, какая мне судьба подруга,
То злейший враг в сравненьи с ней мне будет другом,
Но на судьбу свою совсем не плачусь я:
Какая б ни была судьба - она моя!

Придет пора, и ты поймешь однажды:
Не стоит спорить никогда с судьбой.
Единственная прячется, брат, в каждой
Из тех, что в жизни встречены тобой!

Тот, кто не рвёт по пустякам своей души,
Событий ход размерный уважает,
И кто по жизни понапрасну не спешит,
Тот никогда и никуда не опоздает.

В этом мире все бrenно и тленно,
Все сгниет, коль костер ваш потух.
Исчезает во времени тело,
Но нетленным останется дух!

Есть верный путь единственный в судьбе
В путях твоих:
Не делай сладкой жизнь себе
За счет других.

О, как красивы многие снаружи,
И отвратительны внутри...
Претензии - на звание жемчужин,
Но суть - на грязной луже пузыри.

Как редко ценим в буднях все хорошее,
Хорошее мы видим в уходящем,
Но забываем мы, что розовое прошлое
Недавно было серым настоящим.

Сегодня - вчерашнее завтра,
Не скажешь, так и не соврешь.
Твоя стопроцентная правда -
Чья-то махровая ложь!

Зачем так устроено богом? -
Хотел бы найти я ответ:
Разумных до одури много,
А умных практически нет.

Кончается радость, уходит печаль.
На смену им что-то приходит.
Но то, что ушло уже в прошлого даль,
В душе уголок находит.

Забудь про докторов - не пожалеешь!
Каков сейчас расклад у докторов? -
Врач платный скажет: - ты всегда болеешь,
Бесплатный доктор скажет: - ты здоров.

Не равноценно время, без сомнения.
Жаль, забываем мы этом иногда,
Что гадость сотворить - нужно мгновение,
Исправить гадость - долгие года!

РУБАЙИ.

Не скули и не ной, веселись и греши!
Не молитва, а труд - вот отрада души.
Не копи, не стяжай, жизнь мгновенью подобна,
Что имеешь, то людям отдать поспеши!

После смерти, надеюсь, я буду в аду,
Буду рад, если в ад я дорогу найду.
Ведь в раю средь святош сдохну я непременно,
А в аду я достойных друзей непременно найду.

Читая вдумчиво Писание, мой друг,
Ты в шелесте страниц поймал мысль вдруг,
Что поклонение безумству сих речений
Сиречь душевно-нравственный недуг.

Я всегда был доволен судьбою своей,
Хоть и было немного в ней радостных дней.
Я доволен, что жив, что дышу, вижу солнце.
Жаль, его не увидит уже много друзей!

Я проездом наведаль родные края,
Где текла безмятежно жизнь когда-то моя.
Ничего не узнал, все другое, чужое.
Сердце грустно спросило: а здесь ли жил я?

Один кричит - моё, ведь я богат!
Другой вопит - моё, мне это дал мой брат!
Глупцы! Что в мир иной возьмешь - твое,
Все остальное - взято напрокат!

Потух над Вселенной божественный свет,
В мозгах человека - сплошной винегрет,
В делах и культуре творится разруха,
Господь спит спокойно три тысячи лет.

Спокон веков повсюду было так:
Кто честен и умен - бедняк,
Кто совести совсем лишен, и чести,
Тот далеко, конечно, не босяк!

Сегодня не в чести у юных дур
Веселый мальчик с именем Амур.
Сегодня у продвинутых и модных
В почете селфи, вау и гламур!

Без ножниц не состричь волос,
Без дров не победить мороз,
Кто пашет, тот и ест, а вот молитвой
Мне сытых пока зрить не удалось.

Сотни лет ищут бога, кто мог и не мог,
Всё не сыщут обители бога порог.
Нет нигде его, кроме как в человеке,
Убери человека, кто спросит, где бог?

Кто Библии «О сотвореньи мира» знает повесть,
Тот понял суть любви господней горесть:
Господь плохих вознаградил везде сторицей,
Хорошим людям дал лишь совесть!

Ответь, мудрец, доживший до седин,
На мой простой вопрос один:
Коль слуги лживы и сребролюбивы,
Иным быть может слуг тех господин?

Великая стихия - страсть!
Она нам позволяет встать, она же - и упасть.
Кто страсть лелеет быть достойным человеком,
Иметь над всякой страстью должен власть.

Печальны старец и юнец,
Когда предчувствуют конец,
И лишь всегда спокоен ликом
Познавший истину мудрец!

Добро и Зло - два брата-близнеца,
На первый взгляд, различные с лица,
Но если в сущности их глубже разобраться,
Неотличимых выйдет точно два яйца!

У бога с человеком все сразу не пошло,
И с Евой, и с Адамом ему не повезло.
Создателю чутье как-будто изменило,
И вместе с человеком в наш мир вселилось зло.

Велик в делах своих дурак!
Он запросто вмиг может сделать так,
Что сорок умников, в стараниях усердных,
Содеянного им, не устранят никак!

Вот, время придет! - кто-то мантру заводит,
И в том утешение сердцу находит.
Наивный, такому не быть никогда и нигде,
Оно не приходит, а только уходит.

Любим мы на бегу, говорим на бегу,
Умираем, порой, на бегу,
А куда мы бежим, и зачем мы бежим? -
Я не знаю, сказать не могу!

Тот, кто смерти боясь, головою поник,
Тот еще молодым был глубокий старик.
Только тот, кто, старея, душой молодеет,
Тайну силы душевной свободы постиг!

Я б спросил богатея, лицом встав к лицу:
Ты, отдавший всю жизнь Золотому Тельцу,
Покидая навек этот мир поднебесный,
Много ль злата прихватишь в подарок Творцу?

Чем старше становлюсь, тем проще жизнь моя,
Тем глубже познаю я тайны бытия.
Все оказалось так бесхитростно и просто:
Отдай себя другим - вот все, что понял я.

Что, поэт, пред лампадою грустно поник?
Уловить все пытаешься истины миг?
Не грусти и не радуйся, будь добродушен,
И, довольствуясь малым, ты будешь велик!

Случилась неудача - не грусти!
Удачных дней гораздо больше на пути.
Всё можно повторить, и не однажды,
Повторно только жизнь нельзя пройти!

Не верь словам цветистым похвалы,
В них яду больше, чем в словах хулы.
Хула, как правило, всегда чистосердечна,
Чего не скажешь в адрес похвалы!

О, женщина, она во всём по жизни голова,
И хоть виновна - все равно права!
И в этом всём она не виновата -
С времен глубинных так гласит молва!

Коль много делаешь кому добра,
То знай, придёт когда-нибудь пора,
Когда ты что-то сделать не сумеешь -
Тебя с презрением прогонят со двора!

Мы можем по жизни избрать разный путь,
Ошибки исправить, себя обмануть,
Мы, что захотим, все сумеем, все сможем,
Вот только ушедших туда - не вернуть!

Коль главным станет в твоей жизни слово Я,
Напрасной будет в этом мире жизнь твоя,
И что бы ты ни сделал в своей жизни,
Кривая выйдет твоей жизни колея!

Сегодня в мире право - праву не опора,
Сегодня не заплачен редкий приговор,
И тот, кто громче всех кричит - «держите вора»!,
Как правило, и есть сам первый вор!

Коль есть нужда проверить друга вдруг,
То есть сомнения, что он твой друг,
А коли в друге есть хоть толика сомнения,
То это кто угодно, но не друг!

Коль жизнь не удалась, финал ее пустой,
Кто в этом виноват - ответ тебе простой:
Приятель, ты просто остался по жизни
Однажды не там, и не с той!

Обитель клира, словоблудия приют,
Тебя велеречиво храмом господа зовут.
Но вот ей-богу, богом тут давно не пахнет,
Здесь процветает ложь, стяжательство и блуд!

Средь поэтов не видел я такого глупца,
Кто не чтит бы Хайяма, как родного отца!
Я, конечно, не первый, но, даст бог, не последний,
Кто с почтеньем читает того мудреца!

Осмыслив бывшее, я понял теперь:
Не стоит ломиться в закрытую дверь,
Что длинная жизнь состоит из мгновений,
Немногих находок и многих потерь.

У каждого из нас свой жизни срок,
И в этом кроется урок:
Твори сейчас, не оставляй на завтра,
Увы, дни жизни не даются впрок.

За окном ветерок навевает прохладу.
Много ль мне, человеку, для счастья надо?
Дети, кров, верный друг и природа,
Да любовь, для души и для тела отрада.

Как озябшую землю укрывает туман,
Так весь мир цепкой сетью опутал обман,
Всюду властвует мерзкий цинизм чистогана,
А ему помогает церковный дурман.

Идут о богатствах моих разговоры:
Я, дескать, храню миллионы в офшорах.
Отвечу, чтоб сразу умолкли все споры,
Богатства мои - лишь земные просторы!

Сменить бы всё в один момент..
Прическу, стиль, манеры, тактику..
Окно, квартиру, континент..
Язык, планету и Галактику..
Николай Марфенко.

Я стар, и ко всему давно привык,
Поэтому, скажу без закавык:
Готов менять Галактики просторы,
Но сохраню Отчизну и Язык.

Бинарны вкусы в старенькой дилемме,
Не все полезны фрукты на беду .
Есть яблоки опаснее в эдеме,
Чем ананасы смаковать в аду.
Яков Мишурисман.

Прекрасный стих, в нем мысль глубокая видна:
Обманом охмуряют человека и бог, и сатана,
Кто яблоком в раю, кто спелым ананасом,
Но хрен не слаще редьки, одна у них цена.

Я слышал, нам сын божий любовь спешно нес,
Только где та любовь, вот вопрос?
Меж собою все люди безбожно дерутся,
Говоря заклинание: с нами Христос!

Свободы прекрасный и радостный дух
Давно, к сожалению, в людях потух.
Костлявой рукой страсть к наживе схватила
Юнцов, стариков, девиц и старух!

С времен архидревних царя Соломона
Народу по нраву идея одна:
Побольше бы зрелищ, побольше хамона,
Работа ж народу совсем не нужна!

В толпе на рынке мне сказал один чудака:
Ты, брат, людей судить не торопись никак,
Но знай: кто дураками всех подряд считает,
Достоин первым звания дурака.

Достоинство свое всегда храни.
Храни и в праздники, и в будничные дни,
Но коль случилось вдруг, что ты его утратил:
Умри, воскресни, но его верни!

Не замедляет время ни на миг свой ровный бег
Неумолимо приближая светлый век,
В котором отомрут слова киргиз, еврей, татарин,
Останется лишь слово человек.

Иной так любит прославлять себя в словах,
И придает пиар-кампании большой размах,
Да невдомёк такому пустозвону,
Что звон-то ценен лишь в колоколах!

В стихах я проще, чем Мишурисман,
И не остер, как Игорь Губерман,
Но если надо, да под настроенье,
За словом не полезу я в карман.

Не жди подарков от судьбы - все делай сам.
В подлунном мире ничего никто не должен нам!
Трудись, люби, расти детей, и слабым помогай.
Отцу и матери лишь верь, и верь своим глазам!

Дрались веками меж собой Добро и Зло.
Ни Дьяволу, ни Богу не везло.
В борьбе изнемогли они, и замертво упали,
На сцену выползло и власть взяло бабло!

Покуда не родился интернет,
Был человек на лучшей из планет,
А нынче только юзеры остались,
А человека повсеместно больше нет!

С деньгами жить - большая благодать!
Про это ведают попы, и чернь, и знать.
Решают деньги всевозможные проблемы,
Одну лишь не решают: где их взять!

Я нынче славу Еве и Адаму пропою
За человеческую жизнь свою,
Ведь если бы они тогда не согрешили,
Мы так и жили бы амёбами в раю.

Что в жизни не вечной важнее всего?
Деньги? Власть? Или может - бессмертные души?
Ведь пройдя свой путь на этой земле -
Пропуск в рай за богатство - не купишь!
И.Губерман.

Живи, и не думай о мире загробном,
В аду, дескать, страшно, в раю - бесподобно,
Напрасно не трать свои силы, приятель,
Прибудешь туда - все расскажут подробно!

Не найдешь в моих строчках, читатель, ответ
На вопросы свои - у меня его нет!
Все, что ты прочитал - баловство и забава,
Все, что я написал - все химера и бред!

СОДЕРЖАНИЕ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	3
ОТ АВТОРА	5
РАССКАЗЫ	6
Почтовый ящик	6
Schicksai – Судьба	9
А вот она и тигра!	17
Зацеп	20
Воробьиная ночь	26
Блок сигарет	31
Авантюра по-немецки	34
Поспешая – не торопись!	38
Ой-бай-яй, какой рибам!	46
Заочный знакомый	51
Длинный день	54
Сукпайский отшельник	65
А у меня как раз	78
Ссылный ботаник	83
Неразумная женщина	90
Подарок	95
Спать хочется	99
Шестое чувство	103
Небесная встреча	107
Дзипутада	111
Как сняли с меня в театре штаны	115
Забавные кражи	119
Не зевай, фомка!	124
Хинганский гамбит	127
Пряники	132
Ерёма	136
Преодолей себя	140
Люди – существа загадочные	144

Фантастическая невероятность	146
Не лезь в дебри	151
Пуговица	154
Гипнотические струны	157
Жить – значит ждать	163
День кончился	165
Маленький пустяк, а радость большая	167
Эскизы на пленере	168
Утренний набросок	169
Маленькая сказка	170
Такая, вот, свадьба!	170
Бурёнкин драйв	175
Ворошиловский стрелок	181
По-комсомольски, товарищ генерал!	187
Первоапрельская шутка	190
Мечта и проценты	192
Крутая пробка	197
Сага о васляе. Великий читатель васляй	202
Сага о васляе. Васляй, тарантулы и таракарня	206
Сага о васляе. Васляй, индейцы и софи лорен	211
Сага о васляе. Васляй и маринка	215
Сага о васляе. Васляй, семен, фёдор и «буран»	219
Немного о россии и русской женщине	222
Марья георгиевна	229
Толян	232
Федя	235
Гаврилыч	242
Бумеранг	244
Виктор никонович	257
Ровесник мао цзедуна	262
Жоржик	268
Барская вершинка	274
Случайная встреча	283

Универсальный инструктор	286
Как я «убил» китайнку	288
Неудачный поход	289
Вот этот – лишний	291
Шапка командира	293
Хор кроме пятницы	295
Ямщика жалко	296
Пятьдесят семь копеек	297
Это не ватака	300
Вот так пожалел!	301
Scientiae et patriae	305
Чимайданы	307
Неравнодушный	308
Жаман жопыр	310
Прости, я не знал	312
Странник и колхозный	315
Старый знакомый	319
Железная дорога и грецкие орехи	323
Двести трюшек и триста двушек	328
Горько!	332
Атмах	335
Баня	338
Каллистрат и каллистратиха	340
Кисель-щавель	344
Рябчики	345
Дожди	347
Дрова воруют	349
Жизнь ушла	351
Как я разочаровался в сталине	353
Как я тушил лампу	354
Дедушка павел	355
Вон он, прохвост-то сидит!	356
Сиди и сохни	357

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	358
Хокку	449
Капельки	451
Рубайи	489

Георгий Разумов

Где-то за околицей...

Рассказы. Стихи.

Отпечатано с готового оригинала-макета.

Формат 84х108. Бумага офсетная

Тираж 40 экз. Заказ №344 от 06.04.2017 год.

Изготовлено в ООО «Хабаровское предприятие

Центр упаковки и печати»

680000. г. Хабаровск, ул. Комсомольская, 43.

Лицензия на полиграфическую деятельность

№ 01190 от 15. 08.2011 год